

# Шарль де Голль

*1958-1962*

МЕМУАРЫ НАДЕЖД



# Charles de Gaulle

## MÉMOIRES D'ESPOIR

*Le renouveau  
1958–1962*

*L'effort  
1962...*

Paris  
«Plon», 1970, 1971

# Шарль де Голль

## МЕМУАРЫ НАДЕЖД

*Обновление*  
*1958—1962*

*Усилия*  
*1962...*



Москва  
Издательская группа  
"ПРОГРЕСС"

УДК 9  
ББК 63.3 (4Фра)  
Г62

Русское издание осуществлено по инициативе Ассоциации друзей Франции.

**Голль Ш. де**

Г62 Мемуары надежд. 1958—1962: Пер. с фр. / Общ. ред. докт. ист. наук, проф. **В. И. Антюхиной-Московченко** и В. Н. Седых. Предисл. Ю. В. Дубинина. — М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. — 340 с.

В книге описан пятилетний период пребывания президента Франции Ш. де Голля у власти. Это были годы борьбы против застоя, за создание V Республики. Перед читателем де Голль предстанет как выдающийся политический деятель, сделавший очень много, чтобы вывести Францию на достойное место в Европе и мире.

УДК 9  
ББК 63.3 (4Фра)

ISBN 5-01-004679-2

© Перевод и оформление  
Издательская группа  
"Прогресс", 2000

## ПРЕДИСЛОВИЕ

для российского читателя

Чем дальше уходит время, тем рельефнее и значимее становится образ Шарля де Голля в летописи Франции и в истории XX столетия в целом. Его главная характеристика — глубокая вера в высокую миссию своей страны. В «Военных мемуарах» (изданы и на русском языке) де Голль написал: «Франция лишь в том случае является подлинной Францией, если она стоит в первых рядах... Франция, лишенная величия, перестает быть Францией»<sup>1</sup>.

Де Голль родился в 1890 году. Избрал военную карьеру. Во время Первой мировой войны был тяжело ранен в битве под Верденом. В мае 1940 года стал генералом и вошел в правительство Поля Рейно в качестве заместителя министра обороны. 18 июня 1940 года в Призыве из Лондона, ставшем историческим, выступил против капитуляции Франции. В противовес коллаборационистской политике режима Виши он создал движение «Сражающаяся Франция». На основе этого движения было образовано Временное правительство Франции, которое он возглавил. Под руководством де Голля Франция, поверженная гитлеровской Германией и униженная предательством собственных руководителей, поднялась в ранг победительниц во Второй мировой войне и стала одной из пяти великих держав — постоянных членов Совета Безопасности ООН. Одного этого было бы достаточно, чтобы обеспечить де Голлю почетное место в летописи французского государства.

Однако судьбе было угодно, чтобы де Голль был вновь востребован Францией, когда она в результате колониальной войны в Алжире оказалась на краю национальной катастрофы. В 1958 году де Голль снова возглавил страну и создал V Республику — систему государственной власти, существующую по сей день. Речь идет о президентской республике (де Голль дважды избирался на пост президента Франции), столь удачно сочетающей демократический принцип с прочной и эффективной

---

1

Шарль де Голль. Военные мемуары. Призыв. М., 1957, с. 29.

исполнительной властью — проблема, весьма актуальная сейчас и для России. Впрочем, деголлевская конституция и опыт V Республики изучаются во многих странах.

У де Голля есть еще одно историческое измерение. Он был убежден в фундаментальном значении взаимодействия Парижа и Москвы и так много сделал для осуществления такого взаимодействия, что стал символом его императивной необходимости для судеб как Франции, так и России, олицетворением дружбы наших стран. Это были глубокие чувства. «Ничто не производило на меня столь сильного впечатления, — пишет де Голль о своем детстве, — как наши национальные успехи». И далее он отмечает «народный энтузиазм при посещении Франции русским царем»<sup>2</sup>. Вспомним: это было в 1896 году — во время становления русско-французского союза, «сердечного согласия» между двумя странами.

В 1944 году, в разгар войны, де Голль проделал непростой путь, чтобы встретиться в декабре в Москве со Сталиным и заключить Договор о союзе и взаимной помощи между СССР и Французской Республикой. По этому поводу он произнес слова, ставшие крылатыми: «Для Франции и России быть объединенными — значит быть сильными, быть разьединенными — значит находиться в опасности. Действительно, это непреложное условие с точки зрения географического положения, опыта и здравого смысла»<sup>3</sup>.

Придя к власти в 1958 году, де Голль не жалел усилий для повышения роли Франции на мировой арене. Две его акции занимают в этом отношении особое место. Одна — выход Франции из военной организации Североатлантического союза, другая — визит в Советский Союз. Мне, в то время молодому советскому дипломату, выпала честь быть переводчиком доверительных бесед Н. Хрущева и де Голля в ходе визита советского лидера во Францию в 1960 году. В этих беседах лейтмотивом с обеих сторон звучала мысль о необходимости поставить сотрудничество наших стран на службу радикальному улучшению международной обстановки.

Публикуемые впервые на русском языке «Мемуары надежд» де Голля посвящены периоду его второго пребывания у власти. Они замышлялись автором в качестве трилогии: «Обновление.

---

2

Там же, с. 30.

3

Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. М., 1959, с. 395.

1958—1962». «Усилия. 1962—1965» и «Завершение. 1966—1969». Кончина де Голля в 1970 году остановила его перо на двух первых главах второго тома — «Усилия». Обозначенное начало этого тома — 1962 год — окончилось многоточием... Это тем более достойно сожаления, что, судя по оставленному им плану, де Голль намеревался описать свои официальные поездки в другие страны и визиты, которые иностранные государственные деятели наносили ему. Осталась неохваченной, таким образом, и его встреча на высшем уровне в СССР летом 1966 года. Об этом визите он говорил с нашими послами во Франции С. Виноградовым и В. Зориным (на этих беседах я присутствовал) и со мной как временным поверенным в делах СССР во Франции. В советско-французских переговорах в верхах в Москве он видел крупное событие и политики Франции, и своей жизни. Этот визит остался запечатленным в 12 основных выступлениях де Голля в нашей стране, изданных во Франции в многотомном собрании его речей и посланий. Их тексты доносят до нас напутствие де Голля грядущему сотрудничеству двух стран.

«...В нашу эпоху, в мире, в котором мы живем, — говорил он, — наши страны призваны реализовать много свершений первостепенной важности... Франция и Советский Союз... помогают друг другу, могут много выиграть». И далее:

«...Речь идет о том, чтобы последовательно осуществить рядку, согласие и сотрудничество во всей нашей Европе с тем, чтобы она сама обеспечила свою безопасность».

Наконец:

«Речь идет о том, чтобы наш древний континент, покончив с разделением и объединившись, вернул принадлежащую ему определяющую роль в обеспечении равновесия, прогресса и мира во всем мире».

Доносятся до нас и слова, произнесенные де Голлем по русски:

«Всем русским, мужчинам и женщинам, которые меня слышат и видят, от всего сердца выражаю мою благодарность за чудесный прием, оказанный мне народом и его руководителями. Каждой и каждому из вас желаю всего лучшего для ее и его жизни, для жизни ваших близких и вашей страны. Всем вам я говорю, что новая Франция — друг новой Руси.

Да здравствует Советский Союз!

Да здравствует дружба России и Франции!»<sup>4</sup>

---

4

Charles de Gaulle. Discours et messages. Vers le terme 1966—1969. Plon, p. 58.

Тогда, в результате переговоров в Москве с де Голлем, Советский Союз и Франция провозгласили политику разрядки и сотрудничества и тем самым сделали сотрудничество двух стран носителем передовой тенденции международной жизни. Курс на сближение наших двух стран, заложенный при де Голле, был унаследован всеми президентами Франции — Ж. Помпиду, В. Жискар д'Эстеном, Ф. Миттераном, Ж. Шираком... Он закреплен в Договоре между Россией и Францией, который в наше время лежит в основе их отношений.

Как известно, вскоре после президентских выборов в России состоялся телефонный разговор между В. Путиным и Ж. Шираком. В этом разговоре французский президент сказал: «Отношения с Россией являются одним из важнейших внешнеполитических приоритетов Франции. Мы, — уточнил он, — не только за их сохранение на нынешнем уровне, но и за всемерное их развитие и продвижение вперед».

В свою очередь В. Путин заявил: «Совместная наша работа по активизации сотрудничества России и Франции, России и Европейского союза — это наш абсолютный приоритет, особенно в связи с председательством Франции в Европейском союзе».

Таковы ориентиры для будущего российско-французских отношений.

Очевидно, что и сегодня «Мемуары надежд» де Голля, с которыми теперь сможет ознакомиться российский читатель, не теряют своей актуальности.

Ю. Дубинин,  
Чрезвычайный и Полномочный посол  
Российской Федерации,  
президент Ассоциации друзей Франции

# ОБНОВЛЕНИЕ

1958—1962

## ИНСТИТУТЫ ФРАНЦУЗСКОГО ГОСУДАРСТВА

Франция возникла из глубины веков. Она существует. Ее зовут грядущие столетия. Но всегда, во все времена, Франция оставалась сама собой. Границы Франции могли меняться, однако оставались неизменными ее рельеф, климат, реки и моря, наложившие на нее особый отпечаток. Ее населяли народы, которые сталкивались на протяжении истории с самыми разнообразными испытаниями, но природа вещей, используемая в политике, беспрестанно создавала из них единую нацию. Нация эта существует уже на протяжении многих поколений. И сейчас она состоит из нескольких поколений и породит еще много новых. Но благодаря присущим стране географическим особенностям, благодаря гению населяющих ее рас, благодаря окружающим ее соседям эта нация обрела свойственный ей определенный характер, который заставляет французов в любую эпоху зависеть от своих отцов и нести ответственность за своих потомков. И пока оно не распалось, это единство людей обладает, следовательно, на этой территории, в рамках этого мира своим прошлым, своим настоящим, своим будущим, составляющим неразрывное целое. Поэтому государство, которое несет ответственность за Францию, должно проявлять заботу одновременно о наследии прошлого, о ее сегодняшних интересах и о ее надеждах на будущее.

Это жизненно важная необходимость, и в случае опасности общество рано или поздно осознает ее. Поэтому законность власти основывается на тех чувствах, которые она вдохновляет, на ее способности обеспечить национальное единство и преемственность, когда родина в опасности. Во Франции всегда именно в результате войн Меровинги, Каролинги, Капетинги, Бонапарты, III Республика обретали и теряли эту верховную власть. И верховная власть, которой я в момент страшного разгрома, когда на-

ступил мой черед в истории Франции, был облечен, сначала получила признание французов, отказавшихся прекратить борьбу, затем по мере развития событий — всего населения страны и, наконец, после многочисленных трений и разочарований ее признали правительства всего мира. Благодаря этому я смог руководить страной и привести ее к спасению.

Действительно, выбравшись из пропасти, Франция вновь предстала как независимое и победоносное государство; она снова обладала своей территорией и своей империей; вместе с Россией, Америкой и Англией она приняла капитуляцию рейха; вместе с ними она присутствовала при капитуляции Японии; она располагала в качестве компенсации за нанесенный ей ущерб экономикой Саара и поставками рурского угля; наряду с четырьмя другими великими державами она возвысилась до ранга основателя Организации Объединенных Наций и получила в Совете Безопасности место с правом вето.

В то время, когда можно было полагать, что наш народ после всех унижений и репрессий в период порабощения обречен на политические, социальные и колониальные конвульсии, которые неминуемо должны были привести страну к тоталитарному коммунизму, пришлось констатировать, что, несмотря на некоторые инциденты и незначительные потрясения, повсюду приветствуют де Голля; что не существует никакой вооруженной силы, помимо регулярной армии; что юстиция осуществляет свои дела нормально; что управление государственными делами находится в руках квалифицированных чиновников; что глубокие реформы задушили в зародыше революционные затеи; что наши заморские владения с доверием и терпением ожидают объявленного и уже начатого освобождения; что новая власть во всем и повсюду устанавливает порядок, прогресс и свободу.

Уже в то время, когда наша экономика казалась обреченной на длительный — а кое-кто думал, даже на вечный — паралич из-за понесенного нами огромного материального ущерба и гибели многих тысяч людей, из-за разрушения наших железных дорог, портов, мостов, средств связи и транспорта, большого числа зданий, из-за финансового краха вследствие гигантских изъятий, осуществленных немцами из наших ресурсов, нашего оборудования, нашего казначейства, из-за длительного отрыва многих миллионов французов — пленных, депортированных, беженцев — от родной земли, а также из-за колоссальных репараций, выплачивающихся немцам, что нанесло большой ущерб как имуществу, так и отдельным лицам, уже в то время началось возрождение. Среди всей этой разрухи были сделаны первые шаги по восстановлению экономики. С грехом пополам элементарные

потребности населения начали удовлетворяться. Возвращавшиеся домой французы обретали вновь свое место — не без труда, но без потрясений. Рост поступлений в казну, тяжелый налог национальной солидарности, гигантский успех займа 1945 года позволили нам приблизиться к равновесию национального бюджета и вновь открыть нам путь к кредитам. Короче, через несколько месяцев после победы государство твердо стояло на ногах, единство было восстановлено, надежда воскресла, Франция заняла свое место в Европе и в мире.

Я смог добиться этого благодаря тому, что меня поддержало подавляющее большинство народа. Наоборот, отношение организаций — политических, экономических, профсоюзных, — быстро всплывших на поверхность, было весьма сдержанным. Едва враг был изгнан, как они обрушились на меня с многочисленными обвинениями, хотя, пока дело касалось судебных нации, я не встречал с их стороны препятствий, мешавших мне выполнить все, что было необходимо сделать. Но когда судьба нации была уже вне опасности, вновь стали высказываться все давнишние претензии, проявляться прежние амбиции и крайности, как будто народ сразу же забыл те неслыханные страдания, которые они только что ему принесли.

Снова появились политические партии даже под теми же названиями, с теми же иллюзиями, с теми же приверженцами, что и до войны. Афишируя уважение к моей личности, которого требовало общественное мнение, они выступали с критическими замечаниями в отношении моей политики. Не оспаривая ценности услуг, которые я сумел оказать во время чрезвычайных событий, причем, по сути дела, при отсутствии этих партий, все они громко требовали возврата к тому, что они считали нормальной жизнью, то есть режиму политических партий, претендуя на то, что право располагать властью принадлежит им. Я должен прямо сказать, что со стороны общественного мнения не высказывалось тогда никакой противоположной точки зрения. Для каждого из тех, кто хотел что-то сказать в любой среде, с высоты любой трибуны, от имени любой группировки или написать на страницах любой газеты, все обстояло так, как будто бы ничто и никто не представлял страны, кроме этих не согласных между собой фракций, которые лишь вели ее к расколу.

Но так как я был убежден, что суверенитет принадлежит народу только тогда, когда он имеет возможность высказывать свою волю непосредственно и во всей своей массе, я не мог допустить, чтобы этот суверенитет был разделен между политическими партиями, выражавшими различные интересы. Конечно, эти партии должны были, как я полагал, способствовать выражению общест-

венного мнения, а в дальнейшем принимать участие в выборах депутатов, которым надлежало обсуждать и принимать законы в парламенте. Но для того, чтобы государство действительно стало инструментом национального единства французов, выразителем высших интересов страны и преемственностью в деятельности нации, я считал необходимым, чтобы правительство создавалось не парламентом, иначе говоря, не политическими партиями, а стоящим над ними политическим деятелем, получившим мандат непосредственно от нации в целом и способным выражать ее волю, решать и действовать. Без этого множественность тенденций, свойственная нам в силу нашего индивидуализма, нашего разнообразия, ферментов раскола, унаследованных нами от периодов наших несчастий, снова свела бы государство к роли подмостков, где сталкивались бы между собой беспочвенные идеологии, мелочные соперничества, к призраку внешней и внутренней деятельности без преемственности и результатов. Убедившись, что победа могла быть достигнута нацией только благодаря власти, которая преодолела бы все свойственные ей разногласия, осознав подлинные размеры проблем, выдвигаемых перед ней как настоящим, так и будущим, я понял, что основной бой мне придется вести отныне за то, чтобы дать нации республику, способную нести ответственность за ее судьбы.

Однако я не имел права закрывать глаза на то, что теперь, когда опасность была позади, подобное обновление можно было осуществить только после новых тяжелых испытаний. Тем более, что после гнета оккупации и режима Виши, надолго уничтоживших свободу французов, былая политическая игра, получившая определение демократии, безусловно, вновь обрела утраченный блеск. Настолько, что многие мои вчерашние соратники, которые в бытность руководителями Сопrotивления клялись политические партии, теперь старались занять в них первостепенное положение. Впрочем, все политические организации, возобновляя свою деятельность, непременно клялись, что осуждают прежние злоупотребления и сумеют отныне избежать их повторения. И поскольку после диктатуры врага и его сообщников я не имел никаких намерений устанавливать свою собственную диктатуру, поскольку я хотел утопить во всеобщем избирательном праве серьезную и непосредственную в те дни угрозу коммунизма и призывал народ организовать выборы в Национальное Собрание, я должен был предвидеть, что избранное Собрание будет неизбежно принадлежать партиям, что между Собранием и мной сразу же возникнет несовместимость, что мы совершенно разойдемся во взглядах на конституцию, которая должна заменить конституцию покойной III Республики, и что в результате этого

власть, которая придет на смену моей — как бы ни была она законной формально, — окажется лишенной национальной законности.

Как только пушки умолкли, я наметил линию своего поведения. Если не принимать мер остракизма по отношению к избранникам народа, не выступать в роли нового угнетателя, пришедшего на смену предыдущим, если не заняться самоуничтожением, встав на позицию, долго удержаться на которой было невозможно, учитывая общее настроение умов во Франции и повсюду на Западе, я должен был предоставить режиму политических партий возможность на протяжении более или менее длительного времени вновь доказать свою вредоносность, полный решимости при этом не играть ни роли прикрытия этого режима, ни роли его статиста. Итак, я уйду, но уйду ничем не запятнанным. Таким образом, когда наступит время, я снова смогу оказаться полезным — или я сам, или мой пример. Однако в предвидении будущего и еще до избрания Национального Собрания я учредил институт референдума, чтобы сам народ решил, что отныне для того, чтобы конституция могла вступить в законную силу, необходимо его прямое одобрение. Тем самым я создал демократическое средство, которое в один прекрасный день поможет мне самому создать хорошую конституцию вместо той плохой, которую политические партии собирались выработать сами и для себя.

На протяжении двенадцати лет система политических партий еще раз проявила свою сущность. В то время как в стенах Бурбонского и Люксембургского дворцов плелись непрерывные интриги, совершались предательства, создавались и распадались парламентские комбинации, находившие питательную среду в решениях съездов и комитетов, при настойчивом вмешательстве газет, коллоквиумов, групп давления, семнадцать председателей Совета Министров, возглавлявших двадцать четыре кабинета, по очереди перебивали во дворце Матиньон. Это были Феликс Гуэн, Жорж Бидо, Леон Блюм, Поль Рамадье, Робер Шуман, Андре Мари, Анри Кэй, Рене Плевен, Эдгар Фор, Антуан Пинэ, Рене Мэйер, Жозеф Ланьель, Пьер Мендес-Франс, Ги Молле, Морис Буржес-Монури, Феликс Гайяр, Пьер Пфлимлен. Все они были достойными людьми, безусловно способными управлять государственными делами, шесть из семнадцати были в свое время моими министрами, а четыре других стали ими в дальнейшем, но, один за другим, они неизбежно утрачивали реальную власть над событиями из-за абсурдности режима. Сколько раз, видя, как они бьются вдали от меня, стараясь сделать невозможное, я испытывал грусть от этой бесплодной растраты сил! Что

бы ни пытался предпринять каждый из них, страна и заграница становились свидетелями скандального спектакля существования «правительств», сформированных в результате компромиссов и подвергавшихся яростным нападкам со всех сторон сразу же после того, как они создавались, подрывавшихся внутренними разногласиями и противоречиями и вскоре свергаемых в результате голосования, которое чаще всего выражало только неудержимый аппетит новых кандидатов на министерские портфели. А в промежутках — безвластие, продолжавшееся иногда по нескольку недель. И на подмостках, на которых разыгрывалась эта комедия, появлялись и исчезали кандидаты и премьер-министры, с которыми «советовались», которым «предлагали» или «поручали» этот пост, прежде чем один из них добивался инвеституры от Национального Собрания. А в Елисейском дворце Венсан Ориоль, а затем Рене Коти — главы государства, которые, сколько ни пеклись они об общественном благополучии и национальном достоинстве, ничего не могли поделать, — безропотно возглавляли ничтожные фигуры, участвующие в этом балете.

Однако, поскольку события шли своим чередом и повседневная жизнь не могла от них абстрагироваться, страна часто получала иные импульсы, нежели те, которые должна была давать ей политическая власть. Если речь шла о внутренних делах, администрация, технические специалисты, военные сами решали, как могли, те срочные проблемы, которые люди и ход событий ставили перед ними. Что же касается внешнеполитических вопросов, то, несмотря на видимость дипломатического присутствия и некоторые попытки, предпринимаемые иногда отдельными министрами, заграница в конечном счете сама определяла, чего она ждет от Франции, и добивалась этого.

Правда, потребительский спрос, пришедший на смену продолжительному периоду лишений, и огромные потребности возрождения страны автоматически вызывали бурную активность в области экономики. Управление планирования, созданное мной, пока я был у власти, стремилось руководить этой деятельностью. Поэтому объем промышленного и сельскохозяйственного производства непрерывно увеличивался. Но это достигалось дорогой ценой импорта из-за границы, не компенсировавшегося увеличением нашего экспорта, и роста заработной платы, не обусловленного соответствующим повышением производительности труда. На государство, не сумевшее привести дела в порядок, обрушилось бремя дефицита. Покрытие дефицита велось за счет кредитов по плану Маршалла, которые Франция без конца выпрашивала у Вашингтона, за счет золотых запасов Французского банка, находившихся во время войны на Мартинике, во Французском

Судане и в Соединенных Штатах (эти запасы я сохранил в неприкосновенности), и особенно за счет дефицита государственного бюджета, иначе говоря инфляции. Но следствием этого явилось хроническое падение стоимости франка, паралич внешней торговли, иссякание кредита — короче, растущая угроза денежного и финансового банкротства и экономического краха. Нет сомнений, что эпизодически удачная деятельность отдельных министров, например Антуана Пинэ и Эдгара Форэ, приносила некоторое облегчение. Но министры уходили, а смятение продолжало нарастать.

В таких условиях не было сделано ничего нового в социальной области по сравнению с тем, что удалось осуществить моему правительству в период Освобождения. Непрерывающиеся забастовки приводили к увеличению заработной платы за счет различного рода надбавок, финансирование которых шло за счет выпуска новых банковских билетов и бонов казначейства, причем систематический рост цен постепенно сводил на нет эти надбавки. Правда, социальное страхование, помощь многодетным, новая система, касающаяся сельскохозяйственной собственности, в том виде, как я это когда-то ввел, служили достаточно сильным средством предотвращения драм, связанных с нищетой, болезнями, безработицей, старостью, чтобы создавшееся положение не приводило к бунтам. Но что касается вопросов, требовавших долгосрочного решения, таких, как жилищная проблема, проблема школ и больниц, проблема средств связи, то они настолько отставали от требований дня, что ставили под угрозу будущее.

В то время как внутри страны ее естественная эластичность несколько смягчала непосредственные последствия несостоятельности официальной власти, в области внешних сношений дело обстояло иначе. Все, чего я достиг ценой настойчивых усилий в отношении независимости страны, ее ранга, ее интересов, было сразу же подорвано. Поскольку у режима не было пружины, позволяющей нам прочно стоять на ногах, он, в общем, занимался тем, что удовлетворял интересы других. Конечно, чтобы прикрыть отодвигание Франции на второй план, режим находил нужные ему идеологические обоснования: одно во имя единства Европы позволяло ликвидировать те преимущества, которых мы добились своей победой; другое под предлогом атлантической солидарности оправдывало подчинение Франции гегемонии англосаксов.

Так, несмотря на отсутствие серьезных гарантий, Франция согласилась с восстановлением центральной власти немцев в трех западных зонах Германии. Так было создано Европейское объединение угля и стали, которое, не обеспечив средств для восста-

новления наших разрушенных шахт, освобождало немцев от репарационных поставок топлива и давало возможность итальянцам создать у себя крупные сталелитейные заводы. Так было ликвидировано присоединение экономики Саара к Франции и созданное на этой территории автономное государство. Так был заключен — и был бы проведен в жизнь, если бы от этого в последний момент не спасло пробуждение национального сознания, — договор о создании Европейского оборонительного сообщества, который должен был лишить победоносную Францию права иметь собственную армию, слить ее вооруженные силы, которые она тем не менее обязана была предоставлять, с вооруженными силами побежденных Италии и Германии (Англия со своей стороны отказалась от подобного национального отречения) и передать, наконец, Соединенным Штатам Америки полное право на командование этим безродным конгломератом. Так, после одобрения в Вашингтоне декларации о принципах образования Атлантического союза, была создана Организация Североатлантического договора, по условиям которой наша оборона и соответственно наша политика растворялись внутри системы, руководимой из-за океана, в то время как американский верховный главнокомандующий, обосновавшийся близ Версаля, осуществлял военную власть Нового Света над Старым. В результате во время Суэцкой экспедиции, которую Лондон и Париж предприняли против Насера, дело было поставлено так, что французские силы всех родов и всех звеньев были подчинены англичанам. Последним достаточно было принять под давлением Вашингтона и Москвы решение об отзыве своих войск, как тотчас были выведены и французские силы.

Но сильнее всего нерешительность государства проявлялась во взаимоотношениях между метрополией и заморскими территориями. Тем более, что в этот период гигантское движение за независимость подняло на борьбу одновременно все народы колоний. В результате относительного ослабления Англии и Франции, разгрома Италии, подчинения Бельгии и Голландии намерениям Соединенных Штатов, в результате влияния на народы Азии и Африки битв, происходивших на их территориях и заставивших колонизаторов обращаться к содействию этих народов, в силу бурного расцвета будь то социалистических или либеральных доктрин, требовавших освобождения рас и народов, и, наконец, в результате волны желаний, порожденных у обездоленных масс видом достижений современной экономики, весь мир стал ареной потрясений, обратных по направлению, но столь же глубоких, как и те, которые последовали за открытиями и завоеваниями, предпринимавшимися державами старой Европы. Совер-

шенно очевидно, что империи основывались на факте давности владения. Но вероятно, имелась возможность превратить старые отношения зависимости в преференциальные связи политическо-го, экономического и культурного сотрудничества.

От имени Франции я уже в январе 1944 года, во время Браззавильской конференции, наметил необходимое направление в этом сложном деле. Затем в 1945 году я продолжал идти по этому же пути, предоставив избирательное право всем жителям Алжира, Черной Африки, Мадагаскара, торжественно принимая в Париже как лиц, призванных стать полноправными суверенами, бея Туниса и короля Марокко, давая д'Аржанлье и Леклерку, которых я послал со значительными силами в Индокитай, инструкции обосноваться только на Юге и не идти без моего приказа на Север, где уже правил Хо Ши Мин, с которым направленная мной миссия Сентени установила предварительные контакты для переговоров. Не имея никаких иллюзий и понимая, что невозможно без столкновений и трудностей сразу же заменить нашу империю сообществом, основанным на свободной и договорной ассоциации, я считал, однако, осуществимым столь великое дело. Но было необходимо, чтобы претворение в жизнь этой цели проводилось последовательно и решительным правительством, которое заинтересованные народы считали бы правительством, действительно представляющим ту великодушную и мощную Францию, какой она предстала перед ними после Освобождения.

Совершенно очевидно, что режим политических партий не соответствовал этим условиям. Разве можно было принимать категорические решения, которых требовала деколонизация, в условиях переплетения противоречивых тенденций, существовавших к тому же ради слова, а не дела? Каким образом мог режим политических партий преодолеть, а при необходимости уничтожить все то противодействие чувств, привычек и интересов, которое неизбежно должно было вызывать подобное мероприятие? Нет сомнений, что среди хаоса непоследовательности некоторые руководители этого режима выступали с отдельными ценными предложениями. Но эти предложения не получали завершения из-за противоречий, раздиравших исполнительную власть.

Что касается Индокитая, то первоначальная тенденция, проявившаяся после моего ухода, заключалась в том, чтобы пригласить Хо Ши Мина в Париж для переговоров, с чем Хо Ши Мин соглашался. Но в дальнейшем возобладало стремление применить силу. И как следствие этого — мрачная далекая война на протяжении восьми лет, в течение которых намерение выиграть войну сменялось намерением заключить мир, но так и не было

принято окончательного решения. И какова бы ни была храбрость бойцов на поле брани, каковы бы ни были их потери, сколь бы ни были высоки качества и усилия администраторов, конечным результатом было тяжелое военное поражение и последовавшее за ним неизбежное и унижительное политическое поражение.

В отношении протекторатов Туниса и Марокко власти попеременно склонялись то к методам принуждения, доходившим до ареста и ссылки султана Мохаммеда V и содержания Бургибы под надзором полиции, то к сердечному согласию, когда они восстанавливали на троне короля Марокко, предоставляли внутреннюю автономию Тунисскому регентству и даже признавали формальную независимость обоих государств. Но из-за недостатка решимости довести преобразование до конца на местах сохранялись остатки французской власти, терпевшие повседневно яростные нападки, и французские вооруженные силы, подвергавшиеся постоянным оскорблениям.

В Черной Африке и на Мадагаскаре, оказав сопротивление движению за право на самоопределение, в частности подавив кровавое восстание на крупнейшем острове Индийского океана, по инициативе Гастона Деффера стали применять известный закон, согласно которому на местах были созданы правительства и парламенты из туземного населения. Им были предоставлены значительные законодательные и административные права, однако дальше этого начинания не пошли: реформа была неполной и желаемых результатов не дала.

Но самым жестоким образом нерешительность режима сказалась на судьбе Алжира. Последовательно сменявшие друг друга эфемерные правительства Парижа только и делали, что лавировали, пока не вспыхнуло вооруженное восстание. Правда, в 1947 году был принят Органический статут Алжира, по которому в стране создавалось Собрание, избиравшееся путем всеобщего голосования и получившее право утверждать бюджет и обсуждать деятельность генерал-губернатора. Это был важный шаг по правильному пути, и если бы имелось желание сделать дальнейшие шаги в этом направлении, то движение этой страны к такому положению, когда ее население само будет вершить свои дела, движение по пути к постепенному созданию Алжирского государства, присоединившегося к Французской Республике, проходило бы, без сомнения, мирным путем. К несчастью, действия подавляющего большинства жителей Алжира французской национальности и административная рутинa блокировали дальнейшее развитие этого процесса. Поэтому власти отказались изменить систему существования двух избирательных коллегий, по кото-

рой жители французской национальности, составлявшие одну десятую часть всего населения, избирали половину депутатов Собрания — столько же, сколько все остальное алжирское население. К тому же власти оказывали сильное давление во время выдвижения кандидатур и голосования на алжирскую часть населения. Первоначально мусульманское население и его политическая элита относились положительно к Органическому статусу Алжира, но вскоре, вынужденные признать, что суть реформы извращена, они отказались от надежд, зародившихся в момент освобождения Франции, и пришли к заключению, что не добьются свободы законным путем.

Поскольку начавшаяся 1 ноября 1954 года вооруженная борьба не переставала в дальнейшем усиливаться, режим политических партий стал колебаться между различным отношением к событиям. В сущности, многие руководители режима сознавали, что проблема требует кардинального решения. Но принять жесткие решения, которых требовала эта проблема, смести все препятствия на пути ее осуществления как в Алжире, так и в метрополии, пренебречь недоброжелательным отношением прессы и парламентских групп, отношением, порождаемым возбуждением общественности и политическими кризисами, вызывавшимися этой гигантской проблемой, — это было выше сил неустойчивых правительств. Если не считать нескольких жестов, свидетельствующих о желании начать переговоры, некоторых косвенных контактов с руководителями восстания, укрывшимися в Каире, эпизодических указаний о смягчении репрессий, назначения, почти тотчас же отмененного, на пост министра генерала Катру, чье имя символизировало умиротворение, режим ограничивался тем, что с помощью солдат, вооружения и денег поддерживал борьбу, свирепствовавшую по всей территории Алжира и вдоль его границ. Материально это стоило очень дорого, ибо приходилось держать там вооруженные силы общей численностью 500 тысяч человек. Это обходилось дорого и с точки зрения внешнеполитической, ибо весь мир осуждал безысходную драму. Что же касалось, наконец, авторитета государства — это было буквально разорительно.

Особенно губительно это было для армии. Она не только несла на себе тяжесть сражений, но также суровость и подчас ужасы репрессий. Находясь в постоянном контакте с жившим в состоянии тревоги французским населением Алжира и с вспомогательными мусульманскими силами, армия постоянно испытывала тягостное чувство, что здесь, как и в Индокитае, конечным результатом будет военное поражение, и поэтому в ней сильнее, чем во всех остальных слоях общества, назревало нарастающее недо-

вольство политической системой, которая не представляла собой ничего, кроме нерешительности.

Итак, в начале весны 1958 года, как бы ни казалась внешне пассивной масса французского населения, все свидетельствовало о нарастании тревоги. Все чувствовали, что для ликвидации финансовых трудностей необходимы жесткие меры, что во внешне-политическом плане только иностранцы извлекали пользу из подчиненного положения, в котором мы оказались, и особенно из того, что наша колониальная система, прежде всего в Алжире, превратилась в бесплодную ипотеку. Между тем становилось очевидным даже для наиболее предубежденных лиц, что, поскольку режим бессилён разрешить все эти проблемы, вполне может создаться положение, когда встанет вопрос об общественном спасении. Одновременно в головах многих инстинктивно зарождалась мысль, выражалась ли она громогласно или ее поддерживали молча, вылившаяся в растущее движение за то, чтобы обратиться к де Голлю.

Тогда я жил в полнейшем уединении в Ля Буассери. Двери моего дома открывались лишь для членов моей семьи или для жителей деревни. В Париж я ездил изредка и принимал там очень немногих посетителей. Однако я прилагал большие усилия к тому, чтобы попытаться изменить положение, пока оно еще не стало бесповоротно безнадежным. Уже 16 июня 1946 года я изложил в Байё принципы, на которых должна быть построена наша конституция, с учетом того, что представляют собой наш народ и наше время. Потом, поскольку в конце концов была принята та конституция, которая в противоположность моим проектам установила IV Республику, я попытался сплотить французский народ вокруг первостепенных и постоянных интересов Франции и создать новый режим. Однако, несмотря на большие усилия по информированию французского населения, на многочисленные митинги и собрания, на которых я лично присутствовал во всех департаментах метрополии и Алжира, во всех заморских департаментах и территориях, несмотря на широкую горячую помощь и преданность, продемонстрированные самыми различными слоями населения, особенно рядовыми французами, я не смог победить. Правда, Объединение<sup>5</sup> добилось в 1947 году внушительного успеха на муниципальных выборах, особенно в столице, где мой брат Пьер стал председателем Парижского совета и оставался им — факт, не имевший прецедента,— пять лет подряд.

---

5

Речь идет о созданной тогда де Голлем политической партии, названной им Объединением французского народа (РПФ). — *Прим. ред.*

Правда, в только что созданном Совете Республики более трети депутатов объединились под руководством Пьера де Голля в «группу Объединения».

Но яростное и согласованное сопротивление всех остальных партий, недоброжелательное отношение профсоюзов и одновременно руководителей предприятий, которые, несмотря на существование взаимных противоречий, тем не менее относились подозрительно к моим проектам социальных реформ, враждебность почти всей прессы — парижской, провинциальной и иностранной, запрет правительства французскому радио передавать мои речи и, наконец, избирательная система (так называемое «сблокированное представительство»), специально принятая в то время и извращавшая принцип представительства различных мнений с помощью выборов, способствовали тому, что в Национальное Собрание не было избрано достаточного количества депутатов, стремившихся изменить режим. После всеобщих выборов в Национальное Собрание в 1951 году только 125 депутатов собрались под знаменем Лотарингского креста. Видя это, некоторые депутаты покинули организацию, о принадлежности к которой настойчиво твердили. Вот почему вскоре после этого, констатировав изменение обстановки, я распустил Объединение. Шесть лет, с 1952 по 1958 год, я писал «Военные мемуары», не вмешиваясь в общественные дела, но и не сомневаясь, что пороки существующего режима рано или поздно обязательно приведут к тяжелому национальному кризису.

Вот почему кризис, разразившийся в Алжире 13 мая, меня несколько не удивил. Однако я никоим образом не был замешан ни в алжирских событиях, ни в движении военных, ни в политических проектах, породивших это движение; и я не имел никаких связей ни с лицами, действовавшими в Алжире, ни с кем-либо из министров в Париже. Правда, Жак Сустель, один из моих ближайших соратников во время войны и затем по деятельности в Объединении, был генерал-губернатором Алжира, но он был назначен Мендес-Франсом и отозван Ги Молле. Но никогда, ни во время исполнения своих обязанностей, ни после своего возвращения, он не адресовал мне никаких сообщений. Правда, во время поездки в Сахару в 1957 году, чтобы присутствовать при испытании ракет в Хаммагире и посетить только что созданные нефтяные разработки в Эджеле и Хасси-Мессауде, я принял в Колон-Бешаре министра по делам Алжира Робера Лакоста, но в дальнейшем не встречался с ним. Правда, два или три предпринимчивых человека, сотрудничавших со мной в те времена, когда я находился у дел, обосновались в Алжире с целью пропаганды идеи, что рано или поздно настанет день, когда дело обществен-

ного спасения придется вручить мне. Но они делали это по собственной инициативе, даже не проконсультировавшись со мной. Правда, наконец, что после роспуска Объединения несколько парламентариев, его бывших членов, занимали министерские посты в чередовавшихся правительствах. Однако у меня не было никаких контактов с ними. Тем не менее я отчетливо видел все признаки нарастающего напряжения как в политических кругах Парижа, так и среди военных, чиновников и гражданского населения Алжира.

15 апреля было смещено правительство Феликса Гайяра. После этого на протяжении четырех недель Жоржу Бидо, а затем Рене Плевену не удавалось создать нового правительства, до такой степени упадка дошел режим. И если Пьеру Пфлимлену, казалось, удавалось 12 мая сформировать новое правительство, это происходило уже в такой атмосфере, когда никто не верил, что оно будет эффективным. Одновременно в Алжире не переставала усиливаться лихорадка, тем более что министр Робер Лакост публично заявил, что он опасается возникновения «дипломатического Дьенбьенфу», что Союз ассоциаций бывших фронтовиков требовал «создания любыми способами правительства общественного спасения», а генерал Салан, главнокомандующий вооруженными силами в Алжире, телеграфировал в Париж о возможности со стороны армии «действий в условиях отчаяния». У меня не было, следовательно, сомнений, что взрыв неизбежен.

Я также не сомневался и в том, что мне сразу же придется принять активное участие в событиях. Действительно, начиная с того момента, когда армия, пользующаяся горячей поддержкой массы местного населения и одобрением многих отчаявшихся людей в метрополии, восстает против официального аппарата — причем последний только демонстрирует свою растерянность и свое бессилие, а среди населения нет никакого движения доверия в поддержку этого аппарата, — становится ясно, что дело идет к государственному перевороту, к внезапной высадке в Париже воздушного десанта, к установлению в стране военной диктатуры, опирающейся на осадное положение, аналогичное осадному положению в Алжире. Все это не могло не вызвать в виде ответной реакции нарастания забастовочного движения, всеобщей обструкции, роста активного сопротивления. Короче говоря, это была бы авантюра, следствием которой могла стать гражданская война в условиях присутствия иностранцев, которые очень быстро приняли бы участие в этой борьбе, преследуя свои интересы. Спасти положение мог только общенациональный авторитет, чуждый как политическому режиму, существовавшему в тот момент, так и силам, стремившимся его свергнуть, и возвышаю-

щийся и над тем, и над другими. Он должен был взять власть в свои руки и восстановить Государство. Ни у кого, кроме меня, такого авторитета не было.

Итак, обязанности падают на меня, живущего в уединении. Я снова чувствую себя орудием, избранным судьбой. 18 июня 1940 года, отвечая на призыв вечной родины, лишенной какой-либо другой помощи для спасения своей души и чести, де Голль, один, почти никому не известный, должен был взять на себя ответственность за Францию. В мае 1958 года, накануне разрыва, грозившего погубить нацию, в условиях распада режима, якобы несшего на себе всю ответственность, де Голль, теперь широко известный, но не имеющий в своем распоряжении иных средств, кроме своей законности, должен взять на себя решение судеб страны.

На принятие решения у меня оставались считанные часы. Ибо революции развиваются быстро. Однако мне надо было выбрать момент, когда же именно, закрыв театр теней, я выпущу «бога из машины», иначе говоря, когда именно мне надо появиться на политической арене. Что лучше: вмешаться немедленно и задушить надвигающуюся беду в самом зародыше, идя при этом на то, что мои действия впоследствии будут оспаривать и отрицать успокоившиеся люди, или же, наоборот, ждать, когда создавшееся положение насилия и террора обеспечит мне всеобщее и продолжительное одобрение? Оценив издержки того и другого решения, я выбрал немедленные действия. Но как поступить в этом случае? Ограничиться ли восстановлением определенного авторитета власти, вернуть армию на свое место, обнаружить и восполнить просчеты, чтобы временно облегчить смертные муки алжирской проблемы, а потом уйти в сторону, открыв перед ненавистной мне политической системой расчищенный мной путь? Или же воспользоваться предоставляющейся мне историей возможностью, а именно банкротством партий, дать государству институты, обеспечивающие ему в современных условиях стабильное существование и преемственность, которых оно было лишено на протяжении последних 169 лет? Сумею ли я сделать так, чтобы появилась возможность решить жизненно важную проблему деколонизации, начать экономическое и социальное преобразование нашей страны в эпоху науки и техники, восстановить независимость нашей политики и нашей обороны, превратить Францию в поборника объединения всей европейской Европы, вернуть Франции ее ореол и влияние в мире, особенно в странах «третьего мира», которым она пользовалась на протяжении многих веков? Нет никаких сомнений: вот цель, которую я могу и должен достичь.

Пусть будет так! Несмотря на трудности, связанные с моими личными качествами, мой возраст — 67 лет, пробелы в моих познаниях, пределы моих способностей; несмотря на труднейшие препятствия, которые я непременно встречу со стороны нашего вечно подвижного народа, — ведь почти все политические, интеллектуальные и общественные силы будут стремиться повести этот народ в противоположном направлении; наконец, несмотря на сопротивление, которое окажут иностранные государства возрождению могущества Франции, я буду во имя служения ей олицетворять великие национальные стремления.

Начинать надо было с того, чтобы снова взять в руки государство. Я чувствовал, что в этом отношении в данный момент не встречу сопротивления. Зная свой мир, я полагал, что как в Алжире, так и в Париже, в среде тех, на ком лежит ответственность, доминирует страх вынужденными применить силу и что мысли многих обращаются ко мне в надежде на то, что я сумею избавить их от этого. 13 мая в Алжире появились комитеты общественного спасения, сформированные из офицеров и гражданских лиц; эти комитеты предпринимали иногда вооруженные выступления и присваивали себе функции префектов и супрефектов. Но у меня сложилось впечатление, что верховное командование не склонно предпринимать непоправимых шагов. Если армия открыто осуждала бессилие политической системы, чреватой для нее губительными последствиями, если она сочла необходимым поставить под свой контроль местную администрацию под тем предлогом, что так ей легче бороться с восстанием, то многие военные руководители без всякого воодушевления рассматривали перспективу разрыва с метрополией, военного похода на столицу и захвата власти. Стоя на берегу столь широкого Рубикона, каким является Средиземное море, бывшее командование, офицеры и солдаты, как правило, хотели, чтобы в Париже появилось правительство, способное взять на себя общенациональную ответственность и избавить их самих от авантюрных действий и нарушения присяги. Но поскольку они убеждены, что нынешний режим не в состоянии дать им такого правительства, они в отчаянии внезапно открывают для себя, что такое правительство могут дать им я. Уже 14 мая генерал Салан, который накануне был вынужден уступить разбушевавшейся толпе комнату за комнатой здание генерал-губернаторства, произносит с балкона «Форума» несколько фраз, закончив их возгласом: «Да здравствует де Голль!» Таким образом, публично поставлен вопрос, который уже царит в умах всех.

В Париже официальные круги ни о чем другом не думают. Помимо новостей, которые я черпал из газет и радио, сообщения

моего агента связи Оливье Гишара ставили меня в курс дела в отношении того, какие расчеты и планы строились вокруг моего имени. Тем более, что перед лицом раскола то, что по привычке еще называют властью, проявляет признаки самоотречения. 13 мая, после начала бунта в Алжире, Феликс Гайяр, свергнутый месяц назад, но продолжающий из-за отсутствия нового правительства заниматься текущими делами председателя Совета Министров, телеграфировал Салану, что не следует применять оружия против демонстрантов и что ему самому вручается вся гражданская власть в Алжире. Если правительство Пьера Пфлимлена и получило полномочия от Национального Собрания в течение следующей ночи, то лишь после дебатов, показавших всеобщий разброд, и получив при голосовании за доверие одобрение только 274 депутатов, тогда как голосовали против и воздержались 319 депутатов. Исходя из этих результатов, все поняли, что новое правительство не сможет осуществить решительных мер. К тому же утром 14 мая правительство подтверждает полномочия, предоставленные Салану, а затем, запретив сначала всякую связь с Алжиром, восстанавливает ее. Во второй половине дня 14 мая, будучи в течение нескольких часов в Париже, как я часто это делал по средам, я из потока информации, притекавшей ко мне на ул. Сольферино, с некоторым беспокойством узнаю, что повсюду громко или тихо произносят имя генерала де Голля.

Я отвечаю из Коломбэ 15 мая. В моем заявлении длиной в семь строк констатируется деградация государства, являющаяся причиной угрожающего несчастья, клеймится режим политических партий, виновный в этом катастрофическом ходе развития, утверждается мое намерение исправить положение путем взятия на себя вновь — я готов к этому — всей полноты власти в Республике.

Как только это заявление было опубликовано, все поняли, что дела последуют быстро. Естественно, политическая оппозиция активизирует нападки на меня. Но это всего лишь условные рефлексy. В действительности никто не сомневается, что если хотят избежать национального раскола, а не плыть по воле волн, то выход из создавшегося положения только один — де Голль. И тогда сразу формируется нарастающий поток присоединившихся к моей позиции и даже горячо ее одобряющих. Практически единственный вопрос, который стоит отныне перед политическим аппаратом, — это форма, в которую он облечет свой отказ от власти.

Но действовать надо быстро. Сколь бы ни было пока еще благоразумным командование в Алжире, множество неуловимых факторов пришли в движение и могли смести все. В то время как

президент Коти публично обращается 14 мая к генералам, офицерам и солдатам, служащим в Алжире, заклиная их «не усугублять испытаний родины новым испытанием — расколом французов», вся поступающая из Алжира информация свидетельствует о нарастании напряженности в армии. К тому же на следующий день уход генерала Эли с поста начальника Генерального штаба, тогда как всем известны его отношение к воинскому долгу и величайший авторитет в армии, показывает, что армия в массе своей не поддерживает больше существующий режим. Чтобы предать гласности обязательства перед нацией, которые я брал на себя, и не имея возможности воспользоваться радио, куда доступ мне был закрыт, я созвал на 19 мая представителей прессы в Отель д'Орсэ.

Прибыв в Париж, я почувствовал, насколько сгустилась атмосфера за эти дни. Правда, этому содействовал и министр внутренних дел Жюль Мок. Выполняя его приказы, полиция выставила максимально возможные силы вокруг здания, в котором я собирался провести пресс-конференцию, как будто можно было представить себе де Голля, идущего во главе передовых ударных войск на штурм общественных зданий! В тот момент, когда я ехал инкогнито из Коломбэ на встречу с одними только журналистами, не имея иного эскорта, кроме моего адъютанта полковника де Бонневалея и шофера Поля Фонтениля, министр лично инспектировал длинные колонны броневиков и грузовиков с солдатами в полном вооружении, вытянувшиеся вдоль обоих берегов Сены. Поскольку этот недостойный спектакль укрепил мою уверенность в том, что сейчас как раз время восстановить равновесие в Республике, я говорил с представителями прессы тоном хозяина положения. Впрочем, вопросы, которые мне задают по поводу того, что я буду делать, получив власть, не оставляют ни малейшего сомнения, что власть я действительно получу. Конечно, я пользуюсь этим случаем, чтобы снова подтвердить свою волю восстановить авторитет и власть государства и вернуть ему доверие нации. В заключение я повторил, что отдаю себя в распоряжение страны.

А события развиваются все быстрее. В Алжире, куда пробрался Жак Сустель, к чему я никак не был причастен, комитеты общественного спасения продолжают устанавливать свою диктатуру. Желая знать точно, что там в действительности происходит и каковы намерения, я по телеграфу прошу военное командование прислать ко мне кого-нибудь, кто смог бы доложить обстановку. Моя телеграмма была передана командованию открыто, нормальным путем генералом Лорийо, новым начальником Генерального штаба, с согласия министра Пьера де Шевинье. Через

некоторое время генерал Дюлак в сопровождении нескольких офицеров прибыл в Коломбэ и заявил мне от имени Салана, что, если в очень короткий срок я не возьму власть в свои руки, военное командование не сможет помешать высадке военного десанта в метрополии. В Париже официальные круги, правда, все еще делают вид, будто правительство и парламент функционируют. Так, палата депутатов подтверждает предоставление правительству «чрезвычайных полномочий», а правительство вносит на рассмотрение проект пересмотра конституции; в то время как правые партии и партии центра делают вид, что их тревожит моя программа, левые партии твердят о «защите Республики», а Всеобщая конфедерация труда отдает распоряжение о забастовке, на которое вначале ответило лишь незначительное число рабочих. Но общественность понимает, до какой степени вся эта игра напрасна. В нее не верят даже сами игроки. Некоторые из них, и не последние по важности, открыто присоединяются ко мне.

Так поступили, например, Жорж Бидо, который 21 мая опубликовал заявление: «Я стою на стороне генерала де Голля»; Антуан Пинэ, который 22 мая просит разрешения приехать в Коломбэ и получает его, а после встречи говорит повсюду: «Генерал? Да это же прекрасный человек!» — и призывает Пфлимлена срочно встретиться со мною; Ги Молле, заместитель премьер-министра, который 25 мая, воспользовавшись тем, что я упомянул о нем в своей речи, произнесенной перед журналистами, направляет мне письмо, в котором, несмотря на осторожные выражения, чувствуется решимость присоединиться ко мне; Венсан Ориоль, который 26 мая пишет мне: «К Вам возвращается Ваш государственный министр 1945 года... который, чтобы оказать Вам доверие, ждет от Вас только заверения, что Вы призовете к порядку непокорных офицеров».

Впрочем, ход событий только ускоряет эту эволюцию. 24 мая вылетевшее из Алжира подразделение приземляется на Корсике без единого выстрела, благодаря чему комитеты общественного спасения захватывают власть в Аяччо и Бастии. Полицейские силы, посланные из Марселя для восстановления порядка на острове, без труда позволили обезоружить себя. Если с политическим решением станут тянуть, то подобное произойдет в метрополии, а потом и в Париже. Мне докладывают из официального источника, что министерство внутренних дел предполагает возможность вторжения в ночь с 27 на 28 мая. Куда же мы пойдём после этого?

Поэтому я ускорил ход событий в нужном направлении. 26 мая я вызвал в Ля Буассери префекта департамента Верхняя Марна Марселя Дьебо и поручил ему немедленно передать от

моего имени Пфлимлену, что общественные интересы требуют, чтобы он встретился со мной. Местом встречи я назначил расположенный в укромном месте дом моего друга Феликса Брюно, хранителя музея Сен-Клу. Префект выполнил мое поручение; председатель Совета Министров просил передать мне, что в этот же вечер прибудет в указанное место.

Я нашел Пьера Пфлимлена спокойным и преисполненным чувства собственного достоинства. Он описал мне обстановку как пилот, которому управление больше не подчиняется. Я заявил ему, что его долг сделать из этого необходимые выводы и не оставаться больше на посту, ибо фактически он не в состоянии выполнять связанные с ним обязанности. При этом подразумевалось, что я готов осуществить в дальнейшем все необходимое. Не сказав ничего определенного, председатель Совета Министров дал мне понять, что он не исключает такой перспективы. Однако он просил меня немедленно использовать весь мой авторитет, чтобы вернуть к повиновению военное командование в Алжире, признав, что сам он не способен сделать это. «Ничто лучше вашей просьбы, — сказал я ему, — не свидетельствует о том, какое решение необходимо для Республики». Мы сердечно расстались, и на заре я вернулся домой, убежденный, что Пьер Пфлимлен вскоре примет решение, которое я подсказал ему этой ночью.

С утра я ускорил ход событий. В новом публичном заявлении сообщил, что «я предпринял правильные шаги, необходимые для создания республиканского правительства, способного обеспечить единство и независимость страны»; что «в этих условиях я не смогу одобрить какие-либо действия, откуда бы они ни исходили, направленные на подрыв общественного порядка»; что «я ожидаю от сухопутных, морских и воздушных сил в Алжире образцового поведения под командованием своих руководителей генерала Салана, адмирала Обуано и генерала Жуо». Таким образом, предоставив авгурам кулуаров Бурбонского дворца и редакций газет гадать о том, что могут означать слова «правильные шаги», предпринятые мною для того, чтобы стать во главе правительства, я предписал военным руководителям воздержаться от какого-либо нового вмешательства, что они и выполнили.

День 27 мая был отмечен последней попыткой режима выжить, ибо правительство заставило Национальное Собрание принять поправку к конституции, которая теоретически содержала неплохие предпосылки для укрепления исполнительной власти. Но все чувствовали, что уже слишком поздно и что теперь уже ничего невозможно сделать. Равным образом нереальными выглядели многочисленные собрания различных партий и их парла-

ментских групп, а также принимавшиеся ими резолюции. Не большее значение имело и ночное заседание правительства, на котором присутствовавшие министры зевали, одолеваемые сном, а некоторые члены правительства даже воздержались от участия в нем. Это конец! Ранним утром 28 мая Пьер Пфлимлен говорит своим коллегам, что «отправляется на переговоры с президентом Республики». Он действительно едет к нему и вручает заявление об отставке.

Режиму остается теперь только одно: заявить мне о своей отставке. К счастью, президент Коти принимает необходимые меры, чтобы это произошло не без достоинства. Этот старый и добропорядочный француз, хотя уже давно сжился с обычаями и традициями своей должности, хочет прежде всего служить родине. Он чувствует, что страна стоит на краю пропасти, куда она может снова скатиться. И перед лицом этой опасности в его сознании три обстоятельства превышают все остальные соображения. Первое: чтобы спасти страну, сохранив Республику, абсолютно необходимо изменить обанкротившуюся политическую систему. Второе: армию надо безотлагательно привести к повиновению. И третье: только де Голль может сделать и то, и другое. Но вполне естественно, президент хочет, чтобы власть была передана мне с соблюдением всех правил, а не брошена в бегстве. Но именно это и соответствует моим ожиданиям. Вот почему, когда в полдень Рене Коти спрашивает меня, согласен ли я принять председателей обеих палат, Ле Трокера и Моннервиля, чтобы соблюсти формальности перед тем, как он выступит публично, я даю положительный ответ.

Встреча состоялась поздно вечером в доме Феликса Брюно. Гастон Моннервиль согласен с идеей поручить мне сформировать правительство. Однако он предлагает мне не требовать больше чем на шесть месяцев чрезвычайных полномочий, которые я с самого начала считал необходимыми. Но Андре Ле Трокер выглядит потрясенным предстоящими переменами. Он, который был моим военным министром во времена Французского Комитета Национального Освобождения в Алжире, шел вместе со мною по Елисейским полям после освобождения Парижа, стоял подле меня во время стрельбы в соборе Парижской богородицы, не доходит до того, чтобы приписать мне стремление стать диктатором. Но заявляет, что, учитывая нынешние условия моего прихода к власти, я не смогу избежать такого исхода. «Вот почему, — страстно добавляет он, — я выступаю против этого!» «Хорошо, — отвечаю я ему, — если парламент пойдет за вами, то мне не останется ничего другого, как предоставить вам объясняться с высадившимися парашютистами, а самому вернуться

объятым печалью к своему уединению». На этом встреча заканчивается. Выходя, я заявляю генеральному секретарю при президенте Республики, Шарлю Мервейе дю Виньо, кинувшемуся ко мне за новостями, что сожалею о бесполезно затраченном времени и отправляюсь в Коломбэ. Я прибыл туда в 5 часов утра.

Еще до полудня Рене Коти объявляет, что он обратится с посланием к обеим палатам. Это послание зачитано в три часа пополудни. В нем содержится все, что нужно сказать: необходимость изменить политическую систему; очевидность банкротства государства и неотвратимость угрозы гражданской войны; напоминание о генерале де Голле, «самом выдающемся из французов, который в наиболее мрачные годы нашей истории был нашим вождем в борьбе за свободу и который, объединив нацию вокруг себя, отказался от диктатуры ради установления Республики»; наконец, призыв к генералу де Голлю рассмотреть совместно с главой государства меры, которые необходимо срочно принять для создания правительства национального спасения, и что может быть сделано для коренной реформы наших институтов; обязательство подать в отставку с поста президента, если эта последняя попытка не даст результатов. Национальное Собрание и Совет Республики выслушали этот текст, прозвучавший как похоронный звон, в глубоком молчании. Сотрудникам Елисейского дворца, из которого мне передан этот текст по телефону, я сообщил, что скоро прибуду. В надежде, впрочем тщетной, ускользнуть от нашествия фотографов, я вступаю во дворец через парк, а не через парадный вход. Я приехал около 8 часов вечера. Фотографы тоже.

Рене Коти, чрезвычайно взволнованный, встречает меня на площадке перед входной дверью. Наедине друг с другом в его кабинете мы быстро приходим к согласию. Он присоединяется к моему плану: чрезвычайные полномочия, затем роспуск парламента на каникулы, наконец, подготовка моим правительством новой конституции и ее утверждение референдумом. Я соглашусь 1 июня «получить инвеституру» от Национального Собрания, где я зачитаю краткое заявление, но не буду присутствовать при его обсуждении. Мы расстаемся, окруженные возбужденными журналистами и полными любопытства энтузиастами, заполнившими парк. После этого я публикую сообщение, что мы пришли к согласию, и условия этого согласия. Затем, на всем протяжении пути, по которому я возвращаюсь в Верхнюю Марну, многочисленные группы, ожидавшие моего проезда, оглашают ночь криками: «Да здравствует де Голль!»

Суббота 30 мая была употреблена партиями на оформление своей капитуляции. Я принял прежде всего Венсана Ориоля и

констатировал его обращение в другую веру, ибо он выразил готовность стать заместителем премьер-министра в новом правительстве. Затем меня посетили Ги Молле и Морис Дейксон, которые, вернувшись после беседы, заявили своей социалистической группе, что «пережили один из самых великих моментов в своей жизни». Маршал Жюэн со своей стороны посетил меня, чтобы лично заверить, что армия как один человек пойдет за мной. И вот я смотрю, как на мой дом спускается последний вечер долгого одиночества. Что же это за сила вещей, которая заставляет меня расстаться с ним?

Все решено. Остаются формальности. Я выполню их без излишней развязности. Ибо перед лицом страны, равновесие которой висит на волоске, необходимо, чтобы все происходило по установленному порядку. Наступает, вне всякого сомнения, коренная перемена. Но это не революция. Республика обновляется, но она остается Республикой. Вот почему, если возвращение генерала де Голля к руководству делами Франции и не будет выглядеть как интронизация министров умирающего режима, я все же условился с Рене Коти о деталях передачи власти.

В отеле «Лаперуз», где я обычно останавливался во время моих визитов в Париж, 31 мая я собрал председателей партийных групп парламента. Отсутствуют только коммунисты. За исключением Франсуа Миттерана, возбужденно высказывающего свое осуждение, остальные присутствующие, почти все открыто боровшиеся против меня на протяжении двенадцати лет, не выдвигают возражений против моего краткого выступления с изложением тех мер, которые я намерен предпринять. Тем временем я формирую правительство. Андре Мальро будет рядом со мной и возьмет портфель министра культуры. Четыре государственных министра — Ги Молле, Пьер Пфлимлен, Феликс Уфуэ-Буањи, Луи Жакино и хранитель печати Мишель Дебре, представляющие все политические группировки, кроме коммунистов, — будут заниматься под моим руководством разработкой будущей конституции. Четыре других депутата — Антуан Пинэ, Жан Бертун, Поль Бакон, Макс Лежен — получают соответственно портфели министров финансов, национального образования, труда и министра по делам Сахары. Посол Кув де Мюрвиль станет министром иностранных дел, префект Эмиль Пеллетье — министром внутренних дел, инженер Пьер Гийома — военным министром, губернатор Бернар Корню-Жантий — министром по делам заморских территорий, и все они будут находиться в моем непосредственном подчинении, а я беру на себя министерство по делам Алжира. Несколько позднее в состав правительства войдут еще шесть парламентариев: Эдуард Рамоне станет министром

промышленности и торговли, Робер Бюрон — общественных работ и транспорта, Эдмон Мишле — по делам ветеранов войны, Роже Удэ — сельского хозяйства, Эжен Тома — связи, Жак Сустель — информации, а также три крупных чиновника: Пьер Сюдро возглавит министерство строительства, Бернар Шено — здравоохранения и Андре Буллош станет делегатом при председателе Совета Министров.

В воскресенье 1 июня я вступаю в Национальное Собрание. Последний раз я был здесь в январе 1946 года, когда должен был дать ответ, довольно резкий и иронический, который он, впрочем, заслужил, Эдуарду Эррио, попытавшемуся постфактум преподавать мне уроки в отношении движения Сопротивления. Инцидент происходил в атмосфере глухой враждебности, которой окружали меня в то время парламентарии. Сегодня, наоборот, я чувствую на скамьях амфитеатра явный интерес к моей личности и, скорее всего, симпатию. В кратком заявлении я характеризую сложившуюся обстановку: вырождение государства; угроза, нависшая над единством французской нации; буря, разразившаяся в Алжире; заразная горячка, охватившая Корсику; армия, осуществлявшая в течение долгого времени достойные похвалы задачи, стоившие ей много крови, но скандализованная банкротством властей; почти катастрофическое международное положение Франции, включая ее отношения с союзниками. Затем я указал на то, чего жду от народных представителей: чрезвычайных полномочий, мандата на представление стране новой конституции, роспуска парламента. В то время как я говорил, на всех скамьях царило глубокое молчание, что и соответствовало обстоятельствам. Потом я удалился, предоставив Собранию формы ради обсудить мое заявление. Несмотря на несколько недоброжелательных выступлений, в частности Пьера Мендес-Франса, Франсуа де Ментона, Жака Дюкло и Жака Изорни, которые явились, так сказать, последней судорогой, мои полномочия были утверждены подавляющим большинством голосов.

Таким же образом дело обстояло на следующий день, когда шло голосование по законопроектам о чрезвычайных полномочиях в Алжире и в метрополии, и через день, когда обсуждался закон относительно конституции, требовавший большинства в две трети голосов. На обсуждении последнего законопроекта я присутствовал и неоднократно выступал, отвечая на вопросы депутатов, чтобы создать атмосферу доброжелательства последним минутам последнего Национального Собрания уходящего режима. После того как закон был одобрен Советом Республики, парламент разошелся.

Хотя такой конец эпохи оставил горечь в душе многих из тех, кто был ее активным деятелем, зато по стране пронесся глубокий вздох облегчения. Ибо мое возвращение создало впечатление, что нормальный порядок восстановлен. Сразу рассеялись грозовые тучи, омрачавшие национальный горизонт. Поскольку у руля государственного корабля появился теперь капитан, каждый почувствовал, что тяжкие проблемы, с которыми всегда сталкивалась нация и которые до сих пор не могли получить разрешения, наконец-то могут быть решены. И даже тот факт, что вокруг меня был создан какой-то мифический ореол, способствовал распространению убеждения, что препятствия, непреодолимые для любого другого, исчезнут предо мной. И вот я снова связан договором, которым Франция прошлого, настоящего и будущего призвала меня, как и восемнадцать лет назад, спасти ее от катастрофы. Вот я, всегда чувствующий обязанность оправдать чрезвычайное доверие, которое оказывает мне французский народ. Вот я, обязанный более чем когда-либо быть именно тем де Голлем, которому приписывают все случившееся вокруг, каждое слово и каждый жест которого, даже приписываемые ему по ошибке, станут повсюду предметом обсуждения со всех точек зрения и который нигде не может показаться иначе, как окруженный толпой горячих почитателей. Высокое звание вождя, тяжкие цепи служителя!

Но раз я вступил на этот путь, надо его продолжать. В Матиньоне, ставшем моей резиденцией, на меня наваливаются текущие дела: Алжир, финансы и валюта, внешнеполитическая деятельность и т.д. Но, взяв их в свои руки, я прежде всего руковожу работой по реформе институтов государства. По этому вопросу, от которого зависит все, свои основные мысли я высказал и опубликовал на протяжении последних двенадцати лет. В общем, должно быть осуществлено то, что получило название «Конституция Байё», ибо там, выступая 16 июня 1946 года, я наметил основные положения конституции, необходимой Франции.

Мишель Дебре с помощью группы молодых работников из Государственного Совета разрабатывает проект, который я последовательно рассматриваю вместе с назначенными министрами. После этого запрашивается мнение Конституционного консультативного совета, созданного по закону о пересмотре конституции и состоящего из 39 человек, в том числе 26 парламентариев, и председателем которого является Поль Рейно. Я неоднократно присутствую на заседаниях этого совета, чтобы выслушать полезные предложения и уточнить свои собственные мысли. Затем Государственный Совет представляет свои замечания. Наконец, весь проект в целом обсуждается Советом Мини-

стров и каждый его член, начиная с президента Коти, высказывает свое мнение. Выработанный таким образом текст будет предложен французскому народу на одобрение путем референдума.

Ни на одной из дискуссий по поводу конституции не возникало принципиальных возражений против того, чего я так давно желал. Каждая из обсуждавших ее инстанций была согласна с тем, чтобы отныне глава государства был действительно главой власти, нес реальную ответственность за Францию и за Республику, действительно назначал правительство и председательствовал на его заседаниях, действительно ведал назначением на высшие гражданские, военные и юридические должности, был бы действительно главой армии — короче говоря, чтобы именно от него действительно исходили все важные решения, так же как и весь авторитет власти, чтобы он мог единственно по своему желанию распускать Национальное Собрание, чтобы он располагал возможностью предлагать стране принять путем референдума любой законопроект, касающийся организации государственной власти, чтобы в случае серьезного внешнего или внутреннего кризиса ему принадлежало право принимать продиктованные обстоятельствами меры, наконец, что он должен избираться значительно более широкой коллегией, чем члены парламента.

Подобным же образом обстояло дело и с таким институтом, как председатель Совета Министров, который должен вместе со своими коллегами определять и проводить политику, но который, получая свою власть только от президента, чья роль является главенствующей, сможет, совершенно очевидно, действовать в серьезных вопросах лишь согласно его директивам.

Такое же всеобщее одобрение получили положения новой конституции, касавшиеся парламента, в частности положения, согласно которым голосования в парламенте по некоторым вопросам ставились под контроль Конституционного совета, специально вызванного к жизни; положения, точно ограничивавшие законодательную инициативу; положения, которые с помощью блокировки голосования, обязанности соблюдать повестку дня, устранения прежнего типа интерpellаций и санкционировавшихся ими голосований освобождали правительство от давления, принуждений и ловушек, излишних и подчас оскорбительных, характерных для былых дебатов; положения, делавшие пребывание на посту министра несовместимым с сохранением депутатского мандата; положения, строго ограничивавшие право применять вотум доверия. Наконец, что касается заморских территорий, то за ними признавалось право либо остаться в составе Республики на основе специального статута или войти в качестве автономного государства вместе с метрополией в состав единого

Сообщества, либо, став независимым государством, присоединиться к метрополии на основе специального договора, либо, став независимым и признанным всеми государством, сразу и полностью отделиться от Франции.

Практически три основных вопроса были предметом обмена мнений между мною и Консультативным комитетом<sup>6</sup>. «Сможем ли мы, — беспокоились депутаты, — свергнуть правительство, если отныне оно будет создаваться президентом и подчиняться только ему?» Я отвечал, что принятый Национальным Собранием вотум недоверия правительству обязательно влечет за собой отставку последнего. «Каково оправдание статьи 16, — спрашивали меня многие, — вручающей главе государства власть во имя спасения Франции в случае, если ей грозит катастрофа?» Я напомнил, что именно из-за отсутствия такой статьи в июне 1940 года президент Лебрен, вместо того чтобы переехать с государственным аппаратом в Алжир, призвал маршала Петэна и открыл тем самым путь к капитуляции и что президент Коти, наоборот, действовал в духе статьи 16 (еще до ее принятия), когда во избежание гражданской войны потребовал от парламента прекращения всякой оппозиции против возвращения генерала де Голля к власти. «Будет ли Сообщество, — спрашивали комиссары, — федерацией, как предлагает Уфуэ-Буањи, или конфедерацией, как ее мыслит Леопольд Сенгор?» Я обратил внимание на то, что первоначально трудно будет дать точное определение Сообществу и что развитие, которое предусматривается проектом, придаст ему нужную форму без потрясений. В общем, текст конституции, каким он был подготовлен согласно моим указаниям, стараниями Дебре и его сотрудников, рассмотрен в моем присутствии государственными министрами, изучен Консультативным комитетом<sup>7</sup>, обсужден в Государственном Совете и окончательно утвержден решением правительства, соответствовал тому, что я считал необходимым для Республики.

Однако все, что записано, будь то даже на пергаменте, обретает ценность лишь тогда, когда осуществляется на практике. После утверждения новой конституции референдумом останется применить ее на деле таким образом, чтобы она действительно продемонстрировала эффективность и авторитет, которые юридически заложены в ней. И сражение за это также буду вести я.

---

6

Так в тексте. По-видимому, речь идет о Конституционном консультативном совете. — *Прим. ред.*

7

Советом. — *Прим. ред.*

Ибо совершенно ясно, что в существе своем моя концепция отличается от концепции сторонников уходящего режима. Последние, утверждая, что со вчерашней смутой покончено, в глубине души весьма рассчитывают на то, что восстановление прежней игры вернет преимущественное положение политическим группировкам и что глава государства под предлогом, что он является арбитром, от которого ожидают беспристрастности, будет вынужден предоставить им эту игру. Поэтому многие из них узнали без всякого удовольствия о моем намерении взять на себя всю ответственность. Когда это будет осуществлено, они сначала примирятся с тем, что я играю именно эту роль, рассчитывая, что я избавлю их от ликвидации яблока раздора — алжирской проблемы, после чего, как они предполагали, я сразу же — добровольно или недобровольно — покину свой пост. Но поскольку, разрубив один гордиев узел, я начну развязывать другие, они станут кричать о нарушении конституции, потому что ее практическое применение не будет отвечать их тайным мыслям.

У французского народа не было тайных мыслей, когда он принимал V Республику. Для основной массы французов речь шла об установлении режима, который, полностью уважая наши свободы, был бы способен к деятельности и ответственности. Речь шла о том, чтобы иметь правительство, которое соблюдало бы интересы страны и могло эффективно решать стоявшие перед ним проблемы. Речь шла о том, чтобы ответить «да» де Голлю, которому верили, потому что само существование Франции оказалось под вопросом. Когда я обращался к толпам народа 4 сентября на площади Республики в Париже, 20 сентября в Ренне и в Бордо, 21 сентября в Страсбурге и в Лилле, а затем обратился ко всей стране 26 сентября по радио, я чувствовал, как в ответ поднимается гигантская волна одобрения. 28 сентября 1958 года метрополия приняла конституцию семнадцатью с половиной миллионами «да» против четырех с половиной миллионов «нет», то есть 79 процентами голосовавших. Воздержалось от голосования 15 процентов избирателей — меньше, чем когда-либо.

Но настроение народа, столь единодушно выраженное, когда речь шла о главном вопросе, требовавшем однозначного ответа, не могло остаться неизменным во время выборов в законодательный орган, ставших необходимыми, поскольку прежнее Национальное Собрание было распущено референдумом. Ибо здесь вступили в действие различные факторы — такие, как привычная борьба между отдельными тенденциями, разнообразные интересы некоторых категорий, различные условия на местах, пропаганда партийных активистов, ловкость кандидатов. Однако было необходимо, чтобы широкое движение в поддержку моего при-

зыка нашло свое продолжение в области политических решений и чтобы в парламенте имелась довольно многочисленная и компактная группа депутатов, поддерживающих и утверждающих голосованием новые законы, направленные на возрождение страны, к осуществлению которого теперь можно было приступить.

Для получения большинства в парламенте необходима мажоритарная избирательная система. Именно такое решение принимает мое правительство, которое устанавливает избирательную систему в силу предоставленных ему чрезвычайных полномочий, отбросив систему пропорционального представительства, столь дорогую политическим партиям с их соперничеством и исключительностью, но несовместимую с последовательной поддержкой единой политической линии. Мы остановились на системе избрания одного депутата от каждого округа в два тура. Несмотря на то что я не принимал никакого участия в избирательной кампании и даже призвал моих всегдашних сторонников не пользоваться моим именем в качестве лозунга, результаты превзошли мои ожидания. Из числа 576 депутатов Национального Собрания 206 депутатов составили группу, верную Союзу за новую Республику, и явились достаточно решительным и компактным ядром, чтобы продолжительное время диктовать свою волю многоликим «правым» и «центру», а также резко сократившейся «левой». Характерным признаком этого глубокого обновления было то, что Жака Шабан-Дельмаса избрали председателем Национального Собрания на весь срок полномочий последнего.

21 декабря выборщики президента — депутаты, сенаторы, генеральные советники, мэры и многие муниципальные советники — избрали главу государства. Сколь ни была насыщена моя политическая карьера, я все же впервые выдвигал свою кандидатуру. Ведь в 1945 году я сам не выдвигал своей кандидатуры, когда дважды был избран Национальным Собранием председателем Временного правительства, после того как в течение пяти лет и в силу сложившихся обстоятельств я руководил Францией во время войны. От коммунистов выдвинул свою кандидатуру Жорж Марран, а от Союза демократических сил — декан Альбер Шатле. Коллегия, состоящая из 76 тыс. выборщиков, избрала генерала де Голля большинством в 78% голосов.

8 января 1959 года я направился в Елисейский дворец, чтобы приступить к исполнению своих обязанностей. Президент Рене Коти встретил меня с достоинством, произнеся взволнованно несколько слов. «Первый из французов стал теперь первым во Франции», — сказал он. В то время как мы едем, сидя рядом в одной машине, по Елисейским полям, чтобы по традиции отдать салют у могилы Неизвестного солдата, толпа кричит одновре-

менно «Спасибо, Коти!» и «Да здравствует де Голль!». Вернувшись, я чувствую, как за моей спиной захлопываются одна за другой двери дворца: отныне я пленник своих обязанностей.

Но одновременно я вижу, как раскрываются горизонты великого предприятия. Конечно, в противоположность той задаче, которая стояла передо мной 18 лет назад, моя новая задача будет лишена вдохновляющей императивности того героического времени. Народы, и в первую очередь наш народ, не испытывают больше потребности действовать сверх своих возможностей, как это требовалось в час опасности. Почти для всех — и мы были в их числе — немедленная цель состояла не в том, чтобы победить или погибнуть, а чтобы создать более или менее легкую жизнь. Среди государственных деятелей, с которыми мне предстояло обсуждать мировые проблемы, уже не было большинства тех гигантов, союзников или врагов, которых выдвинула война. Остались политические руководители, стремившиеся добиться преимущества для своих стран, пусть даже за счет других государств, но желающие избежать риска и авантюры. Насколько в этих условиях эпоха благоприятствует центробежным стремлениям сил современного феодализма — партий, капитала, профсоюзов, прессы; насколько благоприятствует она несбыточным мечтаниям тех, кто стремится подменить нашу активность на международной арене стиранием государственных различий; насколько благоприятствует она разъедающей деятельности стольких различных кругов предпринимателей, журналистов, интеллигенции, светских людей, освободившихся от страха! Короче говоря, именно тогда, когда со всех сторон наступала посредственность, я должен был действовать во имя величия.

И тем не менее нужно было действовать! Если Франция из своих глубин и на этот раз вновь призвала меня стать ее руководителем, то, естественно, я это чувствовал, не для того, чтобы президентствовать во время ее спячки. После ужасного упадка, который она переживала на протяжении более ста лет, необходимо восстановить соответственно гениальности современной эпохи могущество, богатство, величие и блеск Франции путем использования предоставленной ей благодаря случаю передышки, иначе когда-нибудь трагическое испытание на уровне возможностей века уничтожит ее навсегда. А средствами такого обновления являются государство, прогресс, независимость. Итак, моя задача определена, и определена на все то время, пока народ захочет идти за мной.

## ЗАМОРСКИЕ ТЕРРИТОРИИ

Принимая на себя вновь руководство Францией, я был полон решимости освободить ее от обязанностей, отныне не дававших никакой выгоды взамен, которые налагало на нее владение колониальной империей. Можно было полагать, что я буду осуществлять это, как говорится, не «с легким сердцем». Для человека моего возраста и моего воспитания было воистину ужасно стать по собственному желанию организатором подобных перемен. В былые времена наша страна вложила гигантские славные усилия в завоевание, организацию, процветание всех наших заморских владений. Своей колониальной эпопеей страна пыталась вознаградить себя за потерю своих отдаленных владений XVII и XVIII веков, а затем — за поражения в Европе в 1815 и 1870 годах. Страна ценила успехи и престиж, которые давали ей в мировом масштабе проконсулы, подобные Бюжо, Федербу, Аршинару, Бразза, Думеру, Галлиени, Понти, Сарро, Лиотэ. Страна ценила заслуги, оказанные ей на протяжении ряда поколений храбрыми африканскими, малагасийскими, азиатскими подразделениями нашей армии, гордилась их участием в завоевании победы в Первой мировой войне, ролью, которую сыграли в эпопее «Сражающейся Франции» наши заморские территории, их войска, их трудящиеся и их ресурсы во время Второй мировой войны. Страна гордилась гуманными успехами, которые представляло начало современного развития этих далеких уголков, осуществленного благодаря деятельности стольких солдат, администраторов, колонистов, учителей, миссионеров и инженеров. Каким тяжким моральным испытанием для меня была передача там нашей власти, спуск там наших знамен, закрытие там одной из великих книг истории!

Однако сквозь грусть я видел проблески надежды. Конечно, в другие времена расходы, которые были необходимы на содержание наших колоний, казалось, перекрывались преимуществами, получаемыми нами от обладания этими колониями. Когда тем или иным способом мы добивались покорности населения, то требующиеся от нас расходы на поддержание его медлительной и отсталой жизни не превышали наших возможностей, в то время как эти владения предоставляли нам поле деятельности и мощь,

которыми никак нельзя было пренебрегать. Но все менялось прямо на глазах! По мере того как прогресс способствовал здесь, как и в других местах, росту потребностей, нам приходилось нести на огромных территориях все растущие расходы на администрацию, строительство, образование, социальное обслуживание, здравоохранение, безопасность, и в то же время мы видели, как у наших подданных возрастает стремление к национальному освобождению, которое заставляет их рассматривать наше господство как тяжкое и даже нестерпимое. Тем более, что, неся им нашу цивилизацию, мы создали на каждой территории вместо былого анархического разобщения централизованную систему, являющуюся предвестником национального государства, и сформировали элиту, проникшуюся нашими принципами прав человека и свободы, жаждущую заменить нас на всем протяжении иерархической лестницы. Надо добавить к этому, что солидарность стран «третьего мира» с еще не освободившимися народами, пропаганда и обещания Америки, России и Китая, соперничавших между собой, но стремившихся к завоеванию идеологической и политической клиентуры, способствовали извне ускорению этого движения. Короче говоря, как бы грустно это ни было, сохранение нашего господства над странами, не соглашавшимися больше терпеть его, становилось делом бесперспективным, в котором мы, ничего не выигрывая, могли потерять все.

Значит ли это, что, предоставив им теперь самоуправление, надо было бросить их на произвол судьбы по принципу «с глаз долой — из сердца вон»? Совершенно очевидно, что нет. Вследствие продолжительных связей с нами, притягательной силы, которую ангелы и демоны Франции распространяли на них, как и на всех, кто сближался с ней, они склонялись к сохранению тесных связей с нами. Со своей стороны, все доброе, что мы уже сделали ради их прогресса, порожденные этим дружеские связи, привычки и интересы, наше тысячелетнее призвание к экспансии и расширению нашего влияния обязывали нас видеть в них привилегированных партнеров. Раз они говорят на нашем языке, раз они восприняли нашу культуру, значит, мы должны помогать им. Если их неопытная администрация, едва рождающаяся экономика, еще не организованная финансовая система, дипломатия, только нащупывающая пути, едва начавшая организовываться оборона обращаются к нам за помощью, то мы должны оказать эту помощь. В общем, вести народы «заморской Франции» к тому, чтобы они могли сами распоряжаться своей судьбой, и одновременно создать между ними и нами прямое сотрудничество — таковы были мои простые и откровенные намерения.

Однако повседневная действительность в этих странах была, естественно, неодинаковой. Некоторые территории в течение долгого времени, иногда в течение столетий, связанные с Францией, несомненно, хотели сохранить эти связи или в качестве ее департаментов: Мартиника, Гваделупа, Гвиана, Реюньон, или в качестве территории со статутом внутренней автономии: острова Сен-Пьер-и-Микелон, Французский берег Сомали, Коморские острова, Новая Каледония, Полинезия, острова Валлис и Футуна. Этим территориям предстояло лишь предоставить по новой конституции возможность свободного выбора. В Черной Африке, характеризующейся крайним разнообразием природных условий, населявших ее племен и местных наречий, созданные нами административные единицы — Сенегал, Судан, Гвинея, Мавритания, Дагомея, Берег Слоновой Кости, Верхняя Вольта, Нигер, Конго, Чад, Убанги, Габон — представляли, естественно, основу для создания будущих государств. Не было никаких сомнений, что население этих территорий под давлением своей элиты выскажется за предоставление им независимости. Но дело заключалось в том, чтобы выяснить, произойдет ли это по соглашению с нами, без этого соглашения или даже против нас. При этом значительная часть образованных людей, попавших в большей или меньшей степени под влияние экстремистских тоталитарных доктрин, мечтала о том, чтобы освобождение пришло не как конечный результат эволюции, а как поражение колонизаторов, нанесенное им народами колоний. Они хотели только такой независимости. Несмотря на все это, можно было полагать, что поставленное непосредственно перед такой проблемой большинство руководителей этих стран захочет, прислушиваясь к голосу разума или сердца, сохранить прочные связи с Францией. Именно этому желанию отвечало на первом этапе сообщество, хотя оно должно было вскоре быть заменено серией двусторонних договорных обязательств.

Что касается Мадагаскара, в прошлом представлявшего самостоятельное государство с единым народом, языком и традициями, то он, наверно, станет вести переговоры с нами. Две территории, Того и Камерун, поставленные под нашу опеку Организацией Объединенных Наций, безусловно, хотели бы избавиться от нее, но, конечно, не преминули бы просить нас сохранить оказываемую им помощь. В отношении наших протекторатов, независимость которых в принципе была признана, Марокко, где правил король, и Туниса, ставшего республикой, речь шла только о том, чтобы полностью вернуть им суверенитет. Я твердо решил поступить именно так, тем более что я понимал, что обе страны будут стремиться к духовной и практической близости с нами.

Так же обстояло дело с королевствами Камбоджа и Лаос, сюзеренами которых мы больше не были, но где я намеревался сохранить преимущественное положение Франции. Может быть, такое положение удалось бы сохранить в Южном Вьетнаме и Северном Вьетнаме — я предполагал действовать в этом направлении, когда эти страны после тяжелых испытаний, гибели населения и разрушения экономики выйдут наконец из полосы несчастий.

При условии уважения к возрождающимся или вновь рождающимся нациям, отказа от использования в своих интересах потрясений, которые неизбежно должны сопровождать этот процесс, оказания каждой нации необходимой ей помощи в разумных пределах появилась возможность создать вокруг нас широкий ансамбль стран, основанный на дружбе и сотрудничестве. Я хотел сделать так, чтобы Франция осуществила эту возможность, пренебрегая при этом сожалениями о прошлом, преодолевая предрассудки и придавая нужное направление нашим взаимоотношениям с нашими бывшими подданными, превратившимися в членов нашего Содружества.

А Алжир? Здесь мы оказались перед лицом тяжелой драмы, а не положения, которое можно разрешить полюбовно, драмы как местного масштаба, так и драмы Франции. В нашей национальной жизни Алжир приобрел значение, которое не могло сравниться со значением какой-либо другой нашей заморской территории. После продолжительных и мрачных эпизодов варварской эпохи мы завоевали эту страну ценой огромных военных усилий, когда оба противника проявляли чудеса храбрости и несли тяжелые потери. Потом нам пришлось еще подавлять там многочисленные восстания. Поэтому мы были довольны тем, что стали хозяевами территории, стоившей нам так дорого. Впрочем, благодаря Алжиру наше положение в Африке и на Средиземном море чрезвычайно укрепилось. Мы получили там базу для дальнейшего проникновения в Тунис, Марокко и Сахару. Совсем недавно, проведя там еще раз мобилизацию многих опытных «стрелков», мы сформировали там правительство нашего освобождения и вместе с нашими союзниками собрали значительную часть средств для нашей победы. Миллион французов обосновался в этой стране и благодаря своим способностям, притоку капиталов из метрополии и помощи администрации добился замечательного развития ее экономики, в то время как с помощью наших средств, нашей техники и местной рабочей силы в стране была создана великолепная инфраструктура. И вот теперь мы только что открыли в этой стране залежи нефти и газа, которые могли бы полностью покрыть серьезный недостаток энергии для нашей экономики. Самые разнообразные доводы заставляли, следова-

тельно, французский народ считать обладание Алжиром необходимым и к тому же заслуженным. Конечно, французский народ с тревогой и нетерпением следил за происходившей там разорительной войной, и если он осудил IV Республику, то главным образом потому, что она не могла прекратить ее. Но французский народ полагал, что де Голль теперь, когда он на месте, найдет способ покончить с ней самым наилучшим путем.

Для «колонов» сохранение существующего положения, каким бы ни было оно дорогостоящим для Франции, представлялось жизненно необходимым. Живя в постоянном контакте с арабским и кабилским населением, превосходившим их по численности в десять раз и увеличивавшимся гораздо быстрее, они были встревожены мыслью, что если Франция перестанет властвовать, управлять, подавлять, то сами «колоны» неизбежно окажутся подавленными, ограбленными и изгнанными.

К тому же общество «колонов» и общество мусульман, хотя и существовали на одной территории, оставались на практике совершенно чуждыми друг другу. Люди, называвшие себя «черноногими», пришедшие сюда или родившиеся на завоеванной земле, гордые своими успехами, достигнутыми не без риска благодаря их энергии, чувствовавшие себя сильными благодаря своему привилегированному положению, образованию, должностям и богатству, владевшие всеми существенно важными промышленными, сельскохозяйственными и торговыми предприятиями, поставлявшие почти полностью кадры для всех отраслей деятельности и свободных профессий, имевшие, естественно, поддержку всех чиновников, уверенные, что в случае необходимости армия опять восстановит выгодный им порядок, никогда не переставали держать себя как стоящие выше и вне той более или менее покорной массы населения, которая их окружала. Всякая реформа, направленная на установление равенства между двумя категориями населения, казалась им серьезной опасностью. В их глазах трагедия, происходившая в этом районе вот уже несколько лет, обязательно должна была закончиться после подавления восстания сохранением того, что они называли «французским Алжиром», то есть подтверждением нашей прямой власти и сохранением их собственного преимущественного положения. Именно из страха быть покинутыми они поддерживали движение 13 мая против вчерашнего режима. Именно для того, чтобы, не меняя существа французского господства, а только для видимости сменить вывеску, они требовали теперь «интеграции». Действительно, они видели в ней средство противодействовать эволюции в сторону равенства прав населения Алжира и его автономии, средство против своего неизбежного растворения

в массе 10 млн. мусульман и, наоборот, хотели растворить последних среди 50 млн. французов. Вооруженные длительным опытом, они полагали, что таким путем, имея авторитетного генерал-губернатора, хороших префектов и, главное, благодаря присутствию внушительных сил поддержания порядка они смогут сохранить там свое прежнее положение. Именно этого они ожидали и в случае необходимости собирались потребовать от генерала де Голля, считая его «сильным человеком», и даже не представляли себе, что он мог оказаться таковым для достижения какого-либо иного дела, кроме их собственного.

Непримиримости «колонов» противостояла такая же, теперь определившаяся и иногда принимавшая вооруженные формы непримиримость мусульман. После продолжительного периода покорности, периодически нарушавшегося мятежами; после того как на протяжении столетия проявили по отношению к французам более или менее искреннюю приверженность мусульманская верхушка, озабоченная сохранением своей собственности или заинтересованная в должностях и почестях, а также ветераны армии, верные братству по оружию, и некоторые лица, избравшие путь государственной службы или политической деятельности; после лелеявшихся надежд, затем утраченных, на приобретение гражданских прав без ограничений и на автономию Алжира мусульмане отныне в массе своей относились благожелательно к Фронту национального освобождения и к вооруженному восстанию, даже если они сами не участвовали в нем. К тому же они хорошо знали, что если некогда судьба их отцов оставляла весь мир равнодушным, то теперь широкое движение симпатии, иногда очень активной, поддерживало извне их борьбу. В особенности это проявлялось со стороны их соседей — стран Магриба и других арабских государств. Но даже и в других районах мира складывалось благоприятное для них мнение, регулярно получавшее свое выражение в Организации Объединенных Наций. Более того, поскольку Французская Республика отказалась в 1954 году от своего суверенитета над Индокитаем, поскольку в 1956 году французский парламент принял закон, согласно которому все территории Черной Африки, а также Мадагаскар получали Правительственный совет из туземных жителей и выборное Собрание, и поскольку Париж только что, в 1957 году, освободил Тунис и Марокко, алжирцы полагали, что в конце концов логика вещей приведет их к независимости, лишь бы им самим удалось пробить первую брешь.

Однако, жестоко страдая, одни — в джебелях, где они укрылись, другие — терпя всяческие унижения в городах и деревнях, где за ними был установлен постоянный надзор, проклиная тех

французов, которые стремились сохранить свое иго, они не теряли веры во Францию. Не отождествляя Францию с алжирскими французами, мусульмане, несмотря ни на что, испытывали привязанность к естественно гуманной и исторически великодушной нации и желали сохранить связь с нею после своего освобождения. Это чувство проявлялось в их отношении, в котором не было ненависти к нашим офицерам, храбрым и прямодушным людям, и нашим солдатам, честным и бескорыстным малым. И вот приход к власти генерала де Голля, в котором мусульмане также хотели видеть представителя именно той Франции, вокруг которой сиял ореол их надежд, казалось, открыл новую эру. Едва только Салан и другие открыто бросили лозунг «Да здравствует де Голль!», как во многих местах мусульмане присоединились к демонстрациям французов, чего ранее, еще накануне, они никогда по своей воле не делали.

Что касается армии, то она многого ждала от моего возвращения, особенно ее генералитет и высшее командование. Ибо, ведя борьбу с восстанием, она боялась получить удар в спину со стороны политиков. Поэтому армия постоянно опасалась ослабления власти, давления иностранных держав, движения за отказ от Алжира со стороны общественности, доведенной до отчаяния военными и финансовыми усилиями и возмущенной неприятными эпизодами репрессий, применяемых в ходе некоторых кампаний. Все это, вместе взятое, было чревато разложением боевых частей и в конце концов могло привести к тяжелым военным неудачам. Наоборот, армия верила, что восстановление национальной власти даст ей время и средства для победы и обескуражит противника. Что касается политического решения, которое должно было увенчать военную победу, то армия в общих чертах представляла себе его как новое присоединение Алжира к Франции, причем в качестве компенсации метрополия должна предпринять большие усилия по экономическому, социальному и культурному развитию Алжира. Ибо то, что она видела на месте, внушало ей симпатии к страдающему и несчастному населению и вызывало серьезное недовольство колонизацией, которая довела это население до столь жалкого существования. Но, каковы бы ни были личные расчеты того или иного командующего и ферменты волнений, вызываемых в их штабах небольшой кучкой охваченных несбыточными мечтами честолюбивых офицеров, армия испытывала потребность получать приказы от государства. Вот почему она сразу же приветствовала то, что я стал править Францией, и выразила мне доверие в отношении проблемы Алжира.

Поэтому, как только я взял руль государственного управления, передо мною во весь рост встала эта проблема. Само собою разумеется, я приступил к ее разрешению, не имея заранее точно разработанного плана. Данные этой проблемы были слишком разноречивыми, слишком сложными, слишком непостоянными, чтобы я мог заранее точно установить все детали, ритм и фазы ее разрешения. В частности, как узнать, какие именно алжирцы смогут и захотят в конце концов согласиться с моим вариантом решения проблемы? Но основные линии решения уже созрели в моей голове. Впрочем, еще 30 июня 1955 года, когда восстание свирепствовало вовсю, я заявил на пресс-конференции, где мне задали вопрос по этому поводу: «Никакая иная политика, кроме той, которая направлена на замену господства во Французской Северной Африке Содружеством, не может быть ни пригодной, ни достойной Франции!»

Прежде всего я исклучил из области возможного всякую идею ассимиляции мусульман с французским народом. Может быть, это было реально лет сто назад, если бы тогда имелась возможность поселить в Алжире несколько миллионов жителей метрополии и взаимно переселить во Францию равное число мусульман-иммигрантов; тогда все жители общего отечества действительно имели бы общие законы и общие права. Может быть, подобную попытку можно было осуществить сразу же после Первой мировой войны, в момент угара гордости за победу. Возможно, после Второй мировой войны было реально создание в духе Освобождения автономного Алжира, который стал бы развиваться в направлении государства, связанного с Францией узами федерации, — зародыш такого решения содержался в мертворожденном статуте 1947 года. Теперь же было слишком поздно устанавливать какую-либо форму французского подданства. Мусульманское население, учитывая его этническое происхождение, его религию, его образ жизни и принимая во внимание тот факт, что с ним слишком долго обращались как с низшими существами, держали в стороне, подавляли, имело слишком яркую индивидуальность, слишком болезненно воспринимало все, чтобы теперь позволить растворить себя или господствовать над собой, особенно в эпоху, когда от одного края вселенной до другого все народы брали свою судьбу в собственные руки. Поэтому интеграция была для меня всего лишь коварной и пустой формулой. Но мог ли я в противоположность интеграции воображать, что возможно сохранение статус-кво? Нет! Ибо это означало продолжать держать Францию увязшей в военном, финансовом и политическом отношении в бездонной трясины, тогда как стране было необходимо, наоборот, иметь развязанные руки, для

того чтобы начать внутри самой себя преобразования, которых требовал наш век, и чтобы проводить самостоятельную внешнюю политику. В то же время это означало бы загнать нашу армию в тупик напрасной и нескончаемой войны колониального подавления, тогда как будущее страны требовало поднять армию до уровня современного могущества. По основным вопросам, следовательно, у меня сложилось твердое убеждение. О чем бы мы ни мечтали в прошлом или сожалели теперь, на что бы я сам ни надеялся в другие времена, теперь, на мой взгляд, не было иного выхода, кроме предоставления Алжиру права распоряжаться своей судьбой.

Но, решив признать за Алжиром такое право, я намеревался сделать это на определенных условиях. Прежде всего именно Франция, извечная Франция, сама, по своей воле, во имя своих принципов и в соответствии с собственными интересами предоставит это право алжирцам. Не может быть и речи о том, чтобы она была вынуждена сделать это в результате военных поражений, под давлением иностранного вмешательства или агитации сторонников прежнего режима и парламентариев! Поэтому мы предпримем необходимые усилия на месте, чтобы стать там полными хозяевами. Мы не примем в расчет никаких демаршей, из каких бы столиц они ни исходили, никаких предложений «добрых услуг», никаких угроз «мучительного пересмотра» наших внешних связей, никакого обсуждения в Организации Объединенных Наций. В нужный момент за необходимые изменения проголосует весь наш народ, а не избранная с учетом конъюнктуры ассамблея депутатов. С другой стороны, если было желательно, особенно для самого Алжира, чтобы там остались французы, то право решать это должно принадлежать каждому из этих французов, а наша армия будет гарантировать им свободу и безопасность до тех пор, пока все они не примут того или иного решения относительно места их жительства. Наконец, для обеих сторон — и для Франции, и для Алжира — было бы выгодно, чтобы специальными договорами между этими странами были установлены преференциальные отношения, особенно в том, что касается их граждан, экономического обмена, культурных отношений и эксплуатации нефти и газа Сахары. Итак, считая гибельной утопией «французский Алжир», громогласные требования о сохранении которого раздавались в начальный период моего правления, я рассчитывал добиться того, что по примеру Франции, которая начиная с древней Галлии не переставала оставаться в некотором роде римской, Алжир будущего, в силу обретенного им определенного отпечатка, который он хотел бы сохранить, оставался бы во многих отношениях французским.

Такова была моя стратегия для осуществления этой политики. Что касается тактики, то я должен был определять ее поэтапно, с большой осторожностью. Только постепенно, используя каждое потрясение как повод для дальнейшего продвижения вперед, я добивался создания довольно сильного течения одобрения моей политики, чтобы получить возможность осуществить ее полностью. Наоборот, если бы я сразу прямо объявил о своих намерениях, то, вне всякого сомнения, над морем тревожного неведения, возмущения, удивления и объединенного предубеждения во всех слоях общества поднялась бы волна негодования и ярости, которая опрокинула бы весь корабль. Поэтому, никогда не меняя общего курса, мне приходилось маневрировать до тех пор, пока сквозь туман не прорезался здравый смысл.

Уже 4 июня, едва приступив к исполнению власти, я вылетел в Алжир. Меня сопровождали три министра: Луи Жакино, Пьер Гийома и Макс Лежен, генерал Эли, которого я восстановил на посту начальника Генерального штаба, и Рене Бруйе, которому я поручил в моем кабинете алжирские дела. В аэропорту Мэзон-Бланш меня встретил генерал Салан, окруженный избранными лицами из числа крупных чиновников, военных руководителей и алжирского муниципалитета. На всем протяжении пути по городу меня встречали горячими приветствиями. В Летнем дворце по установившейся традиции мне были представлены местные власти, и я выслушал адрес Комитета общественного спасения, зачитанный генералом Массю. Затем я отправился в Адмиралтейство, чтобы приветствовать военных моряков. К семи часам вечера я прибыл на «Форум».

Когда я появился на балконе здания генерал-губернаторства, над огромной толпой, собравшейся на площади, поднялся невероятный шум приветствий. Тогда, обратившись к толпе с небольшой речью; я в течение нескольких минут произносил слова, импровизированные по форме, но на самом деле тщательно продуманные, ибо я хотел, чтобы они вызвали энтузиазм масс, не вынуждая меня идти дальше, чем я решил. Воскликнув: «Я понял вас!», чтобы установить с ними душевный контакт, я напомнил о майском движении, которому приписал две движущие силы, самые благородные из всех: потребность в обновлении и чувство братства. Подчеркнув это, я заявил, что в ответ Франция предоставляет равенство прав всем алжирцам, к какой бы национальности они ни принадлежали. Так одним ударом я смел разницу в гражданских правах и разделение на две избирательные коллегии, что в конце концов позволит мусульманскому большинству проявить себя, как таковому. Так, я утверждал, что «надо открыть дорогу, которая была для многих закрыта... надо дать сред-

ства к жизни тем, кто был лишен их... надо признать достоинство тех, кому было отказано в этом... надо обеспечить Родину тем, кто стал сомневаться, есть ли она у них». Я призвал участвовать в сближении двух групп населения, примером которого служил Алжир в тот вечер, «всех жителей городов, дуаров, равнин и джебелей, даже тех, кто, впав в отчаяние, счел своим долгом вести на этой земле битву, безусловно жестокою и братоубийственную, но — я признаю это — храброю. Да! Я, де Голль, открываю для них дверь к примирению!» Между тем я не преминул публично высказать армии, «выполняющей здесь замечательное дело понимания и умиротворения», чувство моего доверия к ней.

Моя речь была встречена бурной овацией. Однако перспективы, нарисованные мною, безусловно, не отвечали желаниям массы моих слушателей на «Форуме», на три четверти состоявшей из французов. Но в тот момент над «Форумом» пронеслось веяние, которому никто не противился. Все понимали, что на этот раз говорит Франция со всем ее авторитетом и великодушием. Каждый видел, что после сильного потрясения, только что испытанного всеми, на этот раз они имеют дело с государством, проявляющим свою волю. Каждый чувствовал: что бы ни случилось, именно де Голль имеет право и на нем лежит обязанность решить проблему. В Константине, где слушатели состояли преимущественно из мусульман, в Оране, где, наоборот, преобладали французы, в Мостаганеме, где обе прослойки населения были представлены примерно поровну, я выступал с теми же словами: больше никакой дискриминации между жителями Алжира, кем бы они ни были! Это означало, что настанет день, когда большинство их сможет принять решение о судьбе всех. Только таким путем, а не в силу закона, который был бы навязан ему принудительно, Алжир сможет на свой лад остаться французским.

Помимо этих встреч с толпами жителей, я принял многих лиц и делегации, которые уточнили конкретные данные сложившегося в Алжире положения. Если алжирцы французского происхождения, чувствующие себя прежде всего французами и рассчитывающие оказать влияние на метрополию, а при случае и принудить ее, не перенесут реального отдаления от нее, то все же они весьма чувствительны к высказываниям своих активистов. А активисты, чьи организации, правда, часто выглядят разнородными и соперничающими между собою, намерены, как представляется, в условиях происходящих волнений и тревоги преследовать политические цели, которые выходят за рамки Алжира. Используя волнения, которые они прекрасно умеют вызывать у пылких обитателей городов Средиземноморского побережья, эти активисты

создают ударные группы и организации, которые могут вести подрывную работу на месте и даже за пределами Алжира. Естественно, они находят поддержку со стороны некоторых военных, теоретиков прямого действия, направленного на захват власти, в случае необходимости через подставных лиц. Само собой разумеется, что эти бунтовщики поддерживают связь с аналогичными элементами в метрополии. К тому же несколько инцидентов показывают мне и намерения активистов, и образ их действий. Так, на «Форуме» два министра, Лежен и Жакино, были тайно заперты в одном из кабинетов, чтобы они не смогли появиться на балконе. Так, в Оране во время моей речи группы лиц, разбросанные в толпе, во время аплодисментов и криков «Да здравствует де Голль!» старались настолько громко и ритмично скандировать «Вся власть армии!» и «Сустель! Сустель!», что мне пришлось прервать выступление и предложить им замолчать. Так, перед отъездом в Париж, когда я устроил прием в бюро Комитета общественного спасения, некоторые его члены яростно заклинали меня провозгласить «интеграцию», недвусмысленно угрожая бунтом, на что я вынужден был ответить, что в таком случае они будут немедленно отправлены в тюрьму.

Мусульмане, будь то во время моих выступлений или тогда, когда я беседовал с тем или другим из их представителей, не скрывали, что моя личность внушает им чувство уважения и надежды, но, в сущности, оставались весьма сдержанными. Совершенно ясно, что, за исключением небольшого числа лиц, преданность которых была трогательной и искренней, или лиц, вынужденных занимать строго лояльную позицию вследствие своего официального положения или выборного мандата, в массе своей мусульмане приняли решение: сдерживаться и не раскрывать своей души.

Что касается армии, то после напряжения, которое она переживала, мое появление в Алжире привело ее в нормальное состояние. Принимая повсюду, где бы я ни появлялся, рапорты генералов и собирая всюду офицеров, а часто и унтер-офицеров, чтобы поговорить с ними, я легко составил себе представление о существующих в армии настроениях. Действительно, этим большим корпусом, смотрящим по своей природе преимущественно в ближайшее, а не в отдаленное будущее, в основном владела идея, что Франция должна сохранить Алжир в числе своих владений, ибо Алжир свидетельствует о ее былой мощи, а его земля несет на себе отпечаток славного прошлого. Однако под внешним однообразием точки зрения военных я различил три тенденции, распространенные среди моих собеседников. Для одних слова «французский Алжир» обладают подлинно мистическим смыс-

лом. Веря в то, что они говорят, эти люди убеждены, будто достаточно желать этого, утверждать это, и все осуществится и население само «склонится» на сторону тех, кто этого желает. Для некоторых других, у кого надо всем преобладало доверие ко мне, речь шла о том, чтобы и теперь следовать за мною так, как они следовали ранее. Третьим, наконец, и нет сомнения, что их большинство, дело представляется так, что теперь, когда во главе Франции имеется правительство, которое является настоящим правительством и действительно управляет, именно ему и надлежит принять решение; армия, что бы ни думали отдельные ее члены, должна отныне только подчиняться. Вывод, который я делаю, состоит в том, что армия именно так и поступит.

Пока что положение не вызывает особой тревоги. В частности, охрана людей и их имущества обеспечена насколько возможно хорошо 500-тысячной армией, дислоцированной в Алжире. Ударные части армии — иностранный легион, парашютисты, танковые части, стрелки, коммандос, сформированные преимущественно из добровольцев и имеющие квалифицированные офицерские кадры, — ведут периодически в том или ином горном районе или лесном массиве наступательные операции по уничтожению феллахов с помощью массированного применения артиллерии и бомбардировочной авиации. Часто бои носят очень ожесточенный характер, настолько тяжела местность и настолько упорен противник. Большинство других частей, состоящих из солдат срочной службы, охраняет населенные пункты, пути сообщения, уязвимые позиции, порты, аэродромы, эскортирует транспорты, прочесывает подозрительные районы, поддерживает действия полиции. На всем протяжении границ с Тунисом и Марокко созданы «заградительные полосы», состоящие из оборонительных сооружений, всевозможных препятствий, минных полей, заградительных сетей из колючей проволоки и постоянно занятые соответствующими подразделениями. Благодаря этому повстанческие части, нашедшие приют у наших соседей, не могут проникнуть в Алжир до тех пор, пока мы сами добровольно, после заключения мира не откроем им путь. Авиация настойчиво ведет разведку и поддерживает наземные силы, обеспечивает перевозки и связь. Военно-морские силы, проводя постоянное патрулирование эсминцами и сторожевыми кораблями, препятствуют выгрузке оружия или подкреплений для повстанцев. Кроме этого, наши силы, помимо ведения боевых операций, предоставляют людям и средства для оказания населению различных видов помощи — экономической, санитарной, социальной и просветительной. Во всей этой деятельности, которая направлена на то, чтобы положение не ухудшилось, но которая не в состоянии

объять необъятное, растрачиваются сокровища знания, сознательности и терпения.

Благодаря стольким усилиям жизнь в Алжире продолжается. И если в отдельных труднодоступных районах — в горах Орес, Неменша, Ходна, Бибан, Уарсенис, Дахра, в Дайа и Тлемсен, в Сахарском Атласе и т.п. — островки восстания тотчас же восстанавливаются после их разгрома, если из этих районов совершаются многочисленные вылазки и акты саботажа, если активное или скрытое сопротивление повсюду получает помощь и поддержку населения, то все же фактически на большей, подавляющей части территории стрельба случается крайне редко: как правило, в сельской местности опасно выходить только ночью, в городах бои не идут, так как введен комендантский час. Здесь наблюдаются лишь отдельные случаи покушений. К тому же те феллахи, которые организованы в регулярные части, общая численность которых никогда не превышала 30 тысяч человек, лишь с большим трудом достают винтовки, гранаты, иногда пулеметы и минометы, но не располагают ни единым оружием, ни единым танком, ни единым самолетом. Поэтому поля возделываются. Транспорт и связь функционируют. Учреждения работают. Школы заполнены учениками. Магазины обслуживают покупателей. Земледельцы, рабочие, докеры, горняки, служащие, чиновники трудятся регулярно. Из полутора миллионов алжирцев французского происхождения, штатских и военных, находящихся в Алжире, ежедневно умирает в среднем 70 человек, но лишь не больше десяти из них гибнет в результате восстания. В Алжире нет и никогда не будет всеобщего восстания.

Во время моей инспекционной поездки рядом со мной находился генерал Салан, верховный командующий, осуществляющий одновременно гражданскую власть. Будучи кадровым военным, он хорошо знал войска и военную службу, благодаря своему опыту хорошо мог истолковывать и использовать сложные разведывательные данные, был в курсе дела разведки противника, был силен в организации отвлекающих маневров, устройстве ловушек для руководителей повстанцев, то есть во всем, что характерно для колониальной войны. Что же касается военных операций в собственном смысле слова, проходивших в различных районах, то он охотно предоставлял их ведение командующим соответствующих армейских корпусов. Административное управление территорией, руководство экономической жизнью, управление финансами ему, естественно, были менее знакомы, чем военное дело. Но для этого в его распоряжении имелся контингент чиновников, опытных в местных делах. Сам он занимался главным образом политической стороной своих обязанностей,

вмешиваясь в дела и маневрируя между различными течениями, на которые разделились местные французы, и стараясь проникнуть в основные организации мусульман, чтобы оказывать на них влияние. Естественно, находясь под сильным впечатлением того, что произошло в Париже, он, казалось, испытывал одновременно и облегчение от того, что очутился в стороне от авантюры, и сожаление, что не успел в нее ввязаться. Во всяком случае, проявляя по отношению ко мне дисциплинированность, которая казалась искренней, он не высказал никаких возражений против моих намерений относительно Алжира, о которых я говорил с ним и которые, однако, я уверен в этом, не соответствовали его взглядам. Одним словом, это был способный, ловкий и с определенной точки зрения обаятельный человек, однако в нем было нечто неопределенное и загадочное, что, на мой взгляд, плохо сочетается с требованиями уверенности и прямоты, которые необходимы при исполнении высоких ответственных обязанностей. Впрочем, я уже решил в скором времени дать ему другое назначение.

Я вернулся в Париж 7 июня. На следующей неделе вошли в силу соглашения с Тунисом и Марокко, которые я предложил главам этих государств еще 3 июня и в силу которых наши войска покидали территорию обоих государств, за исключением Бизерты в Тунисе и Мекнеса, Порт-Лиотэ, Марракеша и Агадира в Марокко. В начале июля я вновь отправился в Алжир в сопровождении Пьера Гийома и Ги Молле. Последний был здесь в 1956 году как председатель Совета Министров, и его присутствие тогда вызвало у «черноногих» такой шквал угроз, что он счел необходимым удалить из своего правительства генерала Катру, назначенного всего за неделю до этого. Теперь, несмотря на несколько враждебных свистов в Алжире, на которые он, впрочем, реагировал смело, Ги Молле без помех совершал со мной поездку, посвященную преимущественно инспектированию воинских частей. После этих двух путешествий я приезжал в Алжир до декабря 1960 года еще шесть раз и несколько раз объехал всю страну. Кто из глав правительств и глав государств поступил так после 1830 года, хотя большинству из них не было семидесяти лет? Но чтобы принять решение по этой проблеме, особенно по этой, мне необходимо было самому все видеть и понять, показать себя и заставить понять себя.

Ради этого же в августе я отправился в Черную Африку. Вместе со мной вылетели государственный министр Пьер Пфлимлен, министр по делам заморских территорий Бернар Корню-Жантий и сотрудник моего кабинета, занимающийся африканскими и мадагасийскими делами, Жак Фоккар. Задача состояла в том, чтобы

торжественно разъяснить нашим заморским территориям суть приближавшегося референдума: что голосование «да» означало для них сохранение солидарности с метрополией при условии обретения в дальнейшем независимости, а голосование «нет» — полный разрыв всех связей. Безусловно, мой визит, впечатление, которое останется от него, речи, которые будут мною произнесены, окажут большое влияние на поведение элиты, на реакцию толпы и тем самым на результаты голосования.

После остановки 21 августа в Форт-Лами, где президент Тура-Габа заверил меня, что и на этот раз весь Чад как один человек пойдет за мной, я вылетел на Мадагаскар. Вместе с верховным комиссаром Жаном Сукадо меня встречал председатель Правительственного совета Филибер Циранана. Из наших разговоров, так же как из аплодисментов, которыми было встречено мое выступление в представительном собрании, к которому я обратился прежде всего, следовало, что ответ этого большого острова, вероятнее всего, будет положительным. Горячее одобрение огромной толпы, собравшейся выслушать мое выступление на стадионе в Тананариве, окончательно убедило меня в этом. Буря аплодисментов разразилась, когда я заявил, показав рукой на царский дворец на соседнем холме, дворец, который был последней резиденцией королевы Ранавало: «Завтра вы снова станете государством, как было тогда, когда в этом дворце ваших королей жили сами короли!» Затем меня принимал Браззавиль. Вся столица — и в шумных предместьях Нижнего Конго и Потопото, и на разукрашенных флагами улицах вокруг здания генерал-губернаторства, где я принял высокопоставленных лиц, и перед «домом де Голля», где я остановился, и, наконец, на стадионе Эбуэ рядом с собором Святой Анны, где я выступил с речью, — встречала меня бурными манифестациями. Однако политические круги федерации не все были полностью убеждены. Если мэр города аббат Фюлбер Юлу и его друзья уже приняли решение голосовать «да», то Бартеlemi Боганда, председатель Верховного Совета Экваториальной Африки, еще проявлял некоторое колебание. Впрочем, по мнению верховного комиссара Ивона Буржеса, не было никаких сомнений в том, как будет вести себя вся Экваториальная Африка. В конце концов еще до моего отъезда Боганда, являющийся знаменитым политическим деятелем и вождем Убанги, и Леон Мба, правящий в Габоне, каждый от имени своих народов заверил меня с той же теплотой, которую я встретил в Конго, что будут голосовать «да».

И вот я в Абиджане. Здесь меня также ждал замечательный прием, организованный Уфуэ-Буаньи при горячей поддержке всего населения. Действительно, эта страна, равно как и ее руко-

водитель, не испытывает никаких колебаний и доказывает мне это на стадионе «Жео Андре», где я выступал перед огромной толпой. Но если Берег Слоновой Кости благодаря деятельности своего руководителя вступил на правильный путь, если таково же было положение в Верхней Вольте и в Дагомее, где правят соответственно Уэззин Кулибали и Суру Миган Апити, если голосование в Мавритании, идущей за Моктаром-Ульд-Даддахом, должно быть, безусловно, благоприятным, то исход голосования на остальной части Французской Западной Африки, как указывает мне верховный комиссар Пьер Мессмер, весьма проблематичен. Несомненно, Африканское демократическое объединение, являющееся господствующей, если не сказать единственной, политической партией повсюду, за исключением Сенегала, склоняется голосовать «да». Но эта тенденция может смениться на обратную там, где глава правительства, располагающий активной группой политических деятелей и желающий играть роль сторонника чистого марксизма и реваншизма над империализмом, готовится выставить «нет» в качестве своего лозунга.

Именно таково положение в Гвинее. Молодой, блестящий и честолюбивый Секу Туре наглядно демонстрирует мне это. Едва я приземлился в Конакри, как сразу оказался в тисках организации тоталитарной республики. Впрочем, не было устроено ничего враждебного или оскорбительного для меня. Но от самого аэродрома до центра города толпа, стоящая по обеим сторонам дороги правильными батальонами, строго подчиняясь указаниям руководителей, единодушно кричит: «Независимость!», размахивая бесчисленными плакатами, на которых написано только одно это слово. Впереди расположились женщины, строго по сотням, причем каждая сотня одета в платья одного покроя и одного цвета, и все они, когда мимо проезжает кортеж, по команде прыгают, танцуют и поют.

«Рабочее совещание» состоялось в здании Территориального собрания, где председатель Совета собрал своих активистов. Безапелляционным тоном он зачитывает приветственную речь, написанную для пропагандистских целей и прерываемую через определенные периоды криками «ура» и аплодисментами. Из этой речи вытекает, что Гвинея, до настоящего времени подавляемая и эксплуатируемая Францией, отвергнет любое решение, кроме непосредственного предоставления полной независимости. Я четко и ясно отвечаю, что Франция сделала многое для Гвинеи, ярким свидетельством чего может служить, в частности, тот факт, что выступавший передо мной оратор говорил на прекрасном французском языке; что Франция предлагает создать сообщество стран, пользующихся самоопределением и осуществляю-

щих сотрудничество, и что, несмотря на свои тяжелые обязанности, Франция будет продолжать оказывать помощь членам этого Содружества; что Гвинея располагает полной свободой сказать «да» или «нет»; что если она скажет «нет», то это будет означать отделение; что Франция, безусловно, не будет препятствовать этому, но, совершенно очевидно, сделает свои выводы.

Во время переговоров, которые я вел потом с Секу Туре, и во время приема, который я устроил в здании губернаторства, я окончательно внес ясность. «Не ошибитесь, — сказал я Секу Туре. — Французская Республика, с которой вы сейчас имеете дело, — это не та республика, которую вы знаете и которая скорее хитрила, чем решала. Для сегодняшней Франции с колониализмом покончено. Это означает, что она не принимает близко к сердцу ваши упреки за прошлое. Отныне она соглашается оказывать помощь государству, которое вы создадите. Но она рассчитывает сэкономить на этом. Франция жила долгое время без Гвинеи. Она будет жить еще очень долго, даже если Гвинея отделится от нее. В этом случае, само собой разумеется, мы сразу же прекратим оказывать ей административную, врачебную и просветительскую помощь и перестанем субсидировать ваш бюджет. Я добавлю, что, учитывая связи, объединяющие наши две страны, вы можете не сомневаться, что ваш торжественный ответ «нет» на наше предложение о солидарности будет означать разрыв дружественных связей и прекращение преференциального положения, которым пользовалась Гвинея среди других стран мира».

На следующий день, отправляясь на аэродром той же дорогой, по которой я ехал накануне, я не увидел ни души. Та же самая насильственная дисциплина, которая вчера заполнила эту дорогу компактной толпой, сегодня полностью опустошила ее. Мне стало совершенно ясно, какой ответ окажется в день голосования в урнах. Секу Туре, пришедшему проводить меня, я сказал: «Прощай, Гвинея».

Атмосфера в Дакаре напряженная. Председатель Совета Мамду Диа и многие политические деятели не пришли встречать меня. В предместьях города и в самом городе, который я проехал из конца в конец, в толпе присутствовали группы людей, свистевших и выкрикивавших проклятья. Мэр Ламин-Гейе, сидевший рядом со мной, казался страшно огорченным и раздосадованным. На площади Проте, где я намеревался выступить, толпа размахивает многочисленными лозунгами и громко кричит, требуя независимости. Начав свое выступление, я беру быка за рога и обращаюсь к тем, кто кричит и размахивает плакатами передо мною: «Сначала слово к тем, кто размахивает плакатами! Если они хотят независимости на свой лад, пусть берут ее 28 сентября! Но

если они не хотят этого, то пусть создают то, что предлагает им Франция: Франко-Африканское сообщество! Пусть они создают его в условиях полной независимости — независимости Африки и независимости Франции! Пусть они создают его вместе со мною, на счастье и горе! Пусть они создают его в условиях, которые я точно изложил в своем выступлении в Браззавиле, в условиях, искренность которых я никому не позволю ставить под сомнение!.. Мы живем в эпоху эффективности, то есть в эпоху организованных ансамблей. Мы вышли из эпохи демагогии. Пусть демагоги убираются туда, откуда они пришли и где их ждут!» По мере того как я говорил, плакаты исчезли и крики прекратились. А мои слова о будущем франко-африканском сотрудничестве, каким оно будет создано новой конституцией, были встречены продолжительными аплодисментами. Покидая трибуну, я видел, что лица депутатов и официальных представителей озарила оптимистическая улыбка.

Действительно, после моего отъезда политические деятели Сенегала, которые до этого момента высказывали решительную оппозицию проекту конституции, почти все присоединились к нему. Одновременно я добился, по-видимому, положительного голосования в Судане, несмотря на сдержанность его политического лидера Мадейры Кейта. Наконец в Нигере глава правительства Джибо Бакари, хотевший по соглашению с Секу Туре также увлечь массы на сторону «нет», но не успевший своевременно добиться установления своей диктатуры, остался в одиночестве. Вскоре, сметенный широким движением, он был вынужден бежать в Гану, а руководство страной взял на себя Хамани Диори.

Вернувшись в Париж 29 августа после нового пребывания в Алжире, я сделал вывод из путешествия, что все наши колонии в Черной Африке и колония на Мадагаскаре, за исключением — да и окончательное ли это решение? — Гвинеи, полны решимости сохранить привязанность к Франции, становясь одновременно хозяевами своей судьбы. Но я убедился также, что для нас настало самое время предоставить им этот путь; что отказать в нем или даже отложить эту возможность значило встретиться повсюду с серьезными выступлениями и что, наоборот, поступив так, мы положим начало замечательному предприятию, которое принесет свои плоды.

Референдум по вопросу о конституции, давший победные результаты в метрополии, имел еще более триумфальный успех в заморских территориях. За исключением Гвинеи, все территории Черной Африки и Мадагаскар проголосовали «да» (большинством свыше 95% голосов). В декабре 1958 года таким же большинством я был избран президентом Сообщества.

В Алжире, естественно, дело обстояло совсем иначе. Ибо при существовавшем там положении вещей не могло быть сомнения в том, что референдум станет референдумом по вопросу о самоопределении. Во всяком случае, не предопределяя заранее, каким будет будущий статут Алжира, референдум явился прекрасным поводом провести на практике голосование единой коллегией, без разделения на мусульманских и французских избирателей, впервые призвать к урнам женщин наравне с мужчинами и предоставить мусульманам возможность, не компрометируя себя, продемонстрировать, что они отнюдь не собираются порывать с Францией, что они относятся сочувственно к намерениям генерала де Голля. Несмотря на то что Фронт дал указание воздержаться от голосования, факт остается фактом, что из 4,5 млн. зарегистрированных избирательниц и избирателей в голосовании приняли участие 3,5 млн.; что количество голосов «нет» было крайне незначительным; что если в деревнях власти могли оказывать давление, требуя участия в голосовании, то в крупных населенных пунктах такое давление было невозможно, и тем не менее процент участвовавших был примерно одинаковым и в деревнях, и в городах; что, наконец, Контрольная избирательная комиссия, созданная ради этого обстоятельства, во главе с исключительно добросовестным человеком, послом Франции Анри Оппено, состоящая из всеми признанных беспристрастных лиц и направившая своих комиссаров во все округа, доложила, что все мусульмане пошли к урнам и повсюду голосовали свободно и что часто при этом говорили: «Это для де Голля!» В ноябре состоялись выборы в законодательные органы. И хотя число голосовавших было меньше, хотя не выдвинул своей кандидатуры и, следовательно, не был избран ни один представитель Фронта, общая картина выборов была аналогичной.

Однако, не дожидаясь ни результатов выборов в Алжире, ни различных толкований, которые они породили, я стремился продвинуть дело вперед, насколько это позволяли условия момента. Полностью подчинить Парижу местную власть в Алжире; продемонстрировать восставшим, что целью Франции является мир, мир, который она пожелает заключить с ними в один прекрасный день, когда увидит, что Алжир останется тесно связан с Францией; но в то же время укреплять военный аппарат Франции таким образом, чтобы ни при каких обстоятельствах ничто не могло помешать ей быть в Алжире хозяйкой своих решений, — вот над чем я стал работать прежде всего.

Для того чтобы национальная власть могла функционировать нормально, все наиболее важное по проблеме Алжира обсуждалось под моим председательством на узком совещании кабинета

министров с участием заинтересованных министров — прежде всего премьер-министра, высших чиновников и генералов, непосредственно связанных с этим делом, Рене Бруйе, а позднее Роже Мориса, которым было поручено, как генеральным секретарям правительства, сосредоточить в своем ведении все, касающееся Алжира. Таким образом, меры, которые я намеревался предпринимать, разрабатывались со знанием дела.

Именно таким образом произошло исчезновение своего рода параллельного правительства, на роль которого претендовал в Алжире созданный 13 мая алжирский Комитет общественного спасения. В июле, поскольку этот комитет заявил, что он против предусмотренных муниципальных выборов, которые как раз и должны были положить конец вмешательству комитета в дела коммун, как это позволял им делать Салан, который даже направлял мне тексты его прокламаций, я публично призвал генерального делегата к порядку и напомнил, что, поскольку ареопаг, созданный 13 мая, не облечен никакой властью, его постановления не имеют законного характера и никакой административной силы. Проезжая через Алжир в августе, я отказался принять членов этого комитета, хотя они просили меня об этом. В октябре я отдал предписание офицерам и чиновникам — членам комитета выйти из его состава. Они немедленно покинули комитет. И сразу же комитет и его филиалы утратили всю видимость официальных инстанций, которую они старались себе придать. В декабре генерал Салан был отозван во Францию и назначен генеральным инспектором сухопутных войск. Поскольку в январе этот пост был ликвидирован, Салан стал военным губернатором Парижа. Поль Делуврие заменил его на посту генерального делегата, а генерал Шаль — на посту верховного командующего. Эти назначения положили конец соединению в одних руках военных и гражданских властей, возвращали преобладающую роль гражданской власти и, следовательно, восстанавливали префектов в их обязанностях.

Равным образом не было упущено время, чтобы дать знать руководящей организации повстанцев, что путь для переговоров открыт, раз было признано, что именно этим путем следует идти. Уже 12 июня я пригласил Абдеррахмана Фареса, председателя в бозе почившей Алжирской ассамблеи, ибо знал, что этот человек, не вставая открыто на ту или иную сторону, поддерживал постоянный контакт с Ферхатом Аббасом, председателем комитета, который в скором времени стал называть себя Временным правительством Алжирской Республики. Я сразу предложил Фаресу войти в мое правительство в качестве государственного министра. Тогда он должен был бы принимать участие в разработке

мероприятий относительно дальнейшей судьбы Алжира, точно так же, как Уфуэ-Буаньи входил в состав правительства, занимаясь вопросами будущего Черной Африки. Как я и ожидал, Фарес воздержался от ответа на мое предложение до тех пор, «пока он не проконсультируется с некоторыми лицами». Тогда с моего согласия он выехал в Швейцарию и вернулся через две недели, чтобы сказать мне, что мое предложение делает ему большую честь, но тем не менее он не может его принять. Одновременно он развил передо мной точку зрения, не скрывая, что она принадлежит его далеким друзьям, согласно которой когда-нибудь можно будет начать переговоры относительно политических и военных условий прекращения огня без предварительного требования о признании независимости, но с целью подойти к ней в конечном итоге. Вскоре после этого я опять встретился с Фаресом. «Знайте, — сказал я ему, — что мы были бы готовы поговорить обо всем, если представится случай. Поговорить необходимо. Итак, если в один прекрасный день кто-либо из компетентных представителей придет во Францию ради этой цели, ему будет обеспечена здесь необходимая безопасность и соблюдение тайны». На этом этапе ни с одной, ни с другой стороны не последовало новых попыток установить контакты. Но разве доброе дело когда-либо пропадает?

Может быть, не было напрасным делом и мое предложение о «мире храбрых», торжественно высказанное 23 октября во время пресс-конференции. Я уточнил, что этого мира можно достичь либо путем прекращения огня на местах в ходе переговоров между сражающимися сторонами, либо путем переговоров между французским правительством и Внешней организацией, руководившей восстанием. Правда, Временное правительство Алжирской республики, которому в тот момент внутренние разногласия не позволяли занять иной позиции, кроме пассивной непримиримости, не дало законного хода моему предложению. Но мирные предложения Франции глубоко проникли в умы граждан.

Подобным же образом дело обстояло за несколько дней до этого с «планом Константины». Под этим названием подразумевались мероприятия по развитию, размах которого намного превосходил все, что делалось в Алжире до этих пор. Действительно, после точных исследований и расчетов, сделанных на основании доклада государственного советника Ролана Маспесьоля, правительство приняло решение и открыло необходимые кредиты для того, чтобы в течение пятилетнего срока коренным образом изменить условия жизни мусульманского населения Алжира. С экономической и социальной точек зрения за этот пятилетний срок должна была быть завершена определенная фаза развития

промышленности и сельского хозяйства в Алжире: снабжение всей территории Алжира сахарским газом и создание благодаря таким энергетическим возможностям крупных промышленных комплексов — химических, как комбинат в Арзеве, или металлургических, как сталелитейный завод в Боне; большие работы по строительству портов, дорог, средств связи и медицинских учреждений; строительство жилищ для миллиона человек; распределение между мусульманскими земледельцами 250 тыс. гектаров земель, приспособленных под землепользование; увеличение занятости на 400 тысяч новых мест. В области народного просвещения за этот же период времени школьным обучением должно быть охвачено две трети всех девочек и мальчиков, а еще через три года школьное образование должно стать всеобщим. В государственных учреждениях самой метрополии каждый десятый из числа молодых людей, поступающих на службу в органы местного управления, в судебные органы, в армию, в систему просвещения и в сферу обслуживания, должен был быть арабом или кабилем, а в самом Алжире число мусульман, занятых в этих отраслях, должно было в значительной мере увеличиться. Для того чтобы у плана было значительное имя, я публично выступив 3 октября в Константине, на площади Ла Бреш, объявил о прогрессе, который он предусматривает. Я подчеркнул, что прогресс явится плодом сотрудничества между Алжиром и Францией. Наконец, говоря о будущем, я заявил, что «его нельзя заранее определить словами, но, во всяком случае, Алжир будет строить свое будущее, основываясь на двух краеугольных камнях: своей самобытности и своей солидарности с Францией».

Как только план был обнародован, сразу же началось его повсеместное претворение в жизнь под энергичным руководством Делуврие. Я внимательно следил за осуществлением этого плана. Уже в декабре я выехал в Алжир посмотреть на месте, как обстоят дела с добычей нефти в Эджеле и Хасси-Мессауде и со строительством нефтепровода до Бужи. Я посетил также Бон, где было намечено строительство металлургического завода.

Одновременно не было передышки в военных усилиях. Действительно, ничего не могло быть хуже, чем несколько неприятных инцидентов, во время которых мы потерпели бы поражение. Но раз во многих районах оставались островки активного и организованного восстания, в любой момент могла произойти злополучная стычка и мы могли понести серьезные потери в людях и технике, а в этом случае, вне всякого сомнения, восстание расширилось бы. Назначая генерала Шаля верховным командующим и отделяя в верхах военные действия от гражданских дел, я рассчитывал, что операции резко активизируются и повсюду закончатся

успехом. Шаль был лучшей кандидатурой для достижения этой цели. До его отъезда в Алжир я рассмотрел вместе с ним и утвердил его план, состоявший в том, чтобы, сконцентрировав необходимые средства, перейти в наступление и ликвидировать один за другим повстанческие очаги и затем удержать за собой, сколь бы это ни было трудным, те территории, на которых они могли бы организовать заново. Осуществление плана требовало выбора специальных частей для наступательных действий, выделения их из общего состава армии, укомплектования людьми и техникой, в частности предоставления им большого числа вертолетов. Благодаря активным действиям военного министра Гийома все необходимое было выполнено так, чтобы новую решительную фазу боевых действий можно было начать весной 1959 года.

Эти военные меры были, естественно, секретными и не вызывали волнения общественности. Наоборот, направление, приданное политической деятельности в Алжире, начинало вызывать беспокойство. И на самом деле, это направление, которое постепенно приоткрывалось моими делами и моими выступлениями, тревожило не только сторонников интеграции в Алжире: оно беспокоило одновременно многих лиц в самой Франции, принадлежавших к кругам «правых» и «центра» и инстинктивно стремившихся и в этом вопросе стоять на консервативных позициях. Но и те, которые называли себя «левыми», тоже, хотя и по иным причинам, остерегались пока высказывать свое одобрение; коммунистическая партия систематически отрицала, что де Голль стремится покончить с войной; другие группы, не придерживавшиеся к тому же единой точки зрения на этот вопрос, воздерживались от выражения мне доверия и тем более от восхваления моей позиции, хотя в глубине души они в большинстве своем были удовлетворены ходом событий. Конечно, среди «голлистов» никто открыто не выражал сомнений в правильности намеченного пути. Но хотя определенные опасения и не высказывались громко, они все же реально существовали среди некоторых «голлистов» вплоть до членов моего правительства. Само собой разумеется, что, как обычно, я не получал никакой поддержки от прессы в целом, как всегда занятой колкостями, критикой и заумными рассуждениями. Большинство мусульман встретило мою инициативу упорным молчанием, вызванным не безразличием, доказательством чего служил референдум, а осторожностью; поднимали голос против меня либо пропагандисты «Фронта», находившиеся за пределами страны, либо отдельные сторонники «французского Алжира» в Париже. Надо добавить, что за граница хотя повсеместно и очень внимательно присматривалась ко всей моей деятельности, испытывая подчас удивление, делилась на

тех, кто проявлял скептицизм в отношении моей искренности и моих возможностей, — такова была реакция Запада, и на высказывавшихся с враждебной подозрительностью — так реагировали официальные лица развивающихся стран и государств тоталитарного блока. Безусловно, оппозиция и сомнения внутри страны не были столь ярко выражены и организованы, чтобы стать серьезным препятствием на моем пути; за границей смирились с невозможностью влиять на мою деятельность. Но поскольку речь шла о том, чтобы служить Франции, всей Франции, и только ей одной, то достаточно сильные импульсы могли исходить только от меня.

Тем временем на протяжении 1959 и 1960 годов территории Африки и Мадагаскара стали превращаться в государства. Все они создавались на демократической основе и в демократической форме, за исключением тоталитарной Гвинеи, вышедшей из сферы нашего притяжения и в связи с прекращением нашей помощи оказавшейся вынужденной принять ту помощь, которую ей предлагали другие государства: Советский Союз, Соединенные Штаты Америки, Германия, Великобритания и Гана, равным образом, хотя и по разным причинам, весьма довольные отходом Гвинеи от Франции. Итак, наши бывшие колонии на Черном континенте и на крупнейшем острове Индийского океана стали республиками, приняли путем голосования свои конституции, каждая избрала своего президента, свой парламент, назначила органы государственной власти. Это обретение суверенитета прошло повсюду без существенных инцидентов, в условиях опьянения, обычно свойственного всякому начинанию. Надо сказать, что мы оказывали широкую поддержку их становлению, и в этом плане Сообщество сыграло свою роль переходной и поддерживающей организации. Под моим председательством в Париже в феврале, марте, мае, сентябре 1959 года собирался Исполнительный совет, состоявший из глав государств, который урегулировал множество вопросов, встававших в связи с процессом передачи власти. В июле я созвал этот Совет в Тананариве. Народные демонстрации в столице лишней раз доказали мне, насколько Мадагаскар признателен Франции за то, что она возвращает ему былую независимость, помогая строить будущее. Во время этой поездки я вновь посетил Французский Берег Сомали и Коморские острова, территории Французской Республики, которые с энтузиазмом продемонстрировали свою радость по поводу того, что избрали именно этот статут. Побывал я также на острове Реюньон, нашем старом острове Бурбонов в далеком Индийском океане, истинно французском, который и на этот раз забываемым образом продемонстрировал свою приверженность Франции.

В июле в Люксембургском дворце начались заседания в моем присутствии Сената Сообщества, состоявшего из делегации нашей Верхней Палаты и африканских и малагасийских депутатов. Его работа дала возможность некоторым политическим деятелям Франции и бывших заморских территорий обсудить вопросы, представлявшие общий интерес. 14 июля на площади Согласия 13 глав государств получили из моих рук «знамя Сообщества» и присутствовали на военном параде, в котором вместе с нашими войсками участвовали войска и их стран. Наконец, постепенно, все время обращаясь к нам за советом и руководствуясь им, молодые правительства стали выполнять свои обязанности. По их же просьбе мы сохранили в составе их новой администрации многих наших чиновников, специалистов, преподавателей, врачей и офицеров.

Появление этих наций, причем почти каждая из них делала свои первые шаги и состояла из самых разнообразных этнических групп внутри границ, установленных в эпоху колонизации исключительно по соображениям раздела территорий между европейскими государствами или ради административного удобства, могло привести к беспорядочному дроблению после ликвидации наших старых «федераций» — Французской Западной Африки и Французской Экваториальной Африки. Однако соседствующие страны стали объединяться в новые группы, и мы помогали рождению и деятельности этих групп. Так, уже в январе 1959 года Конго (Браззавиль), Центральноафриканская Республика, Чад, Габон, к которым вскоре присоединился Камерун, заключили в Париже «Экваториальный таможенный союз». Так, в апреле «Совет Согласия», включавший Берег Слоновой Кости, Дагомею, Нигер и Верхнюю Вольту, к которым в дальнейшем примкнуло Того, установил общие правила и практику для этих стран, расположенных между Сахарой и заливом Бенин. Правда, попытка Сенегала и Судана слиться в единую федерацию, получившую название Мали, окончится провалом, поскольку либеральные и демократические руководители Дакара стали опасаться, что будут раздавлены марксистами из Бамако, и Сенгор, председатель Федеральной Ассамблеи, порвет с главой правительства Модибо Кейта, а Сенегал снова возьмет свое прежнее название, тогда как Судан сохранит название Мали. Но в дальнейшем возникнет «Организация государств, расположенных на берегах реки Сенегал», в которой будут вместе сотрудничать Сенегал, Мали, Мавритания и даже Гвинея. Помимо этого, во многих африканских районах речная навигация, использование морских подходов, строительство железных и шоссейных дорог стали с нашей помощью объектом многосторонних соглашений. Воз-

душное сообщение на всех бывших наших заморских территориях осуществляет одна компания «Эр-Африк». Позднее будет создана «Объединенная афро-малагасийская организация», к которой примкнут все африканские страны, говорящие на французском языке, кроме Гвинеи, и, наконец, такие страны, как Конго (Леопольдвиль) и Руанда.

Но как и следовало ожидать, по мере юридического и практического становления новых государств у них появилось все более четкое стремление утвердить свою индивидуальность. Поэтому наша конституция мудро предусматривала в вопросе их взаимоотношений с нами не только сообщество — форму, пригодную для начального периода, когда вопросы внешней политики, валюты, обороны, кассационного суда и высшего образования относятся к компетенции сообщества, но также на дальнейший период ассоциацию, когда условия сотрудничества во всех областях, и особенно в перечисленных выше, определяются специальными договорами. К концу 1959 года именно режим ассоциации предложил нам одну за другой новые республики.

Первыми это сделали Мадагаскар и Мали (еще объединявшее в тот момент Судан и Сенегал). Поскольку такое преобразование имело законные основания и не содержало в себе никакого ущерба для наших интересов, меняя лишь форму, а отнюдь не содержание франко-африканской солидарности, мы охотно согласились с ним. 11 декабря, после визита в Нуакшотт, я прибыл в Сен-Луи, чтобы руководить работой начинавшегося на следующий день заседания Исполнительного совета сообщества. Там, активно поддержанный находившимся рядом со мною премьер-министром Мишелем Дебре, я публично заявил, что Франция согласна сделать то, что от нее ждут. Однако я повторил окружавшим меня главам государств слова пилигримов из Эммауса одинокому путнику: «Оставайтесь с нами! Уже поздно! Ночь спускается над миром!» Выступая 13 декабря в Генеральной Ассамблее Мали в Дакаре, я официально заявил, что мы, французы, согласны с тем, чтобы на смену сообществу пришла ассоциация; это вызвало аналогичные просьбы со стороны других государств. К тому же Организация Объединенных Наций с нашего согласия освободила в это время Того и Камерун от нашей опеки, признала полностью их международный суверенитет и приняла их в свои члены, причем обе страны обратились к нам с просьбой сохранить с помощью соглашений очень тесные отношения с нами. Поэтому 1960 год ушел на заключение договоров о сотрудничестве в области экономики, просвещения, культуры, обороны, связи, положения лиц и имущества и т.д. с четырнадцатью государствами, из которых шесть — Мадагаскар, Сенегал, Конго (Браззавиль), Чад, Централь-

ноафриканская Республика и Габон — выразили одновременно намерение остаться членами сообщества. В мае 1960 года специально для этого через парламент были внесены уточнения в текст конституции.

Вот так был создан между Францией, с одной стороны, и значительной частью Африки и Мадагаскаром — с другой, ансамбль населения, территорий и ресурсов, ансамбль, общим языком которого является французский, который в валютном отношении составляет «зону франка», где идет торговля любыми товарами на условиях наибольшего благоприятствования, где происходят регулярные консультации по политическим и дипломатическим вопросам, а в случае опасности оказывается взаимная поддержка, где общий морской и воздушный транспорт, телеграфная, телефонная и радиосвязь, где каждый гражданин, откуда бы он ни прибыл и где бы ни находился, чувствует себя отнюдь не иностранцем, он знает, что всюду он желанный гость и что он в значительной мере находится у себя дома.

Для того чтобы эти новые отношения увенчались успехом и стали полностью соответствовать тому, что я считал своим долгом, честью и удовольствием, я поддерживал с главами государств личные дружеские отношения. Генеральный секретариат, первоначально называвшийся «Генеральный секретариат Сообщества», а в дальнейшем «Генеральный секретариат по африканским и малагасийским делам» и возглавлявшийся Реймоном Жанно и затем Жаком Фоккаром, был рабочим органом, который поддерживал связь с правительством, вел переписку и был очень нужен мне. Именно этот секретариат подготавливал и организовывал официальные поездки глав государств и визиты, которые они наносили мне во время пребывания во Франции или проезжая через нашу страну. Между июлем 1960 и июнем 1962 года каждый из них был торжественно принят в Париже. Помимо этого, я около двухсот раз встречался с главами государств.

Таким образом, я хорошо знал Модибо Кейта, Мориса Ямеого, Юбера Мага, Сильвануса Олимпио, Фюлбера Юлу и Давида Дакко, возглавлявших в то время соответственно Мали, Верхнюю Вольту, Дагомею, Того, Конго и Центральноафриканскую Республику, и, добавлю, высоко ценил их. Все те, кому в силу обстоятельств и их личных качеств было суждено оставаться главами государств все то время, что я занимал свой пост, стали близкими мне людьми.

Таков Уфуэ-Буаьи (Берег Слоновой Кости), человек выдающегося политического ума, прекрасно разбиравшийся не только во всех вопросах своей страны, но и во всех вопросах Африки в целом и всего мира; он не только обладал исключительным авто-

ритетом в своей стране, но и пользовался большим влиянием за ее пределами, употребляя его на службу делу разума. Таков и Филибер Циранана, использующий весь свой здравый смысл и предусмотрительность, чтобы вести Мадагаскар по пути современного прогресса, чтобы связать свой большой остров с судьбами Африки, сохраняя одновременно его самобытность и оберегая его от азиатских влияний. Таков Леопольд Сенгор, способный ко всем видам искусства, и прежде всего к искусству политики, в равной степени гордящийся и своей французской культурой, и тем, что он негр, с завидным постоянством руководящий вечно меняющимся Сенегалом. Таков Хамани Диори, президент Нигера, который, подобно своей стране, где смыкаются саванна и пустыня, умеет сочетать политическую дальновзоркость с практичностью в своей деятельности внутри государства и за его пределами. Таков Ахмаду Ахиджо, уверенно преодолевающий этнические, религиозные, лингвистические и экономические сложности Камеруна благодаря осторожности во внутренней политике и выдержке во внешней. Таков Леон Мба, образец верности в своей привязанности к Франции и в преданности Габону; перед смертью ему довелось увидеть свою страну поднимающейся из потрясающей нищеты и идущей к процветанию. Таков Франсуа Томбалбай, перед которым стоит задача собрать в единое целое Чад посреди течений, пересекающих сердце Африки, и чья страстная любовь к родине удерживает его на высоте поставленных задач. Таков Моктар Ульд Дадда, который, сохраняя гордое одиночество, ловко вынудил нас добывать из бедной мавританской земли руду, обогащающую его страну. В итоге африканские и малагасийский народы, которым Франция, колонизовав их, открыла путь ко всем гениям современности, добрым и злым, идут без больших потрясений к человеческой свободе и национальному суверенитету. И, может быть, дружеские отношения, которые генерал де Голль поддерживал с главами этих государств, сыграли в этом какую-то роль.

Однако приход этих стран к независимости с помощью Франции не мог не оказать глубокого влияния на положение в Алжире. Сознание, что в этом признак общей эволюции, что в конце концов эволюция идет в нужном направлении, постепенно овладевало умами. Безусловно, значительная часть «колонов» и некоторые военные в Алжире, а также те лица в метрополии, которые поощряли их требования, были намерены поэтому только усилить свою непреклонность, надеясь повернуть ход событий. Но и мусульмане начинали спрашивать себя: «Разве Франция не делает для нас то, что она делает для негров?» В нашей стране та же самая мысль овладевала умонастроениями населения. Лично

же я, констатируя психологические и политические настроения наших заморских территорий, убедившись, какие восстания грозят разразиться там, если бы мы не согласились с тем, что одновременно было справедливым и неизбежным, и, наоборот, какие перспективы плодотворного сотрудничества открылись теперь перед нами, только еще сильнее утвердился в правильности того решения алжирской проблемы, которое я наметил. Во всяком случае и прежде всего мне необходимо освободить Францию от тягот и потерь, размеры которых в противном случае будут неуклонно возрастать, тогда как от былых преимуществ остается теперь одна видимость. Но как долг путь к достижению этой цели! И я вынужден идти по нему медленно, шаг за шагом.

1959 год ушел на то, чтобы добиться успеха в этом деле. 8 января, в день моего вступления на пост президента Республики, в своей речи в Елисейском дворце я говорил о том, что в будущем Алжир должен стать «мирной, преобразованной страной, развивающей свою самобытность и тесно связанной с Францией». В тот же день я принял меры для разрядки напряженности. Семь тысяч мусульман, находившихся в заключении в Алжире, были выпущены на свободу. Была отменена смертная казнь всем осужденным повстанцам. Бен Белла и его товарищи, которые были некогда арестованы в аэропорту Мэзон-Бланш, после того как французская авиация заставила приземлиться самолет, на котором они летели в Каир, покинули тюрьму Санте. Теперь они будут содержаться на острове д'Экс в почетных условиях. Давний сторонник независимости Мессали Хадж, которому был запрещен выезд из метрополии, обрел полную свободу. 25 марта, на моей первой пресс-конференции в Елисейском дворце, я отвечаю на кем-то заданный мне вопрос, останется ли Алжир французским: «Франция, стараясь всеми силами достичь умиротворения, работает одновременно над преобразованиями, в ходе которых Алжир обретет свое новое лицо». Несколько позднее в разговоре с директором газеты «Эко д'Оран» Пьером Лафоном я сказал: «Активисты и те, кто следует за ними, хотят сохранить «папин Алжир». Но «папин Алжир» умер! Можно умереть, как и он, если не понять этого». Во время каждой из моих поездок, совершенных последовательно на Юго-Запад Франции, в Центр, в Берри, в Турень, в Центральный массив, я каждый раз не упускал случая обратиться к собравшимся с теми же речами. Например, в Сент-Этьене я заявил: «Я не могу предсказать, каким будет завтрашний Алжир... Но надо желать, чтобы образ жизни людей там изменился, и изменился с помощью Франции». Тем временем мусульмане встали во главе большого числа коммун Алжира, в частности в самом городе Алжире, что произошло благода-

ря состоявшимся в мае муниципальным выборам по единым избирательным спискам. А в июне, после обновления Сената, подавляющее большинство алжирских сенаторов также оказалось мусульманами.

Естественно, мои заявления и сопровождавшие их дела глубоко поколебали все, что казалось непоколебимым. В результате оппозиция в Алжире ожесточилась, стала снова утверждать, что «единственным решением является полное уничтожение бандитов или их безоговорочная капитуляция», и попыталась организовать несколько бурных демонстраций, в частности по случаю годовщины событий 13 мая. Со стороны мусульман стали проявляться некоторые признаки положительной реакции. Так, 1 мая Ферхат Аббас заявил в Бейруте: «Мы готовы встретиться с генералом де Голлем на нейтральной почве без предварительных условий... Мы будем вести переговоры с французским правительством... Не исключена возможность того, что Фронт национального освобождения направит свою делегацию в Париж». Так, большинство вновь избранных сенаторов-алжирцев из числа мусульман опубликовало заявление, что они полностью поддерживают мою политику, а Шиби Абдельбаки Мосба, депутат от Бона, внес проект закона о создании в Алжире «комиссии умиротворения и примирения», которая должна была стать посредником между сражающимися сторонами. Председатель департаментской комиссии департамента Алжир Али Ходжа публично выразил желание, чтобы «начались переговоры с Фронтом национального освобождения о прекращении огня». Хотя во французских политических кругах не торопились открыто встать на ту же позицию и заговорить тем же языком, что и я, все же наметилось принципиальное доверие широкой прослойки к моей деятельности, а среди многих других взяло верх мнение, что «надо позволить де Голлю действовать, как он хочет». Только коммунисты, продолжавшие стоять на предвзятой точке зрения, отказывались одобрить мои действия, а на другом полюсе — все более изолирующая себя и вместе с тем ожесточающаяся смешанная группа сторонников «французского Алжира», лиц, руководствовавшихся местными интересами, и злопыхателей еще с вишистских времен. Но среди широкой публики распространялось убеждение, что де Голль идет по правильному пути, чтобы выйти из положения, с которым все хотели покончить. Это глубоко народное чувство было, конечно, очень слабо и очень плохо выражено теми, кто говорит и пишет, но на деле именно оно было определяющим.

Вот в какой обстановке началось наступление генерала Шаля против очагов восстания. Первая фаза наступления в марте и ап-

реле развернулась в Орране, где командовал генерал Гамбьез. Удары были направлены на массив Френда, западную часть Уарсениса, массив Дахра и привели к ликвидации доброй половины скрывавшихся там «катибов».

В мае и июне жаркие бои разгорелись в Алжирском округе, где командовал генерал Массю, в восточной части Уарсениса, на высотах близ Медеи, Блиды и Милиана, окружавших столицу. Здесь мы тоже добились хороших результатов. Затем наступление было перенесено против «двух близнецов» — Большой и Малой Кабилии. Поскольку это была очень важная зона — убежище противника, откуда он совершал вылазки против двух армейских корпусов: Алжирского и Константинопольского, подчиненных генералам Массю и Олье, — командование этой операцией взял на себя сам генерал Шаль. Он осуществлял командование решительно, методично и эффективно. Операция началась с внезапного глубокого вторжения в районе Ходны, большого массива, через который от хребта к хребту, от ущелья к ущелью, от леса к лесу повстанцы обеих Кабилий поддерживали связь с повстанцами Ореса и Неменши. После захвата Ходны в свою очередь пала кабилейская цитадель.

В конце августа я посетил войска и их руководителей на Западе, в Центре и на Востоке Алжира. Меня сопровождали Пьер Гийома и генерал Эли. На месте меня ожидали Шаль и Делувриэ. 27 августа я прибыл в Сайду, откуда вылетал на вертолете в различные точки Уарсениса и Дахры, чтобы посетить подразделения, находившиеся в самом центре этих массивов. 28 августа я посетил также алжирскую часть Уарсениса, потом Ходну между Мсилой и Бордж-Бу-Аррериджем. 29 августа я — в машине! — проинспектировал всю заградительную линию вдоль тунисской границы от Тебессы до моря. 30 августа я в Тизи-Узу для инспектирования Большой Кабилии. Начав с Тизи-Ибея, где находились резервные части операции «Близнецы», я добрался к Джурджуре на перевал Шеллаты. Именно здесь был убит весной знаменитый вождь повстанцев Амируш. Здесь же на высоте 1800 метров над уровнем моря Шаль устроил свой командный пункт с лесом антенн — благодаря радиосвязи он был постоянно в курсе дел отрядов преследования, парашютистов и легионеров, разбросанных по вершинам и склонам этих необычайно складчатых и сильно пересеченных гор. В любой момент он мог направить куда нужно на вертолетах подкрепления, всегда находившиеся в полной готовности, и сразу решить исход любой стычки. Последняя остановка на Дубовом перевале, и я возвращаюсь в Париж.

Как и всегда, непосредственный контакт с людьми там, где они действуют, помог мне уточнить для самого себя ряд данных, которые какие бы то ни было донесения освещают лишь частично. Мне стало теперь ясно, что, если только мы не откажемся продолжать борьбу, восстание не может и не сможет охватить весь Алжир. Но не менее очевидно и то, что оно может и будет иметь возможность в дальнейшем бесконечно поддерживать или возрождать сопротивление в соответствующих районах благодаря сообщничеству всего населения. Различные признаки этого поразили меня. Повсюду, где я проезжал по сельской местности, крестьяне, которых офицеры сгоняли встречать меня, держались почтительно, но молчали и оставались непроницаемыми. Однако в Тизи-Узу — слишком большом селении, чтобы там можно было по приказу согнать население, — меня почти никто не встречал, хотя о моем прибытии сообщалось через мощные громкоговорители. В одной кабийской деревне, которую мне показали, стараясь, совершенно очевидно, представить ее как образцовую, я вошел в муниципалитет, где меня встретили громкими приветствиями, члены муниципалитета рассыпались в хвалебных речах, школьники запели «Марсельезу». Но когда я выходил, меня остановил секретарь мэрии, мусульманин, который, согнувшись и дрожа, прошептал мне: «Господин генерал! Не дайте себя обмануть! Здесь все хотят независимости». В Сайде, где герой Бижар представил мне «командо Жорж», сформированную из феллахов, взятых в плен и перешедших на нашу сторону, я увидел молодого врача-араба, находившегося при этом подразделении: «Ну, доктор, что вы думаете об этом?» «Чего мы хотим? Мы хотим того, в чем мы нуждаемся, — ответил он мне с полными слез глазами, — мы хотим сами решать свою судьбу и чтобы ее не решали за нас». Поэтому я уверился сильнее, чем когда-либо, что, несмотря на подавляющее превосходство наших средств, попытка навязать «французский Алжир» будет означать только бесполезную трату наших денег и наших людей, что мир может наступить только в результате иной политической инициативы и что Франция может и должна предпринять эту инициативу.

С другой стороны, я смог удостовериться, что бесконечное продолжение борьбы, с которой связывают несбыточные надежды, губительно для души нашей армии и, следовательно, для нашего национального единства. Действительно, характер военных действий приводит к разделению наших боевых сил на две части, различие между которыми все усиливается. В то время как основная часть войск — более 400 тысяч человек — занята тем, что оккупирует города и деревни и защищает приграничные заградительные полосы, именно специальные войска ведут наступатель-

ные операции. Шаль выделил для этого первоначально 10-ю и 25-ю дивизии парашютистов и спецподразделения военно-воздушных сил, транспортируемые на вертолетах. Позднее он добавил 11-ю пехотную дивизию, составленную из легионеров и стрелков. В общей сложности это составило 40 тыс. бойцов, многим более, чем насчитывали противостоявшие им «катибы». Эти ударные части, сформированные из добровольцев и кадровых военных, снабженные отборной техникой, постоянно действующие в отрыве от основных сил, привлекали в свои ряды элиту офицерского и сержантского состава, превращаясь как бы в их вотчину. Офицеры и солдаты справедливо гордились принадлежностью к этим частям. Ибо речь шла о борьбе, безусловно опасной, подчас разочаровывающей, иногда изнурительной, но состоящей из непрерывных стычек, засад, преследований, внезапных нападений, исчезновений, что всегда связано с непредвиденностью и обладает своей привлекательностью. Но речь шла также о своего рода крестовом походе, когда в среде, стоящей в стороне, культивируются и утверждаются ценности, свойственные рискованной деятельности. И хотя я сам весьма чувствителен и отношусь с симпатией к такой концентрации военной доблести, мне все же ясно, насколько велико может быть искушение у командира, обладающего болезненным честолюбием, превратить эти части при случае в орудие авантюры.

Поэтому я изложил перед офицерами «сил вторжения», собравшимися вокруг меня на командном пункте генерала Шаля, каков будет следующий этап моего плана, отлично зная, что мои слова будут тщательно зафиксированы и станут широко известны. Высказав полное удовлетворение результатами инспектирования военной стороны дела, я заявил, что, «хотя успех проводимых операций был в общем значителен, он не принес решения алжирской проблемы... И эта проблема только тогда получит свое разрешение, когда алжирцы будут согласны с нами... что они никогда не перейдут на нашу сторону, если не захотят этого сами... что эпоха администрирования европейцев ушла в прошлое... что эта драма разыгралась у нас в момент, когда все колониальные народы земли получают освобождение... что мы, следовательно, должны действовать в Алжире только для Алжира и вместе с Алжиром, причем таким образом, чтобы это понимал весь мир... что нам должны быть важны интересы Франции, и только ее интересы». Свое выступление я закончил следующими словами: «Что касается вас, то выслушайте меня внимательно! Вы не представляете собой армию ради армии. Вы — армия Франции. Вы существуете только для нее, благодаря ей и для того, чтобы служить ей. И поэтому, чтобы Франция существова-

ла, армия должна подчиняться мне, занимающему такой пост и несущему ответственность. Я уверен, что вы будете мне подчиняться, и благодарю вас от имени Франции». Это значило приоткрыть моим слушателям намерение предоставить Алжиру право на самоопределение. Равным образом это значило, что я заранее требовал дисциплины. Затем я изложил верховному командующему в присутствии военного министра, начальника Генерального штаба и генерального делегата в Алжире подробное содержание документов, которые намеревался опубликовать. Шаль ответил: «Это вполне выполнимо» — и заверил меня, что при всех обстоятельствах я могу рассчитывать на него.

16 сентября 1959 года Франция моими устами заявила о своем намерении передать алжирцам судьбы Алжира. По моему мнению, алжирцы стояли перед выбором: либо полное отделение от Франции, и тогда последняя «перестанет предоставлять Алжиру столько ценностей и столько миллиардов», не будет отныне ничего делать для того, чтобы помочь ему избежать «нищеты и хаоса», и «предпримет необходимые меры для переселения и устройства на новом месте тех жителей Алжира, которые захотят остаться французами»; либо «францизация», в ходе которой «жители Алжира станут неотъемлемой частью французского народа», получат равные права в политической, экономической и социальной областях и «будут проживать на нашей территории там, где захотят»; либо «создание алжирского правительства населением Алжира», правительства, пользующегося поддержкой Франции, избранного на основе всеобщего избирательного права и, безусловно, включающего «существующую ныне политическую организацию восставших», но без предоставления ей «привилегии навязывать свою волю с помощью ножей и автоматов». Я констатировал, что Алжир сможет воспользоваться своим правом на самоопределение только после новых успехов в деле умиротворения, для достижения которых потребуется еще несколько лет, а тем временем Франция будет продолжать свои усилия по преобразованию Алжира.

Решительный шаг был сделан. Безусловно, до окончательного решения проблемы еще предстояли отсрочки, сражения, кризисы и сложные переговоры. Но Франция провозгласила, что именно алжирцам, то есть фактически мусульманам, надлежит сделать выбор своего будущего; Франция не претендовала на то, чтобы решать это вместо них под прикрытием формулы «французского Алжира»; Франция предвидела и соглашалась с тем, что Алжир станет государством, и после этого готовилась к тому, чтобы окончательно перестать интересоваться им или же оказывать ему поддержку. 10 ноября я подтвердил эту принятую мною позицию

на пресс-конференции. Я повторил уже сделанное ранее предложение руководителям восстания обсудить вместе с французским правительством в условиях полной безопасности «политические и военные условия прекращения боевых действий». Одновременно я привел несколько цифр, иллюстрирующих успехи умиротворения; вдвое сократились ежемесячно взимаемые налоги, и в два раза уменьшилось число жертв среди мирного населения по сравнению с тем, что было два года назад; увеличились размеры непосредственных расходов французского казначейства: 200 млрд. старых франков в этом году, 300 млрд. — на следующий год; усилилось развитие страны по сравнению с тем, что было до начала вооруженного восстания: рост сельскохозяйственного производства на 50%, удвоение потребления электроэнергии, внешнеторгового обмена, охвата детей школьным обучением, рост строительства жилья в 4 раза, строительства дорог — в 5 раз и строительства заводов — в 10 раз; завершено строительство нефтепровода от мест добычи нефти в Сахаре до порта Бужи, что предоставляло теперь Алжиру тот источник основных финансовых средств, которых ему всегда не хватало ранее.

Подобно тому как брошенный в кипящий раствор катализатор приводит к ускоренному образованию кристаллов, точно так же занятая мною позиция в отношении права Алжира на самоопределение немедленно вызвала четкое разграничение тенденций в общественном мнении. В метрополии подавляющее большинство населения одобрило мои предложения. Доказательство этому я получил в конце сентября во время поездки в департаменты Нор и Па-де-Кале. Повсюду, где я излагал свое решение, я встречал энтузиазм толпы. Теперь уже и мои министры, которым я рассказал на заседании правительства 26 августа, накануне моей инспекционной поездки в армейские части в Алжир, и уточнил 16 сентября перед моим публичным выступлением, что именно я собираюсь заявить, высказались в целом весьма благожелательно. 16 октября Национальное Собрание, в котором премьер-министр открыл по этому вопросу дебаты и сам просил, чтобы они завершились голосованием о доверии, выразило доверие правительству подавляющим большинством голосов. Но в то же время встали на дыбы с яростной злобой все те, кто решил попытаться опрокинуть мои планы.

Активисты в Алжире, воспользовавшись тревогой местного французского населения и разжигая ее, стали снова призывать к восстанию в своих выступлениях и листовках. В условиях полуполиции там организовался «Французский национальный фронт» под руководством Ортиза. Возглас одного из ораторов на митинге: «Нам нужна Шарлотта Корде!» — был встречен бурны-

ми аплодисментами. Крупная газета «черноногих» «Эко д'Альже», которая до этого времени в статьях своего директора Алена де Сериньи проявляла по отношению ко мне умеренность, теперь заняла самую враждебную позицию. Многие депутаты от Алжира усилили ожесточенные нападки на меня. В алжирской питательной среде отдельные чиновники и офицеры поддерживали разнообразные контакты, пагубные для их лояльности. «Можно найти средства, — шептали в их кабинетах или офицерских столовых, — чтобы заставить де Голля раскаяться». В самой Франции Жорж Бидо вместе с несколькими парламентариями создал «Объединение за французский Алжир», где собрались штатные агитаторы из группировок, которых обычно называют «крайне правыми». В декабре бывший премьер-министр выступил в Алжире с целым рядом лекций, способствовавших накалу страстей. В Париже меланхоличные высказывания и статьи маршала Жюзна — человека, родившегося в Боне, сочетавшегося браком в Константине, ветерана африканской армии — и выступления генерала Вейгана, воспользовавшегося подвернувшимся случаем, чтобы выразить злобу бывших вишистов, служат нездоровой пищей для определенных кругов, газет, салонов и штабов. Короче, в начале 1960 года, по мере того как все четче вырисовывается единство нации в алжирском вопросе, на горизонте Алжира появилось облачко, предвещающее бурю.

И эта буря действительно разразилась. Инцидентом, вызвавшим гром, явилось интервью, неожиданно полученное в январе 1960 года одним западногерманским журналистом у генерала Массю, командующего Алжирским армейским корпусом и пользовавшегося там большой популярностью. В своем интервью этот храбрый солдат, всегда бывший моим соратником, позволил себе дойти до публичного поношения моей политики. Хотя я отлично понимаю, что моя политика может опечалить такого человека, как он, — будто я сам, проводя ее, испытываю счастье! — хотя я представляю себе, как влияет на него его окружение, хотя я учитываю частичное опровержение и, главное, заверение в своей преданности, которые он опубликовал по собственной инициативе, все же я считаю необходимым наказать его за эту выходку. Он будет отозван в Париж, откуда уже не вернется в Алжир. Поскольку в это время Шаль присутствовал в Елисейском дворце на совещании по Алжиру 22 января, я объявляю ему о переводе Массю. Несмотря на неодобрение верховного командующего, который предупреждает об опасности взрыва и даже угрожает своей отставкой, я не меняю своего решения.

И действительно, гражданские и военные активисты Алжира воспользовались этим предлогом, чтобы развязать подготовлен-

ные ими действия. 23 января молодой депутат Национального Собрания Пьер Лагайярд, человек действия и трибун, любимец студентов, председателем объединения которых он являлся, захватил здание Алжирского университета с помощью значительной группы демонстрантов, многие из которых принадлежали к «частям территориальной обороны», своего рода милиции «черноногих», созданной в 1954 году, и поэтому были в форме и с оружием. Лагайярд также был одет в форму офицера запаса. Захватившие университет лица укрепились в помещениях и подвалах здания, превратили его в цитадель, соблюдали военную дисциплину и поклялись превратить университет в оплот «французского Алжира». С другой стороны, население призывали собраться на следующий день, в воскресенье, после полудня на площади «Глиерское нагорье»<sup>8</sup>, чтобы продемонстрировать солидарность с защитниками университетских зданий и оказать давление на власти.

Однако власти принимают необходимые меры, чтобы очистить «Глиерское нагорье» от собравшейся здесь внушительной толпы, состоявшей, впрочем, почти исключительно из французов. Две колонны, одна — парашютистов, другая — моторизованных гвардейцев, должны были войти на площадь с разных сторон и рассеять манифестантов. Колонна моторизованных гвардейцев приступила к выполнению поставленной перед ней задачи, но в тот момент, когда она вступила на площадь, она попала под огонь вооруженных групп, понесла тяжелые потери убитыми и ранеными и сама открыла ответный огонь, в результате которого погибло несколько гражданских лиц. Однако парашютисты не вмешались, что сразу создало впечатление о невозможности рассчитывать на лояльность по крайней мере части сил поддержания порядка. И немедленно, пока кипел алжирский котел, в метрополии воцарились беспокойство и тревога, охватившие даже членов правительства. Но поскольку сам я уверен, что бунтовщики имеют на ближайшее будущее только одну цель — заставить меня отказаться от решения о праве Алжира на самоопределение, — я полон решимости вскрыть нарыв, не идти ни на какие уступки и добиться от армии полного повиновения.

Именно об этом я кратко сказал по радио 25 января, охарактеризовав события предыдущего дня как «коварный удар, нанесенный по Франции», выразив доверие Делуврие и Шалю и заявив, что я «выполню свой долг». В течение последующих дней чувств-

---

8

Названа так в честь местности во Франции, где прославились герои Сопrotивления. — *Прим. ред.*

вовалась страшная неуверенность. Генерал Шаль, который первоначально реагировал как настоящий руководитель, публично осудил беспорядки, подтвердил, что не допустит их, собрал внушительные подкрепления, окружил университет военным кордоном, чтобы изолировать его от населения, потом вдруг изменил свое поведение, погряз в переговорах с военными и гражданскими лицами и не предпринимал ничего, чтобы заставить людей Лагайярда капитулировать, предоставив им возможность сноситься с городом, как им заблагорассудится. Кроме того, он дал понять Парижу, что придется капитулировать. Он заявил это Мишелю Дебре, который вместе с Пьером Гийома прилетел в Алжир в ночь с 25 на 26 января, и заставил группу специально собранных для этой цели полковников повторить это. На следующий день он послал двух или трех полковников в Елисейский дворец, чтобы они вновь высказали это мне. Поскольку Поль Делуврие, опасавшийся быть внезапно втянутым в очередную заваруху, решил 28 января покинуть Алжир и выехать в Регаю, откуда он обратился к городу с волнующим предостережением, верховный командующий покинул свой штаб и присоединился к генеральному делегату. В этот же день у генерала Эли, приехавшего к Шалю по моему указанию, чтобы определить его дальнейшее поведение, сложилось впечатление, что Шаль пребывает в нерешительности. Между тем силы порядка разлагались: своего рода скандальный балаган, в котором перемешались восставшие, гражданские лица и солдаты, развернулся на баррикадах, окружающих университетские здания; и казалось, что весь бастующий Алжир, без транспорта, с закрытыми магазинами, готов встать на путь раскола. Но, не исключая возможности худшего, я предполагаю, что все это является скорее попыткой запугать меня, чем настоящим взрывом. Поэтому, предоставив восставшим «вариться в собственном соку» на протяжении нескольких дней, я почувствовал, что настало время покончить с этим делом, не оставляя никаких иллюзий.

29 января я снова выступил перед микрофонами радио и камерами телевидения. Я надел генеральскую форму. Суть моего выступления сводилась к тому, чтобы вначале подтвердить, что «алжирцы будут иметь право выбрать свою судьбу» и что «самоопределение, предложенное главою государства, решенное правительством, одобренное парламентом и принятое французской нацией, является единственно возможным выходом». Далее я обратился к «сообществу французского населения Алжира», стремясь ослабить его тревоги, и к армии, чтобы напомнить ей о необходимости соблюдать дисциплину, и отдал ей категорический приказ сделать так, чтобы «сила была на стороне закона», и, на-

конец, обратившись к «моей древней и дорогой стране» Франции, я просил ее «поддержать меня, что бы ни произошло». Я закончил словами: «В то время как виновники создавшегося положения, мечтающие стать узурпаторами, выдвигают в качестве предлога для своих действий принятое мною решение по Алжиру, пусть знают все, пусть хорошо знают, что я не стану его пересматривать!»

Результаты выступления сказались незамедлительно. Все признаки подтверждают, что Франция полностью его одобрила. В Алжире, где мою речь слушали во время грозы, казавшейся символической, каждый француз понял, что авантюристы должны или подчиниться, или же пойти на такие крайности, на которые за ними последовали бы очень немногие. С этого момента лица, стоящие у власти, начали действовать решительно. Днем 30 января генерал Грасье, назначенный Шалем возглавлять командование сектором Алжира, получил от генерала Крепена, преемника Массю, категорический приказ с помощью войск освободить периферийные здания университета и, таким образом, блокировать восставших; увидев это, многие бунтовщики покинули университет и сдались, после чего те, кто остался, приняли ультиматум и сложили оружие, обратившись с просьбой принять их в действующую армию. Это было разрешено всем, кроме руководителей. 1 февраля все было кончено. Лагайярд был арестован и отправлен в Париж, чтобы предстать там перед судом. Так же поступили одновременно и с некоторыми другими руководителями восстания, в том числе с Аленом де Сериньи и бывшим депутатом Демарке. Ортизу удалось бежать в Испанию. Алжир успокоился, и армия вернулась к выполнению своей задачи по умиротворению.

В мучительном урегулировании алжирской проблемы заявление о предоставлении Алжиру права на самоопределение, дело «баррикад», проявление власти государства явились решающим этапом. Отныне уже не было сомнений, что, как бы тяжело и драматически ни развернулись события, выход может быть найден, что этим выходом должно быть предоставление Францией Алжиру независимости и ассоциация двух стран в той или иной форме, что алжирская проблема не приведет к расколу нашего национального единства. Учитывая добровольное решение тех заморских департаментов и территорий, которые остались в составе Французской Республики, учитывая все, сделанное в Черной Африке и на Мадагаскаре, учитывая мероприятия в Марокко и Тунисе и продолжение уже начатого ранее в Лаосе и Камбодже, учитывая надежды на то, что аналогичное решение когда-нибудь станет возможным и во Вьетнаме, представляется ясным, что

превращение колонизации в современное сотрудничество становится теперь реально осуществимым делом, что это принесет Франции не только облегчение от ставших неоправданными тягот, но и плодотворные перспективы на будущее.

И судьбе угодно, чтобы этим великим делом руководил я. Как это случилось на протяжении нашей истории с теми, кому также приходилось навязывать свою волю во имя высших интересов, как это было со мной в другие времена, мне необходимо ради этого принуждать, а иногда наказывать французов, выступающих против, хотя, может быть, первым их порывом и были добрые намерения. Мне надо преодолеть раздиравшие меня чувства, когда я сознательно решаю покончить с колонизацией, славной в былые времена, но теперь ставшей разорительной. Мне надо, приложив все усилия, направить рациональное честолюбие на иные цели. Я чувствую, что Франция призывает меня к выполнению этой задачи. Я верю, что народ прислушивается ко мне. В нужный день я спрошу у него: прав ли я был или ошибался. И тогда его голос будет для меня гласом Божьим.

## АЛЖИР

Итак, предстояло идти по пути, начертанному моим решением предоставить алжирцам право быть хозяевами своей судьбы. Ликвидация мятежа «баррикад» показала, что армия верна своему долгу в тех случаях, когда с вершины Государства я отдаю ей необходимые приказы. В то время я лучше, чем когда-либо, видел, что необходимо предпринять. Менее, чем когда-либо, я сомневался в том, что именно мне надлежит свершить это. Но так же, как и всегда, мне было необходимо содействие французов.

Мусульманская масса алжирского населения укрепилась, условно, во мнении, что именно от генерала де Голля она может ждать справедливости и мира. Однако, думая так, она не высказывала этого вслух. Руководители Фронта национального освобождения заявляли, что в принципе не возражают против переговоров. Но они не приступали к ним, окаменев в своей подозрительности, своих крайних суждениях и своих разногласиях. Все заставляет полагать, что и во Франции рассчитывают только на меня, как на единственного человека, который в состоянии решить эту проблему. Но Франция сумеет доказать это только тогда, когда она сможет высказаться. Из рядов оппозиции ни сторонники «французского Алжира» не смогут навязать мне сохранение статус-кво, ни коммунисты не сумеют принудить меня к подчинению. Однако перспектива свободного самоопределения разжигает бешенство первых и вызывает ту же систематическую враждебность вторых, которую они проявляют по отношению ко мне в любом случае. Политические партии, считая в сущности, что я иду правильным путем и что мне не надо мешать, не решаются заявить об этом во весь голос и не перестают выступать с критикой и с оговорками. Почти все люди, политически объединившиеся вокруг меня ради национального обновления, продолжают твердо поддерживать меня. Но многие среди них считают слишком горькой чашу неизбежного. Большинство чиновников и военных, которым надлежит в Алжире или в Париже исполнять мой план, убеждены в необходимости моей власти и понимают, что должны ей подчиняться. Но не так-то легко отказаться от столь привычных иллюзий в отношении Алжира. Несомненно, министры действуют в соответствии с полученными от меня ука-

заниями. Но большинство их просто смиряется с такой необходимостью. Сам Мишель Дебре с полнейшей лояльностью принимает все мои предложения и, конечно, прекрасно понимает, что государство может слушаться только голоса разума. Но он страдает и не скрывает этого. В то утро, когда я дал ему прочесть перед моим официальным выступлением текст моей речи, в которой я предвидел, что «настанет день, когда появится Алжирская республика», — он позволил своей печали вылиться наружу.

В результате ответственность за столь большое и мучительное предприятие лежит безраздельно на мне. Пусть будет так! Но в силу того, что в стране нет достаточно мощного политического течения за осуществление этой цели, и учитывая сохранившиеся еще возможности повстанцев, я вынужден продолжать идти намеченным путем не скачками, а размеренным шагом, открывая сам каждый этап этого пути и лишь после того, как тщательно подготовлю его практически и психологически. Мне постоянно приходилось работать над тем, чтобы оставаться хозяином положения в данный момент, чтобы ничего — ни политические интриги, ни нападки прессы, ни давление из-за границы, ни волнения в армии, ни мятежи местного населения — не могло заставить меня изменить намеченный путь. Дважды в самые решительные моменты, чтобы исключить возможность возврата к прошлому, я призывал народ одобрить мои решения, отбросив в сторону всякие расчеты, трудности и компромиссы. Короче говоря, я старался вести дело так, чтобы постепенно привести настроения французов в соответствие с интересами Франции, избегая малейшего разрыва национального единства.

Сразу же после алжирского кризиса, я направил все усилия на консолидацию достигнутого. К парламенту, созванному 2 февраля 1960 года на чрезвычайную сессию, была обращена просьба предоставить правительству специальные полномочия для упорядочения администрации и юстиции как в том, что касается их организационной структуры, так и относительно положения конкретных лиц, поскольку необходимость этого продемонстрировали недавние события. Парламент сразу проголосовал за эти специальные полномочия, и социалисты не преминули заявить, что осуществление этих специальных полномочий надлежит проводить лично президенту республики, что, однако, не помешает им в дальнейшем поставить мне в вину мою «личную власть». Правительство рассталось с двумя министрами. Прежде всего, с Жаком Сустелем. С 1940 года и вплоть до того дня, когда я, 12 лет спустя, удалился от всех дел, этот талантливый человек, блестящий интеллектуал, страстный политик находился рядом со мной. Мой уход с политической арены предоставил его самому

себе. Будучи назначенным генерал-губернатором Алжира, он стал свидетелем в 1954 году начала восстания, очевидцем страшных зверств, человеком, к которому неслись мольбы и приветствия «черноногих». Сделавшись их человеком, он стал также сторонником «французского Алжира», как они это понимали. И если в силу наших старых отношений я тем не менее первоначально ввел его в состав правительства — именно тогда наемные убийцы ФНО старались уничтожить его, — то дальнейшее развитие событий сделало для меня невозможным сохранить его на посту министра. Одновременно расстался со своим портфелем и Бернар Корню-Жантий, хотя он и не был столь открыто связан с движением, но поддерживал его. С другой стороны, поскольку Пьеру Гийома теперь было поручено руководить нашей политикой в области науки, атомными и космическими проблемами, военным министром стал Пьер Месмер. Само собой разумеется, алжирские дела я сохранил непосредственно за собой. Специальный совет по Алжиру, созданный для рассмотрения этих проблем и секретарем которого при мне был Бернар Трико, принял решения, в частности, о необходимых перемещениях некоторых крупных чиновников и военных руководителей, о роспуске «территориальных частей», ставших со времени «баррикад» основным элементом волнений и даже восстаний, о ликвидации при штабах частей «бюро по психологической деятельности», созданных в свое время для информации командования относительно умонастроений населения, но превратившихся под влиянием некоторых военных теоретиков — сторонников активных действий в рассадники подстрекательства и волнений.

С 3 по 7 марта 1960 года я в сопровождении министров Месмера и Тернуара, генералов Эли, Лаво и Шаля вновь посетил нашу алжирскую армию. Я проехал от востока до запада, побывав в самых уязвимых местах наиболее активных зон: Хаджер-Мафруше, Катине, на перевале Таменту в Батне, Менаа, Барике, Омале, Сук-эль-Хемисе, Улед-Муссе, Бир-Рабалу, Богари, Поль-Казеллесе, Тиарете, Зенате, Зарифете, на высоте 811, в Суани и Монтаньяке. Я выслушивал на месте доклады и давал указания, проводил дни и ночи с войсками, не останавливаясь ни в одном городе и не допуская в свою свиту ни одного корреспондента. Я старался придать этой поездке исключительно военный характер. Но это значило планировать, не учитывая способностей прессы к измышлениям и ухищрениям. Следуя своей склонности рассматривать все события с низменной и анекдотической точек зрения, она окрестила как «турне полевых кухонь» контакт, который генерал де Голль установил с бойцами. Но кроме того, не понимая, что если я и вел Францию к освобождению от алжирской пробле-

мы, то одновременно я хотел, чтобы наши силы были хозяевами положения на этой территории до тех пор, пока я не приму решение вывести их оттуда, пресса представила мои призывы к действию, с которыми я обращался к воинским частям, как внезапный поворот в моей политике. Ибо солдатам, ежедневно рискующим жизнью и иногда приносящим ее в жертву ради «чести французского оружия», я, естественно, говорил, что борьба не окончена, что она может еще продолжаться долгие месяцы и до тех пор, пока она ведется, армия должна повсюду искать, побеждать и уничтожать противника. Правда, уточняя свою цель, я говорил, что результатом будет «алжирский Алжир», но это наступит по решению и с помощью французской нации. Однако тенденциозное освещение моего визита подогрело политические и журналистские страсти, что вызвало со стороны руководителей Фронта национального освобождения воинственные заявления, добавив тем самым лишние трудности в и без того трудное дело осуществления моей задачи.

Между тем в конце мая в Алжире состоялись кантональные выборы. Это было важным событием, ибо впервые генеральные советы обновлялись на основе единой избирательной коллегии для всего населения, а правительство намеревалось создать из выбранных депутатов специальные комиссии, которые помогали бы властям на всех уровнях административного аппарата, особенно потому, что ФНО категорически запретил мусульманам участвовать в голосовании, а различные организации активистов обратились с аналогичным призывом к европейскому населению. Тем не менее число принявших участие в голосовании достигло 57% зарегистрированных избирателей, что, учитывая множество отсутствовавших и, как правило, малый интерес населения к подобного рода вещам, говорило о существенном успехе. Мусульмане в подавляющем большинстве проголосовали за списки тех кандидатов, которые заявляли о своей верности политике де Голля. Что касается «черноногих», то они отдали свои голоса главным образом сторонникам «французского Алжира», но значительная их прослойка, именовавшая себя «либералами», выбрала кандидатов противоположного направления. Из этого я сделал вывод, что наступил момент сделать очередной шаг к миру.

14 июня, обращаясь к нации с изложением общего развития обстановки, я заявил: «Гений века изменяет условия нашей деятельности и в заморских территориях и подводит нас к тому, чтобы положить конец колониализму... Совершенно естественно чувство тоски по былой Империи, подобно тому как можно сожалеть и о мягком свете керосиновых ламп, о величии парусного флота, об очаровании эпохи экипажей. Но что поделаешь? Нет

политики, стоящей вне реальности». Затем я перешел к жгучей теме: «И Алжир? Ах! Я никогда не считал, что смогу с минуты на минуту решить проблему, стоящую 130 лет... Но 16 сентября открылась прямая и ясная дорога, ведущая к миру... Единственным выходом из этой сложной и мучительной драмы является предоставление алжирцам права самим решать свою судьбу». И заканчивая, я сказал: «Еще раз я обращаюсь от имени Франции к руководителям восстания. Мы ожидаем их здесь, чтобы положить почетный конец все еще продолжающимся сражениям... После чего будет сделано все для того, чтобы алжирский народ получил возможность высказаться в спокойной обстановке. Ему одному надлежит решать. Но я уверен, что он примет здравое решение добиться в союзе с Францией и в условиях сотрудничества со всем Сообществом преобразования алжирского Алжира в братскую, процветающую страну».

20 июня в Мелен, префектуру, куда мы разрешили им явиться, прибыли Али Буменджел и Мохаммед Бен Яхья. Мне достаточно хорошо известно, что те, кто их послал, вынуждены были успокаивать страсти своих активистов внешней непримиримостью, бороться за единство собственного комитета и делать уступки любопытству международной галерки, чтобы надеяться на достижение соглашения в результате этого первого контакта. К тому же руководящий центр ФНО публично объявил, что эти два эмиссара посылаются только для уточнения условий, на которых делегация во главе с «Председателем Временного правительства Алжирской республики» Ферхатом Аббасом сможет встретиться здесь с французским правительством. Эти условия в том виде, как они были изложены Буменджелем и Бен Яхьей их собеседникам, генеральному секретарю по алжирским делам Роже Морису и генералу Гастэну, должны были в обязательном порядке включать: прямые переговоры между Ферхатом Аббасом и генералом де Голлем; гарантию того, что членам делегации, участвующим в переговорах, на нашей территории и даже в Париже — а почему бы и нет? — будет предоставлена возможность принимать и посещать кого им заблагорассудится, выступать с различного рода публичными декларациями и беседами; введение в состав делегации Бен Беллы и его товарищей, находящихся на острове Экс, которые должны быть ради этого освобождены. Им, естественно, ответили, что все это немыслимо до тех пор, пока они не прекратят сначала все боевые действия и покушения, что генерал де Голль, в частности, не станет разговаривать с главарем бунтовщиков в то время, как стреляют по его солдатам в Алжире и убивают его соотечественников, гражданских лиц, повсюду, даже на улицах Парижа. Мы готовы договориться об условиях «прекра-

щения огня» и затем об условиях самоопределения, предполагая и ожидая, что и французы и алжирцы обязательно проголосуют за него. Если делегаты ФНО со своей стороны намерены вести такие переговоры, то им будут предоставлены все возможности для сношения с Тунисом. Проходившие в течение восьми дней переговоры не дали никаких результатов, кроме одного, на мой взгляд, впрочем, весьма существенного: посланцы восставших открыто обратились с просьбой принять их на территории метрополии для ведения переговоров, получили согласие на это и на протяжении длительного времени вели переговоры с представителями правительства. После этого представители Франции и ФНО вежливо расстались, высказав обоюдную уверенность, что они встретятся вновь.

5 сентября я четко разъяснил представителям прессы, куда мы идем, в каком духе действуем и ради какой цели. Предоставив им точную информацию о состоянии дел: управление коммунами находится в руках муниципальных советов, причем теперь большинство мэров — мусульмане, департаментскими делами занимаются генеральные советы, все 13 председателей которых тоже мусульмане, региональные дела находятся в руках комиссий из депутатов, причем три четверти их также будут мусульманами, — я говорю о том будущем, которое определится в скором времени после выборов в Алжире: «Во всяком случае, я уверен, что алжирцы захотят иметь алжирский Алжир. По-моему, единственный вопрос, который встает, это вопрос о том, будет ли этот Алжир алжирским против Франции... или в ассоциации с ней». Что же касается условий проведения голосования, в результате которого алжирцы примут решение, то я заявляю, что они должны быть выработаны при участии «всех течений», что совершенно очевидно означает, что правительство будет вести переговоры с ФНО. Затем я повышаю накал своей речи: «Я не настолько слеп или несправедлив, чтобы недооценивать силу движения израненных душ и пробужденных надежд, которое привело Алжир к восстанию... Полностью осуждая покушения на гражданских лиц и считая эпизодические стычки, к которым сейчас свелись боевые действия, напрасными страданиями, напрасной тратой времени и крови... тем не менее я признаю храбрость, проявляемую бойцами... И я уверен даже, что после окончания последних стычек ветер, который подует над израненным Алжиром, будет ветром братства ради сотрудничества и ради мира». Пресс-конференцию я закончил следующими словами: «Я слышу с разных сторон: «Только де Голль может решить проблему. Если он не решит ее, то этого не сделает никто». А если так, тогда пусть позволят мне действовать!»

Два месяца спустя я снова выступаю по этому вопросу. Действительно, я уже готов был определить дату референдума, и его приближение вызвало многочисленные волнения. Так, руководители восстания заявили в Тунисе, где они обосновались, что не признают законным никакое голосование в Алжире до тех пор, пока на его территории будет находиться французская армия. Так, в связи с этим было отмечено значительное увеличение числа покушений ФНО в метрополии на французов и на мусульман, сторонников Мессали Хаджа. Так, в Алжире «черноногие» активисты организовали антидеголлевские демонстрации, воспользовавшись приближением 11 ноября. Так, в Национальном Собрании Франции впервые после 1958 года обсуждение бюджета проходило в условиях жарких споров, отражавших нетерпение и беспокойство. Но я, выступая с обращением к нации 4 ноября, сознательно держусь весьма решительно и уверенно. «Встав снова во главе Франции, — сказал я, — я решил от ее имени идти по пути, который ведет не к Алжиру, управляемому французской метрополией, а к алжирскому Алжиру. Это значит, к освобожденному Алжиру... такому Алжиру, которым, если этого захотят сами алжирцы — а я думаю, они этого захотят, — будет управлять собственное правительство со своим аппаратом и своими законами». Я повторяю, что «завтрашний Алжир, такой, каким он выйдет после самоопределения, может быть построен либо вместе с Францией, либо против нее» и что «Франция не станет сопротивляться решению, которое будет определено голосованием, каким бы это решение ни было». Снова я предлагаю руководителям внешней организации повстанцев «принять без всякой дискриминации участие в переговорах относительно предполагаемого референдума, а затем в предвыборной кампании по референдуму, которая будет проходить в условиях полной свободы, и, наконец, в контроле за ходом голосования. Единственное мое условие — заключить соглашение о прекращении огня». Но я категорически отвергаю их претензию на то, чтобы прийти к власти только с помощью автоматов, после того как Франция выведет свои войска, и без предварительного всеобщего голосования о дальнейшей судьбе Алжира под тем предлогом, что они уже сейчас являются «правительством Алжирской республики». «Да, настанет день, когда появится такая республика, но пока что она еще никогда не существовала». Далее я перешел к критике тех людей у нас, которые «стремятся создать беспорядки, могущие взволновать общественное мнение... Таким образом, две враждебные своры, свора бесплодной неподвижности и свора пошлого отступления, приходят в ярость и тянут в противоположные стороны, причем и та и другая тянут Алжир и Францию к катас-

трофе». Не деликатничаю я и с иностранцами, которые используют эту проблему в пропагандистских целях. «В то время как Советская империя, являющаяся самой страшной империалистической и колониальной державой, какие когда-либо были известны, работает над расширением своего господства, в то время как коммунистический Китай стремится прийти ей на смену, в то время как гигантские расовые проблемы сотрясают многие районы земного шара, в частности Америку, против Франции не только выступают с угрожающими заявлениями угнетатели Востока, но появляются тенденциозные комментарии и в свободном мире... Для противодействия подобным попыткам агитации внутри страны и за ее пределами... существует Государство! Есть правительство, которое я назначил и которое выполняет свои задачи с примерной преданностью и умением... Есть парламент, который обсуждает, осуществляет законодательную власть, контролирует... Исполнительная и законодательная власть перестали быть тесно переплетенными, что позволяет правительству проявлять необходимую инициативу и иметь свободу действий... Есть глава государства, на которого конституция налагает обязанности, доминирующие над всем». Я заканчиваю: «Республика стоит твердо. Ответственные лица находятся на своих постах. Вся нация будет призвана принять окончательное решение. Франженки, французы, я рассчитываю на вас. Вы можете положиться на меня!» Впрочем, в аналогичном плане я выступал в 1960 году во время поездок по провинции: в Лангедок — в феврале, в Нормандию — в июле, в Бретань — в сентябре, в Альпы — в начале и в конце октября. Все проявляли горячее одобрение.

Однако добрые слушатели, к которым были обращены мои предупреждения, реагировали так, как могли. Руководители Фронта национального освобождения опубликовали коммюнике по поводу референдума: «Совершенно очевидно, что речь идет о том, чтобы предоставить Алжиру статут, дарованный свыше... чтобы помешать алжирскому народу высказаться за независимость». Поэтому они закликают мусульманское население не участвовать в голосовании. Во Франции коммунисты заявляют: «Голосовать «да» — это значит сказать «нет» миру!» Активисты повсюду создают свою оппозицию. В Алжире они создают «Фронт французского Алжира», в который сразу же вступает более 200 тыс. человек. Аналогичная организация, «Национальный фронт за французский Алжир», создается в метрополии. Можно было полагать, что на следующий день после моего выступления большинство чиновников в Алжире станет на сторону раскольников. Однако только один из них подал в отставку, правда занимавший один из самых важных постов, и был немедленно

уволен. Но многие другие открыто выражали свое несогласие. 11 ноября неистовствующая толпа демонстрировала по улицам, грабила здания и избивала представителей сил порядка. На следующий день взорвалось несколько пластиковых бомб; организаторами взрывов на этот раз были ультра. В Париже маршал Жюэн дал знать, что, несмотря на пятидесятилетнюю дружбу, связывавшую его с генералом де Голлем, он намерен протестовать, как лицо самого высокого военного звания страны и как алжирец, против идеи оставить на произвол судьбы наших братьев-алжирцев. В Сен-Себастьяне, куда уже завели его планы, генерал Салан заявил прес-се: «Я говорю «нет» этому алжирскому Алжиру... Уже сейчас необходимо, чтобы каждый выполнил свой долг... Время уверток ушло в прошлое». На начавшемся процессе по делу «баррикад», по обвинению Лагайярда, Сюзини, Демарке, Переза и Ронда военный трибунал, проявив снисходительность, граничащую с сообщничеством, сразу предоставил обвиняемым временную свободу, что дало им возможность бежать в Испанию, откуда они смогут при желании нелегально вернуться в Алжир.

Но я со своей стороны ускоряю движение вперед. 16 ноября мое решение провести уже в начале января референдум, по которому французский народ предоставит или не предоставит алжирцам право на самоопределение, было принято Советом Министров, который вскоре установил дату референдума и сформулировал поставленный на голосование вопрос. Тем временем я принял множество алжирских влиятельных лиц, в особенности недавно избранных мусульман: мэров крупных городов, сенаторов, председателей генеральных советов; все дали мне ясно понять, что конечным решением может быть только соглашение с Фронтом национального освобождения, ибо без этого никакое алжирское правительство невозможно. 22 ноября Луи Жокс был назначен государственным министром по алжирским делам, так что теперь правительство в его лице могло постоянно посещать Алжир. На следующий день генеральный делегат Поль Делуврие, лояльность которого никогда не подлежала сомнению, но который проявлял признаки крайней усталости, был заменен Жаном Мореном. 5 декабря, перед тем как подписать декрет, призывающий избирателей к урнам, Мишель Дебре изложил в Национальном Собрании политику правительства в отношении Алжира, которая обсуждалась депутатами в течение двух дней. Наконец, 9 декабря я снова вылетел на «Каравелле» в Алжир, где намеревался посетить несколько населенных пунктов и выступить перед командным составом армии. Вместе со мною вылетели Луи Жокс и Пьер Месмер. Повсюду мне докладывали о положении и представляли соответствующих лиц: Жан Морен — если дело каса-

лось гражданской области, генерал Крепен — если дело касалось военной области. Крепен уже полгода назад заменил генерала Шаля, ставшего верховным командующим союзнических сил в Центральной Европе.

Моя инспекционная поездка протекала бурно. В Алжире и Оране, куда, однако, я не намеревался заезжать, «Фронт французского Алжира» приказал провести всеобщую забастовку и закрыть магазины. Воскресенье 11 декабря стало кровавым днем в этих городах, где произошли столкновения между двумя колоннами демонстрантов, французов и мусульман, и где силы порядка были вынуждены открыть огонь. Прибыв 9 декабря в Аин-Темушен в департаменте Оран, я констатировал недоброжелательное отношение большинства «черноногих». Если встреча в Тенезаре и Тлемсене была более благожелательной, так это потому, что там арабам не помешали принять в ней участие. Но на следующий день, посетив в департаменте Алжир Блиду, Шершелл, Зеддин и Орлеанвиль, я опять окупнулся в атмосферу напряженности. Местные французы молча провожали меня глазами, тогда как мусульмане не осмелились выйти из своих домов. Наоборот, в Кабилии, где число европейских жителей незначительно, все население высыпало на улицы. Так, в Тизи-Узу в противоположность моему прошлогоднему визиту значительная толпа кабиллов собралась вокруг ратуши, чтобы услышать и приветствовать меня. Такой же прием ждал меня в Акбу. После этого я прибыл в Бужи, департамент Константина; здесь произошли серьезные столкновения между представителями обоих слоев населения около здания префектуры, где я остановился ночевать. 12 декабря через Сетиф и Телергму я прибыл в Орес, колыбель и цитадель восстания. Я ходил пешком по улицам Арриса, Кеф-Мессары, Бискры, и меня повсюду сопровождали приветливые толпы. 13 декабря я проехал от Тебессы до Бона по заградительной линии вдоль тунисской границы, не услышав ни единого выстрела. В Уэнзе я посетил железорудные копи, где работа шла полным ходом, и меня приветствовали многие шахтеры. Наконец, в Боне, перед отъездом, я в последний раз собрал офицеров. Как Гамбьез — в Оранском округе и Везине — в Алжирском, так и генерал Гуро представлял мне офицеров Константинопольского округа по мере моего проезда. Все слышали, как я четко и ясно заявил, что Алжир получит право на самоопределение, чтобы дать понять, что я, их начальник, наметил свою цель и не изменю ее. Я говорил достаточно громко, чтобы они услышали и поняли, каким национальным бедствием явилось бы непослушание солдат и, наоборот, насколько важно будет примерное соблюдение дисциплины. Покидая алжирскую землю, я выслушал последнее

приветствие от генерала Гуро. «Мой генерал! — сказал он крайне взволнованно. — Я отвечаю перед вами за себя и за моих подчиненных!»

То, что протекало перед моим взором на протяжении пяти дней, что я выслушал и что проникло в мое сознание, создало у меня четкое впечатление о действительном положении в Алжире в момент, когда голосование по вопросу о самоопределении должно было сорвать последние покровы. Война почти закончена. Военный успех достигнут. Боевые операции свелись практически к нулю. Главное место теперь занимает политика, и в этой области две группы населения отстоят друг от друга дальше, чем когда-либо: масса мусульманского населения убеждена, что она имеет право на независимость и что рано или поздно она ее добьется; европейское население в своем большинстве полно решимости любой ценой не допустить этого. Поэтому существовал все нарастающий риск, что восстание и покушения изменят свое направление. В этих условиях следовало предвидеть, что активисты «французского Алжира», на какие бы крайности они ни пошли, получат поддержку большинства «черноногих» и широкое сообщничество в рядах полиции, местной администрации и местных судебных органов. Равным образом надо было предполагать возникновение более или менее серьезных инцидентов в результате того, что отдельные воинские части включали в свой состав группу офицеров, которые считали Алжир неотъемлемым завоеванием Франции. Все же я не сомневаюсь, что в конечном счете армия в целом останется верной дисциплине и что за мной пойдет масса населения Франции. Но самое главное — для меня очевидно, что продолжение теперешнего положения чревато только новыми беспорядками, даже несчастьями для нашей страны, короче, что настало время покончить с ним.

До референдума я еще трижды обращался к нации. Кто же, действительно, может лучше объяснить грозящую опасность, чем тот, на ком лежит вся ответственность? 20 декабря я заявил: «Французский народ призван высказаться, одобряет ли он мое предложение, чтобы алжирское население само решало свою дальнейшую судьбу... Тем самым Франция берет на себя торжественное обязательство согласиться с моим решением. Она принимает это обязательство в соответствии со свойственной ей гениальностью освобождать других, когда наступает соответствующий момент... Она принимает его с надеждой, соответствующей ее интересам, что в дальнейшем она будет иметь дело не с неоднородным и взбунтовавшимся Алжиром, а с Алжиром умиротворенным и отвечающим за себя... Поэтому я прошу французов и французов открыто и в массе своей сказать “да”». На

этом же я настаивал 31 декабря в своем новогоднем выступлении. «Одобрите, — говорил я, — предложенный вам проект подавляющим большинством голосов. Этого прежде всего требует здравый смысл... Кроме того, если, к несчастью, ответ страны будет отрицательным или неопределенным или если многие воздержатся от участия в голосовании, то какие же плачевные последствия повлекут за собой такое бессилие и такой раскол! И наоборот, если референдум станет потрясающей демонстрацией согласия, тогда нация, ее правительство, ее парламент, ее администрация, ее армия получат нужное направление для дальнейшей деятельности и четкую цель, к достижению которой надо стремиться! Тогда алжирцам станет ясно их будущее! Тогда иностранные державы будут предупреждены: Франция знает, чего хочет!» И чтобы не было никакой двусмысленности относительно моих намерений, я добавил, что от результатов голосования зависит, буду ли я продолжать выполнение взятой на себя задачи или же откажусь от этого. Именно так я закончил свой призыв 6 января: «Французенки! Французы!.. По правде говоря, — кто ж этого не знает? — все зависит от каждого из вас, от каждого из вас и от меня».

8 января 1961 года нация, как я ее просил об этом, откровенно и в массовом масштабе отвечает мне. Из 27,5 млн. зарегистрированных избирателей проголосовало более 21 млн. 15,5 млн. человек сказали «да», 5 млн. — «нет», то есть большинство положительных ответов достигло 76% голосовавших. Результат тем более поразителен, что ответ «нет», за который горячо ратовали сторонники «французского Алжира» и Коммунистическая партия, давал, кроме того, возможность проявиться всякого рода недовольствам и злопамятству. В Алжире из 4760 тыс. зарегистрированных избирателей к урнам пришло 2800 тыс. Этот процент голосовавших — 59! — знаменателен в тех условиях, когда руководители восстания заклинали воздержаться от голосования, а миллион избирателей находился вдали от своих коммун. Проголосовали «да» 1920 тыс. человек — 70%, «нет» — 790 тыс. человек.

Итак, свершилось! Французский народ, предоставив свободу своей колонии, дает алжирцам право располагать своей судьбой. Нет никаких сомнений в том, что последние выберут независимость. Остается довести дело до конца таким образом, чтобы они сделали это в тот момент, который мы выберем сами, и чтобы возведение их территории в ранг государства было провозглашено нами. Поэтому будет необходим окончательный референдум. Но мы, французы, можем спросить себя, не будет ли лучше сознательно отказаться от Алжира, этого «ящика огорчений», отозвать оттуда нашу администрацию, наших педагогов, прекратить

экономическую деятельность, закрыть кредиты, сконцентрировать официально вокруг Алжира и Орана жителей, желающих остаться французами, выслать в Алжир проживающих во Франции алжирцев и следить издали в качестве сторонних наблюдателей за жизнью страны, которая отныне перестанет быть чем-то для нас, — короче, действовать так, как будто в колонизации, словно в любви, «победа — это умение вовремя удалиться». Кстати, такое полное отделение, губительное для Алжира, не будет губительным для нас, и мне пришлось откровенно учитывать и такую возможность. Однако, оценив все, я продолжал верить, что можно поступить лучше: добиться создания ассоциации, взаимовыгодной и для Франции, и для Алжира.

Но в этом отношении ничто из намеченного и даже при случае принятого голосованием не может быть осуществлено, если те, кто борется за независимость, не примут самого активного участия в проведении этого в жизнь. Ибо отныне алжирцы, даже если в настоящее время далеко не все из них открыто следуют за ними, будут признавать их своими руководителями. В общем, речь шла о том, чтобы привести Фронт национального освобождения к соглашению с нами, чтобы после прекращения боевых действий гражданам обеих стран можно было предложить решить путем голосования одновременно и вопрос о создании независимого алжирского государства, и вопрос об установлении договорных отношений между этим государством и Францией.

Я не сомневался, конечно, что прежде, чем такие переговоры могли завершиться успехом, и даже прежде, чем они могли начаться, мы должны были встретить от противной стороны проявление многочисленных колебаний, предубеждений и желания поторговаться. Благодаря налаженной разведывательной информации мы знали довольно хорошо, что представляет собою организм, называвший себя «Временным правительством Алжирской республики», чтобы понять, насколько противно самой структуре этой организации быстрое принятие конструктивных решений. И не потому, что у руководителей восстания имелись сомнения в необходимости для будущего алжирского государства поддерживать преференциальные отношения с Францией. Впрочем, поднимая знамя восстания, такие люди, как Ферхат Аббас, Крим Белькасем, Буменджель, Бен Хедуа, Буларуф, Ахмед Франсис и другие, были слишком пропитаны нашими идеями, слишком привязаны к нашим ценностям, слишком хорошо сознавали, что географические, исторические, политические, экономические, интеллектуальные и социальные условия их страны связаны с нашей страной, чтобы вовсе не желать сотрудничества в будущем. Но подозрительность, которую они испыты-

вали по отношению к французским официальным инстанциям, какими они знали их в прошлом, сомнения в искренности и прочности моего правительства, возникавшие у них при чтении нашей прессы, отсутствие необходимой компетентности в области практической деятельности, характерной для них самих, наконец, соперничество, существовавшее между различными руководителями, проявлявшееся все сильнее по мере приближения перспективы реальной власти, вынуждали их придерживаться тактики пустой словесной пропаганды. Они опасались сопоставления мнений и точных обязательств, которые предполагают действительные переговоры.

Однако как долго еще могли они уклоняться от этих переговоров? Что бы там они ни говорили, результаты референдума 8 января стали теперь решающим фактором и буквально прижали их к стене. Они, впрочем, уже поняли, что мировая общественность сделала из этих результатов соответствующие выводы. Они констатировали, что правительства Туниса и Марокко — а содействие этих стран было необходимо им как для подготовки воинских частей за пределами своей страны, так и для связи с сопротивлением внутри страны — с нетерпением ждут окончания войны. Они не могли не знать также, что даже макизары джебелей задают себе вопрос, почему продолжаются их ужасные испытания теперь, когда предложения генерала де Голля сделали их беспредметными. Уже в июне 1960 года руководители того, что повстанцы называли IV вилайей, то есть вилайей алжирского округа, потребовали переговоров о прекращении огня против их банд. Я дал указание доставить их в величайшей тайне в Париж и лично с уважением принял этих делегатов: двух «военных», Си Салаха и Си Лакдара, и одного «политика», Си Мохаммеда. Увидев и выслушав меня, они высказали горячее желание достичь соглашения, были совершенно уверены, что смогут увлечь на правильный путь большинство своих товарищей, и, несмотря на мои предостережения, энергично уверяли, что смогут добиться молчаливого согласия руководителей «Фронта». Правда, после многих месяцев передвижений по маки и, без сомнения, не без вмешательства высшей организации «политический» руководитель приказал убить двух «военных». Но сам факт этой попытки говорил о том, насколько мои предложения пошатнули моральный дух повстанцев.

В феврале 1961 года, отвечая на запрос, поступивший к нам из Швейцарии от эмиссаров «Фронта», я счел своевременным послать в Люцерн официозного представителя. Им должен был стать такой человек, чтобы у противной стороны не возникло сомнения в том, что он действительно выражает мой взгляд на

вещи. Согласно моим инструкциям, он должен был дать понять собеседникам, что моя цель заключается совсем не в том, чтобы Франция цеплялась за Алжир, а, наоборот, чтобы освободить ее от этого груза, и что я освобожу ее любым способом. Следовательно, именно алжирцам надлежит сделать так, чтобы Франция продолжала помогать им, если они считают эту помощь необходимой. Жорж Помпиду вместе с Брюно де Лессом спокойно вел переговоры с 20 февраля по 5 марта с Али Буменджем и Тайебом Буларуфом. После этого обмена мнениями мы предложили «Фронту», и он на это согласился, начать наконец настоящие переговоры на нашей территории одновременно о прекращении огня, об условиях проведения предстоящего референдума и о будущем Алжира. После этого начался целый ряд встреч в Эвиане, продолжавшийся затем в Люгрене, возобновленный потом в Руссе и закончившийся в Эвиане. В результате девятимесячных переговоров была выработана конвенция, согласно которой французский народ признавал полную независимость Алжира и заменял тесным сотрудничеством господство, существовавшее на протяжении 130 лет после захвата страны. Но до того, как мы достигли этого соглашения, на сцене, где разыгрывалась эта драма, периоды спокойствия сменялись периодами острых кризисов.

Президент Бургиба со своей стороны сразу понял, что референдум 8 января открывает выход, результаты которого будут иметь крайне важные последствия для Туниса. Он попросил встречи со мной. Мы провели вместе день 27 февраля в Рамбуйе. Моим собеседником был борец, политический деятель и глава государства, широта взглядов и амбиции которого выходили далеко за пределы его страны. С давних времен Бургиба был сторонником независимости Туниса, а это вынуждало его преодолеть собственные многочисленные внутренние противоречия. Он беспрестанно выступал против Франции, с которой его связывали, однако, культура и чувство привязанности. В Тунисе он сверг режим бея и стал на сторону революции, хотя был сторонником традиционных, непреходящих ценностей. Он принял сторону великого арабского и исламского дела, хотя сам был свободомыслящим человеком и воспитан в западном духе. В частности, Бургиба поддерживал восстание в Алжире, хотя и опасался в дальнейшем тягостного появления по соседству нестабильной республики. И если он захотел нанести мне визит, то специально ради того, чтобы сказать, что он одобряет мою деятельность, направленную на переговоры с алжирцами, и что он желает сыграть роль посредника в ходе предстоящих переговоров. Но одновременно и для того, чтобы добиться некоторых привилегий для Туниса в момент, когда Алжир получит их так много.

Хабиб Бургиба прежде всего поставил вопрос о Бизерте. Он просил эвакуировать эту базу. Я напомнил ему, что еще в 1958 году, отдав *проприо моту*<sup>9</sup> приказ о выводе войск с территории Туниса, настаивал на сохранении морской базы впредь до нового решения. Сохранение базы было к тому же оговорено в состоявшемся тогда между нами обмене письмами. С тех пор французы отказались от использования для своих войск арсенала, предоставили тунисцам административное управление городом и не возражали против ввода и их войск в город. На самом деле присутствие нашего незначительного гарнизона и ремонтные работы, осуществлявшиеся там на наших военных кораблях, шли только на пользу Бизерте. «Во всяком случае, — сказал я президенту, — это положение не будет продолжаться долго. Правда, в условиях современной напряженности в международных отношениях, когда НАТО не прикрывает Туниса и последний намерен оставаться нейтральным, Франция не сможет оставить на произвол вражеского нападения эту военную базу, которая благодаря своему расположению в центре Средиземного моря может представлять чрезвычайно важное стратегическое значение. Но, как вы знаете, мы заканчиваем изготовление для Франции атомного оружия. Как только мы станем располагать атомными бомбами, условия обеспечения нашей безопасности изменятся коренным образом. В частности, мы сможем тогда полностью гарантировать свою безопасность, что бы ни произошло в Бизерте после нашего ухода оттуда. Поэтому вы можете быть уверенным, что мы покинем Бизерту в течение предстоящего года». «Я охотно учитываю ваши слова, — ответил мне Бургиба. — В таком случае я не настаиваю на немедленном решении проблемы». Он повторил это во время официальной встречи, которая состоялась затем в присутствии Мишеля Дебре, Мориса Кув де Мюрвиля, Мохаммеда Масмуди и Садука Мокаддема.

Но вопрос о Бизерте был для президента только обходным маневром, с помощью которого он намеревался подойти к главному. Больше всего он мечтал о том, чтобы территория его страны была увеличена за счет некоторых районов Сахары, если, как это можно было предположить, эта огромная пустыня когда-нибудь станет частью суверенного Алжира. Естественно, под этим скрывалось стремление заполучить нефть. На территории Туниса ее не нашли. Но как раз французы нашли и эксплуатируют гигантские запасы нефти по соседству, в районе Хасси-Мессауд и Эд-желе. Нельзя ли исправить границу таким образом, чтобы Тунис

---

9

По собственной инициативе (лат.). — Прим. ред.

получил часть нефтеносных земель? Это, с точки зрения Бургибы, было бы тем более справедливо, что разграничение между Сахарой и южными районами бывшего регентства было проведено в свое время весьма приблизительно и спорно. Но я не могу согласиться на рассмотрение этой просьбы президента. Для нас, французов, разведка недр и добычи нефти в Сахаре станет завтра основным элементом нашего сотрудничества с алжирцами. Почему мы должны заранее сорвать это сотрудничество, передав другим территорию, которая может отойти к Алжиру? И если мы пойдем на уступку Тунису, то как разгорятся марокканские страсти из-за Колон-Бешара и Тиндуфа, не говоря уже о тех притязаниях, которые могут возникнуть у Мавритании, Мали, Нигера, Чада и Ливии. К тому же в наших интересах определить, когда наступит момент, условия рациональной эксплуатации сахарской нефти с одним владельцем. Безусловно, мы понимаем, какие преимущества хотели бы получить соседние страны от разработки этих богатств и какое участие они готовы принять в этом деле. Именно поэтому мы заканчиваем строительство нефтепровода для перекачки части нефти Эджеле в тунисский порт Сехиру, где мы построим нефтеперегонный завод. С другой стороны, мы предлагаем граничащим с Сахарой странам создать вместе с нами, а в дальнейшем — вместе с суверенным Алжиром объединение по разведке, добыче, вывозу и продаже найденных в пустыне нефти и газа и того, что будет найдено в дальнейшем. Но ничто не оправдывает нас, если мы пойдем на расчленение территории. Бургиба без всякого удовольствия выслушал этот решительный отказ. Однако наши переговоры оставили у меня впечатлительные достаточно откровенных и сердечных бесед, и я смог сказать ему в минуту прощания: «Я с доверием смотрю на дальнейшее развитие наших отношений». Он горячо поддержал эту мысль.

Накануне внезапно скончался король Марокко Мохаммед V, с которым меня связывала двадцатилетняя дружба. Я был признателен ему от лица Франции за то, что во время войны в самые тяжелые дни он оставался верен своим обязательствам и не сдался после нашего первоначального поражения на уговоры Гитлера порвать с Францией, как и устоял позже перед подстрекательством Рузвельта, советовавшего ему во время конференции в Анфе разорвать договор о протекторате. За то, что в дальнейшем он олицетворял тот большой вклад, который внесло Марокко бойцами и ресурсами в дело нашей победы, я наградил его высшим орденом Освобождения. Со своей стороны марокканский суверен был всегда благодарен мне за то, что, сохранив суверенитет и честь Франции, я позволил и Марокко сохранить свой суверенитет и свою честь. Он был очень чувствительно тронут тем отно-

шением, которое я демонстрировал ему в Северной Африке, а затем в Париже. Он разделял мои намерения превратить франкомарокканские отношения в тесное сотрудничество между двумя суверенными государствами. Наконец, он был признателен мне за мои заверения в симпатиях и понимании, с которыми я обратился к нему, когда в 1953 году его сослали на Мадагаскар, и он не забыл, что два года спустя я тайно принял его после возвращения из Тананариве и сказал ему: «Ваше величество, вы страдали. Я поздравляю вас. Подвергнув вас такому испытанию, вам оказали услугу. Ибо надо выстрадать, чтобы стать великим!» После моего возвращения к кормилу государственной власти между нами возобновились отношения доверия. Предоставляя алжирским повстанцам, укрывшимся на его территории, только те послабления, которых требовала элементарная арабская солидарность, он оказывал давление на руководителей восстания, понуждая их вступить на мирный путь. Во всяком случае, я был уверен, что, пока он находится на троне, затруднения, с которыми мы столкнемся в Марокко, будут незначительными.

Внезапная кончина Мохаммеда V могла вызвать серьезные трудности. Ибо были основания опасаться, что из-за волнений в марокканских политических кругах проблема наследования может привести к большим потрясениям внутри страны. Но ничего подобного не случилось. Молодой принц Хасан немедленно проявил инициативу и властно утвердился на троне своего отца. Сколь бы ни были загадочны планы нового короля в вопросах национального суверенитета Марокко, он намеревался сохранить особые отношения с Францией. В общем мы могли рассчитывать на то, что Марокко, как и Тунис, будет отныне поощрять алжирский «Фронт» поступать здравомысляще, иначе говоря, будет стараться склонить его к переговорам.

На следующий день после референдума, вне зависимости от секретных контактов, которые подготавливали переговоры, но в предвидении их, стороны высказали публично свои точки зрения. 16 января 1961 года Временное правительство Алжирской республики еще раз заявило, что готово вступить в переговоры с французским правительством. Оно заявило устами Ферхата Аббаса и Буменджеля во время их визита в Малайзию 2 февраля, что самоопределение требует предварительной эвакуации французской армии из Алжира. Во Франции многие алжирские парламентарии-мусульмане, в том числе все сенаторы, впервые сорганизовались в Демократическое алжирское объединение и открыто потребовали переговоров с Временным правительством Алжирской республики. С другой стороны, многочисленные признаки свидетельствовали о том, что назревал серьезный кризис,

подготавливаемый активистами. 25 января генерал Шаль заявил, что уходит в отставку, ибо не согласен с политикой правительства. В марте военный трибунал, хотя бегство в Испанию зачинщиков дела «баррикад» уже само по себе было насмешкой над правосудием, выносит по этому делу приговор, отличающийся скандальной снисходительностью. Политические элементы, придерживающиеся точки зрения «интеграции», группируются в Венсенне под руководством Жака Сустеля в комитет, в манифесте которого утверждается: «Это мы — сторонники закона, это власти его нарушают!» В Алжире и Оране различного рода команды ультра создают подпольную «Организацию секретной армии» (ОАС). В метрополии, как и в Алжире, удваивается число покушений с применением пластиковых бомб, организуемых этой ОАС, принимающих форму угроз или наказаний деятелей парламента и государственной администрации, а также представителей сил порядка. Чувствуя неумолимую угрозу возникновения опасного ветра, я сам 11 апреля во время пресс-конференции излагаю свои намерения более открыто, чем когда-либо раньше.

Заметив, что «Алжир стоит нам дороже — это самое меньшее, что можно утверждать, — чем он дает нам», я повторил, что «Франция с большим хладнокровием рассматривает решение, согласно которому Алжир перестанет ей принадлежать... и не чинит никаких препятствий тому, чтобы алжирское население само решило создать государство, которое возьмет на себя все заботы об их стране». Я подтвердил свою убежденность, что «это государство будет обладать полным внешним и внутренним суверенитетом». Впрочем, не военные успехи ФНО заставляли меня говорить именно так. «Действительно, было время, когда от восстания ежедневно гибло около 50 человек, а теперь средняя цифра потерь — 7—8 человек, в том числе 4 или 5 мусульман... Однако события убедили меня в справедливости того, что я утверждал на протяжении 20 лет, без всякой радости, естественно, но с уверенностью, что это служит интересам Франции». Далее я напомнил о том, что сделано мною для деколонизации, а затем заявил: «Если я сделал все это, то не только вследствие широкого движения за освобождение, охватившего весь мир из конца в конец в результате Второй мировой войны и ее последствий... но также потому, что мне представляется противоречащим современным интересам Франции и ее новому призванию стремление сохранять обязательства и тяготы, которые несовместимы с тем, чего требует ее могущество и слава». После этого я требую от руководителей восстания начать переговоры. «Безусловно, аппарату, специально созданному для нужд восстания, довольно трудно с минимумом необходимой искренности и в желательном плане

перейти к таким вопросам, как вопросы мира, создания государства и экономического развития страны. Но эти руководители, учитывая, что не они властвуют над территорией, где хозяином положения остается наша армия, учитывая свою огромную ответственность за успех дела и то влияние, которым они пользуются у мусульман, учитывая, что они, по-видимому, призваны играть большую роль в новом рождающемся Алжире, сумеют, по моему, перейти в конце концов к положительным действиям».

Сказано все! В последующие дни с высоты двадцати трибун во время поездки в Аквитанию и Перигор я повторяю изложение моих доводов, которые толпа приветствует бурными аплодисментами. Таким образом, имеются в наличии все условия, чтобы «Фронт» не мог больше медлить с ответом на полученное приглашение. Но до этого я должен быть готов к тому, что ультра перейдут в наступление, избрав в качестве мишени мою персону и мою власть.

В первые часы 22 апреля мне становится известно, что генерал Шаль, тайно прибывший в Алжир на боевом самолете военно-воздушных сил, только что положил начало восстанию. Осуществляя план, подготовленный кучкой полковников: Аргу, Бруза, Гардом, Годаром, несколько полков парашютистов перешло на его сторону, что позволило ему арестовать генерала Гамбьеза, командующего Алжирским армейским корпусом генерала Везине, префекта полиции Рене Жаннена, а также находившегося там с инспекционной поездкой министра Робера Бюрона, захватить основные административные здания и добиться поддержки определенной части штаба и отдельных элементов администрации и полиции. Он нашел на месте генералов Зеллера и Жуо, а генерал Салан немедленно присоединился к нему. Вместе с этими тремя заговорщиками Шаль создал своего рода директорию, которая провозгласила осадное положение и взяла на себя функции правительства во всех областях. На первый взгляд казалось, что эта группа может увлечь за собой значительную часть армии и административного аппарата. Ведь совсем недавно Шаль блестяще командовал ими. До него Салан осуществлял на месте всю полноту власти. Зеллер и Жуо были соответственно начальниками штабов сухопутных и военно-воздушных сил, и последний, выходец из Орана, пользовался там большой популярностью. Это означало, что вне зависимости от привязанности к идее «французского Алжира» и духа авантюризма, свойственного отдельным частям, эти лица могли повсюду среди командного состава армии и среди рядовых обнаружить рефлекс подчинения и личные связи, необходимые для того, чтобы навязать свой авторитет. С другой стороны, то, что бунтовщики выступили против меня и

моего правительства, арестовали представителей государственной власти, провозгласили, что «лица, непосредственно принимавшие участие в деле отказа от Алжира и Сахары, предстанут перед военным трибуналом, специально созданным для рассмотрения преступлений против безопасности государства», отрезало им все пути и вынуждало идти на самые крайние меры. Поэтому я не закрывал глаза на то, что эта бешеная попытка имеет все шансы воспользоваться моментом внезапности в Алжире, и ожидал, что ее инициаторы попытаются предпринять экспедицию против Парижа, воспользовавшись сообщничеством на месте и всеобщей пассивностью, и постараются утопить власть в своем восстании. Я принимаю решение. Необходимо ликвидировать раскол без переговоров и промедления, утверждая по всей строгости законность, стоящую на моей стороне, требуя от народа выступления на стороне закона, от армии — соблюдения дисциплины.

Для того чтобы достигнуть этого немедленно на месте, уже утром 22 апреля государственный министр Луи Жокс и генерал Олье, ставший начальником Генерального штаба после того, как генерал Эли достиг предельного возраста, были посланы, сколь это ни было рискованно, в Алжир. Там они объявят свои приказы колеблющимся частям. Именно об этом сразу объявил по радио Мишель Дебре, заявивший, что «правительство решительно намерено заставить всех уважать волю нации... и что все руководители в Алжире должны подчиняться только главе нации: генералу де Голлю». В тот же день было прекращено морское и воздушное сообщение с Алжиром. В метрополии приступили к превентивным арестам. В первую очередь были арестованы подозрительные лица из числа военных. Совет Министров объявил о введении чрезвычайного положения и немедленно передал в суд дело о руководителях восстания. На следующий день, проконсультировавшись, как это требовалось по закону, с премьер-министром, а также с председателями сената, Национального Собрания и Конституционного совета, причем все, обеспокоенные положением дел, согласились с моим мнением, я решил применить статью 16 конституции. Поэтому, что бы ни случилось, я смогу немедленно и без всякого посредничества принять меры, которые потребуются для ликвидации угрозы нашему обществу. В то же время каждый тем самым поймет на примере главы государства, что недопустимо пренебрегать своим долгом.

Однако в воскресенье 23 апреля стало ясно, что Шаль добился некоторых успехов. На его сторону перешло около 15 полков, в большинстве парашютисты. Мнимый «Верховный командующий» смог арестовать генерала де Пуьи, командующего Оранским армейским корпусом, который, стараясь образумить Шаля,

согласился встретиться с ним при условии, что ему будет сохранена свобода. После мучительных терзаний генерал Гуро, командующий армейским корпусом Константины, перешел на сторону восставших. К ним также примкнули генерал Биго, командующий военно-воздушными силами в Алжире, генерал Пети, заместитель командующего войсками в Сахаре, и генерал в отставке Гарди, в прошлом генеральный инспектор легиона. С большим трудом Луи Жокс и генерал Олье смогли вернуться в Париж, пробираясь через Тлемсен, Константину и Бон. В Алжире и Оране появилась милиция ОАС, одетая в специальную форму; она взяла под контроль полицейские комиссариаты и тюрьмы, освободила заключенных активистов и приступила к арестам. Однако в восемь часов вечера я в полной парадной форме появился перед камерами телевидения и перед микрофонами радио, чтобы объявить *урби эт орби*<sup>10</sup>, что принимаю на себя полную ответственность.

«Власть бунтовщиков установлена в Алжире с помощью военного переворота. У этой власти есть видимость: четверка генералов в отставке. Есть и реальность: группа офицеров — сторонников старого порядка, честолюбивых и фанатичных. Эта группа и эта «четверка» умеют действовать быстро. Но они видят нацию и весь мир лишь сквозь извращенную призму своего бешенства. Содеянное ими ведет прямым путем к национальной катастрофе... И чьих рук это дело? Увы! Увы! Это дело рук тех людей, чей долг, честь и смысл жизни состоит в том, чтобы служить и повиноваться... От имени Франции я приказываю, чтобы все средства, повторяю, все средства, были брошены на то, чтобы преградить путь этим людям, пока они не вынуждены будут сдаться... Я запрещаю всем французам, и в первую очередь всем солдатам, выполнять их приказания... Уделом этих узурпаторов должно стать лишь то, что предусмотрено всей строгостью закона... Перед лицом несчастья, обрушившегося на наше отечество, перед лицом угрозы, нависшей над Республикой... я принял решение применить статью 16 конституции. Начиная с сегодняшнего дня я буду принимать в случае необходимости непосредственно меры, которых, на мой взгляд, потребуют сложившиеся обстоятельства. Одновременно я заявляю, что и сегодня, и завтра, что бы ни произошло, я буду хранить доверенные мне нацией законность и Республику вплоть до окончания срока моего мандата или до того момента, пока у меня не иссякнут силы или не прекратится моя жизнь, и приму все необходимые меры, чтобы за-

---

10

Ко всеобщему сведению (лат.). — Прим. ред.

конность и Республика сохранились и после меня. Французенки, французы! Помогите мне!»

Меня услышали все и всюду. В метрополии не было человека, который бы не слушал мое выступление. В Алжире работали миллионы транзисторных приемников. Начиная с этого момента раскольники стали наталкиваться на местах на пассивное сопротивление, усиливающееся с каждой минутой. Правда, в тот вечер правительство, осажденное тревожными предупреждениями со всех сторон, могло считать возможной высадку бунтовщиков близ Парижа и потому предупредило всех, кого было нужно, о необходимости преградить им путь, а также привело в готовность силы порядка, которыми располагает столица. Однако уже на следующий день стали умножаться признаки поражения Шаля. Измена Гуро в Константине не увлекла за ним его подчиненных. Генералы Ленюйе в Константине, Айере в Боне, Желио в Сетифе сохранили верность долгу, как и генерал Фурке, командующий авиацией округа. В Кабилии генерал Симон спустился на равнину, чтобы избежать участия в бунте. В Алжирском округе генерал Арфуйю, которого Жокс, будучи здесь проездом, назначил командующим корпусом вместо захваченного в плен генерала Везине, укрепился в Медеа, где перегруппировал оставшиеся верными правительству войска. Если в Оране генерал Гарди, поддержанный полковником Аргу, установил с помощью парашютистов власть бунтовщиков, то в Тлемсене генералы Перрота и Фуко преградили бунтовщикам доступ в эту зону. В Сидибель-Аббесе, центре расположения Иностранного легиона, полковник Бротье восстановил дисциплину. Адмирал Кервиль, командующий военно-морскими силами, направился в Мерс-эль-Кебир и затем, покончив с мучившими его вопросами, поступил мудро, выйдя в море, а морская база не дала бунтовщикам увлечь себя. Ни один из боевых кораблей, патрулировавших побережье, не проявил стремления перейти на сторону бунтовщиков. В самом Алжире мобильная гвардия, собранная в казармах, отказалась подчиняться приказам узурпаторов. Кроме того, на всей территории росло число солдат, унтер-офицеров и офицеров, выразивших свой отказ принимать участие в бунте. Поскольку солдаты действительной службы проявляли в этом вопросе с каждым часом все большую непреклонность, «квартет» бунтовщиков объявил о готовящемся сокращении их срока службы, но не добился этим прекращения недовольства. Дело дошло до того, что солдаты полков вторжения, которых ранее вовлекли в «скверную авантюру», стали проявлять признаки колебания и даже отхода от бунтовщиков. Вечером в понедельник 24 апреля четыре мятежных генерала решили появиться на «Форуме», куда

было созвано население, чтобы выслушать их. Хотя они говорили, что уверены в победе, хотя Шаль провозгласил, «что они находятся здесь, чтобы сражаться, страдать и, если потребуется, умереть», хотя толпа приветствовала их, тревога витала над этим сборищем «черноногих».

25 апреля абсурдная и отвратительная попытка восстания провалилась, причем ни та, ни другая сторона не начала боевых действий. В Константине Гуро заявил, что он ошибся и что он снова возвращается под мое подчинение. В Оране парашютисты уходят из города, чтобы вернуться в места расположения своих частей, Гарди и Аргу исчезают, и генерал Перрота вновь берет на себя командование всем военным корпусом. Из аэропортов Блида и Мэзон-Бланш вылетели самолеты «Норд», которые могли бы, говоря техническим языком, переправить в Париж мятежников — отряды коммандос. Все самолеты приземлились в метрополии по приказу правительств. В Алжире собрались зуавы, чтобы «направить генералу де Голлю заверения в своей преданности»; возле Ла Редут произошла демонстрация новобранцев-летчиков под лозунгами «Да здравствует де Голль!»; мобильная гвардия, выйдя из своих казарм в Тагарэне, заняла основные перекрестки, ликвидировала штаб ОАС и снова овладела помещением Центрального комиссариата. С наступлением темноты в алжирской столице на стороне бунтовщиков остался только 1-й полк парашютистов Иностранного легиона, еще удерживавший здание генерал-губернаторства и квартал Риньо, в котором находились остатки штаба бунтовщиков. К полуночи была освобождена радиостанция, и женщина-диктор объявила: «Закон и порядок вот-вот будут восстановлены в Алжире». Вскоре после этого «четверка», которую ждали исполненные тревоги гражданские лица на «Форуме», появилась на знаменитом балконе. Поскольку их микрофоны оказались обесточенными, они не могли заставить себя слушать. Да и что они могли сказать? Зеллер в штатском платье затерялся в толпе. Он сдался через несколько дней. Вместе с последними легионерами, покидавшими город, распевая припев песенки Эдит Пиаф «Я ни о чем не сожалею», Салан и Жуо в военном грузовике бежали в лагерь Зеральда. Затем они ушли в подполье руководить деятельностью ОАС. Что касается Шалья, то сразу после полудня он послал офицера к военному министру с заявлением о покорности, но потом изменил намерение и в конце концов к утру сдался жандармам. Немедленно отправленный в Париж, он был помещен в тюрьму Санте.

Крах этого предприятия изгнал витавший в умах призрак военного вмешательства с целью захвата государственной власти или по меньшей мере навязывания ей сохранения статус-кво в

Алжире. Будучи, в конце концов, уверенным в послушании армии и в том, что страна последует за мной, я, естественно, испытывал удовлетворение, видя, что кризис решительно ликвидирован. Но тем не менее я был и опечален до глубины души разбазариванием ценностей, происшедшим во время этого предприятия, и особенно утратой крупных руководителей, организовавших его, и некоторых исполнителей. Жокс немедленно отправился на место, чтобы восстановить порядок в полиции и администрации. На долю сопровождавшего его Месмера выпала тяжкая задача распустить, переформировать и наказать части, принимавшие участие в бунте.

Но хотя закон и суров, он является законом, и необходимо, чтобы правосудие выполнило свой долг. Какая инстанция должна судить главарей бунта? Ни один гражданский суд не компетентен. Обычный военный трибунал не достигнет желаемой цели, и к тому же то, что произошло во время суда над участниками дела «баррикад», заставляет опасаться и в данном случае бессилия с его стороны. Вот почему в силу статьи 16 конституции создается для ведения суда над основными обвиняемыми Высший военный трибунал. Его председателем назначается такой авторитетный и квалифицированный судья, как Морис Патен, председатель Уголовной коллегии Кассационного суда. В составе трибунала 9 судей — 5 военных и 4 гражданских. Обвинителем будет выступать Генеральный прокурор при Кассационном суде. 29 мая начинается судебный процесс по делу Шаля, Зеллера и Гуро. Через три дня вынесен приговор. Мера наказания — 15 лет тюремного заключения первым двум, 10 лет третьему, снисходительно учитывая их прежнюю службу, и то, что они сами сдались властям без кровопролития, и, наконец, то, что эти люди руководствовались в своих ошибочных действиях — я это знаю, я чувствую — отнюдь не низменными побуждениями.

После того как в суде разыгрался эпилог этого злополучного заговора, прошел еще год, прежде чем достигнутое принципиальное решение алжирской проблемы получило воплощение на практике. Конечно, отныне сражения свелись до редких и незначительных стычек. И все же последующие дни были не менее тревожными. Бесконечно затягивались переговоры из-за нерешительности, честолюбия и соперничества руководителей ФНО; по указанию президента Тунисской республики против наших войск в Бизерте и на сахарской границе была начата внезапная и ничем не оправданная агрессия. Оасовцы совершали бесчисленные преступления с целью установить в Алжире и распространить на метрополию подпольную власть террора; мусульмане прибегали к мерам защиты, особенно в Алжире и Оране, борясь против тех, кто убивал их; и, наконец, стало проявляться недоброжелатель-

ное отношение французских политических партий, которые, увидев, как исчезает призрак подрывной деятельности военных и на горизонте вырисовывается выход из драматического положения, перестали сдерживаться, — вот чем была наполнена политическая жизнь страны и моя собственная. Но у меня было хорошее оружие для борьбы со всеми этими противниками: латы, в которые меня одело доверие народа, и меч, каким явилась уверенность, что я иду по единственно верному пути.

20 мая 1961 года в Эвиане встретились делегации обеих сторон. Правительственную делегацию возглавлял Луи Жокс, делегацию «Фронта» — Крим Белькасем. Чтобы наглядно подчеркнуть, что речь идет о заключении мира, я принял накануне несколько знаменательных мер. Нашим войскам было предписано соблюдать месячное перемирие, что означало отказ с их стороны предпринимать какие-либо наступательные действия и намерение ограничиваться только тем, чтобы отбрасывать противника в случае, если он нападет. Одна дивизия полного состава и несколько эскадрилий военно-воздушных сил были выведены в метрополию. Было освобождено 6 тыс. мусульман из общего числа 10 тыс., осужденных в Алжире за участие в повстанческом движении. Ахмед Бен Белла и его товарищи по заключению были переведены с острова Экс в замок Тюркан. Переговоры длились 9 месяцев; промежутки между четырьмя официальными фазами переговоров были заполнены официозными встречами, и мы не переставали проявлять одновременно точность, терпение и твердость. Впрочем, такая позиция соответствовала характеру Луи Жокса, на которого было возложено ведение переговоров. Он страстно желал добиться соглашения, но понимал, что это соглашение должно быть приемлемым, следовательно, разумным. Поскольку его трудоемкие обязанности генерального секретаря правительства, а затем министра заставили его на протяжении последних 20 лет находиться в центре государственных дел, он полностью охватывал многочисленные политические, экономические, финансовые, социальные, административные, школьные и военные вопросы, возникавшие в связи с созданием алжирского государства на базе французского государства и в связи с дальнейшим тесным сотрудничеством между ними. А так как Жокс был человеком добрым, он заботился о том, чтобы подготавливаемые соглашения облегчили положение населения, и прежде всего европейского населения, поставленного сменой власти в особенно тяжелые условия. Поскольку он был предан делу национального обновления, то стремился сделать так, чтобы на освобождении Алжира лежал отпечаток достоинства и великодушия Франции.

Но для того, чтобы мы согласились предложить Алжиру режим ассоциации, а не предоставить его самому себе, необходимо выполнение определенных условий. Необходимо решение о глубоком слиянии между ним и метрополией в общечеловеческой, культурной и экономической областях; чтобы во всех сферах обмена применялся принцип наибольшего благоприятствования; чтобы товары ввозились и вывозились на основе взаимного освобождения от таможенного обложения; чтобы валюта обеих стран принадлежала к зоне франка; чтобы граждане каждой из этих стран имели возможность по своему усмотрению свободно посещать другую страну, проживать там, где им заблагорассудится, работать по своей специальности, свободно ввозить и вывозить обратно свое имущество. Необходимо было дать французам, проживающим в Алжире, прочные гарантии в том, что им будет обеспечена неприкосновенность личности, имущества, гражданских прав, их образа жизни, их языка, их школ и т.д. независимо от того, согласятся ли они, оставаясь французами, стать алжирскими гражданами, получив при этом в обязательном порядке свою долю участия в государственных делах, администрации, юстиции, или же они, оставаясь в Алжире, предпочтут сохранить французское гражданство и в этом случае должны пользоваться правами, предусмотренными специальной конвенцией о проживании французских граждан в Алжире. Необходимо было добиться, чтобы огромные капиталовложения Франции в разведку, добычу и перевозку сахарской нефти сохранились за ней в настоящее время и чтобы она получила на будущее преимущественное право на разведку и промышленную разработку новых источников топлива. Необходимо было добиться, чтобы серия космических и атомных испытаний, которую мы начали в пустыне и которая имела архиважное значение, была доведена до конца, как предусматривалось планом, что требовало сохранения на месте нашего военного и технического аппарата. В обмен на это мы готовы были взять на себя обязательства оказывать преимущественную помощь развитию Алжира, предоставляя ему каждый год крупную финансовую субсидию, продолжая осуществление нашего «Плана Константины», оказывая содействие развитию ряда отраслей путем участия наших технических специалистов, принимая все большее число алжирских студентов и рабочих, предоставляя Алжиру достаточное количество педагогов для всех ступеней системы народного просвещения, чтобы элита алжирцев формировалась в рамках французской культуры, а народ получал образование на французском языке.

Но мы хотели, чтобы эта историческая операция, состоявшая для Франции в том, чтобы предоставить Алжиру суверенитет и

право ответственности, а для Алжира — в том, чтобы принять на себя и то и другое, а для обеих сторон — в том, чтобы сохранить широкую солидарность, была осуществлена сознательно и демократическим путем. Поэтому не может быть соглашения, если до этого не прекратятся бои. И не будет независимости Алжира и ассоциации между обеими странами до тех пор, пока решения об этом не будут приняты населением Франции и Алжира путем голосования. И не будет иного суверенного правительства Алжирской республики, кроме законно избранного, если даже предвидеть переходный период, на протяжении которого будет сохраняться верховная власть Франции. Кроме того, французская армия останется в Алжире до тех пор, пока новое государство не докажет своей способности выполнять взятые на себя обязательства.

Чтобы достичь всего этого, нам придется преодолеть в ходе переговоров горы подозрительности и пропасти заносчивости, за которыми укрывается ФНО. Ибо при обсуждении любого вопроса ФНО видит с нашей стороны намерение сохранить непосредственное господство над Алжиром или по меньшей мере предлог для вмешательства в дела Алжира, тогда как мы именно хотим от этого избавиться. Поэтому, готовясь к соглашению, ФНО накапливает предварительные условия. Ссылаясь поочередно то на «законность» своей власти, то на единство алжирской нации, то на целостность своей территории, он требует, то чтобы предписание о прекращении огня было отдано лишь после того, как будет достигнута договоренность по всем прочим вопросам; то чтобы наши силы предварительно покинули территорию Алжира; то чтобы руководящая организация повстанцев предварительно получила реальную власть в стране; то чтобы мы не требовали специального статута для французского населения Алжира; то чтобы мы отказались от особых прав в Сахаре. Со своей стороны, чтобы преодолеть эти препятствия и добиться главного, мы пользовались теми неоспоримыми аргументами, которые давали нам реальные преимущества, имевшиеся у нас в руках. Для того чтобы текст и осуществление соглашения начинались с прекращения огня, а не с передачи власти; чтобы самоопределение было результатом референдума во Франции, а затем в Алжире, а не результатом одной только клятвы, произносившейся когда-то на Сумама<sup>11</sup>; чтобы алжирская власть явилась также результатом выборов, а не результатом революционного декрета, мы предоставляли нашим собеседникам выбор между щедрой и плодотворной помощью Франции и хаосом, который возникнет в Ал-

---

11

Нижнее течение реки Сахель в Африке. — *Прим. ред.*

жире в случае нашего ухода. Чтобы добиться гарантий для «черноногих», соответствующих их правам и оставляющих возможность для сотрудничества между двумя группами населения, мы напомнили о возможности сгруппировать европейцев и тех мусульман, которые захотят остаться французами, в небольшой зоне, где они составят большинство, а Франция возьмет на себя покровительство над этой зоной как над французской территорией. Чтобы сохранить за собой месторождения нефти, разработку которых мы начали, и территории баз для испытания наших бомб и ракет, мы могли, что бы ни произошло, остаться в Сахаре, например предоставив автономию этой гигантской пустыне. Чтобы наша армия продолжала оставаться в Алжире столь долго, сколько мы сочтем необходимым, нам было достаточно принять об этом решение, ибо армия полностью контролировала территорию и границы страны.

В общем, для нас цель переговоров состояла в том, чтобы заставить ФНО согласиться с мероприятиями, необходимыми, с одной стороны, для осуществления удовлетворительной процедуры предоставления Алжиру независимости, а с другой стороны, для создания действенной ассоциации между новым государством и Францией, без чего мы пришли бы к полному разрыву, обеспечив интересы Франции, что мы, без сомнения, были в состоянии сделать. Естественно, эта дилемма не могла не наложить на переговоры отпечатка скачкообразности. Переговоры начались в Эвиане и были прерваны 13 июня. В конце июля делегации снова встретились в замке Люгрэн, но и здесь соглашение не было достигнуто. Пока шли эти сложные переговоры, наша делегация по мере надобности получала от меня письменные и устные инструкции, дававшие ей ориентировку.

Но я также не переставал публично разъяснять, чего мы полны решимости добиться. Благодаря этому многие яснее стали представлять себе проблему и часто убеждались в моей правоте. Так была восстановлена реальность, непрерывно искажаемая органами информации. Выступая перед страной 8 мая 1961 года по случаю Дня Победы, всего через несколько дней после алжирского кризиса, я сказал: «Алжирскому населению надлежит взять свои дела в собственные руки. Оно должно решить вопрос, будет ли Алжир суверенным государством в области внутренней и внешней политики. Ему же надлежит решить, будет ли существовать ассоциация между этим государством и Францией, на что Франция может согласиться, получив реальный эквивалент за свою помощь и за органическое сотрудничество между двумя обществами». После этого я обратился к «черноногим»: «Какая плодотворная задача встанет тогда перед алжирцами француско-

го происхождения! От всего сердца я прошу их от имени Франции в день, когда мы отмечаем победу, для достижения которой они приложили столько усилий, отказаться от устаревших мифов и от абсурдной агитации, результатом которой являются одни лишь несчастья, и обратить свою энергию и свои способности на осуществление открывающегося перед ними великого дела». Посетив между 28 июня и 2 июля Лотарингию, где меня горячо принимали, я выступал с аналогичными заявлениями перед многочисленными аудиториями. 12 июля я снова обратился ко всей Франции, «сочетавшейся браком со своим веком»: «Было необходимо, чтобы наша армия добилась в Алжире решительной победы, чтобы мы имели полную свободу принимать решения и действовать. Этот результат достигнут. Поэтому мы можем предпринять на месте многочисленные меры по умиротворению, вернуть в метрополию значительные подразделения, сократить на несколько недель продолжительность срока военной службы... И при этом Франция безоговорочно соглашается с тем, чтобы алжирское население создало полностью независимое государство. Франция готова для этого организовать совместно с политическими алжирскими кругами, и в частности с организаторами восстания, свободное изъятие воли народа. Она по-прежнему согласна сохранить свою помощь Алжиру при условии, если будет обеспечено органическое сотрудничество между двумя группами населения и гарантированы собственные интересы Франции. Если такая ассоциация не будет создана, то Франции придется в конце концов сгруппировать в той или иной зоне страны тех жителей, которые откажутся стать гражданами государства, обреченного на хаос, для того, чтобы обеспечить их охрану, предоставить им возможность обосноваться в метрополии, если таково будет их желание, прекратить интересоваться судьбой остального населения и закрыть для него доступ на нашу территорию».

И если казалось, что пьеса подходит к развязке, то я, во всяком случае, сделал все, что было в моих силах, чтобы хорошо осветить сцену. Правда, чем больше моя деятельность выглядела прямой и ясной, тем энергичнее профессиональные команды специалистов по разжиганию противоречий представляли ее читателям и избирателям как туманную и непоследовательную. Наименьший вред от их непрерывного противодействия состоял в том впечатлении, какое создавалось за границей. Ибо благодаря этому за граница, привыкшая некогда видеть французское правительство вечно ослабленным в результате всеобщего настроения противодействия, охотно склонялось к мнению, что и де Голль, испытывая подобные же удары, также не сможет занять твердой позиции.

Несомненно, под влиянием этой иллюзии президент Бургиба рискнул внезапно потребовать в угрожающей ноте от 6 июля, чтобы Франция немедленно вывела свои войска из Бизерты и согласилась на исправление границы между Сахарой и южными районами Туниса. 18 июля он перешел в наступление. Тунисские войска, стянутые из внутренних районов страны, вместе с гарнизоном города и многочисленной «дустуровской» милицией открыли огонь по нашим солдатам, преградили им доступ на рейд, блокировали сооружения военной базы, в частности аэродром, и закупорили проход в бухту, закрыв ее тем самым для наших кораблей. Одновременно на крайнем юге крупное подразделение тунисских войск перешло сахарскую границу, осадило наш пост Гаре-эль-Хаммель и заняло территорию, известную под названием «межевой знак 233». Судя по всему, Бургиба полагал, что Париж отступит перед его решимостью предпринять активные действия в момент, когда должны начаться переговоры в Люгре-не и когда французская и мировая общественность ожидает окончания конфликта в Северной Африке. Он рассчитывал, следовательно, что переговоры начнутся на основании свершившихся фактов и таким образом его требования будут удовлетворены. Тем самым «верховный борец» вновь, пока еще не поздно, обрел бы престиж в глазах арабского мира как непримиримый враг «французского колониализма» и, с другой стороны, добился бы уступки желанных нефтеносных территорий.

Но сколь ни был я полон решимости освободить Францию от ее заморских тягот, сколь ни был я всегда миролюбив, даже предупредителен по отношению к Тунису, я не мог допустить такого неуважения к Франции. Вот почему наш военный ответ был суровым и быстрым. В Бизерте 19 июля активные действия авиации и парашютный десант вернули нам аэродром, куда стали прибывать наши подкрепления. Остальные подкрепления немного позже были доставлены морем в «Залив карьеров». Тогда адмирал Амман, командующий базой, прорвал блокаду, овладел городскими кварталами, примыкающими к порту, освободил вход в гавань от вражеских элементов и от загромоздивших его обломков, восстановил морское и воздушное сообщение и разгромил уже потрепанные силы нападавших. После этого мы предложили тунисскому губернатору прекратить огонь; наши войска предоставили помощь населению, лишенному продовольствия и стремившемуся убежать. Что же касается границ с Сахарой, они были быстро восстановлены нашими мобильными силами пустыни. В общем, агрессия тунисцев, не принеся им успеха, стоила им более 700 убитых, более 800 арестованных и много тысяч раненых. На нашей стороне было 27 убитых солдат.

Правда, во Франции именно де Голль взял на себя всю ответственность. Все с разных позиций осуждали нашу военную акцию и требовали немедленного открытия переговоров с Тунисом, оставив без малейшего внимания агрессию против наших войск в Бизерте и Сахаре. Как всегда, в мою защиту поднимаются лишь редкие и неуверенные голоса, тогда как многие требуют отказаться от всего. Но, хорошо зная, чего стоят подобные речи по сравнению с тем, что поставлено на карту, я не согласился остановить наше контрнаступление до тех пор, пока мы не добились полного успеха.

Равным образом ничего не изменили в наших действиях ни агитация в ООН, ни попытки вмешательства со стороны ее Генерального секретаря Дага Хаммаршельда. Последний, находившийся в это время в явном противоречии с нами из-за своего прямого вмешательства в дела правительства Конго, выступил на стороне Бургибы. Он посетил Тунис, вел с Бургибой дружеские совещания и оттуда 26 июля, когда бои уже прекратились, направился в Бизерту, как будто в его функции входило решение спора на месте. Это поставило его в неудобное положение, ибо, следуя полученным инструкциям, наши войска не приняли во внимание деятельности непрошеного посредника, а адмирал Амман отказался принять его. Президенту Бургибе оставалось только записать в чистые убытки свою ошибку и свое поражение. Он, впрочем, успокоится, ибо настанет день, когда будет восстановлена нарушенная дружба между Тунисом и Францией.

Первоначально это неприятное событие никак не сказалось на ходе наших переговоров с ФНО. Но будет ли так после внезапных перемен, осуществленных 27 августа повстанцами в своей руководящей организации? В частности, Ферхат Аббас перестал быть ее председателем. Вместо него появился Бенюсеф Бен Хедда. Прежде всего встал вопрос, не приведет ли эта замена старого вождя-националиста более молодым и, по-видимому, более «революционным» к усилению непреклонности Временного правительства Алжирской республики? Но уже первое коммюнике нового «премьера» позволило предположить обратное. «Что касается нас, — заявил Бен Хедда, — то мы убеждены, что открытые и лояльные переговоры, которые дадут нашему народу право на самоопределение и на независимость, смогут положить конец войне и открыть путь к плодотворному сотрудничеству между французским и алжирским народами. Вот чего мы желаем!» Правда, следующее выступление того же Бен Хедды, казалось, снова поставило все под сомнение, ибо он утверждал, что нет необходимости проводить референдум и «можно сэкономить на этом». Но очень скоро нам дали понять, что это была «стилисти-

ческая оговорка». Следовательно, наши партнеры продолжали движение к той цели, которую мы им наметили.

Что касается Ферхата Аббаса, то его отстранение положило конец его давнишним честолюбивым планам, в частности взлелеянной им на протяжении двадцати лет идее относительно меня, которой он поделился со мной в Алжире еще во время Второй мировой войны. Умно и страстно он развивал тогда передо мной политический проект, над осуществлением которого он трудился, возглавляя «Народный алжирский союз»: создать в согласии с нами демократическое алжирское государство, объединенное в одну федерацию с Францией. Но для этого надо было разбить ожесточенное сопротивление колонов и администрации. «Поскольку вы обладаете теми качествами, которые необходимы, а ваша нынешняя деятельность сделает вас всемогущим, — говорил он мне, — вы сможете действовать в этом направлении так, как ни один француз до вас не осмеливался и никогда не осмелится действовать». Учитывая, что мы находились тогда в состоянии войны, что наша страна была в ужасном положении и необходимо было решать более важные и более безотлагательные проблемы, я слушал Ферхата Аббаса с интересом, но сдержанно. А когда, улыбаясь, я сказал ему: «А себя вы видите, безусловно, президентом будущей Алжирской республики, как вы ее мыслите?» — он ответил мне серьезно: «Я не могу пожелать ничего лучшего, как находиться когда-нибудь подле вас от имени Алжира, чтобы идти вместе с Францией!» Десять лет спустя, когда восстание уже началось без его участия, Ферхат Аббас, тогда депутат Национального Собрания, готовясь выехать в Каир, чтобы стать во главе ФНО, попросил меня принять его. Я отказался. Зачем нужна была эта встреча в момент, когда я, отойдя от всех государственных дел, не имел никакой власти?

Некогда по тем же соображениям я отказался встретиться с Хо Ши Мином, президентом Вьетнама, когда он приехал в Фонтенбло в 1946 году вести переговоры с IV Республикой и, чувствуя, что готовящееся соглашение умрет еще до своего рождения, настойчиво стремился встретиться со мной в моем уединении. Возможно, и тот и другой руководители движений, поднявшие свои народы на борьбу против нас, надеялись, прежде чем прикнуть к этой борьбе, найти в моем лице Францию, свободную от бессильных козней противников? Может быть, если бы в те времена я оставался на своем посту, события действительно пошли бы иным путем? Но зачем и ради чего я стал бы делать вид, что Франция берет на себя обязательства, когда я больше не отвечал за нее?

В то время как ФНО, сменив руководителя, шел к миру, люди, сгруппировавшиеся под флагом ОАС, наоборот, развязали на свой лад войну до победного конца. Это не было просто стихийное извержение гнева и разочарований. Речь шла о широком предприятии, преследовавшем цель навязать с помощью преступлений политику, смехотворно называемую политикой «французского Алжира», которая на самом деле была направлена на создание непреодолимой пропасти между двумя народами. Мятежники полагали, что, увеличивая число убийств среди мусульман, они спровоцируют мусульманское население на расширение боевых действий и убийств и что создавшаяся в Алжире обстановка взаимных убийств сорвет намеченные переговоры. Теоретики террора, думая, что страх, бывший ранее «уделом выборных органов», стал теперь уделом всего общества, намеревались напугать непрекращающимися покушениями общественность и государственную власть, чтобы принудить их пойти в нужном им направлении. Поэтому на протяжении более года ОАС развивала свою кровавую деятельность. Она осуществляла ее под теоретическим руководством Салана и Жуо, скрывавшихся соответственно в Алжире и Оране и сохранивших многочисленные связи в администрации, полиции и армии. Практически ОАС подчинялась таким людям, как Жан-Жак Сюзини, одержимым страстью к тоталитаризму. ОАС использовала дезертиров и фанатиков, поставляющих ей сливки военнослужащих, в особенности из Иностранного легиона, и подонки общества, пользующиеся, как всегда, нарастающим брожением среди населения. ОАС эксплуатировала иллюзии и ярость большинства «черноногих», все еще надевавшихся на ниспосланный судьбой переворот, который, по их убеждению, принесет им спасение. Наконец, ОАС связалась с различными политическими кухнями, организациями заговорщиков, остатками бывших «милиционеров» в метрополии, которые стремились любой ценой свергнуть Республику, накапливая ненависть против де Голля, зачастую еще с 1940 года.

Начиная с первых переговоров в Эвиане основные города Алжира, прежде всего Алжир и Оран, стали ареной ежедневных трагедий. Убийцы ОАС использовали против мусульман преимущественно автоматы и пистолеты, уничтожая заранее намеченные жертвы или стреляя по всем, кто попадался им в магазинах, на террасах кафе, на тротуарах. Как правило, преступники действовали из автомобилей, чтобы быстро скрыться от преследования полиции, осуществлявшегося, впрочем, весьма редко и вяло. Против тех французов, кого было решено устранить, или по меньшей мере напугать, применялись главным образом базуки и бомбы, ночные взрывы которых — более полутора тысяч на протяжении нескольких месяцев — создавали атмосферу войны и

каждый из которых приветствовался громкими возгласами и грохотом кастрюль с балконов, украшенных флагами ОАС. Со своей стороны мусульмане, укрывавшиеся на ночь в своих кварталах, над которыми реяли знамена ФНО, стреляли по всему, казавшемуся им угрожающим, и отвечали своим шумом на шум европейцев. На протяжении года жертвами налетов ОАС стало 12 тыс. мужчин, женщин и детей. Помимо этого, оасовцами были убиты или ранены несколько сот представителей сил порядка: полицейских инспекторов, жандармов, представителей отрядов государственной безопасности; было организовано методическое убийство около 30 комиссаров, офицеров, судей. 23 февраля 1962 года Салан предписал командам убийц в приказе за своею подписью «систематически открывать огонь по частям полевой жандармерии и отрядам государственной безопасности». Сообщничество европейского населения и даже чинов государственной администрации и органов по охране общественного порядка было таково, что аресты и *а фортиори*<sup>12</sup> приговоры виновным имели место крайне редко. Если в таких условиях генеральный делегат Жан Морен и верховный командующий Айере могли осуществлять свои функции, то лишь потому, что оба обосновались за пределами города Алжира, соответственно в Роше-Нуаре и Регайе.

В метрополии, несмотря на значительные усилия, предпринятые министром внутренних дел Роже Фреем и полицией, тоже ширилось число покушений с применением пластиковых бомб: их взорвалось более тысячи. В результате такого покушения погиб мэр Эвиана Камилл Блан и ослепла маленькая девочка, когда пытались убить министра Андре Мальро. Мастерская операция была задумана 9 сентября 1961 года. Ночью, при выезде из Пон-сюр-Сен, на дороге, ведущей от Елисейского дворца в Колонбэ, моя машина, в которой помимо меня находились жена, мой адъютант, полковник Тейсейр, и охранник Франсис Марру, была внезапно охвачена огнем. Это воспламенилась детонирующая смесь, предназначенная для подрыва десятикилограммового заряда пластика, спрятанного в мешке с песком. Этого заряда было более чем достаточно, чтобы уничтожить «цель». По редкой случайности заряд не взорвался.

Тем временем события развивались своим чередом. За несколько дней до этого на пресс-конференции я уточнил, на каких условиях будет создано алжирское государство: «Нормальным путем такое государство может возникнуть только в результате всеобщих выборов... Это означает организацию референдума, ко-

---

12

Тем более (лат.). — Прим. ред.

торый создаст государство, и после этого проведение выборов, в результате которых будет сформировано правительство... Временная власть в Алжире вполне может вести страну к самоопределению и к выборам, лишь бы эта власть была достаточно прочной и действовала в согласии с нами... Но если, несмотря на предложения Франции, такого результата достичь не удастся, мы сделаем свои выводы». Я указал, какие именно: прекращение нашей помощи, перегруппировка французского населения Алжира. После этого я подошел к вопросу о Сахаре: «Наша линия поведения обеспечивает сохранение наших интересов и учитывает реальное положение... Наши интересы заключаются в следующем: свободная эксплуатация открытых нами месторождений нефти и газа, предоставление аэродромов и права свободного передвижения... Дело в том, что нет ни одного алжирца, который не был бы уверен, что Сахара должна быть неотъемлемой частью Алжира... Это значит, что в ходе франко-алжирских переговоров вопрос о суверенитете Сахары даже не рассматривается. Но нам необходима ассоциация, которая гарантировала бы наши интересы. Если сохранение интересов и ассоциации невозможны, то нам придется соорудить из всех камней и песков Сахары нечто особенное...» Между 20 и 24 сентября я посетил департаменты Авейрон, Лозер и Ардеш, разъясняя свою деятельность. Она была горячо одобрена.

Как и всегда, судьба Франции зависит от ее солдат. 2 октября, выступая по радио, я утверждал: «В Алжире мы на протяжении трех лет непрерывно приближались к цели, которую я наметил от имени Франции... Но чтобы это твердое и ясное решение было осуществлено, французская армия должна была стать и оставаться хозяйкой положения. Так оно и было. Так оно и есть. Нужно было и нужно сейчас, чтобы армия оставалась верной своему долгу. Она была верна. Она и сейчас верна. Слава армии!» Моя поездка на Корсику и в Прованс с 7 по 10 ноября дала мне множество случаев убедиться в одобрении моих соображений: мои выступления сопровождались аплодисментами, ибо теперь мое мнение разделяло значительное число здравомыслящих людей. 23 ноября я присутствовал в Страсбурге на праздновании годовщины его освобождения. Туда было созвано множество офицеров — присутствовать на военном параде и выслушать речь де Голля. Выступая перед страсбуржцами, я говорю с нацией, говорю об армии. Отметив подвиг дивизии Леклерка, я указываю, почему и каким образом высвобождение Франции и ее армии, так надолго увязавших в Алжире, позволит нам создать национальную оборону, соответствующую требованиям нашей эпохи. Я указываю, на чем должна основываться национальная оборона.

Таким образом, я показал, что окончание алжирской войны имеет существенное значение для укрепления нашей мощи. Благодаря этому наша армия сможет сделать громадные шаги на пути к своему обновлению. Но я не могу не дать понять, сколько самоотречения потребуется от военных, чтобы отказаться от заморских территорий, от подвигов, совершавшихся там на протяжении долгих лет. Говоря о дорогих сердцу воспоминаниях, которые столько лет возникали при мысли о «французском Алжире», я заявил: «Каждый понимает, и я прежде других, что в мыслях и душе у многих когда-то зародилась надежда, скорее, иллюзия, будто достаточно одного страстного желания, дабы в области этнической и психологической жизни добиться того, чтобы положение соответствовало желаниям и стало прямой противоположностью существующего на самом деле». Но в заключение я воскликнул: «Несмотря ни на что, раз Государство и нация выбрали путь, долг военных тем самым намечен раз и навсегда. Вне этого долга долги и могут быть только утраченные для Отечества солдаты. Наоборот, когда они выполняют свой долг, страна видит в этом пример и помощь!»

В послании, опубликованном 29 декабря и подводившем итоги года, я снова повторил, чего мы хотим, и отметил: «Сейчас, кажется, стало возможным, чтобы жестокая драма получила именно такую развязку». Через три дня был отдан приказ, согласно которому еще две дивизии и почти вся боевая авиация переводились в метрополию. Наконец 5 февраля я объявил, что тяжкое испытание, несомненно, близится к концу: «Кто может, положи руку на сердце, оспаривать, что благородное и необходимое дело превращения отношений господства в отношения сотрудничества, связывающие нас с бывшими колониями, должно быть завершено и там, где пока их нет, то есть в Алжире?.. Мы приближаемся к нашей цели... Я надеюсь, что в ближайшее время мы сумеем добиться положительного исхода, который мы считаем наилучшим, над подготовкой которого мы работали не без трудностей».

После этого в Руссе началась решительная фаза переговоров. Луи Жокс, сопровождаемый на этот раз еще двумя министрами, Робером Бюроном и Жаном де Брольи, устанавливает прямые контакты с полномочными представителями «Фронта»: Кримом Белькасом, Саадом Дахлабом, Лакдаром Бен Тоббалем. Заключить переговоры конференция переезжает в Эвиан. Соглашения подписаны 18 марта 1962 года. В них включено все, что мы хотели включить. В ближайшем будущем — прекращение огня. В дальнейшем, когда французский народ предоставит алжирскому народу независимость и когда затем за нее выскажется алжир-

ский народ в ходе референдума, — тесная ассоциация между Францией и Алжиром в области экономики и денежного обращения; широкое культурное и техническое сотрудничество; привилегированное по сравнению с другими нациями положение граждан одной страны на территории другой; полные и точные гарантии для той части французского населения, которая пожелает остаться в Алжире; преимущественное право для французов в области разведки и добычи нефти в Сахаре; право на продолжение наших атомных и космических испытаний в пустыне; предоставление нам базы Мерс-эль-Кебир и нескольких аэродромов для нашей авиации на срок не менее 50 лет; сохранение нашей армии в Алжире на протяжении 3 лет там, где мы сочтем это необходимым. Была достигнута договоренность, что на время переходного периода, с одной стороны, Французская Республика направит в Алжир верховного комиссара, который будет осуществлять высшую власть, в частности, в том, что касается поддержания общественного порядка, а с другой — будет создана «временная исполнительная алжирская власть», которая возьмет на себя административное управление, организацию референдума и, поскольку заранее предполагался положительный ответ народа, организацию выборов в Национальное Учредительное Собрание, которое в дальнейшем создаст правительство. А поскольку Алжир еще не обладал суверенитетом, а Эвианские соглашения, следовательно, не являлись договором, голосование как во Франции, так и в Алжире будет происходить в форме одобрения народами этих стран Декларации французского правительства.

В тот же вечер я сообщил нации, что, если только она подпишется под принятым решением, драме будет положен конец и проблема будет решена. «Только что принятое решение, — сказал я, — отвечает трем истинам, ясным как день. Первая истина состоит в том, что наши национальные интересы и действительное положение дел во Франции, в Алжире и во всем мире, традиционные дела и гений нашей страны требуют от нас содействия тому, чтобы в настоящее время Алжир сам располагал своей судьбой. Вторая истина состоит в том, что большие потребности и огромные желания алжирцев в вопросе развития их страны заставляют Алжир сотрудничать с нашей страной. Наконец, третья истина заключается в том, что, несмотря на сражения, покушения и все испытания, несмотря на различия в образе жизни, расе и религии, между Алжиром и Францией существуют не только многочисленные связи, возникшие на протяжении 132 лет их совместного существования, не только воспоминания о великих битвах, в которых сыны обеих стран боролись плечом к плечу в наших рядах за свободу всего мира, но и своего рода естествен-

ное взаимное влечение. Кто знает, может быть, даже борьба, которая теперь заканчивается, и жертвы с обеих сторон в конечном счете помогут нашим народам лучше понять, что они созданы не для борьбы друг с другом, а для того, чтобы идти вместе, как братья, по пути цивилизации?» Затем я сказал: «Если в конце концов восторжествовало здоровое решение, то это произошло прежде всего потому, что Республика сумела обеспечить себя институтами, необходимыми для авторитета Государства. Это произошло также благодаря армии, которая ценою своих потерь и выдающихся заслуг обеспечила господство над территорией во всех районах и вдоль границ, установила с населением человеческие и дружеские контакты и, несмотря на ностальгию многих офицеров и попытки подрывной деятельности со стороны отдельных руководителей-изменников, осталась верна своему долгу. Наконец, это произошло благодаря французскому народу, который, постоянно демонстрируя свою веру в того, кто несет на себе бремя государственной ответственности, позволил добиться созвония и затем осуществления решения». Через два дня в послании парламенту я сообщал, что нация будет призвана высказать свое мнение путем референдума.

Голосование состоялось 8 апреля. За день до этого, снова обратившись к стране, я призывал каждого гражданина, сказав «да», «превратиться в творца события, имеющего огромное значение, ибо тем самым будет завершено дело Франции по деколонизации». В метрополии, на заморских территориях и департаментах в голосовании приняло участие 20 млн. 800 тыс. французов и французов, или 76% зарегистрированных избирателей. 17 млн. 900 тыс. человек сказали «да», 1 млн. 800 тыс. — «нет», 1 млн. бюллетеней был не заполнен или признан недействительным. Положительный ответ дали 91% избирателей, принявших участие в голосовании.

Однако такое почти полное единодушие нации, которое окончательно решало вопрос и не оставляло никаких сомнений относительно дальнейшего развития событий, не склонило ОАС к мысли отказаться от продолжения террористических актов. С тех пор как стало ясно, что начался заключительный этап переговоров и что многие алжирские французы, предвидя подписание соглашений и уstraшенные волной преступлений, охвативших страну, намереваются вернуться в метрополию, террористы стали предрекать, что уход французов из Алжира отдаст эту территорию в руки врага. Поэтому они запрещали им уезжать, угрожая, что все оставленное имущество будет сожжено, а его владельцы даже «казнены». И действительно, за угрозами последовали конкретные дела. После же того, как соглашения были

подписаны, террористы приняли тактику «выжженной земли». Теперь они во что бы то ни стало хотели сделать так, чтобы европейцы покинули Алжир, оставив там одни руины. «Оставим Алжир таким, каким он был в 1830 году!» — таков был их лозунг. Повсюду горели подоженные школы, мэрии, предприятия, магазины, учреждения. В городе Алжире пожары вспыхнули в ратуше и в университете, горели бензосклады, портовые сооружения.

Безусловно, правительство предполагало, что значительная часть французского населения захочет вернуться в метрополию. С августа 1961 года Мишель Дебре поручил государственному секретарю Роберу Булену подготовить эту широкую операцию. В декабре 1961 года был принят закон, по которому для лиц, намеревавшихся обосноваться во Франции, предоставлялись наилучшие условия их переезда, расселения, обеспечения работой и социального страхования. Но возвращение могло и должно было осуществляться постепенно и без спешки. К тому же было весьма выгодно и желательно в собственных интересах алжирских французов и в интересах Франции, чтобы многие из них остались в Алжире, где они составили бы ядро специалистов в основных сферах деятельности. Но под давлением ОАС почти все французы покинули Алжир, причем их отъезд часто принимал форму панического бегства. В мае и июне 1962 года в среднем по 7 тыс. обезумевших человек набивались ежедневно в каюты пароходов и в самолеты, перевозившие их в Марсель. Помимо военных и чиновников, в Алжире проживал миллион европейцев. Осталось же там менее 100 тысяч. Поэтому множество домов, брошенных в беспорядке, в силу обстоятельств переменило своих хозяев, а огромное количество мебели, товаров и багажа было разграблено.

Все имеет свой конец. 25 марта в Оране был обнаружен и арестован Жуо. Высший военный трибунал под председательством Борне, заменившего больного Мориса Патена, приговорил его к смертной казни. 20 апреля в свою очередь в Алжире был арестован Салан. Но Высший военный трибунал приговорил его только к пожизненному тюремному заключению, избавив от смертной казни. А между тем сколько тяжких преступлений он совершил! И кроме того, как оправдать тот факт, что два приговора, вынесенных с интервалом всего в шесть недель одной и той же судебной инстанцией, свидетельствуют о меньшей строгости по отношению к тому, кто является главным виновником, тем более что именно так он охарактеризован в тексте приговора? Первоначально я предоставил дело Жуо нормальному ходу событий. Но потом по настоянию Жоржа Помпиду, ставшего премьер-министром, и хранителя печати Жана Фуайе, использовавшего все юридические хитрости, чтобы отложить приведение

приговора в исполнение, я согласился на отмену смертной казни несчастному, потому что его руководитель спас свою голову.

Вскоре оба осужденных дали знать, что они требуют от ОАС прекратить «сражение», которое не может больше дать никаких результатов. Однако столь поразительное применение двух различных мерок и подходов на протяжении двух громких процессов в столь опасных для государства обстоятельствах не позволило мне сохранять дальше судебные органы, которые сами поставили себя под сомнение. Впрочем, поскольку основные руководители бунтовщиков уже были осуждены, Высший военный трибунал был распущен. Правительственным указом был затем создан обычный Суд военной юстиции для рассмотрения дел вплоть до нормализации положения в стране. Эти меры, вызвавшие волнение в судебных кругах, связанных с политикой, ни в коей степени не шокировали народные массы, довольные тем, что с драмами Алжира покончено. Это стало мне понятно во время бурных оваций в Лимузене, а затем во Франш-Конте, которые я посетил в мае и июне.

Кровавые стычки в крупных алжирских городах и массовый отъезд французского населения не помешали установлению на местах временной власти, предусмотренной Эвианскими соглашениями. Назначенный верховным комиссаром Французской Республики Кристиан Фуше вместе со своим заместителем Бернаром Трико прибыл в Роше-Нуар, откуда руководил этой последней фазой. Едва он прибыл на место, как ему пришлось взять на себя ответственность за поддержание порядка, нарушенного в Алжире более чем когда-либо 26 марта восстанием на улице Изли, где толпу жителей города, взбешенную арестом Жуо, удалось рассеять только с помощью войск, открывших по ней убийственный огонь. Для создания Временной исполнительной власти я призвал Абдеррахмана Фареса, который вновь появился, полный оптимизма и динамизма. Вскоре исполнительная власть была создана. Три члена этого органа были политическими деятелями алжирских французов, восемь членов — мусульманами, входившими или не входившими в ФНО. Обосновавшись также в Роше-Нуаре, Фарес и его коллеги занялись подготовкой референдума и всеобщих выборов. После того как каждый занялся выполнением своих функций, Луи Жокс приехал в Алжир, чтобы продемонстрировать поддержку правительства. Несмотря на беспрерывные стычки, провоцировавшиеся командами Сюзини, на которые отвечали команды, созданные мусульманами, несмотря на паралич, наметившийся в деятельности администрации в связи с отъездом большого числа европейцев, наконец, несмотря на серьезные разногласия, возникшие в Тунисе между руководи-

телями ФНО, в частности между Бен Беллой и Бен Хеддой, Алжир, хотя и не безболезненно, шел к независимости.

Проведение референдума было назначено на 1 июля по вопросу: «Хотите ли вы, чтобы Алжир стал независимым государством, сотрудничающим с Францией на условиях, изложенных в Декларации от 19 марта 1962 года?» Но еще до этой даты ОАС внезапно сама отказалась от своей деятельности. Используя посредничество либерально настроенных французов, в частности Жака Шевалье, бывшего мэра Алжира, Жан-Жак Сюзини вступил в контакт с Временной исполнительной властью и под предлогом необходимости способствовать примирению между двумя группами населения предложил, ко всеобщему удивлению, прекратить террористические акты. Именно это рекомендовали из тюрьмы сначала Жюо, а затем Салан. Фарес принял это предложение, и соглашение было заключено. Поэтому голосование прошло в абсолютно спокойной обстановке. Проголосовало более 90% зарегистрированных избирателей, более 99% голосовавших ответило «да», а это доказывало, что оставшиеся еще в Алжире «черноногие» голосовали вместе со всеми. 3 июля я написал председателю Временной исполнительной власти, что «Франция торжественно признает независимость Алжира». Избранное 20 сентября Учредительное Национальное Собрание назначило Ахмеда Бен Беллу главой первого правительства Алжирской республики.

Конец колонизации означал, что перевернута страница нашей истории. Переворачивая ее, Франция испытывала одновременно и сожаление о том, что произошло, и питала надежду на будущее. Но суждено ли тому, кто вписал эту страницу, пережить завершение этого дела? Решать судьбе! Она это сделала 22 августа 1962 года. В тот день машина, в которой вместе со мною находились жена, мой зять Ален де Буассье и шофер Франсис Марру, попала около Пти-Кламара, на пути к самолету в Виллакублэ, в тщательно подготовленную засаду: по машине в упор открыли огонь из нескольких автоматов, а затем за ней гнали стрелки на автомобиле. Из 150 пуль, предназначенных для нашей машины, в нее попало только 14. К тому же — невероятная случайность! — ни один из нас не был ранен. Итак, пусть де Голль продолжает идти своим путем и следовать своему призванию!

## ЭКОНОМИКА

Политика и экономика так же связаны между собой, как деятельность и жизнь. Если предпринятое мною дело возрождения нации требовало сотрудничества всех умов, то оно, очевидно, равным образом требовало, чтобы страна имела средства. То, что она добывает благодаря своим ресурсам и своему труду; то, что из своих общих доходов она изымает в свой бюджет, будь то для финансирования деятельности государства, которое руководит страной, управляет ею, осуществляет суд, обучает, защищает, будь то для поддержания и развития с помощью капиталовложения инструментов своей деятельности, будь то для оказания помощи своим гражданам во время испытаний, выпадающих на их долю в ходе эволюции человеческого общества; и, наконец, то, каков ее вес в физическом смысле этого слова и, следовательно, каков ее вес по сравнению с другими государствами, — вот основы, на которых зиждется мощь, влияние и величие страны, а также та относительная степень благополучия и безопасности, которую в народе привыкли называть счастьем.

Это было справедливо во все времена. Сегодня это более справедливо, чем когда-либо, ибо каждый человек ныне постоянно является жертвой желания обладать новыми вещами, создаваемыми современной эпохой; ибо все знают, что в этом отношении судьба каждого прямым образом зависит от общего положения и от тех решений, которые принимают в верхах; потому что скорость передачи информации и ее распространение способствуют тому, что каждый человек и каждый народ может в любой момент сравнить то, что он имеет, с тем, что имеют ему подобные. Вот почему государственная власть больше всего озабочена этим. Нет правительства, которое держалось бы в стороне от этой реальности. Эффективность и стремления политики связаны с мощью и перспективами экономики.

Я знаю это — вполне понятно! — столь же хорошо, как и любой другой. Ибо сразу после Освобождения я сумел благодаря серьезным реформам спасти страну от грозившего ей смертельного потрясения. Ибо сегодня я должен вновь поставить на ноги страну, вырвав ее из того печального положения, куда завели ее партии. Ибо в течение десяти лет я руководил процветанием

страны, ее прогрессом, ее валютой с таким успехом, с которым не может сравниться ничто из ее прошлого на протяжении более полувека. Ибо несколько позже мне удалось в последний момент удержать страну от падения в пропасть, в то время как единая и ожесточенная кампания против моей власти, проводившаяся всеми привилегированными группами общества, патологическая пассивность, внезапно охватившая страну, забвение своего долга почти всеми, на ком лежала ответственность, толкали страну к анархии. Вот почему, будучи во главе Франции как в периоды спокойствия, так и во время ураганов, я всегда ставил на первый план моей деятельности и моих забот экономические и социальные проблемы. Им я посвящал добрую половину своего труда, приемов, визитов, речей на протяжении всего времени, пока бремя забот о нации лежало на моих плечах. После всего этого, между прочим, понятно, до какой степени казался мне смехотворным упрек, упорно бросавшийся генералу де Голлю, будто его не интересуют экономические проблемы.

Правда, надо сказать, что, занимаясь этим вопросом, я старался, что свойственно моей натуре, постоянно сводить все к главному. Правда, я не опирался на меняющиеся теории многих ученых мужей, которые высказывали калейдоскоп мнений, имеющих любой смысл или полностью лишенных смысла. Правда, я никогда не занимался жонглированием идеями и формулами, как это делают жонглеры, выступающие против или сомневающиеся, иллюзионисты на коллоквиумах и в газетах, акробаты демагогии. Правда, что, если на том высшем уровне, на котором я находился, мне полагалось назначать экспертизы и спрашивать мнения, а потом делать выбор и принимать на себя всю ответственность, я не подменял собою тех министров и чиновников, которым надлежало изучать, предлагать, исполнять, учитывая сложную обстановку, в которой они призваны жить и к которой привыкли. Правда, наконец, и то, что достигнутые результаты, какими бы они ни были, всегда будут казаться спорными в области, где по самому ее смыслу желания всех безграничны и ничто никому никогда не кажется достаточным. Но для меня в этой области, как и в других, не было ни запасных путей, ни возможности уверток, даже если предположить, что я захотел бы к ним прибегнуть. Все, что государство должно сделать, оно будет отныне делать моею властью, под моей ответственностью, во многих случаях по моей инициативе — в силу той первостепенной роли, которую страна инстинктивно предоставила мне, и в силу нормального осуществления власти, доверенной новой конституцией тому, кто стоит во главе страны.

Какое направление должен я придать экономическим усилиям, чтобы они соответствовали той политике, которую я намерен предложить Франции? С самого начала и затем на всем протяжении пути идея, которой я руководствовался, — это прежде всего здравый смысл. Наша страна сможет устроить свою внутреннюю жизнь и рассчитывать на внешнюю деятельность, только приведя свою активность в соответствие с ритмом эпохи. В эру господства промышленности она должна быть промышленной страной. В эру международного соревнования она должна обладать способностями к соревнованию. В эру науки и техники она должна развивать научно-исследовательскую деятельность. Но для того, чтобы много производить, чтобы качество товаров облегчало их продажу, чтобы постоянно обновлять благодаря изобретениям продукцию заводов и полей, стране необходимы своевременные и глубокие преобразования.

Но при всем при этом нельзя, конечно, отречься от ее великой основной ценности. Всеми силами стремясь осуществить обширные преобразования структуры и привычек страны, я относился с великим уважением к тому, что наши отцы в течение долгого времени сделали для нее. Бесспорен факт, что к тому моменту, когда я снова стал управлять французами, несмотря на отсутствие многих видов сырья и недостаток источников энергии, несмотря на войны, вызвавшие разрушения и человеческие жертвы, объем и уровень промышленного и сельскохозяйственного производства уже были весьма значительными. Бесспорен факт, что французы упорно и, в общем, регулярно трудятся, выполняя свои привычные обязанности, к которым они привязаны, в основном полностью удовлетворяют свои потребности, а продукцию отдельных отраслей в больших количествах продают за границу; что их ученые и специалисты пользуются во всем мире большим уважением. Бесспорно, что французы — люди самых различных профессий, что в общем соответствует разнообразию расы и географических условий их территории, а также индивидуализму, свойственному их национальному характеру. Бесспорен факт, что гибкость их коллективного бытия, не спасая от кризисов, оберегала их от слишком тяжелых потрясений и подчас смягчала остроту социальных конфликтов. Короче говоря, бесспорен тот факт, что благодаря тысячелетним усилиям экономика Франции обладает элементами прочности и творческого развития.

И наоборот, эти же самые особенности, не приспособленные вовремя к изменившимся условиям, не подправленные в ходе развития, ведут теперь к замедлению движения страны вперед. Ибо теперь, когда люди попали в зависимость от машины и когда

благодаря этому их законами стали отныне рентабельность и расширение производства, уже недостаточно, чтобы промышленность, сельское хозяйство и торговля производили, собирали и продавали столько же, сколько производили, собирали и продавали ранее, — надо, чтобы они производили, собирали и продавали все больше и больше. Теперь недостаточно делать хорошо то, что делалось ранее, надо делать это лучше, чем другие. Теперь недостаточно вести дело так, чтобы «сводить концы с концами», надо зарабатывать достаточно, чтобы иметь возможность купить лучшее оборудование. Теперь недостаточно уже поддерживать, чтобы сохранить их жизнеспособность, деятельность многочисленных отдельных предприятий, имеющих малый радиус сбыта, надо, чтобы эти предприятия объединялись, чтобы победить в конкурентной борьбе. Развитие, рост производительности труда, конкурентоспособность, концентрация — вот, совершенно очевидно, те направления, которые отныне надо придать французской экономике, ранее традиционно осмотрительной, консервативной, распыленной и пользовавшейся протекционизмом государства.

Само собою разумеется, что в такой стране, как наша, и при нашем строе подобное превращение постоянно требовало не столько эдиктов, издаваемых высшей властью, сколько множества специфических, спонтанных и одновременных действий самих заинтересованных лиц, так же как правительства и администрации. Как глава государства, я был призван убедить в этом общественное мнение страны, но также и лично участвовать в некоторых важнейших мероприятиях. Для меня на уровне моего положения речь шла о плане, поскольку он охватывал все сразу, намечал цели, устанавливал очередность срочности и важности, заставлял ответственных лиц и даже общественность страны осознать общее, целенаправленное и непрерывное в развитии экономики, компенсировал связанные со свободой неудобства, не теряя обусловленных ею преимуществ; следовательно, я должен сделать так, чтобы разработка и осуществление плана приняли размах, которого раньше у них не было, и приобрели характер «страстной обязанности», провозгласив ее моей «страстной обязанностью». Речь шла о международном соревновании, ибо именно оно является рычагом, с помощью которого можно поднять наши предприятия, принудить их к повышению продуктивности, привести их к объединению, заставить вести борьбу на мировых рынках; отсюда моя решимость претворить в жизнь Общий рынок, представлявший в то время всего лишь толстую исписанную тетрадь, пойти на ликвидацию таможенных барьеров между шестью

странами, в значительной степени освободить нашу внешнюю торговлю. Речь шла о капиталовложениях, государственных и частных, которые должны были дать нам возможность модернизировать наше оборудование, приспособить наши средства связи к скоростям века, обеспечить наше общество, в соответствии с требованиями развития, квартирами, школами, больницами, спортивными сооружениями; в государственных бюджетах, проекты которых я буду подписывать и тексты которых буду утверждать и обнародовать, расходы на развитие экономики всегда будут превосходить расходы на ее функционирование. Речь шла о «передовых» областях деятельности: фундаментальных исследованиях, атомной промышленности, авиации, космических исследованиях, информатике и т.п., ибо требования прогресса исходят именно из этих лабораторий с их продукцией и распространяются на весь аппарат, побуждающий к прогрессу; поэтому я буду непосредственно следить за развитием этих отраслей, неоднократно давать указания о предоставлении им дотаций, настойчиво посещать лаборатории и предприятия, принимать и выслушивать их многочисленных руководителей. Речь шла о валюте, критерии здоровья экономики и необходимом условии кредита, прочность которой гарантирует накопление и привлечение капитала, поощряет дух предпринимательства, способствует социальному миру, увеличивает влияние страны в международных делах, а ослабление ее стабильности ведет к инфляции, к разбазариванию сил, душит прогресс, вызывает социальные волнения и наносит ущерб независимости страны; я дам Франции твердый франк, золотое содержание которого не будет меняться столь же долго, сколь долго я останусь у власти, и который, даже несмотря на тяжелые удары, нанесенные по нашей стране весной 1968 года объединенным союзом несбыточных надежд, шантажа и подлости, я смогу сохранить до конца, обладая огромными запасами твердой валюты и золота, накопленными на протяжении десяти лет в нашем казначействе благодаря доверию. И даже несмотря на серьезные потери, вызванные этим потрясением, к моменту моего ухода наш золотой запас составит 4 млрд. долларов, в том числе 2,5 млрд. долларов в твердой валюте, не говоря уже о внушительных кредитах, которые нам будут предлагать со всех сторон.

Однако я уже давно был убежден, что современному механизированному обществу недостает духовной пружины, которая гарантировала бы его равновесие. Социальный строй, предлагающий трудящемуся удел инструмента или колесика, пускай и удовлетворительно оплачиваемого, вступает, на мой взгляд, в

противоречие с самой природой человека и даже противоречит здравому смыслу производительности. Не оспаривая вклада капитализма в благополучие не только отдельных лиц, но и общества в целом, следует отметить, что эта система несет в себе элементы постоянной неудовлетворенности большого числа лиц. Правда, некоторые паллиативы смягчают крайности строя, основанного на принципе его невмешательства в экономику, но не излечивают человека от ощущения моральной неполноценности. С другой стороны, коммунизм, если в принципе он препятствует эксплуатации человека человеком, порождает отвратительную тиранию, навязанную личности, и погружает жизнь в мрачную атмосферу тоталитаризма, далеко не достигая по уровню жизни, условиям труда, снабжению товарами, по общему техническому прогрессу результатов, которых можно достичь в условиях свободы. Итак, осуждая и тот и другой противостоящие друг другу режимы, я считаю, что обстоятельства диктуют нашей цивилизации создание нового строя, при котором человеческие отношения регулировались бы таким образом, чтобы каждый принимал прямое участие в результатах деятельности того предприятия, куда вкладывается его труд, чтобы каждый мог с достоинством нести свою долю ответственности за ход коллективного дела, от которого зависит и его собственная судьба. Не является ли это переносом в область экономических отношений, с учетом ее специфических особенностей, того, что представляют собой в области политики права и обязанности гражданина?

Действуя именно в соответствии с этим принципом, я в свое время создал комитеты предприятий. В соответствии с этим же принципом позднее, будучи отстранен от дел, я стал поборником «ассоциации». В соответствии с этим же принципом я намеревался, вернувшись к командным рычагам, установить в законодательном порядке заинтересованность трудящихся в прибылях, что и было осуществлено в дальнейшем. Именно в соответствии с этим принципом я попытался, извлекая уроки из скандалов мая 1968 года и воспользовавшись случаем, обнажившим истинное положение на заводах и в университетах, распахнуть во Франции настежь дверь для участия, что объединило против меня решительную оппозицию всех феодалов от экономики, социальных дел, политики, журналистики вне зависимости от того, были ли они марксистами, либералами или консерваторами. Эта коалиция, добившись того, что народ в большинстве своем торжественно дезавуировал де Голля, в тот момент положила конец успеху реформы и в то же время моей власти. Но через испытания, отсрочки и могилы все, что законно, может когда-нибудь стать узаконенным, все, что разумно, может завершиться признанием.

По правде говоря, кто в апреле 1969 года вспомнил — да и знал ли когда-либо? — каково было положение в области экономики, финансов и валюты Франции, когда 11 лет назад я снова брал правление страной в свои руки.

Едва я обосновался в Матиньонском дворце, как Антуан Пинэ обрисовал мне существующее положение. Во всех областях одновременно мы стояли на пороге катастрофы. Бюджет 1958 года имел дефицит по меньшей мере в 1200 млрд. франков. Наши внешние долги превышали 3 млрд. долларов, причем половину из них мы должны были вернуть на протяжении предстоявшего года. В торговом балансе поступления составляли едва лишь 75% от платежей, несмотря на фактическую девальвацию, названную «операцией двадцати процентов», которую осуществило правительство Феликса Гайяра в 1957 году. Наши запасы на 1 июня 1958 года составляли 630 млн. долларов в золоте и твердой валюте, что соответствовало оплате пятинедельного импорта, а все внешние источники кредита, которыми прежний режим пользовался непрерывно, теперь полностью иссякли. Не осталось ничего и от последнего возможного займа — в сумме 500 млн. долларов, которого в начале года с большим трудом удалось выпросить миссии Жана Монне у Международного валютного фонда и у американских банков. Что же касается экономической активности, державшейся последнее время на высоком уровне, хотя и носившей всегда беспорядочный характер, то она начала все заметнее падать из-за ограничений в импорте, которые правительство вынуждено было ввести в связи с возможным финансовым крахом. Наконец, мы не могли выполнить взятые на себя в европейском и мировом масштабе обязательства осуществить до конца 1958 года некоторое освобождение нашего внешнеторгового обмена, чтобы Франция, как и другие развитые страны, могла включиться в международное соревнование. Равным образом мы не представляли себе, как выполнить обязательства по Римскому договору, по условиям которого намечалось провести в 1959 году первое снижение таможенных пошлин между шестью странами — членами Общего рынка. В общем, мы стояли перед альтернативой — либо чудо, либо банкротство.

Но не сделает ли возможным это чудо психологическая перестройка, вызванная моим возвращением? Так думает Антуан Пинэ. И если на должность министра экономики и финансов я выбрал этого выдающегося деятеля, известного своим здравым смыслом, пользующегося уважением за свой характер и популярностью за свою преданность государственным интересам, то именно потому, что его присутствие рядом со мною должно увеличить доверие — единственное, что, возможно, спасет нас от

неизбежной катастрофы. В длинной серии уверток и крахов, из которых состояла финансовая история IV Республики, его приход на пост министра в 1952 году и успех его займа явились определенной передышкой. С тех пор общественное мнение превратило его имя в символ разумного управления. Итак, появился шанс, что если я поддержу его опыт и репутацию своим национальным авторитетом, то крутые меры, которые абсолютно необходимо принять немедленно, будут осуществляться в благоприятной обстановке, что мое правительство получит таким образом необходимое время на разработку плана полного подъема экономики, что весь комплекс этих мер, безусловно мучительных, встретит искреннюю поддержку специалистов, администрации и деловых кругов, которые поддержат Пинэ скорее, чем какого-либо другого министра.

Первое, что необходимо сделать в чрезвычайно срочном порядке, — это найти деньги для пополнения фондов казначейства, чтобы оно перестало оплачивать расходы государства выпуском новых банкнот. Я согласился с Антуаном Пинэ, что необходимо сразу же выпустить заем, который станет великим национальным предприятием уже благодаря тому факту, что де Голль здесь и что именно он выпускает этот заем. Об этом я сообщил стране 13 июня, выступив по радио и телевидению. Я повторил свое сообщение по тем же каналам 26 июня, дав понять, что рассматриваю подписку как акт доверия нашему народу и мне лично. Со своей стороны министр ясно и откровенно объяснил, какая опасность нам грозит, каким образом мы можем ликвидировать ее и каковы условия намеченной операции. Подписка была начата 17 июня и закончена 12 июля. Заем имел беспрецедентный успех, если не считать столь же триумфального успеха, который имел 13 лет назад заем «Освобождения». В казначейство поступило 324 млрд. франков, в том числе 293 млрд. наличными. Помимо этого, во Французский банк вернулось 150 т золота, что равно 170 млн. долларов, то есть почти столько же, сколько вернулось в 1945 году, и в 5 раз больше, чем в 1952 году. Облегчение, которое внес этот заем в урегулирование государственных расходов и внешних платежей, было значительным и наступило сразу. Кроме того, впечатление от этой поддержки моих усилий привело к повышению кредитоспособности Франции. Буквально на следующий день началось возвращение капиталов в страну, откуда они раньше бежали, что позволило констатировать возникновение существенной тенденции к установлению равновесия нашего платежного баланса. Наконец, внезапно поднимавшаяся волна оптимизма относительно будущего притупила многочисленные и

настойчивые требования, возникавшие из-за крайнего беспокойства в самых различных слоях общества.

Но удовлетворить эти требования, даже если они были в принципе оправданными, и выполнить некоторые обещания, которые были вырваны у слабого старого режима, означало проиграть дело. В последних числах июля мое правительство приняло ряд решений, о которых самое меньшее можно сказать следующее: ради общего спасения они шли вразрез с интересами всех частных лиц.

Именно в силу этих решений увеличение заработной платы и окладов должностным лицам и государственным служащим, которое должно было произойти как раз в это время, было отложено на следующие годы. Равным образом было отменено увеличение цен на сельскохозяйственные продукты, хотя закон 1957 года предписывал определять их в зависимости от общего индекса цен (например, центнер зерна будет продаваться на 113 франков дешевле, чем рассчитывали земледельцы). Розничной торговле также было навязано значительное снижение цен. Дополнительные налогами в размере 50 млрд. франков были обложены акционерные общества и предметы роскоши. Была повышена цена на бензин, отменены или заморожены кредиты, предоставленные ранее многим стройкам, а также ряд кредитов на модернизацию. В результате расходная часть бюджета на текущий год была сокращена примерно на 600 млрд. франков; внутреннее потребление сократилось за счет экспорта; рост цен, достигавший в первом полугодии 1958 года в среднем 1% в месяц, сократился до  $\frac{1}{3}\%$  в месяц во втором полугодии. В результате инфляция пошла на убыль и появились первые признаки стабилизации без новых ударов по производству.

Впрочем, поскольку, несмотря ни на что, даже во Франции на долю добродетели иногда выпадает удача, случилось так, что в других странах, особенно в Соединенных Штатах, наметился некоторый спад экономической деятельности, что привело к остановке роста цен на сырье, облегчило наши импортные операции и способствовало тому, что «перегретая» система стала остывать. Правда, вследствие этого возникла некоторая угроза роста безработицы. Число безработных, получающих пособия, возросло с 19 тыс. до 36 тыс. человек, а продолжительность рабочей недели сократилась в среднем на полчаса. Но в обстановке социальной разрядки, совпавшей с политической передышкой, правительству удалось добиться, чтобы предприятия делали постоянные отчисления в размере 1% от фонда заработной платы, а от профсоюзов — согласия на совместное с предпринимателями использование этих средств и на создание «Совместного фонда гарантиро-

ванной заработной платы», который, что бы ни случилось, обеспечивал трудящимся минимум заработной платы и занимался трудоустройством тех, кто терял работу.

Чтоб разъяснить значение этих начальных мер по приведению дел в порядок, я обратился к нации. «Сейчас предпринимаются, — сказал я нации 1 августа, — меры по стабилизации нашего экономического, финансового и валютного положения. Мы хотим остановить падение в пропасть инфляции и заложить основы, на которых будем строить наше благополучие и нашу мощь». Далее, заявив, что «требую от всех категорий французов взять на себя часть жертв», я перечислил необходимые меры, не скрывая всей их суровости, и добавил, что все эти «меры не напрасны»: финансовый 1958 год будет закончен без существенного дефицита, платежный баланс станет активным, цены будут заморожены на одном уровне, положение франка улучшится. В заключение я сказал: «Франция взяла старт в гонке за процветание. Я ручаюсь, что она выиграет эту гонку, если только будет решительной и не сойдет с дистанции».

Мы приняли самое необходимое. Но речь шла о значительно большем: нужно было сделать все для того, чтобы нынешний порыв, не нарушая равновесия, сохранился надолго. Именно ради этого было предусмотрено одобрение народом в ходе референдума 28 сентября весьма важного постановления о том, что вплоть до создания новых органов государственной власти, то есть до 8 января 1959 года, когда я официально обоснуюсь в Елисейском дворце, «правительство будет принимать во всех областях меры, которые оно сочтет необходимым для жизни нации, путем опубликования ордонансов, имеющих силу закона».

Однако, сколь бы я ни уважал деятельность лиц, управляющих финансами, я чувствовал: решения, которые надлежит принять, должны быть настолько обширны и глубоки, что выходят за рамки их обычной деятельности. Антуан Пинэ, высказав некоторые возражения, присоединился к моей точке зрения. 30 сентября была создана комиссия из девяти человек, лиц высокой компетенции, представлявших Французский институт, Инспекцию финансов, Государственный совет, университет, Союз экспертов-бухгалтеров, Французский банк и промышленность. Комиссии поручалось «представить правительству доклад по всем вопросам положения финансов Франции и сделать необходимые рекомендации по использованию полученных им во время референдума специальных полномочий».

Председателем комиссии назначен Жак Рюэфф. Он глубоко знал дело благодаря широте своих взглядов и полученной подготовке. Что касается вопросов экономики, финансов и валюты, то

ничто не ускользает из поля зрения этого законченного теоретика и испытанного практика. Теоретик финансовых отношений, поэт их превратностей, он хочет, чтобы финансы были свободными. Но, зная, каким злоупотреблениям они постоянно подвергаются, он считает необходимым их опекать. Проект, который он 8 декабря от имени комиссии вручил мне и Антуану Пинэ, представлял собой стройную систему, согласно которой ценой больших жертв многочисленные преграды будут устранены, благодаря чему Франция, перестав прибегать к ухищрениям, восстановит равновесие в области накопления капиталов и кредита, необходимое в нормальных условиях для обеспечения капиталовложений, которые позволяют стране добиться прогресса и решительно вступить в соревнование с современными великими державами.

План состоит из трех основных элементов, тесно связанных между собой и по своей природе могущих в корне изменить экономическую деятельность и финансовую политику Франции. Первый элемент — это реальное прекращение инфляции, ибо она представляет собой всего лишь наркотик, который, чередуя состояния тревоги и опьянения, ведет общество к смерти. Лечение от инфляции будет заключаться первоначально в сокращении государственных расходов при одновременном увеличении поступлений, с тем чтобы покрытие бюджета начиная с 1959 года достигалось без привлечения искусственных платежных средств, а в дальнейшем — во временном сокращении внутреннего потребления, чтобы прекратить разбазаривание чрезмерной доли национального дохода и, наоборот, увеличивать накопление, источник всех капиталовложений, и переориентировать промышленность на экспорт. В связи с этим предлагалось осуществить комплекс суровых мер: ограничить заработную плату и жалование в государственном секторе «неизменяемой» четырехпроцентной надбавкой; сократить государственные субсидии на покрытие дефицита национализированных предприятий и системы социального страхования, сократить субсидии, выплачиваемые производителям продуктов питания; не выплачивать в 1959 году пенсии трудоспособным ветеранам войны. И в то же время еще раз повысить налоги на акционерные общества и на лиц с крупными доходами; повысить косвенные налоги на вино, спиртные напитки, табак; увеличить на 15% плату за газ, электричество, транспорт, на 10 — цену на уголь, на 16% — почтовые тарифы. И наоборот, чтобы это увеличение налогов не задело положения лиц с наименьшими доходами, план предусматривал увеличение минимума гарантированной заработной платы на 4%, пособия на детей — на 10% (через полгода) и немедленно увеличить на 5200 франков пенсии для престарелых лиц.

Вторая серия мер, намеченных планом, относилась к валюте. Их цель заключалась в том, чтобы после одиннадцати уменьшений золотого содержания, происшедших с 1914 года, когда наш франк все еще был «золотым франком» Наполеона, он в конце концов закрепился на прочной основе, а наши товары могли конкурировать на мировом рынке, куда мы собирались устремиться. Кроме того, план рекомендовал девальвировать франк на 17,5%. Речь шла о том, чтобы после этой девальвации наш франк стал твердым и его твердость была бы не только провозглашена во Франции, что привело бы к запрету каких-либо изменений, за исключением гарантированного минимума заработной платы, но и признана за границей. Следовательно, франк станет обратимым, то есть будет свободно обмениваться на другие твердые валюты. Помимо этого, чтобы вернуть нашему старому франку, обесценение которого свидетельствовало о перенесенных нами испытаниях, вызывающую уважение полновесность, будут выпущены новые монеты и банкноты (один новый франк за сто старых).

Третий комплекс мер был направлен на либерализацию внешнеторгового обмена. Здесь намечалась подлинная революция! Действительно, план советовал нам покончить со старой системой протекционизма, практиковавшейся Францией на протяжении столетия. Конечно, под прикрытием этой оборонительной линии Франция сумела накопить перед мировыми войнами огромное состояние и в дальнейшем, несмотря на разорение, сумела восстановить свою экономическую жизнь, не превратившись в чью-нибудь колонию. Но в настоящее время, когда широкий обмен становится движущей силой мировой торговли, система протекционизма изолирует Францию, усыпляет ее. Таможенные барьеры, запреты на ввоз, количественные ограничения давали нашей промышленности, сельскому хозяйству и торговле некоторую гарантию, но культивировали посредственность. Наоборот, соревнование заставит их одновременно идти на риск и ощущать дрожание стрелки компаса. Можно было предположить, что в ходе этого сражения французская экономика сумеет приспособить оборудование, дух предпринимательства и методы к требованиям роста производительности и сделает внешнюю экспансию критерием успеха. Жак Рюэфф и члены его комиссии высказали предложение, чтобы с 1 января 1959 года принцип свободного обмена со странами Европы был распространен сразу на 90% товаров, а принцип свободного обмена с долларовой зоной — на 50% товаров.

Я одобрил проект экспертов. Впрочем, двое моих сотрудников, Жорж Помпиду и Роже Гетц, поддерживавшие тесный контакт с комиссией, информировали меня о ходе ее работ. В обла-

ти технических деталей — процентов, дат, спецификаций и т.д. — я полностью положился на мнение комиссии специалистов, предложивших их. Меня захватили в этом проекте его стройность, живость и в то же время смелость и честолюбие. Но чтобы проект был воплощен в жизнь без борьбы против ответной реакции внутри страны и за ее пределами, реакции, которой он не мог не вызвать, я должен был сделать его своим личным проектом. Здесь я получил огромную поддержку в виде доверия народных масс, которое они — а не их элита — оказали мне в волнующей форме и непосредственно выразили этой осенью — в ходе референдума в сентябре, законодательных выборов в ноябре и, наконец, избрав меня президентом в декабре.

Однако, хотя не только принципы, но и документы, их воплощающие, должны были быть разработаны при отсутствии парламента, мы столкнулись с политическими препятствиями. Первое препятствие выдвинул сам министр экономики и финансов: крайне взволнованный, он пришел заявить мне, что возражает против плана Рюэффа по двум основным пунктам — он против девальвации и против новых налогов. «Поймите, — сказал Антуан Пинэ, — поскольку я всегда осуждал и то и другое, я не могу теперь поставить подпись под этим планом». Считая, что его позитивное отношение очень желательно, я настойчиво пытался склонить министра к согласию, указывая на важность стоящей передо мной задачи, лежащую на мне ответственность и соответственно на мои права и обязанность принимать высшие решения. А я принял решение осуществить план немедленно, целиком, без полумер, в том числе осуществить и те два мероприятия, которые вызвали спор. Антуан Пинэ склонился перед лицом этих важных доводов, однако, после того как все было урегулировано, он написал мне письмо, в котором высказал свои оговорки и свои опасения. Но вскоре члены правительства — социалисты в свою очередь заявили мне о своем несогласии. «Я считаю невозможным, — сказал мне Ги Молле, — одобрить девальвацию и мероприятия, которые лягут тяжким бременем на рядового человека, не будучи компенсированы в достаточной степени государственным регулированием». Отвечая ему, я напомнил о дополнительном обложении наиболее богатых, о льготах, предусмотренных для самых бедных, и о настоятельной необходимости вывести страну из катастрофического положения, в которое ее завели предыдущие правительства. Но Ги Молле упорствует в своей оппозиции. Поскольку у меня нет сомнений в том, какую позицию займут социалисты по мере приближения к концу алжирской драмы, а также в результате разочарования, которое принесли их партии результаты выборов, я принимаю отставку

генерального секретаря их партии. Подали в отставку также Эжен Тома и Макс Лежен. Однако я просил всех троих остаться на своих постах до 8 января — дня провозглашения V Республики, учредить которую они мне помогут. С этим они охотно согласились.

Решения были приняты 26 декабря на продолжавшемся 12 часов межминистерском совете, где присутствовали все члены правительства, а также Жак Рюэфф и высшие чиновники министерства финансов. Руководя дебатами от начала до конца, я достаточно ясно дал понять свою точку зрения, чтобы принятие всех решений стало неизбежным. На следующий день все мероприятия были утверждены Советом Министров в форме ордонанса о бюджете на 1959 год, еще одного ордонанса о введении нового франка, постановления, фиксирующего его паритет, и официального сообщения для заграницы о введении свободного обмена. 28 декабря я сообщил стране по радио, что произошло, как и почему.

Констатировав прежде всего, что выпавшая на мою долю 18 лет назад национальная задача была только что подтверждена избранием меня на пост президента Республики в предшествовавшее воскресенье, я заявил: «Вождь Франции и глава республиканского государства, я буду осуществлять верховную власть во всей ее полноте, которая предоставлена мне отныне, и в том новом духе, который она мне предписывает». Именно инстинкт спасения побудил французский народ обратиться ко мне с призывом. «Французский народ поручил мне вести его, потому что он не ищет легкого пути, а хочет идти по пути усилий и обновления». В соответствии с моей миссией и в согласии с моим правительством «я решил действительно и полностью привести наши дела в порядок». Я указываю, что «по случаю утверждения бюджета мы приняли и начнем с завтрашнего дня проводить в жизнь целый комплекс финансовых, экономических и социальных мер, которые поставят нацию на основу истины и суровости... что нашей стране придется пережить испытание... но что восстановление, которое нами намечено, окупит все». Далее следовало перечисление всех принятых решений, которые после моего выступления должен разъяснить подробнее министр экономики и финансов. Я закончил словами: «Без этих усилий и этих жертв мы останемся страной, плетущейся в хвосте, вечно колеблющейся между драмой и посредственностью. Наоборот, если мы добьемся успеха, то какой этап мы пройдем на пути, ведущем нас к вершинам!»

Впечатление, произведенное внутри страны и за ее пределами, огромно. Профессионалам, фабрикующим общественное мнение,

кажется действительно поразительным, что после невероятного количества фрагментарных, эпизодических и слабых попыток, предпринимавшихся предыдущими правительствами, новая власть предприняла на этот раз коренные, решительные и последовательные действия. Ни партии, ни газеты, всегда недоброжелательные, на этот раз в смятении не оспаривают важности и стройности плана. За границей не скрывают удивления тем, что я взял на себя столь большие обязательства. Но в то время как за пределами наших границ и в дальнейшем высказывались только благожелательные суждения, что привело к изменению потока капиталов в нужном нам направлении, внутри страны, напротив, после того как оправались от первого шока, восстановление наших дел начнется посреди океана критических высказываний, которыми будут засыпать нас политические партии, профсоюзы и почти вся пресса.

Естественно, протесты направлены против строгостей, связанных с задачей восстановления. Не оспаривая идеи, что общие интересы должны превалировать над частными, все эти оппозиционеры объединились, утверждая, будто навязанные правительством жертвы несправедливы. Исходя из этого обобщающего осуждения, каждый профессиональный организм, естественно, не преминул выступить против тех постановлений, которые, на его взгляд, сильнее всего затрагивали его членов. Патронат протестовал против тягот, ложившихся на промышленность, и требовал ради их облегчения сократить государственные расходы. Владельцы мелких и средних предприятий протестовали против либерализации торговли, ибо, по их мнению, в результате им придется вступить в такую конкуренцию, которую многие не смогут выдержать. Крупных чиновников и лиц свободных профессий возмущало принятие в расчет при определении доходов внешних признаков богатства. Представители торговых кругов осуждали мероприятия, предусматривавшие сокращение покупательной способности потребителей. Рабочие профсоюзы подняли шумиху вокруг возможного снижения уровня жизни лиц, живущих на заработную плату, что, по их мнению, неизбежно последует за ростом цен, обусловленным девальвацией, с одной стороны, и экономическим спадом, вызванным политикой экономии, — с другой. Сельскохозяйственные организации не соглашались с отменой подвижной шкалы цен на сельскохозяйственные продукты: это, кричали они, нарушает принцип неизменности крестьянских доходов. Ассоциации ветеранов войны горячо возмущались прекращением, пусть даже частичным, выплат пенсий тем, кто пережил Великую войну.

По правде говоря, ничего другого я и не ожидал от политических и социальных групп. Политические партии, как таковые, не могут, конечно, одобрить деятельность строя, созданного вопреки их желанию, тем более в тот момент, когда эта деятельность вызывала недовольство, представлявшее для них столько шансов! Что касается профессиональных организаций, то поскольку они существуют и действуют только ради выдвижения и отстаивания требований, нельзя рассчитывать на их конструктивное сотрудничество с властью, тем более в тех случаях, когда власть осуществляет принуждение по отношению к их членам. Само собой разумеется, что природная враждебность этих организаций к государству, главным образом к сильному государству, становится яростной и систематической в тех организациях, где господствуют коммунисты, которые во всех случаях стараются ослабить национальное общество в ожидании, пока они смогут полностью уничтожить его. Перед лицом такого брожения я сам себе напоминаю машиниста из американского фильма, ведущего состав, не обращая внимания на тревожные звонки обеспокоенных пассажиров или злоумышленников. В этот решающий период мое правительство, несмотря на настойчивые требования, практически ничего не изменило в своих решениях. Впрочем, бурные народные демонстрации, сопровождавшие в это время мои визиты в шестнадцать департаментов Юго-Запада, Центра, Берри, Турени и Центрального массива, доказывают, что нация в глубине души относится благожелательно к предпринятому делу. Даже Национальное Собрание, в котором премьер-министр Мишель Дебре изложил 15 января политику нашего правительства и поставил вопрос о доверии, выражает свое одобрение значительным большинством голосов. Отметим еще раз, что нападка можно пренебречь, при условии, если добиваешься успеха.

А успех действительно обозначился. Через полгода после начала осуществления плана небольшой спад, намечавшийся в то время, сменился заметным подъемом. Число безработных стало сокращаться, продолжительность рабочей недели — увеличиваться. К 30 июня 1959 года мы ожидали роста цен на 7—8%, а фактически цены поднялись только на 3%. Поэтому наш экспорт стал расти в размерах, ранее неслыханных. На протяжении первого полугодия наши валютные запасы, уже увеличившиеся к концу 1958 года, возросли еще на 900 млн. долларов и составили, несмотря на выплату 600 млн. долларов по внешним долгам, более 1,5 млрд. долларов. Деятельность Парижской биржи свидетельствовала об этих хороших результатах: индекс операций с французскими ценными бумагами возрос вдвое за этот же период. Уже 30 января я смог сообщить стране, что нам дуэт попут-

ный ветер. «Удача, — сказал я, — настоящая и прекрасная удача, которая иногда выпадала на долю нашего народа, снова возвращается к нему... Полностью обновленная Франция возобновляет свой исторический бег... Но чтобы страна имела прочное основание для строительства своей мощи, мы должны полностью и до конца привести в порядок нашу экономику, наши финансы, нашу валюту... Это мы и собираемся теперь сделать на удивление всему миру...» Потом я обратился с призывом не к высокопоставленным и обеспеченным, которые, конечно, не услышали бы меня, а к народу: «Ах! Я-то хорошо знаю, чего это стоит всем категориям населения, особенно самым низкооплачиваемым! Я отлично знаю, что битвы всегда выигрывает пехота. Я отлично знаю, что величие Франции всегда создавала только масса ее детей». Наконец, я приветствую предвестников победы: «Несмотря на неприятности, испытанные всеми, несмотря на то, с чем пришлось смириться рабочим, земледельцам, торговцам, буржуа, служащим, чиновникам и многим ветеранам войны, воля французского народа, решившего избавить себя от беспорядка, инфляции, нищеты, проявляется в полной мере. И уже появились первые признаки подъема. Можно быть уверенным, что условия жизни французов в том, что касается производства, оплаты труда, цен, торговли, валюты, социальной гармонии, будут стабилизированы еще в этом году. А уже потом техника, труд и накопления завершат дело всеобщего процветания».

Конец 1959 года и три последовавших за ним года были для нашей страны годами триумфа экспансии в условиях стабильности, хотя многие считали эти два термина несовместимыми. Экспансия была значительной, ибо прирост общего национального продукта составил: 3% за второе полугодие 1959 года; 7,9 — за 1960 год; 4,6 — за 1961 год и 6,8% — за 1962 год, что соответствовало среднегодовому приросту промышленного производства на 5,4% и сельскохозяйственного производства — более чем на 5%. Стабильность поразительная, ибо все бюджеты были без дефицита, активность платежного баланса росла с каждым месяцем, запасы золота и твердой валюты достигли к 1962 году суммы свыше 4 млрд. долларов, все краткосрочные и среднесрочные внешние долги к этому времени были выплачены полностью, а ежегодный рост розничных и оптовых цен не превышал 3,5%. Какой успех был бы нагляднее? Тем более, что он сопровождался реальным повышением жизненного уровня французов на 4% ежегодно, тогда как безработица упала до 0,5% от численности активного населения страны. Одновременно с этим при росте потребления, то есть, если хотите, благополучия, по мере роста заработной платы вклады в сберегательные кассы

выросли на 3 млрд. новых франков в 1958 году, на 4,5 млрд. в 1959 и в 1960 годах, на 5 млрд. в 1961 году и на 6 млрд. в 1962 году. Рост частных капиталовложений увеличивался более чем на 10% ежегодно, а государственные ассигнования на развитие экономики всегда составляли половину расходов государства.

Так была создана прочная основа для дальнейшего преобразования страны. Но как осуществить само это преобразование? Ниспровергнуть все существующее? Теоретически это было мыслимо только в такой драматической обстановке, когда нация, чтобы избежать гибели, подвергла бы себя страшной хирургической операции тоталитарного строя, который сначала смел бы все существующее, а затем начал бы создавать новое в условиях безжалостных норм и строгостей. Но над Францией не висела угроза такой катастрофы, и хотя V Республика действительно располагает властью, во Франции нет и намека на диктатуру. Власть осуществляется в условиях свободной демократии, когда у каждого человека и каждой группы есть свои права, когда все совершается в открытую и с помощью голосования, когда власть не прибегает ни к тюремному заключению, ни к конфискации имущества строптивных собственников, ни к принудительному труду, ни к ссылке непокорных рабочих и служащих. У нас, следовательно, задача государства состоит не в том, чтобы силой надеть на нацию железный ошейник, а в том, чтобы направлять ее развитие. Однако, хотя свобода остается одним из главных рычагов экономической деятельности, последняя тем не менее имеет коллективный характер, непосредственно влияет на судьбы нации и повседневно затрагивает общественные отношения. А это требует импульса, гармонизации, правил, которые могут исходить только от государства. Короче, необходим дирижизм — управление экономикой. Со своей стороны я решился на это, и это была одна из причин, заставлявших меня требовать для Республики таких институтов, которые давали бы власти возможность действовать соответственно с лежащей на ней ответственностью.

Практически дело заключалось прежде всего в разработке плана, то есть в необходимости определить цели, которых предстоит достигнуть, и темпы развития; условия, которые должна соблюдать экономика страны, размеры финансового участия государства, те области развития, в которых государство должно принимать непосредственное участие, меры, которые соответственно следует принять и которые найдут отражение в законах, указах и бюджетных положениях. Именно в пределах намеченных таким путем рамок государство увеличивает или снижает устанавливаемые им налоги; облегчает или затрудняет условия нахо-

дящегося в его распоряжении кредита; изменяет таможенные тарифы; расширяет национальную инфраструктуру — железнодорожные, шоссейные и водные пути, порты, аэродромы, средства связи; строит новые города, жилые дома и т.п.; приспособливает источники энергии — электричество, газ, уголь, нефть, атом; стимулирует исследовательскую работу в государственных учреждениях и поощряет ее в частных; побуждает к рациональному распределению экономической деятельности на всей территории страны; с помощью социального страхования, обучения, профессиональной переподготовки облегчает перемену профессии, навязанную многим французам в связи с модернизацией Франции. Для перестройки структуры и омолаживания облика Франции мое правительство, опираясь на восстановленное равновесие, собирается осуществить многочисленные и решительные действия.

Тем более, что премьер-министром был Мишель Дебре. С января 1959 года применяется новая конституция, в силу которой под руководством президента Республики работает назначенный им премьер-министр, возглавляющий правительство и руководящий всей государственной администрацией. Исходя из моих директив, которые я даю или по собственному усмотрению, или одобряя его предложения, именно премьер-министру надлежит руководить деятельностью министерств, разрабатывать меры, которые необходимо принять, представлять их на утверждение либо мне, либо Совету Министров, либо парламенту, наконец, когда эти меры выливаются в законы или указы, руководить осуществлением их на практике. Мишель Дебре был первым в V Республике, кто стал выполнять эту капитальную и почти безграничную задачу. Он наложил свой собственный сильный и глубокий отпечаток на роль премьер-министра. Убеденный в необходимости добиться величия Франции и сознавая, что Франция может достичь его или утратить именно через посредство государства, он посвятил свою жизнь служению государству и Франции. Если речь шла об этом, не было идей, недоступных его пониманию, не было событий, которые не затрагивали бы и часто не ранили бы его чувств, не было поля деятельности, которое превосходило бы его волю! Всегда полный жажды деятельности, стремления изменять, исправлять, он шел в бой, не щадя себя и не падая духом. К тому же, хорошо зная людей и механику государственного управления, он отлично знает документацию и выступает в парламенте как выдающийся оратор. Но будучи уверенным с июня 1940 года, что де Голль необходим Родине, Дебре безоговорочно становится моим сторонником. Никогда он не откажется поддержать меня всей силой своего доверия и мужества, как бы дорого ни обходился ему подчас мой образ мысли.

Именно таким оказалось дело индустриализации страны. Как проста эта формула! И как трудно ее осуществлять! Какое отвращение вызывает ее осуществление у всех рутинеров! В согласии со мной Мишель Дебре заставил правительство серьезно заняться этой проблемой. Речь шла, естественно, не о том, чтобы создать все заново, как это было в свое время в Соединенных Штатах, население которых росло по мере обнаружения гигантских запасов полезных ископаемых; или в Великобритании, оказавшейся богатой углем именно тогда, когда он обуславливал развитие промышленности; или в Германии, богатой рурским и силезским углем, географически однородной и пересеченной параллельно текущими судоходными реками; или как сейчас в России, владеющей благодаря Сибири самыми разнообразными ресурсами; или как в Японии, принуждаемой к этому перенаселением страны; или как в Италии, располагающей для крупных заводов Севера свободной рабочей силой Юга. Наша экономика была уже давно создана в соответствии с нашими возможностями, а последние совершенно не менялись. И хотя мы уже производили много, причем во всех отраслях, теперь вопрос стоял о том, чтобы производить товары дешевле и лучшего качества. А это требовало модернизации оборудования, новой организации производства, при которой сократились бы общие расходы, это требовало не бояться конкуренции. Способствовать экономической экспансии, развитию капиталовложений, экспорту — вот роль моего правительства в этой области. Это дело длительное и длительного значения, ибо из-за невозможности открыть, как это делали другие в иные времена и в других странах, новые источники богатства мы располагали для поддержания нашего движения вперед только теми средствами, которые могли изъять из прибылей нации.

Третий план, разработанный на период 1958—1961 годов, еще до моего возвращения к власти, не отвечал, естественно, возможностям, возникшим теперь благодаря оздоровлению финансов и валюты и требованиям свободного обмена. Поэтому был разработан «Временный план», смело нацеленный на то, чтобы достичь роста производства на 5,5% в год и добиться обращения в капиталовложения значительной части национального дохода. На этой основе был принят ряд законодательных мер и правительственных постановлений, направленных на уменьшение с помощью системы налогообложения издержек на амортизацию основных капиталов предприятий, на снижение процентов по кредитам на модернизацию, на подталкивание предприятий к слиянию с другими, на поощрение строительства фирмами новых заводов и филиалов в тех провинциях, где их присутствие

будет способствовать повышению занятости и развитию местной экономики. Четвертый план, разработанный на период 1962—1965 годов, был направлен на усиление этой общей тенденции, и в частности предусматривал увеличение объема производства за весь намеченный период на 24%. 17 ноября 1961 года, окруженный членами моего правительства, я торжественно отправился в Экономический и социальный совет, чтобы выслушать его мнение и провозгласить намеченные мною для нации цели.

Между тем ордонанс от 7 января 1959 года открыл трудящимся путь к участию в прибылях предприятий. Государство предоставляло весьма существенные налоговые облегчения следующим предприятиям: на которых коллективные договоры с профсоюзами содержали пункт об отчислениях от прибылей; которые вводили систему участия в капитале и самофинансирования; на которых создавалось общество, где каждый инженер, каждый рабочий, каждый служащий был и членом и акционером. Правда, если закон определял условия, на которых должна создаваться подобная ассоциация, то пока он еще не делал обязательным участие в ней. Поэтому, каковы бы ни были выгоды подобного нововведения для производительности и социальных взаимоотношений, сколь бы ни были благожелательны отзывы тех, кто начал применять эту систему, ее стало вводить лишь незначительное число предприятий. Зато против нее совместно действовали предубеждения предпринимателей и предубеждения профсоюзов, окостеневших во взаимной оппозиции, когда первые полагали возможным благодаря своему твердому сопротивлению удержаться в своих крепостях, а вторые находили оправдание своей деятельности исключительно в защите требований трудящихся и в отказе осуществлять иную деятельность, которая могла бы быть позитивной. Но несмотря ни на что, в разделяющей классы стене была пробита брешь. Расширяя ее, можно в дальнейшем прийти к такому положению, когда решительная реформа относительно принципа участия позволит дать современному обществу новую базу для существования.

Мое правительство, взяв на себя честь осуществления первых шагов этого социального процесса, который когда-нибудь станет решающим, работало над мерами по ускорению темпов экономического развития и вложило в это национальное дело усилия, не шедшие ни в какое сравнение с усилиями любого из предыдущих правительств. Эти усилия были посвящены преимущественно развитию новых надежд. Так было с источниками энергии: добыча газа в Лаке была доведена до 4 млрд. куб. м в год и организовано снабжение газом всей территории страны; жидкое топливо Алжира поступало теперь благодаря завершению строительства

нефтепроводов до Бужи и Сехиры в достаточном количестве — 25 млн. т в 1962 году — и избавляло нас от траты долларов и фунтов стерлингов на его покупку; атомные электростанции Маркуля и Шинона начали производить электричество. Был построен Исследовательский центр сверхгенераторов в Кадараше, а также Центр космических исследований в Бретиньи, который сразу же занялся подготовкой запуска первого французского спутника. Так было и с транспортом: за 4 года было электрифицировано 2000 км железных дорог, протяженность автострад увеличилась с 125 до 300 км, и было начато строительство туннеля под Монбланом. Закон-план от 23 апреля 1959 года предусматривал значительные работы на речных магистралях: расширение канала Дюнкерк—Лилль—Валансьен, строительство Северного канала, ускорение работ по улучшению судоходности Роны, Сены, Мозеля и т.д. Так же было и с портами: были значительно расширены доки, подходы, сухие доки в Дюнкерке, Гавре, Руане, Бресте, Бордо, Марселе. Так же было с аэродромами: было осуществлено строительство новых взлетных полос и аэровокзала в Орли, новых аэродромов в провинции, усовершенствовано оборудование. Так было и с жилищным строительством: ежегодно строилось более 300 тыс. квартир, причем большинство с привлечением государственных финансов. Так было с научно-исследовательской деятельностью, ассигнования на которую утроились и для руководства которой в 1958 году были созданы Главное управление и Комитет мудрецов.

За 1958—1962 годы государственные капиталовложения по бюджетам составили 75 млрд. новых франков. Это было невиданно!

Никогда ранее француз, объезжая Францию, не мог констатировать столь быстрых и значительных перемен. И понятно! Промышленность получила лицензии на строительство предприятий на территории 14 млн. кв. м — почти исключительно в провинции. Одновременно число промышленных предприятий сократилось на 5 тыс. за счет слияний и укрупнений. В секторе торговли к 1958 году имелось 8 суперунивермагов и 1500 «магазинов самообслуживания», в 1962 году их число соответственно составляло 207 и 4000. Атом приводит в действие новую сложную аппаратуру на 16 электрических станциях и установках. Теперь на образцовых комбинатах изобретали, конструировали и строили наши самолеты, наши вертолеты, наши ракеты — и все международного класса. Число действующих в стране лабораторий удвоилось, причем многие лаборатории были созданы на весьма высоком уровне. Современное направление развития получили районы, в которых было решено сконцентрировать предприятия «передовых» отраслей промышленности: в Аквитании размести-

лась авиационная промышленность, в Бретани — электронная, у подножия Пиренеев — предприятия по промышленной переработке газа, неподалеку от Марселя организованы выгрузка, хранение и перегонка нефти. Наши древние крупные и небольшие города оделись в леса омолаживавших их строек. Так, например, посветлевший Париж<sup>13</sup>, сохранивший свои линии, заполненный автомашинами, окружающими его реставрированные памятники, обновился тремя автомагистралями и опоясал себя новым бульварным кольцом, а внутри его и поблизости поднялись бесчисленные новые жилые здания.

Но у каждой медали есть оборотная сторона. Развитие нашей промышленности неизбежно привело к падению относительной роли сельского хозяйства. Мне ли, с моим характером, не тревожиться, не беспокоиться при виде того, как утрачивает свои черты наше сельское общество, испокон веков занимающееся своим делом и верное своим традициям; наша страна неменяющихся деревень, древних церквей, прочных семей, извечного круговорота пахоты, сева и жатвы; страна древних легенд, песен и танцев, местных наречий, костюмов и рынков; эта тысячелетняя Франция, которую ее природа, ее деятельность, ее гений сделали преимущественно сельской? Как же не признать, что если город, и прежде всего столица, для нашего народа всегда оставался местопребыванием и декорацией для официального аппарата, очагом искусств и науки, главным местом торговли, наилучшим местом для мастерских, то именно деревня являлась источником жизни, матерью народа, основой институтов и прибежищем Родины? Можно ли забыть, что на протяжении веков и вплоть до нашего столетия семь из каждых десяти французов проживали в сельской местности; что те, кто покинул деревню, ощущали себя как бы эмигрантами и сохраняли свои связи с землей; что в эпоху, когда я родился, несмотря на прилив жителей в города в течение двух поколений, вызванный строительством заводов и железных дорог, более половины населения страны оставалось еще сельским; что наша земля производила почти все необходимое для пропитания нации; что ранее наша армия состояла почти исключительно из сельских жителей и даже во время Первой мировой войны большее число сражавшихся бойцов и  $\frac{2}{3}$  погибших были земледельцами? И как не понять, что французский крестьянин всем нутром своим чувствует, что именно он и есть сама Франция и что колоссальные преобра-

---

13

Каменные соборы и здания Парижа очищались впервые пескоструйными машинами. — *Прим. ред.*

зования, уменьшающие социальное значение и экономическую роль сельского населения, неизбежно вызывают у него чувство грусти и беспокойство?

К этим чувствам прибавилась все нарастающая забота о продовольствии. Действительно, ушли в прошлое времена, когда французское сельское хозяйство производило все продукты питания, когда крестьянин, извечно выращивая одно и то же на своем клочке земли, в основном кормил этим себя и свою семью, когда излишков хватало для снабжения продовольствием городов и когда пошлины и таможи препятствовали вторжению иностранных продуктов. Все это перевернула машина, нарушившая старое равновесие, навязавшая прибыльность, вызвавшая накопление излишков, создавшая повсюду богатства и одновременно породившая новые желания, стимулировавшая у крестьян потребность зарабатывать больше, вызвавшая сильное давление иностранной продукции и потребовавшая от нас в ответ улучшения качества наших продуктов. И теперь рынок диктует сельскому хозяйству свои требования: специализация, селекция, организация сбыта. Но как в условиях диктата рынка, когда каждое хозяйство должно иметь достаточно большие размеры, машины и капиталы, сохранить на нашей территории более двух миллионов хозяйств,  $\frac{3}{4}$  которых слишком малы и лишены машин, чтобы быть рентабельными, но тем не менее обеспечивают существование почти  $\frac{1}{5}$  французского населения? Как можно позволить сельскому хозяйству пребывать в нынешние времена без технической подготовки его работников, без организации сбыта, без рациональной помощи кредита, необходимых в условиях конкуренции? И как решить без драм эту гигантскую общенациональную проблему, если все общество не станет считать ее своей собственной проблемой?

Эта эволюция была начата с помощью «Закона об ориентации сельского хозяйства» 1960 года, «Дополнительного закона» 1962 года и ряда дополнявших их декретов. Для ее осуществления были созданы организации с различными задачами и названиями: «Общества по планированию земледелия и сельскому планированию» (САФЭР), «Общества по финансированию и развитию сельского хозяйства» (СОФИДЕКА), «Фонды ориентации и регулирования сельскохозяйственных рынков» (ФОРМА), «Фонды социальных мероприятий для оздоровления сельскохозяйственных структур» (ФАСАСА). С другой стороны, повсеместно были облегчены условия получения кредитов на водоснабжение, жилищное строительство, ассенизацию, укрупнение мелких хозяйств. В общем, речь шла о том, чтобы помочь экономически сильным хозяйствам укрупниться, изменить структуру,

приспособить производство к новому уровню, и о том, чтобы подвести другие хозяйства, недостаточные по своим размерам, к объединению с более крупными. Речь шла о том, чтобы добиться от земледельца производства нужных продуктов, отправки их на продажу в нужном виде, по установленному курсу туда и тогда, куда и когда нужно. Речь шла о том, чтобы создать сеть «Рынков регионального значения» — в дальнейшем ее частью станут «Рынки Рэнжи», — где продукты будут продаваться оптом и рационально. Речь шла об организации сельскохозяйственного обучения и консультаций специалистов, а также о том, чтобы облегчить отход от деятельности престарелым земледельцам. Наконец, следовало создать для крестьян специальную систему социального страхования. Сумма государственных кредитов на развитие сельского хозяйства увеличилась с 940 млн. новых франков в 1958 году до 3 млрд. в 1962 году. За эти 3 млрд. удалось осуществить широкие и серьезные преобразования. Например, число хозяйств за эти 4 года сократилось с 2,2 млн. до 1,9 млн. при одновременном увеличении стоимости произведенных продуктов с 32 до 42 млрд. франков. Если такие темпы сохранятся, это позволит решить вопрос модернизации сельского хозяйства на протяжении жизни одного поколения. Впервые и с помощью средств, соответствующих размерам проблемы, Республика действительно взяла на себя заботу — в ожидании будущих прибылей — о том, чтобы подвести французское сельское хозяйство к его новой судьбе.

Впрочем, эта проблема выходит за национальные рамки. Франция с ее возможным стомиллионным населением может производить на своих прекрасных и плодоносных землях значительно больше продовольствия, чем она потребляет. Несмотря на рост населения в последнее время, эта диспропорция только усиливается по мере того, как улучшение оборудования, методов ведения хозяйства и качества обработки почвы способствует увеличению продукции земледелия и скотоводства. Следовательно, нам надо экспортировать и, учитывая, что сельскохозяйственные излишки предлагают ныне во всем мире в массовых количествах, мы должны это делать, несмотря ни на что, по ценам, отвечающим потребностям наших производителей, иначе государству придется выплачивать им субсидии в таком размере, что они подорвут финансы страны. Должен сказать, что если, придя снова к власти, я целиком принял идею Общего рынка, то это не только ради необходимости навязать прогресс нашей промышленности, но и учитывая то, что Франция — сельскохозяйственная страна. Конечно, я отдавал себе отчет в том, что для действительного включения сельского хозяйства Франции в Сообщество нам при-

дется действовать решительно по отношению к нашим партнерам, интересы которых в этой области не совпадают с нашими. Но я считал, что в этом для Франции заключается *сине ква нон*<sup>14</sup> условие ее вступления в Общий рынок. Ибо в условиях ансамбля, в принципе освобожденного от таможен и национальных пошлин, в котором только плоды земли не имели бы свободного доступа повсюду, в условиях такого объединения потребителей, где местным продуктам не отдают предпочтения перед ввозимыми, наше сельское хозяйство превратилось бы в обузу, ставившую нас в состояние хронической неполноценности по сравнению с другими. Чтобы навязать Общему рынку по мере его становления то, что мы считали в этом отношении необходимым, нам пришлось приложить буквально яростные усилия, иногда доходившие вплоть до угрозы выхода из Общего рынка. И нам удалось добиться успеха.

Лето 1962 года стало концом периода, на протяжении которого наша страна неуклонно шла вперед. За эти четыре года V Республика развила в экономической и социальной областях такую деятельность, о которой можно самое меньшее сказать, что ни один предыдущий строй не осуществлял столь настойчивой и столь последовательной деятельности. Безусловно, V Республика была обязана выволить страну из того крайне тяжелого положения, в котором Франция оказалась в момент ее становления, иначе она могла рухнуть сама. Помимо этого, изменения, необходимые в связи с общей эволюцией, требовали, безусловно, более решительного, чем когда-либо ранее, вмешательства власти и закона. Но как раз дух, буква и деятельность новых институтов отвечали этим требованиям. Не имевшая ранее прецедента монолитность правительства, наличие в парламенте решительного большинства, которое ничто не могло разъединить, массовое одобрение народа побуждали действовать и позволяли настаивать. Конечно, эти свершения потребовали испытаний от всех. Но результат был налицо: процветание нации заметно возросло, положение каждого существенно улучшилось, Франция вновь обрела веру в самое себя и вернула уважение к себе за пределами своих границ.

В то время как страна трудится, именно мне надлежит придать всему, над чем она работает, облик национальных чаяний; потребовать, чтобы общий интерес считался превыше привычек и претензий отдельных категорий; показать, что конечная цель усилий, направленных на процветание, состоит не столько в

---

14

Обязательное (лат.). — Прим. ред.

улучшении условий существования тех или иных французов, сколько в строительстве благоденствия, мощи и величия Франции. Именно это было у меня на уме в те частые моменты, когда я обсуждал экономические вопросы непосредственно с Мишелем Дебре, с которым встречался по нескольку раз в неделю; с Антуаном Пинэ, пока он занимал пост министра экономики и финансов, а затем с его преемником Вильфридом Баумгартнером, когда по просьбе премьер-министра произошла эта смена из-за разногласий — не политических, конечно, а личных; с другими министрами: с Жаном-Марселем Жанненэ, министром промышленности, с Анри Рошро, а затем Эдгаром Пизани, возглавлявшими министерство сельского хозяйства, с министром труда Полем Баконом и министром общественных работ и транспорта Робером Бюроном. Именно под этим знаком происходили аудиенции, которые я давал Пьеру Массе, руководившему разработкой 4-го плана; Жаку Брюне, управляющему Французским банком, который докладывал мне о положении в области экономики, финансов и кредита; Франсуа Блок-Лэне, генеральному директору Сберегательной и залоговой кассы, который информировал меня о ресурсах сберегательных касс и займах, предоставленных местным коллективам; Эрику де Карбонелю, Жоржу Горсу и Жану-Марку Бёгнеру, последовательно представлявшим французское правительство в Общем рынке и докладывавшим мне о том, что происходит в Брюсселе в промежутке между совещаниями министров. Именно этим руководствовался я, принимая решения после межминистерских совещаний, посвященных в основном обсуждению экономических и социальных вопросов. Именно это я выражал, когда говорил с французами: будь то в форме заявлений, сделанных перед микрофонами радио и телекамерами, будь то на пресс-конференциях, будь то во время сотен приветствий, с которыми я обращался к населению во время визитов в 67 департаментов Франции, будь то во время выступлений перед сотрудниками в ходе моих посещений примерно 80 заводов, шахт, электростанций, крупных строек, сельскохозяйственных предприятий, кооперативов, рынков, железнодорожных объектов, строительства дорог, речных путей, портов, аэродромов, новых жилых районов, технических школ, выставок, ярмарок и т.п.

По правде говоря, ничто сказанное и осуществленное ради служения национальному делу не разоружило оппозиции, руководствующейся частными интересами. Социально-профессиональные организации, упрекая мою власть с предвзятых позиций и в привычном стиле за то, что она слишком привязана к злоупотреблениям прошлого и пренебрегает реформами, по сути дела, выступали против перемен, чреватых для лиц, владевших

имуществом, риском сократить их привилегии, а для профсоюзов — лишить смысла их требования. Поэтому некоторые руководители предприятий занимались тем, что ориентировали содержащиеся на их средства органы информации на высказывание сомнений и недоверия, мешали делу оздоровления экономики, затягивая необходимую концентрацию или даже продавая свои предприятия охотнее всего иностранцам. Федерации и ассоциации сельскохозяйственных работников усилили протесты, доходя даже до создания «военных команд», которые блокировали дороги и били стекла. Рабочие профсоюзы обвиняли «голлистскую власть» в том, что она старается задушить их деятельность, проводит «политику монополий» и приносит трудящихся в жертву этой политике. Однако поддержка народом намерений и власти генерала де Голля была столь широка и глубока, что агитация соответствующих кругов отнюдь не смогла нарушить в общем работу нации. Благодаря этому обновление наших предприятий, хотя и велось часто на ощупь, все-таки продвигалось по намеченному пути. Благодаря этому демонстрации крестьян, происходившие в отдельных районах до весны 1960 года, стали затем повсюду затихать. Благодаря этому начиная с 1958 года на 13 млн. человек, занятых в государственном и частном секторах, падало ежегодно не более 1 млн. человеко-дней забастовок, то есть в 8 раз меньше, чем раньше.

5 февраля 1962 года я призвал нацию констатировать достигнутый ею прогресс. «Никто в мире, — сказал я ей, — за исключением ослепленных злобой поборников старого, не может не признать мощного развития Франции. Каждый из нас ощущает это, когда едет по стране, даже просто глядя в окно. Никогда Франция столько не производила, столько не строила, столько не обучала. Никогда уровень жизни рядового француза не был так высок, как сегодня. Никогда и нигде не было так мало безработных, как сейчас у нас. Никогда не были так прочны наши валюта и кредит, как они прочны сейчас, когда вместо того, чтобы брать займы, мы сами даем в долг самым богатым. И вот теперь начнется осуществление великого плана, который за 4 года должен увеличить на  $\frac{1}{4}$  наше могущество и наше процветание. Безусловно, в этом комплексе еще есть много недочетов и пробелов. Мы еще не покончили со всеми нашими трудностями. Мы знаем, какой мир нас окружает и какое влияние могут оказать события на наши дела. Но ради чего именно в тот момент, когда стал явным наш успех, мы будем обескураживать себя, уподобляясь шекспировскому рыбаку, который, испугавшись красоты выловленной им жемчужины, бросил ее обратно в море?»

Я не выорасываю жемчужину. Однако, сталкиваясь с материальными и человеческими реальностями там, где царит страсть к наживе, где ничто не может быть достигнуто окончательно и бесповоротно и где все, чего бы они ни добились, стремятся к еще большему, я каждый день убеждаюсь, что экономика, как и жизнь, — это сражение, в котором никогда не бывает окончательной победы. Даже во времена экономического Аустерлица солнце не освещает поле брани.

## ЕВРОПА

Войны порождают и уничтожают государства. Даже в мирное время дух войны витает над ними. Вся национальная жизнь, политический строй, положение в мире определялись для нас, французов, в период между 1815 и 1870 годами враждебной коалицией европейских государств, объединившихся против Революции, блестящими победами Наполеона, а затем его разгромом и в конечном счете разорительными договорами, заключенными после множества сражений. Затем на протяжении 44 лет «вооруженного мира» наши внутренние и внешние акции определялись главным образом ощущением разгрома, тайным желанием исправить навязанное нам положение, а также боязнью, что объединенная Германия вновь нанесет нам поражение. Гигантские усилия нашего народа во время Первой мировой войны могли открыть нам путь к обновлению, но мы сами захлопнули перед собой дверь, не сумев завершить военную победу, отказавшись от репараций, которые могли бы дать нам средства для индустриализации страны и тем самым для компенсации огромных людских и материальных потерь, и, наконец, замкнулись в пассивной политике и стратегии, которые отдали Европу на откуп честолюбию Гитлера. На чем должна французская нация основывать свои действия и свой путь вперед теперь, после недавнего конфликта, в ходе которого она едва не погибла?

Первой из этих основ является то, что Франция, несмотря ни на что, живет, суверенная и победоносная. В этом, безусловно, есть что-то от чуда. Действительно, сколько людей полагало, что Франция никогда не сможет оправиться от душевных и телесных ран после того, как сначала перенесла неслыханный разгром, а затем ее правители пошли в услужение к захватчикам, после того как страна подверглась страшнейшим разрушениям в ходе двух величайших битв войны, а в промежутке между ними подверглась длительному грабежу со стороны оккупантов и систематическим унижениям, навязанным ей властью, основанной на отказе от национального суверенитета и смирении? Сколько людей было уверено, что после такого поражения ее освобождение, если оно произойдет, может прийти только из-за границы и что потому именно за граница будет решать, что станет с Францией в

области ее внутренней и внешней политики? У скольких людей до такой степени было подавлено чувство сопротивления, что они считали абсурдной надежду на то, что настанет день, когда враг капитулирует не только перед союзниками Франции, но и перед нею самой? Однако в конце концов Франция вышла из драмы, сохранив свое единство и территориальную целостность, оставшись хозяйкой своей судьбы и находясь в рядах победителей. Поэтому ничто не мешает ей сейчас продолжать быть самой собой и вести себя так, как она пожелает.

Тем более, что впервые в ее истории над ней не висит никакой угрозы со стороны ближайших соседей. Расчлененная, поверженная Германия — это уже не грозное государство, стремящееся к господству. Италия горько раскаивается в том, что решила обратить свои честолюбивые помыслы против нас. Союз с Англией, обеспеченный «Свободной Францией», а затем деколонизация, устраняющая воспоминания о былых претензиях, привели к тому, что ветер подозрительности не дует больше над Ла-Маншем. Симпатии и общие интересы сблизжают разъединенные Пиренеями успокоившуюся Францию и умиротворенную Испанию. И разве может возникнуть какая-либо угроза со стороны дружественных территорий Бельгии, Голландии, Люксембурга или традиционно нейтральной Швейцарии? Итак, мы освободились от состояния напряженности, в котором держали нас наши опасные соседи и которое тяжким грузом висело над нашей деятельностью.

Правда, если Франция рассталась с горькой привычкой повседневно ощущать опасность, то весь мир оказался во власти постоянной угрозы всеобщего конфликта. Между двумя империями, американской и советской, ставшими колоссами по сравнению со старыми державами, происходит непрерывное столкновение сил, борьба за гегемонию и вражда идеологий. Обе империи располагают ядерным оружием, с помощью которого можно в любой момент разрушить весь мир и которое превращает каждую из них в неопровержимого покровителя других стран своего лагеря. Опасное равновесие, которое может в один печальный день вылиться в глобальную войну, если только не начнется эволюция в сторону всеобщей разрядки напряженности! Для Франции, столько пережившей и испытавшей в ходе конфликтов, в которых она участвовала на протяжении двух столетий, оказавшейся вследствие своего географического расположения — самого западного выступа Старого Света к Новому Свету, — вследствие размеров страны и скученности населения смертельно уязвимой, совершенно очевидно, мир стал жизненно важной необходимостью. Итак, все призывало ее превратиться в глашатая мира. Действительно, Франция очутилась в исключительном положении: она не

требует ничего, что принадлежит другим, и другим нечего требовать от нее; она не чувствует никакой обиды ни к одному из современных гигантов; наоборот, вековая дружба, неоднократно подтвержденная в ходе событий, связывает ее с обоими народами, питающими к ней исключительную симпатию; короче говоря, если существует голос, который может быть услышан, если существуют действия, могущие стать эффективными для того, чтобы установить порядок вместо холодной войны, то это могут быть только голос и действия Франции. Но при условии, что это будет именно ее собственный голос и что ее руки будут свободными.

Одновременно Франции открыли широкий кредит заинтересованности и доверия многие народы, чья судьба только-только устанавливается и которые не хотят подпасть под господство ни той, ни другой гигантской державы: Китай, располагающий такими людскими и материальными ресурсами, что в будущем перед ним откроются любые возможности; Япония, перековывающая, начиная с экономики, свою способность играть присущую ей мировую роль; Индия, решающая сейчас проблемы своего существования, но призванная в один прекрасный день повернуться к внешнему миру; значительное число старых и новых государств Африки, Азии и Латинской Америки, принимающих во имя немедленных потребностей своего развития помощь и с той и с другой стороны, а иногда с обеих сторон сразу, но испытывающих отвращение к идее «присоединения», — все они сегодня обращают свои взоры преимущественно к Франции. Безусловно, они резко критикуют Францию, пока она еще не закончила деколонизацию, но эта критика смолкнет, как только Франция предоставит свободу своим бывшим колониям. Только от нее зависит привести в действие потенциал притягательности, уважения и престижа, которым она располагает на значительной части земного шара, чтобы, следуя тому, чего от нее ждет весь мир, служить всеобщему делу — достоинству и прогрессу всего человечества.

Итак, та же судьба, которая способствовала спасению Родины во время самых ужасных критических моментов войны, теперь позволяла Франции, несмотря на относительные потери мощи и богатства за последние два столетия, играть первостепенную международную роль, соответствующую ее гению, отвечающую ее интересам и пропорциональную ее возможностям. Естественно, я был полон решимости заставить Францию играть эту роль, тем более что, по моему убеждению, усилия по внутреннему преобразованию, политическая стабильность и социальный прогресс — без чего она была бы обречена на беспорядки и упадок — требовали, чтобы она чувствовала себя еще раз в

своей истории обремененной международной ответственностью. Такова моя философия. Какова же будет моя политика перед лицом практических проблем, стоящих перед Францией в области внешних дел?

Если не считать проблем Алжира и наших колоний, которые надлежало решать только нам, внешние дела благодаря своим масштабам и значению представляли поле для продолжительной деятельности, если только в один прекрасный день война снова не начнет сама разрубать те гордые узлы, которые она же повсюду завязала. Значит, действия Франции в области внешней политики должны быть постоянными и решительными, что, в противоположность беспрерывно менявшимся слабым попыткам прошлых лет, стало возможным благодаря нашим новым институтам.

Каковы же были основные проблемы? Речь шла о Германии, разделенной на три части (парламентарная республика на Западе, коммунистическая диктатура на Востоке и Берлин с его особым статусом), раздираемой беспокоемством, связанным с таким положением вещей, и ставшей главной ареной соперничества двух лагерей. Речь шла о Европе, разум и чувства которой толкали ее к объединению после пережитых ею мучительных страданий и которая продолжала оставаться резко разделенной из-за принудительного закабаления Центральной Европы и Балкан Советами, из-за существования системы двух блоков и железного занавеса. Речь шла об организации, навязанной Атлантическому союзу и представлявшей собою не что иное, как политическое и военное подчинение Западной Европы Соединенным Штатам Америки. Речь шла о помощи, необходимой для развития стран «третьего мира», в оказании которой шла конкурентная борьба между Вашингтоном и Москвой. Речь шла о кризисах на Востоке, в Африке, в Азии и в Латинской Америке, становившихся хроническими и неизлечимыми из-за вмешательства двух гигантов. Речь шла о международных организациях, в которых по любым вопросам два соперника отстаивали полярно противоположные точки зрения и исключали возможность беспристрастного суждения.

Я хочу сделать так, чтобы по каждой из этих проблем Франция сказала свое слово. Правда, в этом грешном мире, заслуживающем снисхождения, в котором каждый из руководителей сталкивается с испытаниями и тяжкими затруднениями, необходимо двигаться осторожно, учитывая конкретные обстоятельства и уважая других. Лично я часто наносил удары, но они никогда не затрагивали гордости народов и достоинства их руководителей. Главным же было то, чтобы все наши действия и заявления были полностью самостоятельными. Это стало нашим правилом сразу

после моего возвращения к власти. Столь решительная перемена в поведении нашей страны привела к глубоким изменениям во всей мировой политической игре.

Правда, Восток ограничивался первоначально тем, что наблюдал за новым поведением Парижа. Но у наших западных партнеров, привыкших к тому, что официальная Франция до сих пор покорно подчинялась гегемонии, прикрываемой флагом атлантической солидарности, это вызвало неудовольствие. Тем не менее они смирились с этим. Надо сказать, что опыт отношений некоторых из них с де Голлем, накопленный во время войны и сразу после победы, подсказывал им, что от новой Французской Республики нельзя будет чего-либо добиться столь же легко, как от прежней. Первоначально в их правительственных канцеляриях, в их парламентах и в прессе полагали, что опыт будет непродолжительным, что де Голль обязательно вскоре исчезнет и тогда все вернется к прежнему положению вещей. В то же время в этих странах, особенно среди народных масс, многие не без удовольствия наблюдали за возрождением Франции и испытывали удовлетворение или даже некоторую зависть, видя, как она освобождается от гегемонии, довлеющей над всем Старым Светом. К этому прибавлялись чувства, которые народные толпы других стран питали ко мне лично и демонстрировали их всякий раз, когда мне случалось вступать в контакт с ними, с таким воодушевлением, что это производило впечатление на их правительства. В общем, за границей, несмотря на испытываемое недовольство, на кисло-сладкие речи, на отрицательные высказывания печати и злые карикатуры, стали привыкать к этой новой Франции, ведущей себя как великая держава, и отныне стали следить за ее делами, жестах и словами с таким вниманием, какого ей давно уже не оказывали.

Меньше всего сдержанность обнаружили во всем сказанном и написанном там, где, как считалось до настоящего времени, проявляется французская политическая мысль. Ибо уже давно привыкли считать, что наша страна отныне делает только то, что продиктовано ей из-за рубежа. Безусловно, такие умонастроения возникли в эпоху, когда опасности, грозившие Франции, заставляли ее постоянно обращаться за внешней помощью и когда, кроме того, несостоятельность политического строя исключала для правительства возможность самостоятельно идти на риск великих решений. Еще до Первой мировой войны в условиях союза с Россией III Республика была вынуждена соблюдать условия Франкфуртского договора и предоставить Санкт-Петербургу возможность играть роль первой скрипки. Правда, в дальнейшем в ходе великой битвы на нашей земле, которую мы вели вместе с

англичанами, бельгийцами и в конце вместе с американцами, первостепенная роль, а затем и командование принадлежали французам, которые, впрочем, приложили основные усилия. Но что стоило нам «стоп!» англосаксов в поспешном прекращении военных действий 11 ноября 1918 года, происшедшем как раз тогда, когда мы торжественно готовились пожать плоды победы! Сколько уступок было сделано в ответ на пожелания и обещания американского президента во время заключения Версальского договора, возвращавшего нам, само собой разумеется, Эльзас и Лотарингию, но сохранявшего нетронутыми территориальную целостность, единство и материальные ресурсы врага? Разве в дальнейшем не ради ублажения Вашингтона и Лондона правительство Парижа в обмен на обманчивый план, предложенный Соединенными Штатами, отказалось от захваченного нами залага и от репараций, которые должна была выплатить нам Германия? Впоследствии, когда возникла угроза со стороны гитлеровской Германии, когда Гитлер рискнул ввести войска в рейнскую зону и когда было вполне достаточно превентивных или репрессивных действий с нашей стороны, чтобы заставить немцев отступить и нанести поражение фюреру, еще не имевшему оружия, разве не продемонстрировали пассивность наши министры только потому, что Англия не выступила с подобной инициативой? Откуда, как не из согласия англичан, проистекало согласие французам на аншлюс Австрии, на расчленение, а затем аннексию Чехословакии рейхом? И разве не было ничего от долгой привычки к положению сателлита в подчинении режима Виши закону захватчиков и в «сотрудничестве», имевшем целью заставить нашу страну участвовать в строительстве «нового порядка» в Европе, который на самом деле был лишь германским порядком? И из какого источника, как не из идеи, что мы должны всегда уступать, проистекало осуждение, раздававшееся иногда даже в моем ближайшем окружении, когда, сражаясь с врагом, я старался одновременно сохранить суверенные права Франции перед лицом наших союзников?

После стольких уроков можно было предположить, что с окончанием войны круги, претендующие на руководство общественным мнением, станут проявлять меньшую склонность к зависимости. Но ничего подобного не произошло. Наоборот! Для руководства каждой политической партии отход нашей страны на второй план был твердо установленной и открыто провозглашенной доктриной. В то время как для коммунистов абсолютным правилом было признание, что Москва всегда права, все старые организации провозгласили лозунг «наднациональности», иначе говоря — подчинения Франции чужим законам. Отсюда привер-

женность такой «Европе», в которой исполнительная власть, находящаяся в руках технократов, и законодательная власть, осуществляемая парламентариями, — причем большинство и тех и других были бы иностранцами, — получили бы право решать судьбу французского народа! Отсюда также страсть к Атлантической организации, вручавшей обеспечение безопасности, а следовательно, политику нашей страны в руки другой державы. Отсюда же стремление подчинять акции нашей государственной власти требованиям международных организаций, в которых под видом коллективного обсуждения во всех областях: политической, военной, экономической, технической и валютной — осуществлялась бы верховная власть нашего покровителя и в которых наши представители никогда не говорили бы «мы хотим», а только «выступали бы в защиту дела Франции». Отсюда, наконец, постоянное недовольство у приверженцев таких взглядов действиями, которые я предпринимал от имени независимой нации.

Но зато я пользовался довольно широкой поддержкой. На моей стороне были чувства французского народа, который, не впадая в заносчивость, старался сохранить свою самобытность, особенно после того, как он только что чуть не утратил ее и когда он увидел, как другие народы повсюду горячо утверждают собственную индивидуальность, идет ли речь о суверенитете, языке, культуре, производстве или даже спорте. Каждый раз, публично выступая на эту тему, я неизменно чувствовал душевный отклик. В плане политическом на моей стороне была организация, сформировавшаяся, чтобы идти за мною, вне прежних партий и над ними, добившаяся избрания в парламент многочисленной и компактной группы депутатов, поддерживавших меня без колебаний. В плане практическом рядом со мною всегда было устойчивое правительство, премьер-министр которого был убежден в праве и обязанности Франции активно действовать на мировой арене, а министр иностранных дел проявлял в этой области такие способности, какие редко встречались у его коллег на протяжении долгой и трудной истории Франции.

Морис Кув де Мюрвиль имеет особый дар. В переплетающихся проблемах и в цепляющихся друг за друга аргументах он сразу же отделяет главное от второстепенного, в результате чего он ясен и точен в вопросах, которые корыстные расчеты других делают туманными и запутанными. У него есть необходимый опыт: на протяжении своей блестящей карьеры он вел многочисленные переговоры и лично знал многих должностных лиц. У него есть необходимая уверенность, ибо он понимает, что будет долго занимать пост, на который я его назначил. Он умеет подойти к

людям, легко вступать в контакт, выслушивать, наблюдать, замечать, а потом, в нужный момент, твердо сформулировать свою точку зрения, от которой уже не отступит. Он верит, он убежден, что Франция сможет существовать, как таковая, только занимая место в первом ряду держав, что с помощью де Голля она вернет себе это место, что над этим надо работать, а все остальное не имеет значения.

Именно этим мы и займемся на обширном поле Европы. Я всегда, а сейчас сильнее, чем когда-либо, чувствовал то общее, что имеется у народов, ее населяющих. Поскольку все они принадлежат к одной белой расе, исповедуют одну и ту же христианскую религию, ведут один и тот же образ жизни, связаны между собой многочисленными узами в области общественной мысли, искусства, науки, политики, торговли, самой их природе соответствует стремление к объединению, которое имело бы свой характер и свою организацию в современном мире. Именно в силу такого предназначения Европы в ней правила римские императоры, ее пытались объединить Карл Великий, Карл V, Наполеон, а Гитлер претендовал на то, чтобы навянуть ей свое тираническое господство. Но как не отметить при этом, что ни один из этих объединителей не добился от подчиненных стран отказа от своей индивидуальности? Наоборот, принудительная централизация всегда вызывала в ответ обострение национализма. Я уверен, что сейчас, как когда-то в прошлом, нельзя добиться объединения Европы путем слияния народов: оно может и должно явиться следствием систематического сближения между ними. Ведь все толкает их к сближению в наше время широкого развития международной торговли, создания общих предприятий, развития науки и техники, не знающих границ, быстрых средств сообщения, растущего числа путешествий. Поэтому моя политика нацелена на создание концерта европейских государств, с тем чтобы развитие самых различных связей между ними способствовало росту их солидарности. Есть все основания полагать, что, оттолкнувшись от этого, эволюция сможет привести к созданию конфедерации, особенно в случае возникновения общей для всех опасности.

Практически это привело нас к созданию экономического сообщества шести стран; к организации регулярных политических консультаций между ними; к деятельности, направленной на то, чтобы некоторые другие страны, прежде всего Великобритания, перестали увлекать за собой Запад к атлантической системе, несовместимой с возможностями европейской Европы, а, наоборот, заставить эти центробежные силы изменить ориентацию, привычки и клиентуру и стать единым целым с континентом; наконец, к тому, чтобы дать пример разрядки, а затем согласия и сотрудничества со странами Востока в надежде, что мир и прогресс от-

вечают общим желаниям и интересам и той и другой половины случайно расколотой Европы вне зависимости от проводимой линии, выбранной режимами, и от пропаганды.

В сердце проблемы и в центре континента лежит Германия. Ничто не может быть построено без нее, и ничто не раздирало Старый Свет сильнее, чем ее дурные дела, — такова уж ее судьба. Безусловно, Германия, разделенная сейчас на три части, в каждой из которых находятся войска победителей, никому непосредственно не угрожает. Но как стереть в памяти народов ее честолюбивые замыслы, которые еще недавно дали ей возможность внезапно создать военный аппарат, способный разбить одним ударом армию Франции и армии ее союзников; как забыть дерзость, с которой она благодаря соучастию Италии двинула свои армии вплоть до Африки и бассейна Нила; как забыть ее военную мощь, которая с помощью итальянцев, венгров, болгар и румын позволила пройти ей Польшу и Россию и докатиться до ворот Москвы и предгорий Кавказа; как забыть ее тиранию, царившую с помощью подавления, репрессий и преступлений повсюду, где благодаря военному успеху реял немецкий флаг? Теперь должны быть приняты все необходимые меры предосторожности, дабы не допустить, чтобы снова набрали силу страшные германские демоны. Но с другой стороны, можно ли представить себе установление прочного и длительного мира на такой основе, с которой этот великий народ никогда не примирится, можно ли надеяться на подлинное объединение континента без его участия, можно ли рассеять тысячелетний страх перед разрушениями и смертью, царящий на обоих берегах Рейна, пока продолжается вековая вражда?

По важнейшему вопросу — вопросу о дальнейшей судьбе Германии — моя точка зрения выработана. Прежде всего я считаю, что было бы несправедливо и опасно пересматривать фактические границы, навязанные войной. Это означает, что линия по Одеру — Нейсе, отделяющая Германию от Польши, является окончательной границей, что не должны признаваться никакие старые претензии на территорию Чехословакии, что новый аншлюс исключен в какой бы то ни было форме. Кроме того, за Германией ни под каким видом не может быть признано право на обладание атомным оружием и его изготовление — от чего, впрочем, она сама публично отказалась. С учетом всего перечисленного я считаю необходимым, чтобы Германия стала неотделимой составной частью организованного сотрудничества государств, сотрудничества, которое, по моему мнению, должно охватывать весь наш континент. Таким образом, будет гарантирована безопасность всех народов от Атлантического океана до Урала и

будут созданы такие перемены в положении вещей, умонастроениях людей и международных отношениях, что у немецкого народа появится надежда объединить три составные части Германии. Пока же Федеративная республика должна играть существенную роль в Европейском экономическом сообществе и в случае необходимости в политическом концерте шести стран. Наконец, я намереваюсь действовать так, чтобы Франция создала тесную сеть предпочтительных связей с Германией, благодаря чему народы обеих стран смогут мало-помалу понять и оценить друг друга, что диктует им их инстинкт в моменты, когда они не растрачивают свои жизненные силы на взаимную борьбу.

Благодаря замечательному совпадению в тот момент, когда я вновь взял бразды правления в Париже, во главе боннского правительства уже давно стоял и еще довольно долго продолжал оставаться Конрад Аденауэр, то есть человек, наиболее способный из всех немцев вести свою страну по одной дороге и рядом с Францией и желавший этого сильнее других. Уроженец рейнской области, он был глубоко убежден, что галлы и германцы взаимно дополняют друг друга, что на этом основывалось когда-то существование Римской империи по обоим берегам Рейна, что именно из этого возникла слава франков и Карла Великого, что этим оправдывались вассальные отношения между королем Франции и принцами, его избиравшими, что это чувство заставило Германию вспыхнуть от искр Французской революции, вдохновляло Гёте, Гейне, мадам де Сталь, Виктора Гюго и что, несмотря на отчаянные схватки между двумя народами, это чувство не переставало пробивать себе дорогу подспудно. Этот патриот понимает, сколь высоки горы ненависти и недоверия между Германией и окружающими ее странами, воздвигнутые неистовым честолюбием Гитлера и страстной покорностью ему немецкого народа и его элиты, он знает, что среди этих стран только Франция может позволить срыть эти горы, если она открыто протянет руку своему исконному врагу. Этот политик, сумевший благодаря своей ловкости и настойчивости до настоящего времени сохранить равновесие и прогресс Федеративной республики, маневрирует так, чтобы ни угроза с Востока, ни протекция Запада не нанесли ущерба хрупкому зданию государства, построенного на развалинах, и понимает, какова цена решительной поддержки новой Французской Республики как внутри Федеративной республики, так и за ее пределами.

Как только канцлер понял, что мое возвращение — отнюдь не эпизод, он выразил желание встретиться со мной. Я принял его в Коломбэ-ле-дез-Эглиз 14 и 15 сентября 1958 года. Действительно, мне казалось, что этой встрече следует придать отпечаток ис-

ключительности, что для исторического объяснения, которое будут вести от имени своих народов старый француз и очень старый немец, атмосфера семейного дома будет импонировать больше, чем декорации дворца. Поэтому моя жена и я устроили канцлеру скромный прием в Ля Буассери.

И вот я наедине с Конрадом Аденауэром. Прежде всего он ставит вопрос о доверии. «Я прибыл к вам, — начал он, — потому что считаю вас человеком, способным направлять ход событий. Ваша личность и то, что вы уже сделали в свое время на службе своей страны, наконец, условия, при которых вы снова пришли к власти, дают вам все возможности для этого. Наши народы в настоящее время впервые находятся в таком положении, которое позволяет им построить свои взаимоотношения на совершенно новой базе, на базе сердечного сотрудничества. В настоящее время отношения развиваются как раз в этом направлении. Но пока все, что было сделано хорошего, определялось обстоятельствами, правда, весьма существенными, но в масштабе истории преходящими: разгромом — с немецкой стороны, усталостью — с французской. Теперь речь идет о том, чтобы выяснить, нельзя ли создать нечто более прочное и длительное. В зависимости от того, что вы лично захотите и сделаете, Франция и Германия смогут или действительно вступить в согласие на продолжительное время, что даст гигантские преимущества обеим странам и всей Европе, или будут оставаться взаимно удаленными друг от друга и тем самым, на свое несчастье, обреченными на взаимную оппозицию. Если реальное сближение между нашими странами входит в ваши намерения, то позвольте вас заверить, что я полон решимости работать над этим вместе с вами и что я также располагаю для этого определенными возможностями. Ведь я уже 11 лет нахожусь на посту канцлера и, несмотря на весьма преклонный возраст, полагаю, что еще некоторое время смогу выполнять эти функции. А доверие, которым я пользуюсь, и, с другой стороны, мое прошлое, когда я относился к Гитлеру и его людям только с осуждением и презрением, в ответ на что они расправились со мной и моими близкими, позволяют мне ориентировать в желательном направлении политику Германии. А вы? Куда намерены вы направить политику Франции?»

Я ответил канцлеру, что мы встретились с ним в моем доме именно потому, что, на мой взгляд, для Франции настало время начать проводить новую политику в отношении его страны. После страшных испытаний 1870, 1914 и 1939 годов, навязанных Франции германским честолюбием, она видит, что Германия побеждена, расчленена и вынуждена влачить жалкое международное существование, а это коренным образом меняет условия в от-

ношениях между обеими странами по сравнению с прошлым. Нет сомнений в том, что французский народ не может предать забвению все, что он некогда выстрадал от своего зарейнского соседа, и пренебрегать необходимыми мерами предосторожности на будущее. Впрочем, еще до окончания военных действий я полагал, что эти меры предосторожности должны быть нами приняты в материальном и территориальном плане. Но, учитывая, с одной стороны, размах всего свершенного с тех пор в Германии и создавшееся в связи с этим ее новое положение, а с другой стороны — изменение настроения умов в Федеративной республике благодаря деятельности правительства Конрада Аденауэра, наконец, первостепенный интерес, который представляет дело объединения Европы, которое прежде всего требует сотрудничества между Парижем и Бонном, я полагаю, что стоит попытаться опрокинуть ход истории, примирить оба наших народа и объединить их усилия и способности.

Высказав это друг другу, Аденауэр и я стали рассматривать, как добиться этого практически. Мы легко пришли к согласию относительно принципа, что не следует совмещать политику двух самостоятельных стран, как это пытались сделать теоретики Европейского объединения угля и стали, Евратома и Европейского оборонительного сообщества, а, наоборот, надо признать, что положение обеих стран весьма различно, и строить дальнейшие отношения, исходя из этой реальности. По мнению канцлера, униженная и находящаяся в тяжелом положении Германия может рискнуть попросить Францию помочь ей вернуть доверие и уважение внешнего мира, что вернет ей ее место в международных отношениях, способствовать обеспечению безопасности страны перед лицом советской угрозы, особенно в том, что касается угрозы, нависшей над Берлином, наконец, признать ее право на воссоединение. Я заметил на это канцлеру, что перед лицом такого количества просьб у Франции нет нужды просить помощи Германии ни в том, что касается единства и безопасности, ни в том, что касается ранга мировой державы, тогда как она, Франция, безусловно, может способствовать возрождению своего истинного врага. И Франция сделает это — и с каким достоинством! — во имя согласия, которое надо установить между двумя народами, так же, как во имя равновесия, единства и мира в Европе. Но для того чтобы оказываемая ею поддержка была оправданной, Франция рассчитывает на то, что немецкая сторона выполнит некоторые условия. Эти условия заключаются в следующем: принятие существующих государственных границ, проявление доброй воли во взаимоотношениях с Востоком, пол-

ный отказ от атомного вооружения, терпение во всех испытаниях, связанных с объединением Германии.

Я должен сказать, что по всем этим вопросам прагматизм канцлера позволяет ему присоединиться к моей точке зрения. Как бы ни был он предан своей стране, канцлер не намеревается сделать главной целью своей современной политики вопрос о пересмотре границ, отлично зная, что постановка этого вопроса приведет только к удвоению тревоги и ярости у русских и поляков, а на Западе вызовет тягостное осуждение. Как бы безгранична ни была ненависть канцлера к коммунистическому строю и каков бы ни был его страх перед империализмом Москвы, он отнюдь не исключал возможности модуса вивенди. «Уже в 1955 году, — заметил он мне, — я отправился с официальным визитом в Кремль, и тогда я был первым из всех глав государств или глав правительств западных держав, сделавшим это после войны». Он категорически отрицает наличие у Германии намерения иметь атомное оружие и объясняет, какие угрозы в противном случае возникли бы для мира. Хотя он желает всей душой, чтобы настал день, когда снова возникнет единое германское государство и будет положен конец тоталитарному угнетению, которое коммунисты с помощью Советов навязывают «зоне», как он называет эту территорию, мне кажется, что в голове этого католика с берегов Рейна, вождя партии традиционных демократов, засела мысль, что Федеративная республика столкнется с некоторыми неудобствами, если сразу поглотит протестантский, социалистический и прусский комплекс оторванных территорий. Во всяком случае, он согласен с тем, что, хотя речь идет о цели, от которой Германия не откажется никогда, следует воздержаться от установления конкретных сроков ее осуществления.

Мы долго обсуждали проблемы Европы. Для Аденауэра, как и для меня, и речи не может быть о том, чтобы стремиться к ликвидации наших народов, с их государствами, с их законами, путем слияния их в некую безродную конструкцию, хотя он и признает, что из мифа интеграции сумел извлечь для Германии солидные преимущества и что поэтому благодарен французским проповедникам этой идеи Жану Монне и Роберу Шуману за их подарки. Но, будучи канцлером побежденной, разделенной и находящейся в опасности Германии, Аденауэр, естественно, склоняется к идее объединения только Западной Европы, которое обеспечит его стране наряду с равноправием большое влияние и значительную поддержку перед лицом Востока Европы и благодаря самому факту своего существования будет способствовать сохранению присутствия Соединенных Штатов в Европе и их гарантий Федеративной Германии. Аденауэр буквально цепляется за эти гаран-

тии, ибо, говорит он, «обеспечивая немецкому народу безопасность и место в хорошем обществе, эти гарантии тем самым отвлекают его от навязчивой идеи изоляции и восхваления силы — а ведь именно это в свое время толкнуло немецкий народ, на его беду, в объятия Гитлера».

Я указываю Аденауэру, что Франция с точки зрения своих собственных национальных интересов не нуждается — и в этом ее коренное отличие от Германии — в объединении только стран Западной Европы, поскольку она не утратила во время войны ни своей репутации, ни своих территорий. Поэтому Франция предусматривает экономическое, а если будет возможно, то и политическое сближение всех европейских государств, ибо цель, к которой она стремится, — это всеобщий прогресс и умиротворение. В ожидании этого и при условии, что ее самостоятельности не будет причинено ущерба, она попытается начать осуществление Римского договора и намеревается, помимо этого, предложить шести странам регулярно согласовывать все возникающие политические вопросы международного характера. Что касается Европейского экономического сообщества, то трудности появятся по мере обсуждения сельскохозяйственных вопросов, решение которых необходимо для Франции, и при обсуждении кандидатуры Великобритании, которую Франция считает должным отклонять до тех пор, пока в политическом и экономическом отношении Великобритания будет продолжать оставаться тем, чем она является сейчас. По этим двум вопросам французское правительство рассчитывает на согласие германского правительства, без чего подлинный союз «Шестерки» не может быть осуществлен. «Лично я, — заявил мне канцлер, — отлично понимаю ваши соображения. Но в основном в Германии относятся отрицательно к идее общего сельскохозяйственного рынка и хотят, чтобы просьба Англии была удовлетворена. Однако поскольку для меня нет ничего важнее, чем добиться успеха в создании союза шести стран, я обещаю действовать так, чтобы обе проблемы, о которых вы только что говорили, не помешали нам достичь договоренности. Что же касается идеи проводить между партнерами регулярные обсуждения политических вопросов, то я заранее полностью присоединяюсь к ней».

По вопросу об Атлантическом пакте я заверил моего собеседника, что мы, французы, считаем естественным, чтобы Германия была его полноправным членом. Да и как может быть иначе? В эпоху атомного оружия и пока Советы угрожают Германии, совершенно очевидно, что Германии необходимо покровительство Соединенных Штатов. Но и в этом отношении, как и в других, Франция находится в иных условиях. Поэтому, продолжая в

принципе принадлежать к союзу, предусмотренному Вашингтонским договором на случай агрессии, Франция намерена когда-нибудь выйти из системы НАТО, тем более что она сама скоро станет обладать ядерным оружием, на которое не может распространяться принцип интеграции. Чтобы обеспечить моей стране жизнеспособность в будущем, превыше всего ей необходима политическая независимость, соответствующая ее положению и целям. Теперь и канцлер услышал мои доводы. «Французский народ, — сказал я ему, — привык на протяжении веков быть мастодонтом Европы, и это чувство проистекало из величия Франции и тем самым из ее ответственности; оно позволяло французскому народу сохранять свое единство несмотря на то, что по своей природе он был извечно, еще со времен галлов, склонен к расколам и несбыточным мечтам. И вот события, я хочу сказать: спасение Франции после войны, сила ее институтов, глубокие изменения в мире, дают Франции возможность снова обрести ту международную роль, без которой французский народ утратит интерес к самому себе и будет обречен на распад. Впрочем, я думаю, что в случае исчезновения Франции с карты мира все народы мира, в том числе и немецкий, в конечном счете многое бы утратили, ничего не приобретя. Поэтому все, что подталкивает мою страну к отказу от ее роли, является для нее наихудшей опасностью и представляет серьезный риск для других». «Я тоже так считаю, — ответил мне Аденауэр, — и всем сердцем радуюсь возрождению мировой роли Франции. Но позвольте мне напомнить, что немецкий народ, хотя его демоны отличаются от демонов французского народа, равным образом ощущает потребность в собственном достоинстве. После встречи и разговора с вами я верю, что вы поможете немецкому народу обрести свое достоинство». В заключение наших переговоров мы приняли решение приложить усилия к тому, чтобы наши страны не ограничивались сотрудничеством в международных организациях, где стирается лицо каждой страны, а установили бы между собой прямые и преференциальные отношения во всех областях. Мы решили поддерживать в дальнейшем тесный личный контакт.

26 ноября 1958 года я вместе с Мишелем Дебре и Морисом Кув де Мюрвилем отправился в Бад-Крейцнах к Аденауэру с ответным визитом. Рядом с ним находился его заместитель, динамичный Людвиг Эрхард, который, воспользовавшись предпринимательским духом патроната, конструктивным сотрудничеством профсоюзов и кредитами по плану Маршалла, восстановил средства производства и руководил в этот момент великим экономическим подъемом своей страны. Тут же присутствовал и Генрих фон Брентано, министр иностранных дел, убежденный, как и

канцлер, что согласие с Францией должно стать отныне абсолютным принципом политики Германии. Во время этой встречи оба правительства уточнили условия сотрудничества, соответственно тому, что было намечено в Коломбэ-ле-дез-Эглиз. В частности, они договорились о том, что следует прекратить переговоры с Ричардом Моудлингом, пытавшимся в самом начале утопить общество шести стран в более широкой зоне свободного обмена с участием Великобритании и в дальнейшем всех стран Запада. Одновременно мы воспользовались случаем заверить немцев, испытывавших в то время сильную тревогу, что французы будут решительно противиться изменению статута Берлина, которое как раз в этот момент был готов навязать Никита Хрущев.

До середины 1962 года Конрад Аденауэр и я обменялись примерно сорока письмами. Мы встречались пятнадцать раз, чаще всего в Париже, Марли, Рамбуйе или же в Баден-Бадене и Бонне. Мы провели в беседах более ста часов то наедине друг с другом, то вместе с нашими министрами, то в обществе наших семей. Затем, поскольку я намеревался торжественно освятить новые отношения между двумя нациями, столь долгое время являвшимися врагами, я пригласил канцлера прибыть в Париж с официальным визитом. Уже в июне 1961 года президент Федеративной республики Генрих Любке посетил Париж с государственным визитом, но без всякой помпы. И вот в июле 1962 года на площадях и улицах нашей столицы перед народом появился сам глава немецкого правительства. Оказанный ему прием, особенно со стороны толп народа, свидетельствовал об уважении, которым он пользуется, а также о доверии, с которым относится наш народ к проводимой им политике примирения и сотрудничества. После приема в Париже состоялся внушительный военный парад в лагере Мурмелон. Там генерал де Голль под знаменами встретил канцлера Конрада Аденауэра. Оба в машине командования объехали части танковой дивизии французской армии и танковой дивизии западногерманской армии, продемонстрировавших высокий класс. Затем в сопровождении министров и видных деятелей обеих стран мы присутствовали при парадном марше обеих дивизий, в то время как над полем пролетали военно-воздушные подразделения обеих армий. Поездка закончилась в Реймсе, городе, ставшем символом наших древних традиций, но служившем также и местом многочисленных столкновений между исконными врагами, начиная с древних набегов германцев и кончая сражениями на Марне. В соборе, еще не полностью восстановленном, первый француз и первый немец объединили свои молитвы, чтобы по обе стороны Рейна дружба навсегда вытеснила несчастья войны.

Позднее, вплоть до смерти моего выдающегося друга, наши отношения развивались столь же ритмично и были отмечены той же сердечностью. В общем все, что было сказано, написано или сделано нами, служило развитию и приспособлению к происходящим событиям соглашения доброй воли, заключенного в 1958 году. Конечно, по мере изменения обстановки появлялись разногласия. Но мы всегда преодолевали их. Благодаря мне и Аденауэру отношения между Францией и Германией установились на такой основе и в такой атмосфере, которых раньше наша история не знала.

Такое сотрудничество двух бывших врагов было обязательным условием объединения Европы, но отнюдь не достаточным. Правда, если судить по речам, звучавшим со всех сторон, и статьям на эту тему, объединения нашего континента будет легко достигнуть, ибо все этого хотят. Но дело принимает совсем иной оборот, как только оно касается реальных вещей: потребностей, интересов, предрассудков. В то время как напрасные переговоры с англичанами показывают рождающемуся сообществу, что одних благих намерений недостаточно для примирения непримиримого, «Шестерка» констатировала, что уже в области экономики подгонка положения в каждой стране под общий стандарт чревата трудностями, которые невозможно разрешить только в рамках заключенных на этот счет соглашений. Все также убедились, что так называемые «исполнительные органы», поставленные во главе общих организмов под влиянием иллюзий интеграции, которые бурно расцвели накануне моего возвращения к власти, становятся беспомощными, едва возникает необходимость принимать решение и навязывать его исполнение, что лишь правительства способны к подобным действиям и что даже они в состоянии осуществлять их только после надлежащих переговоров между министрами или послами.

Так было с Европейским объединением угля и стали. После того как были исчерпаны дары радостного начинания, сразу же преподнесенные ему государствами, причем ни один из них не был нам выгоден: отказ Франции от поставок рурского угля, поставки угля и стали итальянцам, финансовые субсидии шахтам Бенилюкса, — «верховная власть», хотя и располагавшая теоретически весьма широкими полномочиями и значительными ресурсами, очень скоро оказалась бессильной перед лицом проблем, возникших в связи с национальными потребностями отдельных стран. Как только заходила речь о том, чтобы установить цены на сталь, или регламентировать закупки топлива вне стран Объединения, или приступить к реконверсии угольного бассейна Боринажа и т.п., заседавший в Люксембурге арео-

паг оказывался не в состоянии навязать свою волю. В результате началось хроническое распадение этой организации. К тому же ее вдохновитель Жан Монне ушел с поста председателя.

Одновременно и в Евратоме проявились непримиримые противоречия между положением Франции, которая уже имела в своем активе пятнадцатилетнюю деятельность Комиссариата по атомной энергии, располагавшего многочисленными установками и занятого осуществлением обширной конкретной программы исследований и развития, и положением других стран, не сделавших ничего самостоятельно и стремившихся к тому, чтобы заполнить у американского поставщика то, чего у них нет, за счет кредитов общего бюджета Евратома.

Наконец, в Экономическом сообществе вопрос о регламентациях по сельскому хозяйству, связанных со снижением таможенных пошлин на промышленные товары, выдвинул такие препятствия, которые Брюссельская комиссия не могла преодолеть самостоятельно. Надо сказать, что в этом вопросе дух и буква Римского договора не отвечают потребностям нашей страны. Насколько статьи договора, касающиеся промышленности, были точны и всеобъемлющи, настолько же туманны были статьи, касающиеся сельского хозяйства. Это объяснялось тем, что наши представители, участвовавшие в переговорах 1957 года, настолько увлеклись мечтой о наднациональной Европе, так стремились любой ценой заключить хоть какой-то договор, который приблизил бы их к их цели, что даже не сочли своим долгом обеспечить с самого начала удовлетворение французских интересов, причем весьма существенных. Следовательно, надо было либо добиться удовлетворения этих интересов в ходе создания Общего рынка, либо ликвидировать его вообще. Однако, несмотря на твердую решимость добиться этого, французское правительство благодаря восстановлению активности нашего платежного баланса и стабилизации франка смогло согласиться, чтобы механизм Общего рынка начал действовать. В декабре 1958 года оно сообщило, что с первого дня следующего года вступят в силу первые намеченные меры, а именно: сокращение на 10% таможенных пошлин и увеличение на 20% контингента товаров.

Таким образом, начавшееся осуществление Общего рынка потребует в дальнейшем большой активности, причем не только технической, но и дипломатической. Действительно, для этой операции, хотя она и имела очень большое экономическое значение, были характерны специфические политические намерения, направленные на то, чтобы лишить Францию права располагать собой. Вот почему по мере реального создания Сообщества я был

вынужден неоднократно вмешиваться лично, чтобы спасти мою страну от опасностей, угрожавших ее интересам.

Первая опасность крылась уже в изначальной двусмысленности этого института. Предусматривает ли он — что уже было большим делом! — гармонизацию практических интересов шести государств, их экономическую солидарность по отношению к внешнему миру и, по возможности, объединение их усилий в международном плане? Или же он предназначен осуществить полное слияние экономики и политики соответствующих стран с тем, чтобы они растворились в едином образовании, имеющем свой парламент, свои законы, свое правительство, которое бы во всех отношениях управляло своими подданными французского, немецкого, итальянского, бельгийского, нидерландского и люксембургского происхождения, ставшими согражданами внутри искусственной родины, изобретенной умами технократов? Само собою разумеется, что я, не испытывая любви к несбыточным мечтам, рассматривал его с первой точки зрения. Вторая точка зрения была воплощением всех надежд и иллюзий сторонников наднациональной школы.

Для этих сторонников интеграции европейская «исполнительная власть» уже существует реально: это Комиссия экономического сообщества, созданная, правда, из лиц, назначенных шестью государствами, но на деле ни в каком отношении от них не зависящих. Если послушать хор тех, кто хочет, чтобы Европа была федерацией, хотя и без человека, ее объединяющего, все атрибуты правительства в вопросах экономики, а именно власть, инициатива, контроль, бюджет, должны отныне принадлежать хору экспертов, вплоть до — это уже, может быть, слишком расширенное толкование — точки зрения на отношения с иностранными государствами. Что же касается «национальных» министров, без которых пока нельзя обойтись в вопросах практической деятельности, то их следует периодически вызывать в Брюссель, где они будут получать инструкции от Комиссии, каждый по касающейся его области. С другой стороны, те же творцы мифа хотят видеть в Ассамблее, на которую в Страсбург съезжаются депутаты и сенаторы, направленные туда парламентами соответствующих стран — членом Сообщества, «Европейский парламент», который, безусловно, не будет располагать никакой реальной властью, но придаст брюссельской «исполнительной власти» видимость демократической ответственности.

Председателем Комиссии является Вальтер Хальштейн. Горячий сторонник теории сверхгосударства, он употреблял всю свою кипучую энергию на то, чтобы придать Сообществу соответствующую видимость и характер. Он превратил Брюссель, где на-

ходится его резиденция, в своего рода столицу Сообщества. Как подлинный суверен, он руководил там своими коллегами, между которыми распределял обязанности, и располагал многотысячным коллективом чиновников, которых назначал, направлял на те или иные участки, продвигал по службе и оплачивал по своему усмотрению. Он принимал верительные грамоты послов и претендовал на великие почести, когда посещал страны Сообщества с официальными визитами, весьма заботясь, впрочем, о том, чтобы продвигать вперед дело слияния шести стран, будучи уверен, что сама логика вещей приведет к осуществлению его мечты. Познакомившись с Вальтером Хальштейном, встречаясь с ним в дальнейшем, приглядываясь к его деятельности, я понял, что если он является на свой лад искренним европейцем, то именно потому, что он прежде всего немец, честолюбиво борющийся за интересы своей родины. Ибо та Европа, которую хотел создать Хальштейн, представляла собой прекрасную базу, благодаря которой его страна могла бы даром вернуть себе уважение и равные с другими права, утраченные в результате бешеной агрессии Гитлера и его разгрома, а в дальнейшем приобрести преобладающий вес, основанный, бесспорно, на экономических способностях Германии, и, наконец, добиться того, чтобы борьба за границы и единство его страны были взяты на себя могущественным ансамблем стран в силу доктрины, которой он дал свое имя в бытность министром иностранных дел Федеративной республики. Все это не умаляет моего уважения к нему и почета, который мы ему оказываем, но цели, которые я поставил перед Францией, несовместимы с подобными проектами.

Это коренное различие в понимании роли Брюссельской комиссии ею самой и тем обстоятельством, что мое правительство, ожидая от нее изучения вопросов и конкретных предложений, считало принятие важных мер возможным только по согласованному решению между правительствами, вызывало хронические разногласия. Но поскольку в Римском договоре записано, что на период становления Сообщества никакие меры не могут приниматься без единогласия шести государств, то достаточно внимательно следить за тем, что предпринимается, дабы не допустить попрания французского суверенитета. И я слежу за этим внимательно. Итак, на протяжении описываемого периода происходит становление Сообщества в области, которая является и должна оставаться экономической, чтобы, несмотря на столкновения, политика не заставляла его переживать смертельные кризисы. К тому же в ноябре 1959 года по инициативе Парижа было принято решение, чтобы каждые три месяца министры иностранных дел шести стран собирались для рассмотрения проблемы в целом и

обсуждения возможных разногласий, о чем они должны докладывать своим правительствам, принимающим, в случае необходимости, соответствующие решения. Можно полагать, что наше правительство нелегко поддавалось уговорам.

Но только что родившееся Сообщество должно было пройти еще одну проверку жизнью, и не только с точки зрения политики. С точки зрения самой экономики два серьезных препятствия, возникших в результате столкновения противоречивых интересов и расчетов, грозили преградить путь его дальнейшему развитию. Речь идет, естественно, о внешнем тарифе и о сельском хозяйстве, причем оба вопроса тесно связаны между собой. Казалось, правда, что наши партнеры, подписывая договор, согласились с тем, что единые внешние таможенные пошлины будут установлены по мере ликвидации таможенного обложения внутри Сообщества. Но если в принципе все признают необходимость такого решения во имя солидарности, то отдельные участники попадают в весьма затруднительное положение, потому что это решение кладет конец торговым льготам, давно уже ставшим неотъемлемым условием их существования. Следовательно, эти страны выступают за то, чтобы внешняя таможенная пошлина была елико возможно низкой или чтобы она, во всяком случае, была максимально гибкой и не причиняла им затруднений. Эти же страны по тем же соображениям отнюдь не торопятся, чтобы «Шестерка» взяла на себя область потребления и, следовательно, закупку континентальной сельскохозяйственной продукции, половину которой составляют французские продукты. С позиций Германии, например, которая покупает  $\frac{2}{3}$  своего продовольствия за пределами Сообщества по дешевке, сбывая в обмен поставщикам продовольствия много промышленных товаров, Общий рынок нужен только для промышленных товаров. При таком решении превосходство Федеративной республики стало бы в Сообществе подавляющим. Для Франции это неприемлемо. Значит, в Брюсселе нам предстояло бороться.

Битва была продолжительной и трудной. Наши партнеры, весьма недовольные, что Франция создала новую республику, рассчитывали, что и на этот раз Франция принесет свои интересы в жертву интересам «европейской интеграции», как это было ранее при создании Европейского объединения угля и стали, когда все выгоды достались другим за наш счет; или при создании Евратома, когда наша страна, не получая ничего взамен, стала предоставлять другим почти все оборудование, подвергаясь, кроме того, навязанному ей иностранному контролю над ее атомными установками; или при подписании Римского договора, который не урегулировал проблемы сельского хозяйства, хотя

она представляла для нас капитальный интерес. Но теперь Франция намерена добиться того, что ей нужно, тем более что ее требования соответствуют логике Сообщества. Поэтому-то нам в конце концов и удалось добиться необходимого.

Так, в мае 1960 года «Шестерка» по нашему упорному настоянию договорилась о введении общих внешних таможенных пошлин и приняла календарь осуществления решений в области сельскохозяйственной политики. В декабре того же года, приняв решение об ускорении процесса ликвидации внутренних таможенных пошлин, разделяющих «Шестерку», была достигнута договоренность о том, что любой импорт продовольственных товаров из других стран автоматически ведет к крупным финансовым изъятиям из бюджета купившей их страны. А в январе 1962 года были приняты важнейшие решения.

Поскольку к этому времени первая фаза осуществления Общего рынка была уже завершена, предстояло решить в соответствии со статьями договора, проводить или нет в жизнь вторую фазу, после которой — она включала снижение таможенных пошлин на 50% — обратного пути уже не будет. Мы, французы, решили воспользоваться этим случаем, чтобы сбросить покровы и заставить наших партнеров взять на себя формальные обязательства в деле, являющемся для нас весьма существенным. Поскольку наши партнеры не смирялись с этим и создавалось впечатление, что у них имеются весьма беспокоящие нас тайные замыслы, я решил, что сейчас или никогда наступил момент начать большую игру. Поэтому наши министры Кув де Мюрвиль, Баумгартнер и Пизани очень ясно дали понять в Брюсселе, что мы готовы пойти на разрыв, если наши требования не будут удовлетворены. Я лично написал письмо канцлеру Аденауэру, чье правительство являлось нашим основным противником по этим вопросам, и повторил положения письма в составленной в категорических выражениях телеграмме, посланной в тот вечер, когда начались решающие переговоры. Во всех столицах наблюдалось значительное волнение. Во Франции партии и большинство газет, выступая единым хором с заграницей, твердили, что они встревожены и скандализированы позицией генерала де Голля, непреклонность которого грозит уничтожить «европейскую надежду». Но Франция и здравый смысл победили. В ночь с 13 на 14 января 1962 года после драматического обсуждения Совет Министров «Шестерки» официально принял решение о распространении положений Общего рынка на продукцию сельского хозяйства, немедленно начал проводить в жизнь целый ряд мер и постановил, что необходимые меры в вопросах сельского хозяйства будут приниматься одновременно и на равных правах с дру-

гими вопросами. В результате чего осуществление договора об Общем рынке смогло вступить во вторую фазу.

Но как далеко может зайти проведение договора в жизнь, учитывая волнения, которые стараются спровоцировать англичане, и естественную склонность пяти наших партнеров подпадать под их влияние? И как можно удивляться тому, что Великобритания решительно выступала против создания Сообщества, учитывая, что в силу своего географического положения и, следовательно, в силу своей политики она никогда не допускала и мысли ни об объединении континента, ни о своем слиянии с ним? Можно даже сказать, что в определенной степени вся история Европы на протяжении восьми веков была связана с этим. Что же касается настоящего времени, то наши соседи по Ла-Маншу, будучи созданы для свободного обмена благодаря морской природе своей экономической жизни, не могли согласиться от чистого сердца с тем, что континент замкнется в единых внешних таможенных пошлинах, и еще менее с тем, что им придется покупать наше дорогое продовольствие вместо закупки его по дешевке всюду, например в странах Британского содружества. Но Сообщество не может стать реальностью без общих таможенных пошлин и без оказания предпочтения собственной сельскохозяйственной продукции! Поэтому во время дискуссий и изучений, предшествовавших заключению Римского договора, правительство Лондона, первоначально участвовавшее в этой работе, поспешило отозвать своих представителей. Потом, с намерением сделать напрасными надежды шести стран, оно предложило им создать вместе с Англией и рядом других государств более широкую европейскую зону свободного обмена. Вот как обстояло дело к моменту моего возвращения к власти.

Уже 29 июня 1958 года в Париж приехал премьер-министр Гарольд Макмиллан. Во время нашей дружеской беседы, затрагивавшей множество вопросов, он вдруг крайне взволнованно заявил мне: «Общий рынок — это континентальная блокада! Англия не согласна с его созданием. Я прошу вас, откажитесь от него! Иначе между нами начнется война, которая вначале, бесспорно, будет только экономической, но она чревата опасностью постепенно охватить и другие сферы отношений». Решив, что на преувеличения не стоит обращать внимания, я постарался успокоить английского премьер-министра, спросив у него, однако, почему Соединенное Королевство так возмущается ликвидацией таможенных пошлин между шестью странами, в то время как аналогичные преференции существуют внутри Британского содружества? Как раз в это время министр Ричард Моудлинг вел в рамках организации, называвшейся «Европейское экономическое

сотрудничество», куда входила и Англия, активные переговоры, которые держали «Шестерку» в напряжении и оттягивали создание Сообщества; «Шестерке» предлагали вступить в зону свободного обмена, в которой должно было раствориться это Сообщество. Гарольд Макмиллан стремился вырвать у меня согласие на это несколькими настойчивыми письмами. Но мое правительство, сбросив маску любезности, дало понять, что не согласится ни с какой формой объединения без общего внешнего тарифа и решения сельскохозяйственной проблемы. Тогда Лондон, по-видимому, отказался от дальнейшей обструкции и, изменив свои намерения, создал «Европейскую ассоциацию свободной торговли», в которой участвовали только скандинавы, португальцы, швейцарцы и австрийцы. Наши партнеры в Брюсселе сразу же перестали колебаться и решили немедленно приступить к созданию Общего рынка.

Но это была только передышка. Летом 1961 года англичане возобновили наступление. Поскольку им не удалось помешать извне рождению Сообщества, они намеревались теперь парализовать его изнутри. Перестав требовать отказа от Общего рынка, англичане заявили, наоборот, о своем желании войти в него. Они предложили также рассмотреть условия, на которых это можно осуществить «с учетом их особых отношений со странами Британского содружества и с их партнерами по «Ассоциации свободной торговли», а также их особых интересов в области сельского хозяйства». Согласиться с этим означало, по сути дела, отказаться от первоначальной формы Общего рынка. Наши партнеры не могли пойти на это. Но, с другой стороны, сказать Англии «нет!» было выше их сил. Тогда, делая вид, будто имеется возможность решить квадратуру круга, они начали в Брюсселе серию переговоров с британским министром Эдвардом Хитом о проектах и контрпроектах, вызвавших сомнения относительно будущего нашего Сообщества. Итак, я вижу, что близится день, когда мне придется или снести все препятствия, положив конец всяким уверткам, или освободить Францию от предприятия, обреченного на крах сразу же после рождения. Как это и можно было предвидеть, еще раз подтвердилось, что объединенная Европа может быть только объединением государств, что, если затрагиваются национальные интересы, ничто и никто не должен навязывать государству свою волю и что любой путь, кроме сотрудничества, ведет в никуда.

Все, что в этом отношении правильно для экономики, столь же правильно и для политики. Впрочем, в этом нет ничего неестественного. Действительно, до какой степени иллюзии или предвзятости надо дойти, чтобы поверить, будто европейские

нации, закаленные веками колоссальных усилий и бесчисленных испытаний, каждая со своими собственными географическими условиями, своим языком, своей историей, своими традициями, институтами, смогут перестать быть самими собой и слиться в нечто единое? Насколько же поверхностно сравнение, которое часто проводят наивные люди, между Европой, которую надлежит создать, и тем, что создано в Соединенных Штатах, ибо последние были созданы, не имея ничего предшествующего, на свободной территории, последовательными волнами безродных колонистов! Как, в частности, можно предположить, что внешние цели шести стран вдруг станут общими, тогда как происхождение, положение, претензии этих стран весьма различны? Какой может быть роль соседей Франции в деле деколонизации, которую она должна в ближайшем будущем довести до конца? Если во все времена Франция совершала «божьи деяния», распространяя свободомыслие и гуманизм, то во имя чего это станут делать ее партнеры? Германия, в результате разгрома лишившаяся надежд на господство, расчлененная в настоящее время и подогреваемая многими в стремлении к реваншу, сейчас тяжело ранена. Во имя чего ее рана автоматически должна стать раной других? Во имя чего Италия, перестав быть придатком Германской империи или империи французов, затем изгнанная с Балканского полуострова, куда она хотела распространиться, оставаясь полуостровной державой, замкнувшейся в Средиземном море, и, естественно, попав в орбиту морских держав, станет теперь смешиваться с континентальными народами? Какое чудо заставит Нидерланды, которые испокон веков обязаны своим существованием кораблям, а своей независимостью — средствам, пришедшим из-за моря, дать поглотить себя континентальным жителям? Каким образом Бельгия, занятая стремлением сохранить во всем хрупкое равновесие между фламандцами и валлонами на всем протяжении своей истории, после того как она вследствие компромисса соперничавших соседей стала самостоятельным государством, сможет серьезно заниматься другими проблемами? Какая иная забота может быть у люксембуржцев, кроме стремления сохранить Люксембург в условиях непрерывного соперничества двух великих держав, расположенных по берегам Мозеля?

И наоборот, разве нельзя, признав национальную самобытность каждого из этих государств и их право сохранять эту самобытность, объединить их усилия во всех областях, собирать регулярно министров, а периодически — и глав правительств или глав государств, создать постоянные органы для обсуждения вопросов политики, экономики, культуры, обороны, спокойно об-

суждать их на встречах представителей парламентов соответствующих стран, привить вкус и привычку коллективно рассматривать все проблемы, затрагивающие общие интересы, и вырабатывать по возможности единую позицию по этим проблемам? Разве не может такое всеобщее сотрудничество, связанное с уже существующим экономическим сотрудничеством в Брюсселе и Люксембурге, привести к действиям в области прогресса, безопасности, влияния, отношений с внешним миром, помощи развитию тех стран, которые нуждаются в этом, наконец и главным образом, в деле мира, к действиям, которые будут носить общеевропейский характер? Разве не приведет Сообщество, созданное шестью странами, к тому, что другие государства начнут постепенно присоединяться к нему на тех же условиях? Разве не может таким путем возникнуть наперекор войнам, из которых состоит история человечества, объединенная Европа, мечта мудрецов?

Еще до того, как обсудить эту идею с канцлером Германии, я изложил ее председателю Совета Министров Италии. Аминторе Фанфани нанес мне визит 7 августа 1958 года. Я вновь принимал его в декабре 1958 года и в январе 1959 года. Во время этих встреч я оценил широту его взглядов, осторожность суждений, его учтивость и благородство. Мне представляется, что Италия Фанфани, жаждущая быть информированной обо всех происходящих переговорах, расположена включиться в них при условии, что с нею будут обращаться с уважением, которое следует оказывать нации с великим прошлым и с еще более значительным будущим, готовой поставить свою подпись под принципиальными декларациями, выражающими благие намерения, но внимательно следящей за тем, чтобы брать на себя только очень ограниченные обязательства. Именно так обстоит дело с проблемой объединения Европы. Конечно, глава римского правительства относится благожелательно к этой идее. Он даже одобряет завещанную ему де Гаспери наднациональную тенденцию. Но, легко преодолев очевидное противоречие, он утверждает, что не хочет ничего предпринимать без участия Англии, хотя заранее знает, что последняя отказывается от интеграции. На словах убежденный сторонник солидарности между народами Старого Света, он исключает возможность изменения их отношений с Соединенными Штатами, даже если это отношения зависимости. В частности, по его мнению, никак нельзя изменять организацию Атлантического союза. Однако он не отвергает моего проекта организованной системы политических консультаций между шестью странами и даже был готов беседовать о ее деталях, когда разговор зашел об этом.

Вскоре после этой встречи я отправился устанавливать непосредственный контакт с правительством и народом Италии. Наши соседи торжественно отмечали столетие франко-пьемонтских побед 1859 года. Президент республики Джованни Гронки пригласил меня присутствовать на торжествах, и я с готовностью принял это приглашение. Вместе со мной выехали Кув де Мюрвиль и Гийома. 23 июня Милан встретил меня бурей приветствий. Не меньший энтузиазм по отношению ко мне проявили итальянцы на следующий день во время парада, в котором французские части приняли участие наряду с итальянскими. Волнующие демонстрации огромной толпы в Мадженте, потом в Сольферино, где я выступал там, где было когда-то поле битвы, не оставляют никаких сомнений в благожелательном отношении масс к нашей стране и к генералу де Голлю. Во время церковной службы архиепископ монсеньор Монтини произносит проповедь, проникнутую уважением, которое испытывает это высокое духовное лицо, будущий папа Павел VI, к Франции. Несколько позднее меня столь же тепло принимал в Капитолии римский муниципалитет. Ничто не доказывало лучше, каким безумием была агрессия, совершенная против нас по приказу Муссолини 19 лет назад. Что могло быть более ободряющим при оценке перспектив взаимоотношений между двумя братскими народами? Президент Гронки, председатель Совета Министров Антонио Сеньи и министр иностранных дел Джузеппе Пелла были полностью согласны со мной и сопровождавшими меня министрами.

Тем не менее во время переговоров, которые мы начали в поезде, увозившем нас в Рим, и продолжили в Квиринальском дворце, где я вместе с супругой был гостем главы государства и госпожи Гронки и где два президента собирались вместе с членами своих правительств, обе стороны проявили отнюдь не идентичные настроения. Мы, французы, хотели начать движение к европейской Европе. Итальянцы ставили превыше всего сохранение существующих отношений с англосаксами. По сути дела, римское правительство выступало за интеграцию, потому что рассчитывало под прикрытием этого мифического аппарата маневрировать как ему заблагорассудится, потому что такая конструкция никак не задевала протекционистской гегемонии Вашингтона, наконец, потому, что римское правительство считало подобную конструкцию, пока в нее не вступит Англия, временной. Вскоре я убедился, что такова же точка зрения и Бенилюкса. Точно так же, как наши экономические и социальные феодалы и политические партии, громкими криками требовавшие преобразований, встречали в штыки любую реформу, менявшую установленный порядок, руководящие круги наших европейских партнеров и наши собственные

капеллы, провозглашавшие необходимость объединить континент, сразу же воздвигали стену оговорок, противоречивых толкований и уверток, едва я попытался пробить путь этому объединению. Но, думал я, если Рим был построен не за один день, то совершенно естественно, что такое дело, как строительство Европы, потребует более продолжительных усилий.

В Ватикане я получил самый наглядный урок упорства. Меня принял папа Иоанн XXIII. Он хотел торжественностью приема подчеркнуть исключительное внимание, с которым он относится к Франции. Иоанн XXIII с удовлетворением выслушал мои слова о национальном подъеме страны, которую он хорошо знал и политические волнения которой он наблюдал непосредственно в бытность свою нунцием в Париже. Потом папа Римский с тревогой, омрачавшей его спокойствие, говорил об испытаниях, выпавших на долю христианства в связи с гигантскими потрясениями века. Католическое сообщество во всех странах Европы и Азии, подпавших под власть коммунизма, подвергается преследованиям и отрезано от Рима. Но и в странах свободного мира своего рода сомнения повсюду наносят раны если не религии, как таковой, то деятельности церкви, ее требованиям, ее иерархии, ее обрядам. Однако, сколь бы ни был папа озабочен существующим положением, он видел в нем лишь новый кризис, добавившийся в наши времена ко многим другим, выпавшим на долю церкви после Иисуса Христа и преодоленным ею. Он уверен, что церковь, используя свойственные ей ценности вдохновения и испытания, обязательно восстановит и на этот раз свое равновесие. Именно этому призванию он хочет посвятить свою деятельность на папском престоле. После этого к аудиенции была допущена моя жена, и папа благословил нас. Больше мы его не видели.

Никто не обещает Европе вечной жизни. Но может быть, перестроившись, чтобы овладеть стоящими перед ней проблемами, она захочет снова взять разбег? Однако, с тех пор как все стали твердить о необходимости объединить Европу, никакого проекта перестройки не было предложено шести странам. Я взял на себя задачу подготовить такой проект, как только стало ясно, что наша страна освобождается от тисков алжирской проблемы и вновь обретет свободу действий. Я намеревался собрать в Париже глав государств или глав правительств, чтобы Франция смогла внести свои предложения в условиях, соответствующих величии задачи. Первым об этом намерении был информирован канцлер Аденауэр. В июле 1960 года в Рамбуэе, куда я его пригласил, я сообщил ему о моем плане совещания в верхах и рассказал, как, на мой взгляд, должна работать система согласования решений между шестью странами, основанная на периоди-

ческих встречах их руководителей, а в промежутке — на деятельности постоянных организаций, которые подготавливали бы встречи и следили за исполнением принятых решений. Мы, и он и я, пришли к согласию в главном. В августе я познакомил с моим проектом премьер-министра Нидерландов Жана-Эдуарда де Кея и министра иностранных дел Иозефа Лунса во время их пребывания в Париже. Как и следовало ожидать, я обнаружил, что их взоры обращены значительно больше к Англии и к Соединенным Штатам, чем к континенту, и что в довершение всего они стремятся добиться присоединения Англии к шести странам, каковы бы ни были условия. Примерно такую же позицию заняли бельгийцы: премьер-министр Гастон Эйскенс и вновь ставший министром иностранных дел Поль-Анри Спаак, которых я также принимал в Елисейском дворце. Там же я принял осторожных люксембуржцев Пьера Вернера и Эжена Шаусса. Между этими приемами я вдоволь наговорился с Аминторе Фанфани, снова ставшим председателем Совета Министров Италии, и министром иностранных дел Антонио Сеньи, посетившими Рамбуйе, и все выяснил в Бонне вместе с Конрадом Аденауэром.

Кроме того, я считал необходимым в соответствии с моими методами обратиться к общественности. 5 сентября во время пресс-конференции я изложил, что было мной предпринято. Заявив, что «строительство Европы, то есть ее объединение, является для нас важной целью», я уточнил, что для этого необходимо «исходить не из мечты, а из реальной действительности. Но каково реальное положение Европы, каково то основание, на котором можно построить ее единство? В действительности европейские государства... это государства, каждое из которых, безусловно, имеет свою собственную душу, свою историю, свой особый язык, свои несчастья, свою славу, свои собственные чаяния; но эти государства являются единственными образованиями, имеющими право приказывать и обладающими властью, способной заставить выполнить их приказания». Далее, признав «техническую ценность некоторых более или менее вненациональных и наднациональных организмов», я констатировал, что они не могут быть политически эффективны, о чем свидетельствует современное положение Европейского объединения угля и стали, Евратома и Брюссельского сообщества. «Вполне естественно, — продолжал я, — чтобы государства Европы имели в своем распоряжении организации, подготавливающие совместные решения и при надобности следящие за выполнением принятых решений. Но право принимать решения принадлежит государствам». Затем я сформулировал свой проект: «Франция считает возможным, желательным и практически осуществимым обеспечить регулярное

сотрудничество государств Западной Европы в области политики, экономики, культуры и обороны... Это предусматривает организацию регулярных консультаций между ответственными правительствами и работу специальных организаций, подчиненных правительствам в каждой области. Это предусматривает периодическое обсуждение проблем в Собрании, где заседали бы делегаты национальных парламентов. На мой взгляд, это должно предусматривать проведение как можно скорее торжественного общеевропейского референдума, чтобы получить необходимое согласие народов». Я закончил следующими словами: «Если мы вступим на этот путь... то возникнут новые связи, появятся новые привычки и, после того как время сделает свое дело, можно будет продумать дальнейшие шаги по объединению Европы».

10 и 11 февраля 1961 года я председательствовал в Зале Часов на Кэ д'Орсэ на собрании председателей Советов Министров, министров иностранных дел, высокопоставленных чиновников и послов Германии, Италии, Нидерландов, Бельгии, Люксембурга и Франции. Дебаты носили весьма оживленный характер, ибо выступавших волновали тревожные мысли. По правде говоря, эти мысли были обращены к Соединенным Штатам Америки и Англии. На мое официальное предложение сразу организовать политическое сотрудничество шести государств Аденауэр ответил полным согласием. К нам примкнул Вернер, Фанфани присоединился с некоторыми оговорками. Первоначально Эйкенс и Спаак не возражали. Но Лунс довольно настойчиво высказал некоторые возражения. Видя это, Спаак занял аналогичную позицию. Совершенно очевидно, что Бельгия и Нидерланды, эти малые державы, опасаящиеся «великих» держав континента, эти прибрежные государства Северного моря, традиционно охраняемые британским военно-морским флотом, на смену которому сейчас пришли американцы, плохо приспособляются к системе, в которой не участвовали бы англосаксы. Но не менее очевидно, что, если западные страны Старого Света будут продолжать подчиняться Новому Свету, Европа никогда не станет европейской и тем более никогда не сможет воссоединить свой Восток и Запад. Все же после совещания осталось впечатление, что Европа сделала свои первые шаги, что все участники совещания отнеслись к этому с большим интересом и испытали большое удовлетворение от встречи и от совместного обсуждения и что, наконец, надо попытаться идти дальше вперед. Поэтому была достигнута договоренность встретиться в Бонне через три месяца и решено создать для подготовки нового совещания в верхах политическую комиссию из представителей шести государств, поручив ей подготовить в Париже предложения об организации со-

трудности этих государств во всех областях политической жизни.

Однако, учитывая масштабы препятствий, трудно было надеяться на скорый успех. Фактически сразу началась активная закулисная деятельность, направленная на срыв проекта. Сторонники непременно вступления Англии в Экономическое сообщество, которое могло стать и политическим, соединили свои негативные усилия с усилиями сторонников наднациональных форм объединения, причем явная противоположность позиций тех и других не мешала им соединить усилия для борьбы против французского решения. Прибыв в Бонн 20 мая, я констатирую, что в Германии наблюдается напряженность, вызванная тем, что канцлер занял положительную позицию по моему предложению. Принимая в конце месяца короля и королеву Бельгии, которых Париж горячо приветствовал, я считал возможным засвидетельствовать этим молодым монархам и их стране горячую симпатию Франции. Но сопровождавший их министр иностранных дел Спаак еще раз заявил об отрицательном отношении к политическому сотрудничеству шести государств. Одновременно доносились голоса сомнения из Италии и критика из Нидерландов.

Несмотря ни на что, новое совещание глав государств и глав правительств состоялось в Бонне 18 и 19 июля. Каждый подтвердил на нем свою точку зрения, изложенную еще на Парижском совещании. Но поскольку и на этот раз канцлер Аденауэр и генерал-де Голль ясно дали понять, что полностью согласны друг с другом, возражения других имели менее язвительный характер. Даже на Рейне, когда после заседания немцы погрузили всех на пароход для прогулки и завтрака, не было заметно никаких туч вокруг общеевропейских излияний. Совещание приняло решение продолжить работу в направлении, предложенном французским правительством. В связи с этим политическая комиссия, уже сформированная ранее под председательством Кристиана Фуше, получает мандат подготовить проект договора в надлежащей форме для возможного утверждения на следующем совещании в верхах, которое состоится в Риме.

Итак, осторожность и приличия удержали высших руководителей от демонстрации своих разногласий. Но эти разногласия не преминули открыто проявиться во время работы комиссии Фуше. Ей был представлен только один проект — французский. Германия продолжала поддерживать нас. Но решительные возражения Бельгии и Нидерландов и расчетливая нерешительность Италии привели к тому, что проект не был принят. До последнего момента, однако, можно было надеяться на присоединение правительства Рима к правительствам Парижа и Бонна, что позволило бы,

безусловно, прийти к согласию. 4 апреля 1962 года я отправился в Турин на встречу с Аминторе Фанфани. Наши переговоры оставили у меня впечатление, что мы пришли к согласию относительно исправленного текста плана Фуше. Безусловно, в тот день так считал и мой собеседник. Ибо итальянский государственный деятель имел достаточно большой вкус к великим делам и понимал насущные веления современности, чтобы желать для своей страны стать вместе с Францией и Германией основой объединения Европы. Но столь простая и категорическая решительность оказалась несовместимой со сложностью политической жизни наших заальпийских соседей. Вот почему, когда 17 апреля министры иностранных дел «Шестерки» собрались в Париже, чтобы изложить окончательную точку зрения своих правительств, Антонио Сеньи отверг французский проект. После этого Спаак получил полную возможность стать глашатаем любых возражений. Горячо поддержанный Лунсом, он заявил, что Бельгия не подпишет договора, «даже если в таком виде он подходит ей», до тех пор, пока Англия не вступит в Экономическое сообщество. Через несколько дней он написал мне, что его страна готова подписать соглашение между шестью государствами при условии, что политическая комиссия, предусмотренная нашим планом как инструмент Совета государств, получит власть, независимую от правительств. Таким образом, Спаак, не испытывая ни малейшего смущения, выступил сторонником одновременно двух взаимоисключающих теорий — сторонником англосаксонской гегемонии и сторонником наднациональных институтов.

Отныне этот вопрос останется нерешенным до тех пор, пока не станет ясно, является ли для истории сделанное Францией предложение организовать сотрудничество между странами раздираемого на части Старого Света «некоей армадой, погруженной в пучину вечной лжи», или же прекрасной надеждой на будущее, засиявшей над волнами?

## МИРОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Если наши соседи отказались прислушаться к призывам Франции создать объединенную и независимую европейскую Европу, то это отчасти потому, что они по традиции опасались главенствующего положения Франции, но главной причиной было то, что в условиях холодной войны, в которой погряз весь мир, для них превыше всего было стремление сохранить американскую защиту, а все остальное отходило на второй план. А именно в вопросе американской защиты наша оценка отличается от оценки других стран. Они продолжают смотреть на вещи так же, как смотрели 15 лет назад. Мы же смотрим иначе.

Безусловно, благодаря Ялте, позволившей сталинской России официально присоединить к себе после краха рейха Центральную Европу и Балканы, можно было опасаться, что у советского блока возникнет стремление к дальнейшей экспансии. В случае подобной агрессии западные государства Европейского континента не смогли бы оказать ему достаточно серьезного сопротивления. Для этого, совершенно очевидно, было бы недостаточно организации европейской обороны, начало которой было положено французами и англичанами в 1946 году путем организации единого командования под руководством маршала Монтгомери. Поэтому не было ничего более оправданного и, возможно, более благоразумного, чем американское содействие, которое — в силу плана Маршалла — дало возможность Западной Европе восстановить свою производственную мощь и тем самым избежать драматических политических, социальных и экономических потрясений, в то время как американское атомное оружие обеспечивало необходимое ей прикрытие. Но почти неизбежным следствием этого было создание НАТО — системы безопасности, предоставлявшей Вашингтону возможность распоряжаться обороной, а следовательно, политикой и даже территорией своих союзников.

Среди этих союзников Германия, лишившаяся Пруссии и Саксонии, находившаяся в непосредственной близости от тоталитарных стран, непрестанно поносивших ее за вчерашние преступления и обвинявших ее в стремлении завтра снова возобновить их, над которой висел дамоклов меч Берлина, рассматривала амери-

канский протекторат как свое единственное спасение. Другим странам не угрожала столь непосредственная опасность, но они справедливо полагали, что выход Советов на Рейн и в предгорья Альп немедленно станет для них смертным приговором, и потому считали американскую гарантию весьма существенной, тем более что они высоко ценили ту экономию, которую давало им сокращение государственных расходов по военному бюджету вследствие того, что их национальные силы получали подкрепление в виде американских войск, кораблей и самолетов, а также пользовались даровым американским снаряжением. Конечно, временами в душе этих древних и гордых народов возникала тоска по былой независимости. Но выгоды и удобства атлантической гегемонии в мире быстро возвращали их к подчиненному положению, что бы американцам ни заблагорассудилось сделать. Поэтому никогда не случалось, чтобы правительство страны, входящей в НАТО, заняло по какой-либо проблеме иную, нежели Белый дом, позицию. И если мысль о применении в Европе режима интеграции находила столь большое число сторонников среди наших партнеров, то именно потому, что безродная система не могла иметь собственной обороны и собственной политики и была вынуждена руководствоваться в этом смысле тем, что продиктовано из Соединенных Штатов Америки. И если наши партнеры стремились присоединить Сообщество к Британскому содружеству, раз не удалось создать наднациональную технократию, то именно потому, что этот путь столь же надежно вел их к установлению американского протектората. И наоборот, если не удалось осуществить мой проект европейской Европы, так именно потому, что он вел к освобождению Старого Света, а последний никак не мог рискнуть пойти на это.

Тем не менее я считал, что международная обстановка в 1958 году изменилась по сравнению с обстановкой, существовавшей в момент создания НАТО. Сейчас казалось достаточно невероятным, чтобы Советы предприняли поход для завоевания Запада, после того как все западные государства снова обрели нормальные условия существования и шли к материальному прогрессу. Коммунизм, вне зависимости от того, возникнет ли он внутри страны или будет привнесен извне, может установиться только в условиях национального бедствия. Кремль знает это отлично. И зачем ему пытаться навязать иго тоталитаризма 300 млн. сопротивляющихся иностранцев, когда он с таким трудом сохраняет его над втрое меньшим населением своих сателлитов? К этому надо добавить, что извечное чередование угрозы, господствующее над историей русского народа, заставляет его сегодня обратить озабоченные взоры не столько в сторону Европы, сколько в

сторону Азии, откуда исходят претензии Китая, тем более тогда, когда угрозы с Запада нет. В довершение ко всему только безумие способно заставить Москву — и любую другую столицу — развязать сейчас мировую войну, которая может привести благодаря использованию атомных бомб к полному уничтожению цивилизации! Но если страны не ведут войны, то рано или поздно они должны заключить мир. Невозможно существование строя, сколь бы жесток он ни был, который бесконечно поддерживает воинственное настроение народов, уверенных, что им не придется сражаться друг с другом. Поэтому все заставляет предполагать, что Восток все более и более ощущает потребность в разрядке международной напряженности и сознает ее привлекательность.

Вдобавок военные условия безопасности Запада полностью изменились на протяжении этих 12 лет. Ибо после того, как Советы обрели способность уничтожить Америку, точно так же как последняя располагает средствами ликвидировать Россию, можно ли предполагать возникновение в будущем военного конфликта между двумя соперниками, кроме как в самом крайнем случае? Но что может удержать их от использования бомб на промежуточной зоне, то есть в Центральной и Западной Европе? Следовательно, для жителей Западной Европы НАТО перестала быть гарантом их существования. Тогда зачем же вручать свою судьбу покровителю, если полезность его опеки стала сомнительной?

Наконец, кое-что изменилось в международном положении самой Франции. Ибо согласно роли, задуманной мной для нее, исключается атлантическая покорность, практиковавшаяся предшествующей республикой во время моего отсутствия во главе государства. По моему убеждению, наша страна располагает средствами действовать самостоятельно в Европе и во всем мире и она должна действовать так, ибо в этом-то и состоит с психологической точки зрения движущая сила, необходимая для принимаемых ею усилий. Совершенно очевидно, что подобная независимость требует для сохранения безопасности страны наличия современных средств возмездия. Хорошо! Необходимо, чтобы Франция создала эти средства!

Следовательно, мое намерение состоит не в том, чтобы освободить Францию от Атлантического союза, сохранение которого, на мой взгляд, необходимо как крайняя предосторожность, а в том, чтобы вывести ее из интеграции, осуществленной НАТО под американским командованием; завязать с каждым государством Восточного блока, и в первую очередь с Россией, отношения, нацеленные на разрядку напряженности, а в дальнейшем — на согласие и сотрудничество; аналогично поступить с Китаем, когда для этого наступит время; наконец, снабдить Францию

мощным ядерным оружием, чтобы никто не смог напасть на нас, не рискуя получить сокрушительный ответ. Но я намереваюсь идти по этому пути с осторожностью, связывая осуществление каждого этапа моего плана с эволюцией общего положения и не переставая заботиться о традиционных дружественных связях Франции.

Уже 14 сентября 1958 года я поднял знамя сражения. В личном меморандуме президенту Эйзенхауэру и премьер-министру Макмиллану я поставил под вопрос нашу принадлежность к НАТО, заявив, что эта организация не соответствует более потребностям нашей обороны. Не высказывая прямо сомнений в эффективности защиты территории континентальной Европы с помощью американских и английских бомб, я констатировал в меморандуме, что подлинная организация коллективной безопасности требует ее распространения на весь земной шар, а не ограничения сектором Северной Атлантики и что всемирный характер ответственности и оборона Франции требуют, чтобы Париж непосредственно участвовал в принятии политических и стратегических решений союза, решений, которые в действительности принимает одна Америка после *a parte*<sup>15</sup> консультаций с Англией. Восхождение Франции на эту вершину было бы тем более оправданным, что монополия на обладание ядерным оружием среди стран Запада перестанет в ближайшее время принадлежать англосаксам, поскольку мы сами будем иметь это оружие. Поэтому я предлагал, чтобы руководство союзом осуществлял триумвират, а не дуумвират, а в случае несогласия с моим предложением Франция перестанет в дальнейшем принимать участие в каком-либо новом расширении НАТО и, кроме того, оставляет за собой право в соответствии со статьей 12 договора, по которому была создана эта система, либо потребовать ее изменения, либо выйти из нее. Как я и ожидал, оба адресата ответили на мой меморандум уклончиво. Ничто, следовательно, не мешало нам действовать.

Но обстоятельства диктуют необходимость действовать без конфликтов. Атомных бомб у нас пока еще нет. Алжир висит тяжким грузом на нашей армии, авиации и флоте. Мы не знаем, какой ориентации будет в конце концов придерживаться Кремль в отношениях с Западом. В настоящее время вызывает беспокойство угроза, созданная Никитой Хрущевым, заключить сепаратный мирный договор с Восточной Германией, отдать судьбу Западного Берлина на усмотрение коммунистов из Панкова — что для Советского Союза равносильно обладанию этим городом —

---

15

Обособленный (лат.). — Прим. ред.

и поставить тем самым Соединенные Штаты, Великобританию и Францию, чьи войска оккупируют западную часть города, перед выбором: или защищать Западный Берлин, то есть идти на конфликт, или оставить его, что равносильно ужасному политическому банкротству и унижительному военному поражению. Поэтому с помощью соответствующих мер мы вступили на путь освобождения от атлантической зависимости, поддерживая одновременно прямое сотрудничество с Соединенными Штатами и Англией.

В марте 1959 года наш средиземноморский флот был выведен из-под командования НАТО. Вскоре после этого мы запретили американской армии ввозить на территорию Франции атомные бомбы вне зависимости от того, будут ли они на земле или в самолетах, и не разрешили размещать на нашей территории пустые установки. Позднее мы поставили под суверенный контроль государства наши военно-воздушные силы и контроль за всеми самолетами, пролетающими над нашей территорией. Возвращающиеся в метрополию из Северной Африки соединения мы не передавали под союзное командование. 16 сентября 1959 года я инспектировал в Военной школе центры, в которых изучались принципы и ресурсы национальной обороны, а также диспозиции и средства действия трех родов войск. Затем я собрал профессоров и слушателей школы и произнес перед ними речь, в которой определялись новые директивы государства своим административным органам и военному командованию по вопросам обороны страны.

«Необходимо, чтобы оборона Франции, — говорил я, — была французской. Если такой нации, как Франция, придется участвовать в войне, то необходимо, чтобы это была ее война, чтобы принятые ею усилия были ее усилиями. Безусловно, оборона Франции при определенных условиях может быть совмещена с обороной других стран. Но необходимо, чтобы это была наша собственная оборона, чтобы Франция защищала себя сама, для себя и на свой лад». Далее я показал, что во Франции государство никогда не имело и не может иметь оправдания своего существования, *а фортиори*<sup>16</sup> длительного существования, если оно не несет прямой ответственности за национальную оборону, и что военное командование обладает властью, достоинством и престижем перед нацией и армией только в том случае, если оно само действительно отвечает за судьбу страны на поле брани. Я уточняю: «Это означает, что для Франции система, известная под названием «интеграция», которую

---

16

Тем более (лат.). — Прим. ред.

свободный мир осуществлял до сих пор, отошла в область прошлого... Само собой разумеется, что наша стратегия должна быть согласована со стратегией других стран. Ибо в высшей степени вероятно, что в случае конфликта мы окажемся плечом к плечу с нашими союзниками... Но пусть каждому будет принадлежать свое!» Призвав своих слушателей впредь руководствоваться в своей философии и деятельности этой основной идеей, я заявил: «Следствием этого является необходимость создать в ближайшие годы силы, которыми мы могли бы располагать самостоятельно, силы, получившие название «ударных», которые могли бы нанести удар в любое время по любому объекту. Основной составной частью этих сил будет, естественно, атомное оружие».

Эта речь, которую я опубликовал в печати, и первые меры по выводу наших войск из-под командования НАТО вызвали широкие отклики. Тем более широкие, что последовавшие затем другие факты подтвердили, что V Республика проводит свою собственную политику. Так, в момент, когда американцы и англичане высаживают свои силы соответственно в Ливане и Иордании под предлогом защиты этих государств от возможной агрессии со стороны Объединенной Арабской Республики, мы остаемся в стороне и посылаем под Бейрут с целью продемонстрировать наше присутствие независимо от них один из крейсеров, не имевший ничего общего с этой экспедицией. Так, после признания независимости Конго (Леопольдвиль) и формирования правительства Патриса Лумумбы мы открыто осудили деятельность Вашингтона, проводимую им под прикрытием Организации Объединенных Наций и приведшую последнюю вопреки ее Уставу к вмешательству во внутренние дела нового государства с использованием своих вооруженных сил и своего бюджета. Так, когда Соединенные Штаты порвали отношения с Кубой и призвали нас запретить нашим судам посещать Кубу, мы сохранили свое посольство в Гаване и отказались наложить эмбарго. Так, мы осудили установление американского контроля над южно-вьетнамскими властями. Так, мы отказались предоставить наши силы в распоряжение создававшейся Организации договора Юго-Восточной Азии.

Наконец, и это было главным, в проходивших в то время переговорах по разоружению мы стали отстаивать собственную точку зрения. Она состояла ни много ни мало в том, чтобы запретить производство, хранение и использование любых средств ядерного уничтожения. Однако, поскольку совершенно очевидно, что подобное осуждение в принципе, скорее всего, ни к чему не привело бы, учитывая тайные мысли двух ядерных соперников и невообразимые трудности эффективного и всеобъемлющего кон-

троля, мы предложили в качестве первого этапа установить запрет на строительство пусковых установок и специальных средств доставки атомных бомб: ракет, подводных лодок, самолетов. Действительно, обнаружение их появления и проверка их ликвидации входили в область возможного. Ибо, если оба лагеря окажутся лишенными средств доставки атомного оружия, они, безусловно, прекратят разорительное производство самого оружия. Такую позицию я принял раз и навсегда. Наш представитель Жюль Мок излагал ее на бесконечных заседаниях комиссии по разоружению сначала в Нью-Йорке, потом в Женеве. Однако американцы преследовали иную цель. По сути дела, они хотели заключить непосредственно с Советами соглашение, замаскированное под международный договор, которое освятило бы монополию двух гигантов, сократило бы их безумные расходы и воспрепятствовало бы любому другому государству, еще не имеющему атомного оружия, создать или приобрести его. Но поскольку подобная консолидация раздела мировой власти между двумя гигантами не отвечала нашим целям и никак не способствовала продвижению вперед дела всеобщего разоружения, мы решили отмежеваться в этом вопросе от американцев, за которыми полудобровольно-полупринудительно следовал весь эскорт западных стран.

Новая позиция Франции, отстаивающей свою собственную ответственность за мировые проблемы, вызвала самые разнообразные отклики. В самой Франции партии и газеты осуждают и предостерегают. Наши партнеры по Общему рынку чувствуют неудобство в результате того, что мы занимаем позицию, столь отличную от их собственных. В Вашингтоне и Лондоне подобное нарушение субординации вызывает смесь удивления, раздражения и понимания, что нашло свое выражение в потоке статей и заявлений. В связи с этим те же самые газеты и радиостанции, которые до 1958 года не уделяли Франции никакого внимания, если не считать высказывавшихся подчас по ее адресу нескольких слов соболезнования, теперь беспрестанно занимаются ею. Все, что она говорит и делает, особенно через посредство главы государства, положение, которое ей приписывают, намерения, которые вкладывают в ее действия, — все это служит пищей для многочисленных оценок, то горьких и иронических, то полных доверия и похвал, но никогда не безразличных. Для иностранных наблюдателей наша страна внезапно стала одним из главных действующих лиц пьесы, в которой прежде ей отводилась роль статиста. Что же касается правительств как стран-союзниц, так и стран Востока и стран «третьего мира», то они поняли, что настал новый период в политике, когда Франция, разорвав оковы

времени, стала отныне сама распоряжаться собой, и что самое лучшее — в зависимости от обстоятельств — приспособиться к этому или извлечь из этого выгоду.

Следует сказать, что в противоположность неустойчивости, ставшей уже чем-то привычным, иностранные государства видят, что теперь в Париже обосновалась и приступила к действию прочная, монолитная и уверенная в себе власть. Хотя представители этих правительств, например дуайен дипломатического корпуса папский нунций монсеньор Марелла и сменивший его монсеньор Бертоли, послы Соединенных Штатов Эмири Хьюгтон и после него Джеймс Гэвин, послы Великобритании сэры Глэдвин Джебб и затем сэры Пирсон Диксон, посол Советского Союза Сергей Виноградов, германский посол Герберт Бланкенхорн, послы Италии Леонардо Виттети и затем Манлио Брозио, посол Японии Тецуро Фурукаки и многие другие, как обычно, читали в нашей прессе и слышали из «достоверных источников» резкую критику в адрес правительства, они перестали сообщать в своих депешах правительственным канцеляриям о политических кризисах во Франции. Принимая по очереди этих проницательных дипломатов, я демонстрирую им, что Франция последовательно проводит в жизнь свою линию, и когда из Елисейского дворца они отправляются в Матиньонский, на Кэ д'Орсэ или в любое другое министерство, они слышат там те же самые слова и не могут обнаружить ни малейших разночтений. Что же касается наших послов — генерального секретаря министерства иностранных дел Эрика де Карбоннея, Эрве Альфана в Вашингтоне, Жана Шовеля и сменившего его Жоффруа де Курселя в Лондоне, Гастона Палевского в Риме, Ролана де Маржери в Ватикане, а затем в Мадриде, Франсуа Сейду де Клозона в Бонне, Мориса Дежана в Москве, Этьена Деннери в Токио, Армана Берара, нашего представителя в Организации Объединенных Наций, — представляющих ансамбль прекрасных специалистов, то они говорят теперь громко и ясно и выражают удовлетворение тем, что отныне представляют страну, утверждающую свою самостоятельность, страну, которая больше ничего ни у кого не просит и никогда не противоречит самой себе.

Внимание и уважение, оказываемое нам со всех сторон, привели меня к решению расширить контакты с заграницей. В результате состоялся активный обмен визитами, которые давали возможность выяснить точки зрения, если не удавалось убедить собеседника, оживить отношения, заключить соглашения, обменяться информацией, увидеть проявление чувств народов. Я придаю этому последнему фактору очень большое значение, ибо знаю, какие отклики часто рождают такие встречи. Конечно, со-

временные условия лишили подобные визиты былой взволнованности, а доступность средств передвижения сделала их несколько банальными. Тем не менее в эти годы, когда Франция вновь обретала в мире свое лицо и свой масштаб, визиты в Париж многих глав государств и правительств, а также мои собственные поездки к ним и поездки французских министров являлись доказательством и иллюстрацией нашего национального возрождения.

Едва я снова взял в руки руководство делами, как ко мне прибыл американский государственный секретарь Джон Фостер Даллес. Этот апостол «сдерживания» и «запугивания» как основ западной политики с большой убежденностью изложил мне намерения, которыми под его влиянием руководствуется политика его великой страны. Даллес все сводил к тому, чтобы преградить дорогу советскому империализму, каким он представлял его себе на основании мировых претензий коммунизма, и, если потребуется, разбить его. Ибо коммунизм уже собрал под свои знамена миллиард человек в Европе и Азии и имеет возможность благодаря диктаторским методам изъять любые средства из сферы народного благосостояния и направить их на вооружение или на завоевание престола путем таких предприятий, как покорение космоса. По мнению Фостера Даллеса, во главе сопротивления коммунизму должны стоять Соединенные Штаты. Сам он посвятил свою деятельность воздвижению плотин в каждом из районов мира, где политическое, военное и идеологическое проникновение противника кажется наиболее угрожающим. Так возникли НАТО в Европе, СЕНТО на Ближнем Востоке, СЕАТО в Юго-Восточной Азии, союзы в Тихом океане, гарантирующие безопасность Южной Кореи, Формозы, Гонконга и даже Японии. НАТО, безусловно, является главным объектом его усилий не только потому, что она должна преградить путь возможным агрессорам, но также и потому, что он видит в этом лучшее средство для удержания Германии в определенных рамках, дабы не допустить возрождения ее злонамеренных действий. Государственный секретарь с волнением описывает мне дружественные симпатии, которые Америка питает к Франции и которые заставляют его горячо желать как по соображениям чувства, так и по практическим соображениям, чтобы Франция активно участвовала в системе безопасности, созданной на старом континенте. В связи с этим он говорит мне: «Мы знаем, что вы уже на пороге создания собственного атомного оружия. Но разве не лучше было бы вместо затраченных вами гигантских средств на его испытание и производство, чтобы мы поставляли его вам?»

Я ответил Джону Фостеру Даллесу, что также считаю необходимым принять серьезные политические и военные предосто-

рожности на случай возможной агрессии Советов. Нет никаких сомнений, что в случае этой агрессии наша страна будет вместе с Соединенными Штатами. Но пока этой агрессии нет. На мой взгляд, доминирующим в поведении Москвы является, по существу, русский фактор, представляющий по меньшей мере такую же силу, как и фактор коммунистический. А русский интерес требует мира. Следовательно, не пренебрегая средствами обороны, очевидно, надо ориентироваться на контакты с Кремлем. И я спрашиваю: «Впрочем, разве не так именно уже действует ваше правительство в области ядерного вооружения?» Государственный секретарь подтверждает это. «Франция, — сказал я, — намеряет вести работу по разрядке международной обстановки, но одновременно она готовится к худшему. Но в обоих случаях, отнюдь не нанося ущерба союзу с вами, она намеревается оставаться сама собой и предпринимать собственные действия. Франция, не несущая мировой ответственности, не представляет ценности, во всяком случае в глазах французов. Вот почему она не одобряет НАТО, которая не предоставляет ей соответствующей роли в деле принятия решений и которая ограничивается одной Европой. Вот почему Франция решила обладать собственным атомным оружием. Благодаря этому наша политика и наша оборона обретут самостоятельность, чем мы дорожим превыше всего. Если вы согласитесь продать нам атомные бомбы, мы охотно купим их, но лишь при условии, что они будут принадлежать нам полностью и без всяких ограничений». Фостер Даллес перестал настаивать. После этого откровенного выяснения франко-американских отношений мы расстались. Я снова встретился с ним в феврале 1959 года, он был столь же твердым и четким, но уже знал, что на нем лежит печать смерти, которая настигла его три месяца спустя.

Президент Эйзенхауэр глубоко переживал утрату своего государственного секретаря, который был его помощником и ближайшим сотрудником на протяжении более семи лет. Однако после смерти Даллеса точка зрения самого президента на действия Соединенных Штатов не претерпела существенных изменений, хотя и стала внешне более гибкой. Генерал Эйзенхауэр продолжал оставаться в области политики таким же, каким я знал и уважал его, когда во время войны он командовал союзными войсками. Безусловно, он разделял несколько примитивную убежденность, свойственную американскому народу, будто Соединенным Штатам самим провидением предписано играть первостепенную роль, будто доминирующее положение принадлежит им по праву. Но эта уверенность президента лишена навязчивости, а его образ деятельности — непреклонности. Этот человек, отно-

сившийся ко всему с большой ответственностью, привык высказывать суждения только со знанием дела и принимать решения только на основе мнений компетентных лиц. Он благоразумен, не любит рискованных спекуляций и нажимает на тормоза, едва только машина набирает опасную скорость. Он сторонник примирительной тактики, старается избегать столкновений и не заходить в тупик. Однако его осмотрительность, весьма похвальная у руководителя страны, мощь которой толкает ее к господству, у главы государства, имеющего самую большую власть и пользующегося огромной популярностью в народе, не лишена определенной твердости, которую он проявляет в случае необходимости. До конца срока его полномочий в январе 1961 года Дуайт Эйзенхауэр поддерживал постоянную переписку со мной. Мы встречались при трех выдающихся обстоятельствах и всякий раз подолгу беседовали. Мы непрерывно информировали друг друга о наших намерениях, всегда обращались друг с другом исключительно дружески.

По моему приглашению Эйзенхауэр прибыл во Францию с государственным визитом в сентябре 1959 года. Официальные власти и парижане сделали все возможное, чтобы организовать достойную и внушительную встречу. При всех публичных появлениях президента — на встрече в Орли, во время проезда по Парижу в его резиденцию на Кэ д'Орсэ, на церемонии у могилы Неизвестного солдата, при визите в ратушу — огромная толпа с энтузиазмом приветствовала гостя во время церемоний и на всем пути следования. Совершенно очевидно, что в душе нашего народа сохранилось живое воспоминание о франко-американском братстве по оружию, наиболее славным символом которого и был наш гость. Это произвело очень большое впечатление на Эйзенхауэра. «Сколько человек вышло меня встречать на улицы сегодня утром?» — спросил он меня вечером первого дня. «Не меньше миллиона», — ответил я, и это соответствовало истине. «Я не надеялся и на половину», — заметил он очень взволнованно.

Наши переговоры начались в Елисейском дворце и закончились в Рамбуе. Должен сказать, что я считаю Рамбуе при подобных переговорах удобнее Версаля, Компьена и Фонтенбло, слишком огромных для узких совещаний. В отведенных для гостей покоях в средневековой башне, где ночевало столько наших королей, в залах, по которым ходили Валуа, Бурбоны, императоры, президенты Республики, во время переговоров с главой государства и министрами Франции в старинном мраморном зале с великолепным видом на водные пространства в парке и лесу, служившем на протяжении десяти столетий местом официальной охоты, наши гости проникались мыслью, что принимающая их

страна является воплощением благородства и преемницей старых традиций.

Мы беседовали или с глазу на глаз, или в присутствии наших министров и послов; Эйзенхауэра сопровождали Кристиан Гертер и Джеймс Гэвин, а меня — Мишель Дебре, Морис Кув де Мюрвиль и Эрве Альфан. Совершенно очевидно, что президент Соединенных Штатов был больше всего озабочен проблемой отношений своей страны с Советской Россией. По его мнению, все происходящее или все, что может произойти в любом уголке земного шара, необходимо рассматривать именно под этим углом зрения, причем само собой разумелось, что в свободном мире, идет ли речь о безопасности, экономике, валюте, науке, технике и т.п., основной, если не единственной, реальностью является Америка. Что касается других стран, то хотя они и могут доводить до ее сведения свою точку зрения, но должны слепо следовать за ней. Вот почему система НАТО, в которую союзники поставляют силы для вырабатываемой в Вашингтоне стратегии, полностью удовлетворяет генерала Эйзенхауэра.

Однако он неоднократно заявлял, что у Соединенных Штатов нет воинственных целей, что, напротив, они намерены рано или поздно заключить соглашение с Советами, прежде всего для того, чтобы ограничить гигантские расходы на вооружение. Со всем недавно он направил вице-президента Ричарда Никсона с визитом в Москву. И скоро Никита Хрущев приедет в Америку. «Мои намерения, — говорит президент, — состоят в том, чтобы попытаться начать с ним конструктивные переговоры, показать ему, что представляет собой жизнь нашего народа, и заставить его призадуматься над тем, что создали соответственно наши режимы». Вспомнив о забастовке рабочих на металлургических предприятиях, продолжавшейся тогда в Соединенных Штатах, он добавил, возможно не без преднамеренного лукавства: «Я даже покажу ему, что такое американская забастовка!»

Я изложил Эйзенхауэру свою точку зрения, согласно которой к взаимоотношениям между Востоком и Западом нельзя подходить только в плане соперничества между идеологиями и режимами. Конечно, вина коммунизма в современной напряженности в международных отношениях весьма велика. Но под его диктатурой живут извечно существующие Россия, Польша, Венгрия, Чехословакия, Болгария, Румыния, Югославия, Албания, Пруссия, Саксония, а также Китай, Монголия, Корея и Тонкин. «Неужели вы думаете, что после всего того, что случилось во время двух мировых войн, Петр Великий решил бы вопрос о границах и территориях иначе, чем это сделал Сталин?» — спросил я его. Говоря о разрядке международной напряженности, я уточнил,

что эта разрядка, чтобы стать эффективной, должна основываться на действительных интересах наций. Не отрицая, что договоренность технического порядка по вопросам вооружения между Москвой и Вашингтоном может облегчить дело разрядки напряженности, я все же думаю, что это не даст подлинного решения проблемы. Не даст его и соглашение, даже сенсационное, заключенное между двумя лагерями, каждый из которых сплотится под эгидой своего покровителя, ибо таким образом лишь укрепится постоянное наличие блоков, само существование которых исключает подлинный мир. Наоборот, сближение между отдельными европейскими нациями, осуществленное на основе конкретной договоренности, пусть сначала только в области экономики, культурного и технического сотрудничества, туризма, даст возможность постепенно пробить брешь в железном занавесе, лишить гонку вооружений ее смысла и даже постепенно принудить тоталитарные страны ослабить строгость их режима. Франция, которая ничего не брала и не намерена ничего брать у русского народа и у присоединенных им народов, издавна знакомая им, к которой они на протяжении веков испытывают чувство исключительной привязанности, может и должна показать пример. Именно это она и намерена сделать. Я сказал Эйзенхауэру, что тоже собираюсь пригласить Хрущева и знаю, что он не желает ничего лучшего, и я уверен в том, что он будет говорить со мной главным образом о Германии и о необходимости сохранить ее разделение на два государства, а я не буду в настоящее время противоречить ему в этом, тем более что я считаю, что для Германии пока нет удовлетворительного будущего и, в частности, нет шанса, что она сможет когда-нибудь объединиться иным путем, кроме как с согласия всей Европы, но что я намерен, не откладывая дела, предложить советскому премьеру организовать франко-русское сотрудничество в различных областях практической деятельности.

Эйзенхауэр замечает, что Москва, воспользовавшись подсказкой Лондона, пускает в последнее время множество пробных шаров относительно «совещания в верхах» между Россией, Америкой, Великобританией и Францией. Со своей стороны он намерен согласиться с этим. Я отвечаю, что принципиальных возражений у меня нет, хотя отрицательный результат недавнего совещания четырех министров иностранных дел в Женеве говорит о том, что с этим не следует торопиться и что до этого я хочу видеть Хрущева.

Президент Соединенных Штатов настойчиво говорит со мной о НАТО и об отношении Франции к этому институту. Больше всего его тревожит наше решение обеспечить Францию собст-

венным атомным оружием. Повторив предложение, вскользь высказанное в прошлом Джоном Фостером Даллесом, он предлагает уступить нам атомные бомбы при условии, что американцы сохранят их под своим контролем, иначе говоря, при условии, что ключи от атомных бомб будут находиться у них и что использовать эти снаряды можно будет только по приказу Верховного командования НАТО. Поскольку я отвечаю ему, что мы как раз и не хотим иметь у себя бомб, которыми не можем распоряжаться, он заявляет, что расценивает это как недоверие к Соединенным Штатам, чем вынуждает меня возразить: «Если Россия нападет на нас, мы будем вашими союзниками, а вы нашими. Но, учитывая возможности этого конфликта, как и любого другого, мы хотим, чтобы наша судьба была в наших руках, а она будет зависеть прежде всего от того, станем ли мы жертвой атомного нападения или нет. Нам необходим, следовательно, веский довод, чтобы убедить любого предполагаемого агрессора отказаться от мысли нанести удар по нашей территории, и для этого мы должны располагать возможностью нанести удар по его территории, причем мы должны дать ему понять, что сделаем это, не ожидая ничего разрешения со стороны. Вы, американцы, конечно, располагаете средствами уничтожить территорию противника в ходе борьбы между Востоком и Западом. Но и противник располагает возможностью ликвидировать вас. Как можем мы, французы, быть уверенными, что — за исключением случаев прямой бомбардировки американской территории — вы согласитесь, чтобы смерть обрушилась на вас с неба, даже если, отдавая Богу душу, будете уверены, что и русский народ исчезнет вместе с вами? Верно и обратное соображение, ибо силы возмездия существуют и у России и у Америки. Но их нет у союзников той и другой стороны. Но что же мешает той или другой стороне раздавить все, что находится в промежутке между их жизненно важными объектами, то есть преимущественно европейский театр боевых действий? Разве не на этом театре готовится действовать НАТО? В довершение всего в случае возникновения подобной ситуации Франция первая подвергнется удару вследствие географических, политических и стратегических условий, как это уже продемонстрировали две мировые войны. Поэтому Франция старается создать себе возможность выжить, откуда бы ни исходила и какова бы ни была угроза для нее».

«Почему, — спрашивает Эйзенхауэр, — вы сомневаетесь в том, что Соединенные Штаты полностью отождествляют свою судьбу с судьбой Европы?» Я отвечаю: «Если Европе, на ее несчастье, будет суждено быть полностью завоеванной вашими соперниками, то, конечно, в скором времени Соединенные Штаты

окажутся в ужасном положении. Поэтому идеология, которая по традиции всегда маскирует жизненно важные интересы, выражается у вас сейчас лозунгами «дело свободы» и «атлантическая солидарность». Но что станет с моей страной в промежутке между началом и концом? На протяжении двух мировых войн Соединенные Штаты были союзниками Франции, и она — вы только что убедились в этом, проезжая по Елисейским полям, — не забывает, чем обязана вам. Но она не забывает и того, что во время Первой мировой войны Соединенные Штаты пришли ей на помощь лишь после трех долгих лет испытаний, чуть не ставших для нее смертельными, и что во время Второй мировой войны Франция была раздавлена до вашего вмешательства. Констатируя это, я никак вас не упрекаю, ибо я, как и вы, знаю, что такое государство с его географическими условиями, с его интересами, его строем, с его общественным мнением, его страстями, его опасениями и его ошибками. Одно государство может помочь другому, но слиться с ним оно не может. Вот почему, сохраняя верность нашему союзу, я не могу согласиться с интеграцией Франции в НАТО. Что же касается гармонизации — если только позволительно употребить это ангельское слово в разговоре о столь адских делах — применения наших и ваших бомб, то мы можем осуществить ее в рамках прямого сотрудничества трех атомных держав, что я вам и предложил. В ожидании вашего согласия мы, как и вы, сохраняем полную свободу инициативы».

«Но, — возражает президент, — учитывая стоимость такого рода вооружений, Франция никак не сможет достичь советского уровня. Какой же будет тогда ценность ее сил возмездия?» «Вы отлично знаете, — сказал я ему, — что сейчас, когда счет идет на мегатонны, нескольких бомб достаточно, чтобы уничтожить любую страну. Чтобы наши силы возмездия были действенными, нам достаточно иметь возможность убить противника один раз, даже если он будет в состоянии убить нас десять раз». Мы расстались, Эйзенхауэр и я, выяснив и уточнив, в чем заключается и должно заключаться в будущем франко-американское сотрудничество. В дальнейшем деятельность Франции по обеспечению себя необходимым вооружением и выходу из интеграции стоила ей многих упреков и оскорблений со стороны различных кругов Америки, но никогда не приводила к разрыву или даже охлаждению отношений между двумя правительствами.

13 февраля 1960 года в Реггане с успехом прошло первое испытание французской атомной бомбы. В международном плане этому событию предшествовали всякого рода предостережения, инспирированные англосаксами, особенно предостережения против заражения атмосферы во время взрыва. Так, например, ООН

заклинала нас отказаться от испытания. Так, ряд африканских государств протестовал против использования Сахары в этих целях. Так, Нигерия пошла даже на разрыв дипломатических отношений с нами. Мы относились с некоторой иронией к этой коалиции тревог со стороны стольких государств, которые, несколько не возмущаясь, примирились с двумястами атомными взрывами, осуществленными американцами, англичанами и Советами. Но поскольку испытание было проведено нами с соблюдением всех возможных предосторожностей и в ходе испытаний никто не погиб, страсти быстро улеглись. Но Франция сумела доказать, что она способна самостоятельно, без иностранной помощи совершить ряд научных, технических и промышленных подвигов, необходимых для создания атомного оружия, потому что — увы! — это было необходимо, и что она действительно обрела свою независимость.

Если такое восхождение нашей страны на высшую ступень силы спутало игру Вашингтона, то в Лондоне оно вызвало если не удовлетворение, то по меньшей мере большой интерес. В условиях современной эволюции международных отношений Англия испытывает тревогу и меланхолию. Победа свободного мира, которой он смог добиться только благодаря мужеству своих народов, оттеснила, однако, Англию из рядов первостепенных держав. Огромная империя, составлявшая ее могущество, распалась, откалываясь по частям. Море, где когда-то она была владычицей, теперь принадлежало другим. Ее экономика, финансы и валюта утратили свое преимущественное положение. Со времени тяжелых испытаний, когда, несмотря на жертвы ее народа, только предоставленная Рузвельтом помощь по ленд-лизу спасла ее от катастрофы, Англия попала в зависимость от Америки. Тогда как стране был нужен мир и время, чтобы приспособиться к новым условиям, созданным потрясениями во всем мире, приспособить к ним свою внутреннюю жизнь, человечество раздирали противоречия и горизонт был обложен тучами. Короче, Англии казалось ее положение незаслуженным и тревожным. Но поскольку страна не перестала быть предприимчивой и честолюбивой, она старалась найти, каким образом и с чьей помощью начать новую карьеру. Для нее были возможны два пути. Один — это окончательное примирение с американским превосходством: в обмен на покорность она уже сейчас получает атомные секреты, помощь, необходимую для поддержания экономических связей со своими бывшими доминионами и для сохранения своих военных баз на океанах: Сингапура, Гонконга, Адена, Бахрейна, Тринидада, Кипра, Тобрука, Мальты, Гибралтара. Второй путь ведет ее к Европе, над разъединением которой она всег-

да трудилась, но союз с которой сегодня, если Англия, преодолев некоторые препятствия, будет участвовать в нем, может обеспечить ей выдающуюся роль благодаря ее значимости и опыту.

Нависшая над страной угроза и поставленная перед нею дилемма мучают английского премьер-министра. Во время многочисленных бесед, которые мы провели с ним в то время, он не скрывал от меня ни своей тревоги, ни своего замешательства. Ведь мы друзья еще с военных лет, когда он, как министр правительства Черчилля, был его представителем при мне и моем Алжирском «комитете». Память об этом в совокупности с уважением, которое я питаю к нему, удовольствие, которое я получаю от общения с ним, приводят к тому, что я слушаю его с доверием и сам говорю с ним совершенно искренне. К тому же я восхищаюсь вечно молодой Англией с ее старыми порядками, ее талантом приспособлять современное к традиционному, ее непоколебимостью в час, когда опасность достигает своего пароксизма, что она недавно продемонстрировала, спасая себя и Европу. Вновь вернувшись к власти, я, впрочем, постарался подчеркнуть свои чувства к Англии, принимая по случаю награждения Крестом освобождения Черчилля, постаревшего, но сохранившего верность объединившей нас истории. Поэтому Гарольд Макмиллан нашел во мне человека, готового к соглашениям с ним с того момента, как только наши обе страны смогут идти одним путем.

Такой путь намечается в разрядке отношений с Советами. Мне казалось, что в этом вопросе английское правительство идет в правильном направлении при условии, однако, что оно не дойдет до забвения собственных интересов. Уже в 1955 году Хрущев совершил разведывательную поездку в Лондон. В феврале 1959 года Макмиллан нанес ему визит, продемонстрировав тем большую добрую волю, что капризные выходки его хозяина делали контакты мучительными для гостя. Из моих собеседников, с которыми я обсуждал перспективу третьей мировой войны, никто не испытывал перед ней большего ужаса, чем английский премьер-министр, убежденный, что его страна погибнет в ней без следа, хотя и расположена на островах. Поэтому он относился неблагоприятно к упрекам Германии и высказывался очень осторожно о мерах, которые надо будет предпринять в случае новой блокады Берлина, с прохладцей относился к любой тенденции «отбрасывания» Советов, периодически возникавшей в американской политике.

Но чаще всего Гарольд Макмиллан говорил со мной о Европе. Первоначально он занял позицию страстной враждебности к робким попыткам объединения Европы в форме создания Общего рынка. В дальнейшем его правительство попыталось подтолк-

нуть Брюссельскую организацию к расширению числа ее членов, иначе говоря, растворить ее во всеобщей системе свободного обмена. Когда это не удалось, англичане, казалось, удовлетворились тем, что противопоставили шести странам Общего рынка свои семь стран Ассоциации свободной торговли. Позднее англичане решительно поставили вопрос о принятии их страны в Общий рынок. Тем не менее, сколь бы изменчивой ни казалась английская позиция, Макмиллан никогда не скрывал от меня, что для Великобритании речь идет о выборе своей судьбы и что сам он принял решение связать ее с континентом. Безусловно, он знает, какие громадные трудности надо ему преодолеть, чтобы добиться успеха в этом вопросе. Но он заявляет, что сможет преодолеть сопротивление английской стороны, и закликает меня срыть барьеры, воздвигнутые Сообществом.

«Проблема экономики выдвигает, конечно, большие затруднения, — повторял премьер-министр. — Но что стоит над нею и что определило мой выбор, так это политическое продолжение операции объединения. Поверьте мне! Мы уже больше не Англия времен королевы Виктории, Киплинга, Британской империи и «блестящей изоляции». У нас многие, особенно среди молодежи, чувствуют, что нам нужно творить теперь иную историю. Мировые войны продемонстрировали нам, до какой степени мы солидарны с тем, что происходит не только на Рейне и по обе стороны Альп, как это было ранее, но отныне и с тем, что происходит на Дунае, на Висле и даже на Волге. Однако недавняя драма, в результате которой появился гигантский советский блок, а другие державы нашего Старого Света оказались ослабленными, привела всех нас, жителей Западной Европы, к ощущению постоянно нависшей над нами угрозы. Надо восстановить равновесие. Конечно, в настоящее время присутствие американцев в основном дает нам гарантию. Но можно не сомневаться, что оно не будет продолжаться вечно. С другой стороны, присутствие американцев вызывает у европейцев мучительное сознание подчиненности, от которой вы, французы, стараетесь освободиться, а мы, англичане, болезненно переносим ее. Объединим Европу, мой дорогой друг! Мы — трое людей, которые вместе могут сделать это: вы, я и Аденауэр. Если сейчас, пока все трое мы живы и находимся у власти, мы упустим эту историческую возможность, то Бог знает, представится ли она еще когда-нибудь и кому-нибудь!»

Подобные речи не могли не взволновать меня. Никто более меня не убежден в том, что участие Англии в создании независимого объединения стран Западной Европы чрезвычайно важно и что эволюция английской политики в этом направлении будет

иметь весьма положительное значение. Но в состоянии ли в настоящее время сама Англия принудить себя к ограничениям, необходимым для участия в организации, которая во все времена противоречила и даже и сейчас во многом противоречит ее природе и условиям ее существования? Ведь для того, чтобы созданная организация смогла выстоять, необходима прочная основа, а не одни только добрые намерения ее создателей. «С экономической точки зрения, — сказал я премьер-министру, — действительно ли согласитесь вы, англичане, чья деятельность основана преимущественно на широком обмене с Соединенными Штатами и на системе преференциальных закупок в странах Содружества, на то, чтобы замкнуться вместе с континентальными странами в едином общем внешнем тарифе, который нанесет серьезный удар по вашей торговле с Америкой и который будет распространен на ваши старые доминионы и ваши вчерашние колонии? Согласитесь ли вы, питающиеся недорогим канадским хлебом, бараниной из Новой Зеландии, мясом и картофелем Ирландии, маслом, фруктами и овощами Австралии, сахаром Ямайки и т. д., питаться отныне лишь европейскими продуктами, преимущественно французскими, которые, естественно, стоят дороже? Как вы освободите вашу валюту, валюту стерлинговой зоны, от груза долгов и обязательств, связанных с ее международным характером, и сведете ее до скромной роли чисто английского фунта?»

Макмиллан считает, что Общий рынок также должен пойти на уступки и что вдобавок необходим продолжительный переходный период. «Что же останется от Сообщества после того, как будут сделаны эти уступки и окончен переходный период? — говорю ему я. — И зачем вам присоединяться к Сообществу, если это приведет к его ликвидации? Не лучше ли подождать тех времен, когда вы будете в состоянии вступить в Сообщество, такое, каким оно является? К тому же не получится ли то же самое с политическим союзом? Ведь политический союз будет иметь смысл и возникнет только в том случае, если он будет направлен на создание европейской Европы, являющейся, правда, в настоящее время союзницей Соединенных Штатов, но проводящей собственную политику и имеющей собственную систему обороны. И захотите ли вы такую Европу, учитывая предпочтительные связи, которые притягивают вас к Америке, не явится ли ваше вступление в европейский союз попыткой растворить его в своеобразном атлантизме?» Премьер-министр протестует, безусловно, вполне искренне, заявляя о своем намерении добиться независимости Европы. Но ничто не указывает на то, что он решился сделать соответствующие выводы в отношении США.

Макмиллан и я провели вместе много часов, как одни, так и вместе с нашими министрами: с его стороны уважаемые Дуглас Хьюм, а затем Селвин Ллойд и весьма компетентный Эдвард Хит, с моей — всегда точные и уверенные Дебре и Кув де Мюрвиль. Мы рассматривали этот великий проект в Париже, Лондоне, Рамбуе, в имении Макмиллана Берчгроув, в замке Шан, но, несмотря на горячее желание, я так и не смог поверить, что его страна готова стать новой Англией, причалившей навсегда к континенту. Позднее наступит день, когда специальное соглашение о поставке американских ракет, подтвердившее полное подчинение английских ядерных сил американцам и сепаратно заключенное в Нассау с Джоном Кеннеди, докажет справедливость моих опасений.

Но к этому мы еще не подошли в конце 1959 года, когда в мировой политической игре господствовала перспектива разрядки напряженности в отношениях между Востоком и Западом, открытая действиями Никиты Хрущева. Вне всякого сомнения, продолжительный, бурный и колоритный визит, который он нанес в ноябре в Соединенные Штаты, растопил там лед. Поскольку в Америке практически не существует коммунистической партии, пребывание советского премьер-министра в американских городах и деревнях не привело ни к каким местным политическим волнениям. Наоборот, в обстановке беспокойства, вызываемого напряженностью международных отношений, его присутствие рядом с президентом казалось всем благоприятным фактом. Впрочем, веселый и непосредственный нрав этого деятеля не содержал ничего, что могло бы посеять тревогу. Он выступал с успокаивающими речами, прославляя мирное сосуществование. Наконец, стремление к соревнованию, которое он афишировал в области экономики, механизации, техники, освоения космоса, выглядело как вызов настоящего спортсмена. В его переговорах с Эйзенхауэром, помимо общих вопросов о мире, рассматривались только специальные темы, в которых были заинтересованы обе великие державы и которые касались способов упрочения их ядерной монополии. После этой поездки идея совещания в верхах четырех великих держав окончательно овладела умами всех.

Хотя я и не был убежден, что все достаточно созрело для его проведения, я не мог не откликнуться на всеобщее желание. 10 ноября я объяснил свою точку зрения представителям прессы всего мира: «Мне кажется, что после долгих лет международной напряженности вырисовываются с советской стороны некоторые признаки ее разрядки». Потом я объяснил причины этого: уверенность русских в том, что новый конфликт приведет к всеоб-

щему уничтожению; меньшая озлобленность внутри коммунистического мира в результате сильного давления народа, стремящегося к свободе и лучшей жизни; центробежные стремления у народов, которыми Москва правит, но которых так и не смогла привлечь на свою сторону; наконец, усиление роли Китая. «В связи с последним обстоятельством Советская Россия констатировала, что ничто не может изменить главного — того, что Россия является европейской страной, белой расы, завоевавшей часть Азии, страной, обладающей в общем богатыми землями, рудниками, заводами и природными ресурсами, которой противостоит желтая раса, бесчисленная и нищая, неуничтожимая и честолюбивая, строящая ценой огромных испытаний державу, мощь которой пока нельзя определить, но которая уже заглядывается на окружающие ее пространства, предвидя день, когда она ринется на них». Наконец, и, «может быть, главным образом», я приписываю начало новой ориентации Кремля «личности нынешнего руководителя Советской России, понявшего, что на высшем уровне ответственности действия на пользу Человеку, условиям его существования и миру являются самым реалистичным реализмом, самой политической политикой». После этого я отмечаю, что «совокупность этих условий породила идею совещания глав государств, несущих мировую ответственность; что в принципе это совещание ни у кого не вызывает никаких возражений; что Франция относится к этой идее благожелательно; но именно желая видеть положительные результаты такой встречи, она полагает, что не следует торопиться с созывом этого совещания». Я уточнил: «Если бы речь шла просто о том, чтобы организовать встречу четырех или пяти президентов ради демонстрации взаимных уверений в добрых намерениях и уважении друг к другу... то такое совещание в верхах не представило бы большой пользы. Но если, наоборот, поставить перед подобным ареопагом задачу открыть путь к практическому урегулированию проблем, остро стоящих перед всем миром,— прекращение гонки вооружений, ликвидация нищеты в развивающихся странах, отказ от вмешательства во внутренние дела других стран, судьба Германии, опасное положение на Востоке, в Африке, в Азии, — тогда, прежде чем собираться, надо выполнить определенные условия». Я перечислил эти условия: «Продолжение улучшения международных отношений в предстоящие месяцы; предварительное соглашение между главами западных государств, которые должны участвовать в предстоящем совещании между Востоком и Западом; установление личного контакта между Никитой Хрущевым и мной, Мишелем Дебре и нашим правительством, чтобы Россия и Франция могли непосредственно объяснить друг другу свои

взгляды на мировые проблемы». После этого я сообщил, что «Хрущев прибудет во Францию в марте». И закончил: «Похоже, следовательно, что благодаря как тонкостям политики, так и желаниям руководителей подготавливается своего рода конфронтация современного мира с самим собой. Мы подходим к этому с уверенностью и надеждой, хотя и не без осторожности и скромности».

19 декабря в Париже у меня собрались Эйзенхауэр, Макмиллан и Аденауэр. Затем мы переехали в Рамбуйе. Эта конференция стран Запада была двойной. То собирались вместе три партнера — американец, англичанин и француз, то допускался немец, и мы оказывались вчетвером. Помимо этого, на всех совещаниях рядом со мною находился Дебре. Ход совещаний не развеял моей тревоги. Действительно, англосаксы выглядят крайне нерешительными. Конечно, не в вопросе о том, надо ли посылать приглашение Никите Хрущеву, ибо в этом вопросе демократические страны не могли разочаровывать общественность, уже информированную о намерениях и ухватившуюся за эту возможность. Но какую программу следует предложить Кремлю? Когда я указываю, что действительно встают две проблемы: Германия и разоружение, к которым присоединяется третья — помощь слаборазвитым странам, темы, которые могли бы позволить начать сотрудничество с русскими, мне никто не возражает. Но переговоры показывают, что позиции Вашингтона и Лондона по каждой из этих проблем точно не определились.

В вопросе о Берлине Эйзенхауэр и Макмиллан склоняются к компромиссу, не уточняя, впрочем, его пределы. Президент и премьер-министр считают, что Хрущев, несмотря на его внешне добрые намерения, твердо решил добиться отрыва города от Запада и, если потребуется, перейдет от слов к делам. Они допускают, что в этом крайнем случае придется принимать надлежащие меры. Но они никак не готовы определить характер этих мер и не скрывают, что в случае необходимости окажутся еще менее готовыми предпринять эти меры. По сути дела, оба склоняются к тому, чтобы пойти на любые уступки, лишь бы избежать худшего. Макмиллан, например, с волнением заявляет, что он и мысли не допускает о том, чтобы из-за судьбы немецкого города, и так уже сильно скомпрометированной в настоящее время, взять на себя ответственность за страшные разрушения своей страны. Что касается меня, то я, наоборот, полагаю, что, если мы уступим перед угрозой, нарушится психологическое равновесие и тогда естественное развитие событий приведет к тому, что Советы начнут требовать все большего и большего, а Запад неуклонно уступать им, вплоть до того момента, когда дальнейшее отступле-

ние станет для него неприемлемым, а примирение — неприемлемым для Советов, в результате чего произойдет взрыв. «Вы не хотите умирать за Берлин, — сказал я двум своим друзьям, — но будьте уверены, что русские тоже этого не хотят. Если они увидят, что мы полны решимости сохранять статус-кво, то ради чего они возьмут на себя инициативу в нанесении удара и внесении хаоса? К тому же если наша уступчивость и не приведет в ближайшем будущем к всеобщему кризису, то ее закономерным следствием, несомненно, будет отход от нас Германии, которая, видя, что ей не приходится рассчитывать на гарантии Запада, повернется лицом к Востоку». Именно в это время Аденауэр, который, естественно, не присутствовал на этих мучительных переговорах, но у которого не было иллюзий относительно настроений американского и английского руководителей, встретился со мной и заклинал меня бороться против политики отказа. Приглашенный высказать свою точку зрения на общем совещании, Аденауэр заявил: «Если Берлин будет потерян, то немедленно поколеблется мое политическое положение. В Бонне придут к власти социалисты. Они пойдут на прямое соглашение с Москвой, и это будет означать конец Европы!» Тревога канцлера, может быть чрезмерная, безусловно искренна, и вместе с моими замечаниями она понемногу укрепляет мнение о необходимости проявить твердость, хотя ничего точно определенного не было выработано на тот случай, если на совещании в верхах Хрущев потребует урегулирования этой проблемы.

Не более четко разработана и общая позиция в вопросе разоружения. Эйзенхауэр, поддержанный Макмилланом, хочет, чтобы совещание в верхах утвердило подготавливаемое русско-американское соглашение о прекращении испытаний атомного оружия, запрещении для других стран, не имеющих такового, приобретать его или проводить испытания — короче говоря, чтобы совещание окончательно подтвердило привилегированное положение двух гигантов. Я заявляю, что Франция сохраняет за собой полную свободу действий в этом вопросе. И наоборот, мое предложение приступить к уничтожению под международным контролем средств доставки слишком далеко от намерений Соединенных Штатов, чтобы президент примкнул к нему на этой стадии.

Наконец, французская идея о том, чтобы четверка — Вашингтон, Лондон, Париж и Москва — создала общую организацию по оказанию помощи развивающимся странам, на что каждый из четверки выделял бы соответствующий процент своего национального дохода, не встретила понимания у американцев, которые опасаются, что Кремль под прикрытием этой организации

будет вмешиваться в их операции по оказанию помощи. Даже наш проект сконцентрировать усилия на конкретных вопросах, например на преобразовании долины Нила, снабжении Индии продовольствием, борьбе против рака и лейкемии, не встретил их согласия. Наконец мы разошлись в сердечной обстановке, но так и не придя к единому мнению относительно того, что говорить советскому премьер-министру, и даже относительно повестки дня совещания, которую следует выдвинуть совместно трем странам. Мы только условились, по предложению Эйзенхауэра, что, если Хрущев согласится, совещание соберется в Париже.

23 марта 1960 года микрофоны, установленные в Орли, передают слова, с которыми я обращаюсь к главе советского правительства, первому советскому премьер-министру, прибывшему во Францию: «И вот вы здесь, господин председатель!» Я подчеркиваю, что в его лице мы принимаем руководителя великой страны, народ которой во все времена был другом французского народа; страны, которая была нашей союзницей в двух мировых войнах; страны, которая своими усилиями и жертвами способствовала победе и содействие которой теперь необходимо для дела всеобщего мира. На всем протяжении от Орли до Кэ д'Орсэ довольно многочисленная публика с любопытством разглядывает нашего гостя. Эта относительная сдержанность публики резко контрастирует с шумными демонстрациями отдельных групп коммунистов, расположившихся там и сям. В дальнейшем по мере пребывания Хрущева атмосфера в Париже значительно потеплела. К тому же сам Хрущев предпринял большие усилия в этом направлении. Приняв вид доброго малого, он приехал по-семейному, с женой, сыном, двумя дочерьми и зятем. Повсюду он появляется пылким, живым и проворным, несмотря на свою полноту, расточая улыбки и сердечность. После трех дней пребывания в столице, на протяжении которых осуществлялась обычная программа переговоров, приемов, официальных обедов, публичных церемоний — Триумфальная арка, ратуша, форт Мон Валерьян; визитов — Версаль, домик Ленина, заводы «Флен», атомный центр Сакле, торговая палата и т. д., — председатель в сопровождении последовательно Луи Жокса, Луи Жакино и Жана-Марселя Жанненэ посетил Бордо, Лак, Арль, Ним, Марсель, Дижон, Верден, Реймс, Руан. Ибо я хотел, чтобы он увидел нашу провинцию и чтобы провинция увидела его. Там, как и в Париже, он выглядит доброжелательным, колоритным, интересующимся преимущественно техникой и прибыльностью, никогда не упускающим случая похвастать советскими достижениями именно тогда, когда ему что-нибудь показывают. Наконец, его ждет Рамбуйе, где мы провели два рабочих дня вместе с нашими

семьями. Мы разговаривали сколько хотели, в то время как моя жена показывала русским дамам красоты Иль-де-Франса.

В Елисейском дворце и в Рамбуе мы проводили вместе много времени, о многом говорили, и не затем, чтобы ничего не сказать. Я сразу поставил все точки над «і»: «Я рассматриваю вас только как главу современного правительства России. Прошу и ко мне относиться только лишь как к президенту Французской Республики. Мы будем обсуждать, следовательно, только национальные интересы наших двух стран и методы, с помощью которых можно будет устранить разногласия между ними». «Вы правы, — отвечал он мне, — впрочем, именно ради этого я приехал и знаю, с кем имею дело». Темы наших разговоров и совещаний, которые мы проводили вместе с нашими министрами — Косыгиным и Громыко с его стороны, Дебре и Кув де Мюрвилем с моей, а также вместе с послами Виноградовым и Дежаном, не содержали ничего непредусмотренного, и, если в ходе переговоров выявились многочисленные разногласия, они не привели к внезапным потрясениям. К тому же Хрущев, разговаривающий очень охотно, в процессе беседы чувствует себя непринужденно и свободно, особенно когда мы остаемся наедине, если не считать переводчиков. Сколь ни велика была разница в нашем происхождении, образовании, убеждениях, между нами установился реальный человеческий контакт.

По отношению к Германии мой собеседник высказывает страстную подозрительность. Конечно, это связано со жгучими воспоминаниями о германских вторжениях во время обеих мировых войн, с несчастьями, выпавшими на долю России, со смертельной опасностью для советского строя в результате этих нашествий, с тяжелыми испытаниями, пережитыми населением. Но в этом чувствуется и точно рассчитанная политическая линия. Ведь действительно, постулат о германском «реваншизме» необходим для того, чтобы оправдать сохранение навязанного Москвой в результате соглашения англосаксов в Ялте положения в Центральной и Восточной Европе. Когда я обращаю внимание Хрущева на то, что невозможно больше сравнивать могущество рейха Гитлера с силами Федеративной республики и что военное, экономическое и политическое влияние современной России не идут ни в какое сравнение с влиянием прежней России, он, конечно, соглашается с этим, но утверждает, что угроза остается, ибо правительство Бонна поддерживает антисоветские настроения в западных странах, в результате чего пожар может вспыхнуть в любую минуту. Вот почему-де раздел Германии на два государства необходим. «В конце концов, — заявляет мне Хрущев, — этот раздел отвечает также и интересам Франции, которая

дорого заплатила за объединение Германии. Почему же вы тогда не признаете республику Панкова?»

Я соглашаюсь, что действительно моя страна, перенесшая ужасные страдания в результате германской агрессии, имеет право говорить о необходимости принять предосторожности против Германии. Я напомнил Хрущеву, которого впервые представили мне в 1944 году в Москве, какое решение я предлагал тогда Сталину. Это решение состояло в том, чтобы, не раскалывая немецкий народ, вернуть ему его естественную политическую структуру, которую он имел до того, как Пруссия, воспользовавшись разгромом Франции, создала империю. Каждая земля, став самостоятельным государством, обрела бы свою прежнюю автономию, и все они на равных правах создали бы свою конфедерацию вместо централизованного рейха. Что же касается международного контроля, то, вместо того чтобы дробить его по секторным зонам, он осуществлялся бы совместными усилиями победителей и, в частности, распространялся бы на Рурский бассейн. Это позволило бы получать у непосредственного источника те репарации, которыми надлежало обложить Германию, и исключило бы для нее возможность производить опасное оружие. Если бы Россия и Франция сделали такую программу своей общей целью, она послужила бы основой для решения немецкого вопроса. Но Сталин не захотел этого. Он предпочел позаботиться непосредственно о своих интересах и, оторвав от немецкого тела Саксонию и Пруссию, чтобы силой установить там строй, которому он поклоняется, предоставил остальную часть Германии в распоряжение Запада. После этого как можно было избежать того, чтобы раненая Федеративная республика, опасавшаяся в свою очередь быть захваченной, не превратилась в централизованное государство, не поставила целью своей политики объединение всей Германии и не поддерживала у Запада его подозрительность к Советам? Что же касается Франции, которая, конечно, имеет много причин противодействовать тому, чтобы ее главный сосед снова стал воинствующим государством, но которая также заинтересована в постоянном сотрудничестве с ним, то она учитывает создавшуюся обстановку и поступает так, чтобы Бонн сблизился с нею как можно больше в рамках разумной общеевропейской организации.

«Я понимаю вашу позицию, — сказал мне Хрущев. — Но уверяю вас, что Восточная республика будет существовать и никогда не будет поглощена Западной. Разве не было бы с вашей стороны реалистичным вступить с нею в такие же отношения, которые вы поддерживаете с другой? Тем более, что в глубине души вы, конечно, не торопитесь увидеть объединенную Герма-

нию». Напомнив о всех нотах, которые Москва направляла Вашингтону, Лондону и Парижу, он заявляет мне, что настало время решить немецкий вопрос, заключив формальный мир с обеими германскими республиками. В случае если его предложение не будет принято, Москва подпишет сепаратный мир с Панковом. После этого Панков в глазах советского правительства станет полностью суверенным государством и ему будет передан контроль над границей, что повлечет за собой коренное изменение режима коммуникаций между Федеративной республикой и Берлином и поставит передвигание французских, английских и американских войск, дислоцированных в бывшей столице, в зависимость от визы правительства, возглавляемого Вальтером Ульбрихтом. В случае если подобные меры приведут с западной стороны к актам насилия против Восточной республики, ее союз с СССР автоматически придет в действие. Самое лучшее, дабы избежать серьезных осложнений, — возвести Западный Берлин в ранг вольного города, откуда три западные державы эвакуируют свои силы, предоставив городу самому урегулировать с правительством Панкова условия своего существования. Москва со своей стороны готова признать за Западным Берлином статус вольного города. Но Запад должен принять решение быстро, иначе Советский Союз, который не может дольше ждать, будет действовать в одностороннем порядке.

Ледяным тоном я даю Хрущеву понять, что его угроза не производит на меня большого впечатления. «Никто, — говорю я ему, — не станет мешать вам подписывать документ, который вы называете договором с Панковым и который не будет ничем иным, как простой бумажкой, составленной коммунистами и адресованной вами самим себе. Но как только вы это сделаете, германская проблема встанет во весь рост. К тому же всему миру будет понятно, что трудности, с которыми столкнутся в результате вашей инициативы французские, американские и британские контингенты, оккупирующие Берлин, исходят от вас. Ибо три державы не позволят глумиться над своими войсками. Если это приведет к войне, то именно по вашей вине. А ведь вы повсюду твердите о мирном сосуществовании, у себя вы постфактум осуждаете Сталина, три месяца назад вы были гостем Эйзенхауэра, а сейчас вы мой гость. Если вы действительно не хотите войны, то не вступайте на путь, ведущий к ней! Задача состоит не в том, чтобы провоцировать риск войны, а в том, чтобы организовать мир. Я согласен с вами в том, что не следует допускать такой возможности, когда Германия снова окажется в состоянии вредить другим, что ее нынешние границы не подлежат пересмотру, что она ни при каких обстоятельствах не должна стать

обладательницей ядерного оружия. Но признайте вместе со мной, что с точки зрения борьбы за мир ничего нельзя будет достичь до тех пор, пока этот великий народ живет в нетерпимых для нации условиях. Мы должны искать решения не в том, чтобы противопоставлять друг другу два монолитных блока, а в том, чтобы, наоборот, последовательно добиваясь разрядки международной напряженности, установить согласие и сотрудничество в рамках нашего континента. Тогда мы создадим между европейцами, от Атлантического океана до Урала, отношения, связи, атмосферу, которые сначала лишат германскую проблему, в том числе проблему Берлина, ее остроты, а затем приведут Федеративную республику и вашу Восточную республику к взаимному сближению и слиянию и, наконец, к тому, что весь комплекс Германии в рамках Европы мира и прогресса сможет идти к своему новому призванию».

По-видимому, эта перспектива заинтересовала Хрущева. Смягчившись, он заявляет, что горячо стремится к разрядке международной напряженности, и даже утверждает, что его проект договора преследовал только эту цель. Во всяком случае, он никак не будет торопить события и готов согласиться отложить заключение договора на два года. Что же касается европейского сотрудничества, то он хочет работать над этим и для начала готов приступить к различного рода обменам между Россией и Францией. Однако он предостерегает меня от каких-либо иллюзий относительно Германии. «Кто может поручиться, — спрашивает он меня, — что Восточная республика никогда не поглотит Западную? И кто может поручиться, что не настанет день, когда правительство Бонна договорится непосредственно с Советским Союзом?» Я отвечаю ему, что если случится так, что немецкий народ переменит лагерь, к которому принадлежит, то это нарушит равновесие в Европе и тогда возникнет угроза войны. «Кто вы такие, Ленин, Сталин, вы сами, исторические вожди русского большевизма, — спрашиваю я Хрущева, — как не ученики пруссака с Рейна Карла Маркса? В какие крайности империализма и тирании может быть вовлечена тоталитарная Россия в тот день, когда она станет единым целым с полностью коммунизированной Германией, с ее инстинктом к завоеваниям и господству?»

Хрущев старается продемонстрировать мне, что деятельность его правительства повсюду носит мирный характер. В качестве доказательств он приводит факт установления добрых отношений с Индией, Турцией, Ираном после напряженности сталинского периода. И если он предоставляет большую помощь некоторым государствам, которые не являются коммунистическими, таким, как Египет на Ближнем Востоке, Гана, Гвинея и Сомали в

Африке, Афганистан, Пакистан, Индонезия в Азии, так это не из-за империалистических или идеологических поползновений, а только потому, что нет оснований отдавать эти страны на откуп единоличной власти Соединенных Штатов, как, по его мнению, это имеет место в Латинской Америке и в настоящее время в Конго (Леопольдвиль). На мое замечание, что правительство Парижа выделяет на оказание помощи слаборазвитым странам часть национального дохода, которая относительно выше, чем у любой другой страны в мире, что оно не может допустить, чтобы другие противодействовали его делам, что оно осуждает, в частности, отношения, поддерживаемые Москвой с Комитетом Ферхата Аббаса, советский премьер-министр заявляет о своем уважении к международной деятельности и влиянию Франции, утверждает, что у него только «случайные отношения» с алжирской организацией и, наконец, что он уверен: после моего сентябрьского заявления о самоопределении Алжира Франция сумеет решить эту проблему.

На мои вопросы о Китае и о Мао Цзэдуне он отвечает с явно деланным оптимизмом: «Все идет отлично между Москвой и Пекином. Конечно, есть много людей, которые уверены, что огромное население Китая, не имеющее у себя ни достаточного места, ни достаточных ресурсов, рано или поздно начнет искать их у своих соседей и вступит в конфликт с Советской Россией, огромные пространства которой в Средней Азии и Сибири граничат с Китаем на протяжении шести тысяч километров. Но эти предсказатели не учитывают возможностей, открываемых современным прогрессом. В самом деле, в Китае имеются обширные пустыни, огромные, почти неиспользуемые пространства, которые достаточно обводнить, приспособить и заселить, чтобы превратить в плодородные районы. К тому же индустриализация страны едва началась; достаточно ей шагнуть вперед, как страна сможет прокормить сотни миллионов жителей. Именно в этих целях мы, русские, помогаем Китаю всеми нашими средствами. Тем самым и здесь мы также работаем на благо мира».

«Может быть, вы и хотите мира, — говорю я. — Американцы заявляют, что также хотят этого. Однако обе страны, и ваша и Америка, обладают колоссальной разрушительной мощью, которую они к тому же не прекращают наращивать. Как заставить весь мир проникнуться духом мира, когда эта двойная смертельная угроза висит над ним?» Хрущев начинает горячо развивать тезис, который его правительство без усталости выдвигает на Женевской конференции и который он сам уже неоднократно развивал в потоке бесконечной диалектики в многочисленных посланиях и нотах, направленных мне после моего возвращения к

власти. Короче, он предлагает уничтожить все атомное оружие, но выступает против контроля, что, совершенно очевидно, делает запрещение бессмысленным. У меня складывается впечатление, что он, не упуская возможности громогласно осуждать средства массового устрашения, воздерживается от того, чтобы лишиться их. Кстати, именно этими соображениями объясняется также и позиция американцев. Я говорю ему, что французы прекрасно понимают эту игру. Однако, предполагая долю искренности в намерениях двух гигантов избавиться от чудовищных инструментов их мощи, я напоминаю советскому премьер-министру, какую позицию занимает в этом вопросе Франция. Считая необходимыми безоговорочный запрет производства и хранения атомного оружия и создание для этой цели строгого международного контроля, мы полагаем, что уже сейчас, пока еще не достигнуто соответствующего решения, надо по крайней мере уничтожить — что легко поддается контролю на месте — любые средства доставки, которые можно было бы использовать для транспортировки и сбрасывания атомных бомб.

Хотя наша позиция давно ему известна и мы неоднократно касались ее в переписке между нами, Хрущев делает вид, будто впервые слышит о ней. Вернувшись в Москву, он даже заявит публично, что «концепции генерала де Голля в вопросах разоружения соответствуют точке зрения Советского Союза». Но дело не пошло дальше этого, поскольку и русские и американцы были тверды в намерениях сохранить подавляющий аргумент их превосходства, состоящий из ядерного оружия и средств его доставки, и прийти к соглашению между собой, чтобы лишить других возможности иметь аналогичные аргументы.

Хрущеву, как и недавно Эйзенхауэру, я дал понять, что Франция не подчинится правилам их игры, что она хочет быть независимой и создаст сама в меру своих возможностей боевое атомное оружие. Случилось так, что именно 1 апреля мы провели второе испытание атомной бомбы в Сахаре. Отчет о его полном успехе поступил ко мне в Рамбуи утром этого же дня. Я сообщил об этом Никите Хрущеву, добавив, что делаю это специально для того, чтобы он не получил первой информации от агентства. Он отвечает мне доброжелательно и очень по-человечески: «Спасибо за внимание! Я понимаю вашу радость. Мы испытывали в свое время то же самое». Потом спустя некоторое время добавил: «Но знаете ли, это ведь очень дорого!»

С самого начала пребывания в нашей стране русские руководители детально обсуждали вместе с нашими руководителями вопросы практического сотрудничества между двумя странами. Они были обсуждены на пленарном заседании, во время которо-

го Дебре и Кув де Мюрвиль, Косыгин и Громыко доложили о результатах переговоров. Сразу же было подписано важное соглашение о культурном и научно-техническом сотрудничестве. Но в области экономики еще оставалось многое сделать. В общем, Россия, испытывавшая большие потребности в промышленном оборудовании, предлагала сделать у нас массовые закупки при условии, что мы разместим у нее заказы на равную сумму. Но она может предложить нам главным образом сырье: железную руду, уголь, нефть и т. д., а по этим товарам у нас уже имеются установившиеся связи с другими странами. Наши русские собеседники предлагают нам, кроме того, большое количество промышленной продукции, в частности станки, которые мы также уже закупаем в других странах. Во всяком случае, имеется перспектива значительного расширения торговых отношений. Но это требует преодоления многих установившихся привычек и предубеждений и, следовательно, организации информации, изучения и контактов. Так мы и решили. В результате в этой области с тех пор наблюдается неуклонный прогресс.

Алексей Косыгин горячо выступает за развитие торговых отношений. Этот инженер, министр планирования, навязывает свою точку зрения, опираясь на свой ум, глубокое знание потребностей и возможностей своей страны. Его речь становится страстной, когда он начинает говорить о Сибири, представляющей, по его мнению, нечто аналогичное американскому Дальнему Западу. Хрущев поддерживает его, но, когда разговор перестает быть официальным, не избавляет его от шуток и насмешек. «Он слишком много работает!» — говорит председатель. Когда во время прогулки по парку мы сели в лодку, стоявшую у берега пруда, Хрущев закричал: «Косыгин! Садись, как всегда, на весла!» Тот сразу взялся за весла. Шутя я спросил советского премьер-министра: «Кстати, когда вы сами работаете? Постоянно публикуют сообщения, что вы путешествуете по стране или за рубежом. Сообщают, что вы принимаете самых разных людей и подолгу беседуете с ними. Сколько же остается у вас времени для изучения дел?» На это Хрущев ответил: «Но я и не работаю! Постановление нашего Центрального Комитета предписывает, что после шестидесяти пяти лет — а мне уже шестьдесят шесть — продолжительность рабочего дня должна составлять шесть часов и всего четыре дня в неделю. Этого едва хватает на мои поездки и беседы!» — «Кто же тогда занимается делами?» — «Для этого я не нужен. План все сделал заранее». И добавил, указывая на гребущего Косыгина: «План — это он!» Сказано ли это было шуток ради? Или в этом проскальзывало какое-то тайное соперничество между этими людьми и их функциями?

К концу наших переговоров советский премьер-министр с энтузиазмом заверяет меня, что будет присутствовать на совещании в верхах и целиком полагается на меня в вопросах места, времени и повестки дня совещания. Он обещает, что в Москве, куда я в ответ на его приглашение в принципе соглашаюсь приехать, меня будет ждать замечательный прием. Мы обмениваемся традиционными подарками. В числе его подарков фигурирует миниатюрная копия знаменитого «Спутника». В последний вечер, очевидно, чтобы компенсировать благодушное поведение во время путешествия, он произносит по радио речь в духе строгой коммунистической теории. Он уехал 3 апреля, оживленный и сердечный. Должен сказать, что он произвел на меня впечатлительное впечатление силой своей личности. Я имею основания думать, что вопреки всему у мира во всем мире есть шансы на успех, у Европы — на ее будущее. Я думаю, что произошло нечто важное в вековых отношениях между Францией и Россией.

Настал мой черед гостить у других! 5 апреля 1960 года меня принимала Великобритания. Она сделала это с присущим ей величием. Все было приготовлено так, чтобы визит генерала де Голля вышел за рамки обычного государственного визита. Безусловно, Соединенное Королевство хотело с блеском продемонстрировать, что оно не забыло, как «Сражающаяся Франция» сохранила верность союзу, что оно ценит своего рода историческое чудо, благодаря которому раздробленная на куски Франция смогла участвовать в войне на всем ее протяжении вплоть до победы, что оно с уважением относится к делу национального возрождения, осуществленного нами в течение двух последних лет. Одновременно со стороны французских гостей, особенно с моей стороны, не было сделано ни единого жеста, не произнесено ни единого слова, которые не свидетельствовали бы о нашем уважении к английскому народу, о нашем восхищении тем, как он вел себя во время великой драмы, когда внезапно оказалось, что все зависит только от него, о доверии, с которым мы всегда будем относиться к нему, ценя его дружбу и его доблесть. Такое совпадение чувств привело к тому, что визит приобрел высокое значение, не имевшее прецедентов.

Тон задавала королева Елизавета. Так, к моменту нашего приезда она прибыла на вокзал Виктория вместе с принцем Филиппом встречать меня, мою супругу и сопровождающих нас лиц, а когда мы проезжали по Лондону вместе с королевой, она и я, в ее открытой карете, Ее Величество сама не переставала настойчиво поощрять жестами и улыбками энтузиазм толпы, собравшейся вдоль нашего маршрута. Так, чтобы наложить отпечаток чрезвычайности на торжественность обеда и приема в Букингемском

дворце, она приказала впервые устроить блестящий фейерверк вокруг дворца и долго стояла во время иллюминации рядом со мной на балконе перед огромной толпой, приветствовавшей нас на площади. Так, по ее приказу вечером зал оперного театра «Квент-Гарден» был украшен гвоздиками сверху донизу. Так, на обеде, который я давал во французском посольстве, вместе с королевой присутствовала вся королевская семья. Так, по ее приглашению я имел честь присутствовать на параде ее гвардии — это также было сделано впервые. Вместе с герцогом Эдинбургским в присутствии штабов армии, флота и авиации Великобритании я принял рапорт, обошел ряды и присутствовал при торжественном марше этого корпуса, форма, шаг и порядок прохождения которого символизировали лояльность, дисциплину и традиции.

Во время официальных и частных бесед, которые я вел с королевой в Букингемском дворце, выбранном ею для нашей резиденции — для меня и моей жены, мне стало понятно, что королева в курсе всего происходящего, что ее суждения о людях и событиях столь же четки, как и продуманны, что она больше, чем кто бы то ни было, озабочена потрясениями, выпавшими на долю нашей эпохи. В ответ на вопрос, что я думаю о той роли, которую играет она в этом мире неуверенности, я ответил: «Будьте тем, Ваше Величество, кем вы являетесь на том месте, куда вас поставил Всевышний. Я хочу сказать — человеком, которому в силу закона все подчиняются в вашем королевстве, человеком, в котором ваш народ видит символ отечества и который своим присутствием и достоинствами способствует делу национального единства».

Когда меня принимал парламент, я получил наглядное свидетельство равновесия и стабильности, этих политических достоинств Великобритании. В большом зале Вестминстера собрались лорды, члены палаты общин, министры, главные должностные лица, крупнейшие чиновники, представители промышленности, банков, профсоюзов, университетов, прессы и т. п. — короче говоря, все, кто руководит делами в той или иной отрасли. После приветственных речей лорда-канцлера и спикера палаты общин я обратился с речью к этой ассамблее самых выдающихся англичан. Прежде всего, чтобы воздать должное Великобритании, которая в былые времена «в героическом одиночестве боролась за свободу мира». Потом я напомнил о последнем моем пребывании на земле Великобритании: «Когда западные армии прибыли с ваших берегов на землю Франции, чтобы освободить Европу, это событие стало величайшим военным успехом вашего королевства и всего Британского содружества, оно покрыло славой усилия и жертвы вашего народа в сражениях на земле, на море и в небе».

сах и одновременно на заводах, в шахтах, на полях. Эти успехи служили вознаграждением за все горе и все тайно пролитые слезы. Они сделали бессмертной славу Уинстона Черчилля, возглавлявшего и вдохновлявшего усилия страны во время самого тяжелого испытания, выпавшего на долю Англии, равно как и славу многих других ее сынов». Я отметил, что «этой исключительной ролью во время всеобщей бури вы обязаны не только чертам вашего национального характера, но и значимости ваших институтов». За этим последовала хвала английскому политическому строю, который «вы, уверенные в себе, практикуете в условиях свободы, почти не афишируя этого». «У вас, — сказал я, — настолько сильны традиции, лояльность, соблюдение правил игры, что ваше правительство, естественно, отличается монолитностью и продолжительностью, что в вашем парламенте на протяжении всего срока его полномочий имеется твердое большинство... что законодательная и исполнительная власть уравниваются друг друга и сотрудничают в тесном контакте, как это предусмотрено вашими институтами... Доказательством этого служит то, что всего четыре политических деятеля, мои друзья сэр Уинстон Черчилль, лорд Эттли, сэр Антони Иден и Гарольд Макмиллан — все четверо в этот момент присутствовали на приеме, находясь рядом друг с другом, — руководили делами вашей страны на протяжении двадцати необычайных лет». Затем я сказал: «Такая Англия вызывает у Франции чувство доверия» и «англичане и французы, хорошо знающие, что они собой представляют, но свободные от головокружения, порой овладевающего гигантами и испытанного ими самими в прошлом, созданы для того, чтобы действовать вместе с целью помочь установлению мира». И я перечисляю основные условия установления этого мира: осуществление ядерного разоружения, противодействие дальнейшему расколу мира и углублению ран, «включая раны немецкого народа», установление согласия и сотрудничества между двумя частями Европы, организация помощи, которую народы, имеющие все, должны оказывать народам, не имеющим ничего. Наконец, сказав о предстоящем совещании в верхах, которое «многим обязано деятельности премьер-министра Макмиллана», и заявив, что четыре великие державы «испытывают сейчас состояние путешественников, отправляющихся в долгое и трудное плавание», я заверяю, что Франция будет в этом деле рядом с Англией, и заканчиваю свою речь вопросом: «Какие народы знают лучше народов Франции и Великобритании, что мир могут спасти только мудрость и твердость — именно те качества, которые больше всего свойственны этим народам?»

Я говорил по-французски и, как я привык, не прибегая к заметкам. Многие из слушателей поняли меня сразу. Другие следили за моей речью по переводу, розданному заранее. Случается, что специально рассчитанная мелкая деталь может сыграть большую роль в серьезном деле. Во всяком случае, несмотря на то что я ни слова не сказал о Европейском сообществе, мои высказывания были встречены огромным одобрением, которое выглядело как стремление англичан установить согласие с Францией — такой Францией, какую они в тот день увидели и услышали.

Нельзя иначе толковать и горячий прием, приветственные возгласы, которыми население Лондона встречало меня повсюду, куда я направлялся, согласно программе, в сопровождении Кув де Мюрвиля и нашего посла Жана Шовеля: к могиле Неизвестного солдата, которая в Англии находится, по примеру нордических стран, в аббатстве, а не на открытой площади, как это заведено у латинян; в Королевский госпиталь в Челси, где после посещения инвалидов и ветеранов правительство устроило нам прием; в Гилд-Холл, служащий традиционным местом для банкетов, организуемых лорд-мэром сэром Эдмундом Стоклейлом, для встречи с руководителями английской экономики и местом торжественных народных шествий; во Франко-Британское общество, которое представил мне его председатель лорд Харви; во Французский институт и лицей, который я нашел в полном расцвете; в Карлтон-Гарден, где находилась резиденция «Свободной Франции» и куда я совершил паломничество, окруженный чрезвычайно взволнованной толпой; в Кларенс-Хауз, где мы посетили королеву-мать Елизавету. Эти же самые чувства выражает мне Макмиллан во время наших переговоров, а также все министры, многие парламентарии и другие лица, с которыми я встречался во время визита. Черчилль, этот угасающий светоч нации, также присутствовал на приемах и церемониях. Я навестил его дома, и он провозгласил: «Да здравствует Франция!» Это были последние слова, которые я слышал от него.

Через несколько дней с Канады начинается мое путешествие по Америке. В Оттаву я прибыл 19 апреля. Ранее я уже два раза приезжал в Канаду с официальным визитом. Прошло уже четыре века, как Франция создала эту страну. После двух столетий замечательных усилий Франция отошла от нее вследствие своих европейских испытаний. Но вплоть до наших дней благодаря подлинному чуду наследственности и верности французская сущность остается живой в этой стране в виде пятимиллионного населения Квебека, сгруппировавшегося по берегам залива Святого Лаврентия, и еще двух миллионов жителей, разбросанных по всей территории страны. Во время моих предыдущих визитов

в 1944 и 1945 годах атмосфера войны маскировала все, и я мог только смутно чувствовать глубокую действительность, делавшую Канадскую федерацию государством неуклюжим, двусмысленным и искусственным. На этот раз я четко различаю все это, хотя оно и выступает, освещенное рассеянным светом.

Меня встретил мой друг генерал Ванье, занимавший пост генерал-губернатора. Это весьма респектабельный человек, пользующийся большим уважением. Он выполняет свои функции с большим достоинством и полнейшей лояльностью. Он прилагает тысячи усилий, чтобы нам все показалось нормальным и естественным. Но что бы он ни предпринимал, противоречия, свойства этой федерации, не могут не проявиться. Впрочем, и он сам не может избежать их. Он исполняет функции главы государства, но назначает его королева Англии, хотя территория Канады никак не зависит от последней. Он, как и его жена, чистокровные французы по происхождению, духу, вкусам, хотя его раса сумела сохраниться только благодаря непрерывной борьбе против различных форм подавления и соблазна, применявшихся победителями для того, чтобы уничтожить ее и растворить в своей массе. Он руководит судьбами страны почти бескрайней, но почти незаселенной, с богатыми ресурсами, но без капиталов, внешне находящейся в полной безопасности благодаря размерам своей территории, но расположенной на берегу Северного Ледовитого океана, прямо напротив сибирского побережья, имеющей на протяжении 5 тысяч километров общую границу с Соединенными Штатами, страной густонаселенной, богатой и сильной. Несмотря на горячий прием и грандиозную картину усилий по развитию экономики, Канада не может скрыть от меня чрезвычайных трудностей ее структуры и ее положения.

В частности, это касается федеральной столицы. На церемониях в мою честь, на приемах, состоявшихся в генерал-губернаторстве, в парламенте, во французском посольстве, где наш посол Франсис Лакост представлял мне выдающихся деятелей страны, на заседании Совета Министров, на котором премьер-министр Джон Дифенбейкер просил присутствовать меня и Кув де Мюрвиля, всегда чувствуется и давит на атмосферу тот факт, что Канада расколота на два этнических сообщества, коренным образом отличающихся друг от друга. Безусловно, оба они приспособляются друг к другу как могут в силу необходимости проживать на одной и той же географической территории, а также в силу воспоминаний о двух мировых войнах, в которых они вместе храбро сражались, причем только во Франции, в силу уважения и почтения, с которым канадские англичане относятся к политическим деятелям и интеллигенции из среды канадских

французов, готовых поддержать федерацию, и, наконец, в силу интересов и расчетов части господствующего класса канадских французов, поддерживающих существующую систему. Но совершенно ясно, что в Канаде нет национального единства, есть только уступки и компромиссы.

Джон Дифенбейкер говорил со мной о своих заботах и планах. Причину двойственности положения обоих народов, которым управляет его правительство, он видит прежде всего в языковой проблеме и надеется решить ее постепенно с помощью двуязычия. Он сам старается подать пример этому и временами с большим трудом говорит по-французски. Чтобы сдержать экономическое, техническое и финансовое проникновение Соединенных Штатов, он хотел бы, чтобы Европа, и прежде всего Франция, приняла максимальное участие в развитии Канады, и заявляет о своей готовности подписать с Парижем соответствующие соглашения и даже позволить провинции Квебек сделать это самой в той части, которая касается ее. Наконец, премьер-министр выразил сильную озабоченность вопросами безопасности своей страны, которая занимает огромные пространства на севере Америки и поэтому подпадает под военную власть Вашингтона. В связи с этим почти всю свою внешнеполитическую деятельность он сосредоточил на вопросах ядерного разоружения. Ибо в случае войны канадское небо окажется самым коротким путем для стратегических снарядов, которые будут летать между Советским Союзом и Новым Светом через Северный полюс. С другой стороны, устранив угрозу, можно будет избавиться и от власти янки.

Я заверил премьер-министра, что Франция уделяет сейчас Канаде значительное внимание в противоположность относительному безразличию, демонстрировавшемуся в прошлом. Прежде всего потому, что собственное обновление Франции освежило ее чувства и внимание к той ее ветви, которая здесь сохранилась и развилась. Судьба Квебека и французского населения, проживающего в других провинциях Канады, отныне очень близко касается Франции. Кроме того, являясь другом и союзницей Соединенных Штатов, Франция не считает нужным подчиняться их гегемонии, которая чревата для них самих и для всего мира серьезными осложнениями. Вот почему, в то время как сама Франция освобождается от гегемонии Соединенных Штатов в Европе, она считает правильным, что и на Американском континенте есть элементы, противопоставляющие себя США. Поэтому Франция против любой перспективы поглощения Канады Соединенными Штатами и охотно рассматривает вопрос об увеличении французских капиталовложений в ее экономику, а также вопрос технических и культурных связей. Мы договори-

лись, что необходимо подготовить соглашения по этим вопросам, и я приглашаю канадского премьер-министра прибыть в Париж для переговоров. Наконец, я напоминаю Дифенбейкеру точку зрения Франции на проблему ядерного вооружения. «Если бы, как мы предлагаем, — говорю я ему, — все началось с запрещения пусковых установок, ракет, бомбардировщиков, подводных лодок-ракетоносцев, то, безусловно, безопасность и тем самым независимость Канады рассматривались бы в ином плане. Несмотря на атлантический конформизм, который связывает вас с другими проектами, я высказываю пожелание, чтобы вы поддержали наши предложения». В заключение я заявляю премьер-министру, намерения которого заслуживают всяческого уважения, что Франция желает значительно сблизиться с его страной. Но для того, чтобы Франция сделала это от всего сердца и чтобы это почувствовало в полной мере все население страны, необходимо, чтобы Канада захотела и сумела решить проблему, поставленную самим фактом существования двух ее народов, один из которых, французский, тоже должен, как и другой народ, получить право самостоятельно распоряжаться своей судьбой.

Это стало очевидным в Квебеке, несмотря на все фикции и предосторожности. Здесь меня также принимает федеральное правительство, и во время моего пребывания организовываются встречи с видными деятелями страны, военные церемонии и посещение исторических мест, но не предусматривается никаких встреч с населением. Однако то, что всюду наблюдается кипение собравшейся толпы, из которой раздаются горячие возгласы: «Да здравствует Франция!», «Да здравствует де Голль!» — причем это единственные возгласы, — и тот факт, что над толпой повсюду реет герб Квебека с изображением переплетенных лилий и только кое-где видны знамена федерации, убеждают меня, что в отличие от предыдущих моих визитов здесь появилось новое течение. К тому же губернатор Квебека Онезим Ганьон и премьер-министр Антуан Баррет, оба большие эрудиты по части истории Шамплена и знаменитых битв Монкальма и де Левиса<sup>17</sup>, не видят в этом ничего дурного. Во время официального обеда звучат тосты: «За Францию!» Тогда я говорю: «Каждый из вас, я уверен, думает: “За страну, откуда я родом!”» Волнение собравшихся не ускользнуло от меня.

---

17

*Самюэль де Шамплен* (1567—1635) — французский путешественник, губернатор Канады и основатель Квебека; *Луи де Монкальм* (1712—1759) — французский генерал, сражавшийся в Канаде против англичан, убит под Квебеком; *Франсуа-Гастон де Левис* (1720—1787) — маршал Франции. — *Прим. ред.*

Монреаль оставляет то же впечатление, что и Квебек. Оно даже несколько усилено колоссальным скоплением населения в городе, тревогой в связи с возрастающим проникновением англосаксов, являющихся владельцами и директорами заводов, банков, магазинов, бюро, и возникшей в результате этого экономической, социальной и лингвистической подчиненностью французов, недовольством деятельностью федеральной администрации, которая сразу же англоязычивает всех иммигрантов. Мэр Фурнье, сопровождая меня в поездке по городу, показывает стройки и предприятия, поднимающиеся над землей благодаря американским капиталам, и огорчен тем, что «второй французский город в мире» получает очень мало капиталовложений от своей далекой родины. Как никогда ясно в этот день я почувствовал, до какой степени внешняя экспансия необходима для мировой роли Франции и во что обходится ей в этом отношении ее закоренелая рутинность в области внешней торговли.

Путешествие по Канаде заканчивается в Торонто. В этой столице штата Онтарио я вижу как бы английское зеркальное отражение французского Монреаля. Промышленность функционирует очень активно, строительство идет полным ходом, университет процветает. Но здесь чувствуется тревога, как бы город не стал филиалом Америки, расположенной по ту сторону озера. Губернатор Кейлер Маккей, ставший инвалидом в славной битве при Вими, и премьер-министр Лесли Фрост видят в слиянии с колоссальным соседом материальные преимущества, выгодные для дела прогресса провинции. Но они смотрят на это весьма меланхолично. Покидая эту страну, я спрашиваю себя, не лежит ли путь к сохранению Канады канадской, к организации страны в соответствии с ее реальностью, к ликвидации лежащего на ней отпечатка исторической несправедливости и к сохранению ее безопасности через создание двух государств: одного с французским, другого с английским населением, свободно сотрудничающих на предпочтительных условиях друг с другом во всех областях и объединяющих дело защиты независимости обоих государств ради их сохранения.

22 апреля в Вашингтоне мы погрузились в кипящий водоворот американского энтузиазма. Весь путь от аэродрома до «Блэр Хауз» я еду вместе с Эйзенхауэром под сплошной рев приветствий, сирен и оркестров, среди леса знамен и плакатов. Аналогичным образом встречали нас, французских гостей, во время всего нашего путешествия, и это было наглядное выражение необычайной симпатии народа. Столь очевидное и столь массовое проявление чувств само по себе уже было крупным политическим фактором. Меня это поражало и раньше во время визитов в Со-

единенные Штаты. Но то было во время войны, и я приписывал это поведение героическим обстоятельствам времени. На этот раз надо было признать, что накал симпатий был колоссальным, и это произвело на меня тем более сильное впечатление, что полностью противоречило обычным писаниям американских газет и передачам американского радио о Франции и лично обо мне. Во всяком случае, в федеральной столице горячая атмосфера доброжелательности окружала наше официальное пребывание и во время въезда в город, и во время церемоний на Арлингтонском кладбище и у памятника Лафайету.

Прежде всего двухдневные переговоры в Белом доме. В них временами принимают участие государственный секретарь Гертер и посол Хьюгтон, а также Кув де Мюрвиль и Альфан. 23 апреля состоялась представительная пресс-конференция в Национальном пресс-клубе, во время которой большинство заданных мне вопросов касалось проекта совещания «четверки». В воскресенье, 24 апреля, госпожа Эйзенхауэр увезла дам кататься по Потомаку, а президент повез меня на свою ферму в Геттисберге. Там мы вели переговоры в совершенно интимной обстановке. Как старые солдаты, мы посетили поле битвы, на котором почти сто лет назад северяне одержали решительную победу. Мы вернулись в Вашингтон через Кэмп-Дэвид — группу разбросанных в лесу строений, где Эйзенхауэр любит вести переговоры со своими гостями. Он рассказывает мне, как пытался тут агитировать Хрущева. В ходе всех наших разговоров президент неуклонно возвращается к предстоящему совещанию в верхах. Он говорит мне: «Я очень стремлюсь к этому. Мой мандат кончается в конце этого года, и я не стану вновь выдвигать свою кандидатуру. Каким прекрасным завершением моей карьеры было бы достижение соглашения между Востоком и Западом без уступок в принципах!» Я отвечаю Дуайту Эйзенхауэру, что, расставшись с президентским креслом, он сохранит всеобщее уважение, что бы ни произошло на совещании. Что же касается лично меня, то я не жду положительных результатов от совещания четырех держав. Мирное сосуществование пока еще слишком молодо и слишком ограничено. Решение германской проблемы еще не созрело. Но каковы бы ни были результаты конфронтации в Париже, я буду продолжать работать над разрядкой международной напряженности, над двусторонним сотрудничеством с Россией и попытаюсь перевести эти проблемы на европейские рельсы, постепенно присоединив к ним, не считаясь с блоками и гегемонией, все страны, находящиеся на берегах Рейна, Дуная и Вислы.

Президент соглашается, что Соединенные Штаты не должны все делать сами, что Европе надлежит решать европейские про-

блемы самостоятельно, если она сможет добиться этого, что в этом плане у Франции есть право на инициативу, что возрождение Франции является главнейшим фактором для Старого Света, для Запада и для всего мира в целом. Однако он просит меня учесть, что Америка по своей природе склонна к тому, чтобы заниматься своими собственными, домашними делами, и что если она разочаруется как раз в тех, кто нуждается в ее помощи, и вернется к изоляционизму, то в нынешних условиях это может привести к бедствиям. Я признаюсь Эйзенхауэру, что, хотя считаю, что Америка необходима для мира, все же не желаю, чтобы она принимала на себя роль мирового судьи и жандарма. Что же касается противоположной перспективы, перспективы замыкания в самой себе, то я считаю ее маловероятной. Учитывая степень могущества, которой она достигла, наиболее сильным искушением для нее является стремление к вмешательству, и, кроме того, каким образом в случае всемирной драмы она будет оставаться в стороне, тогда как смерть может поразить ее в любой момент и из любой точки земного шара?

Дополнением к моим переговорам с президентом Эйзенхауэром послужили беседы с Ричардом Никсоном. Он занимает довольно странный пост вице-президента. Я нахожу у него открытый и твердый характер человека, которому, кажется, можно доверить важное дело, когда именно он будет отвечать за него, находясь в первых рядах.

25 апреля я в Капитолии. Меня принимает конгресс. Присутствуют все сенаторы и все депутаты, полные приветливости и любопытства. Спикер Сэм Рейберн произносит превосходную приветственную речь. Как и в Вестминстере, моя речь заранее переведена и роздана. Я излагаю политику Франции. Я хочу показать, что у нее есть своя политика. И я излагаю цели этой политики: добиться разрядки международной напряженности перед лицом угрозы войны, которая способна уничтожить род человеческий... Создать таким образом мирную обстановку, в которой постепенно сглаживаются противоречия государств с различным строем и которая может создать условия для решения всех существующих проблем, в первую очередь германской... Организовать путем сотрудничества между Востоком и Западом предоставление помощи тем странам, которые нуждаются в ней... Осуществить разоружение и в первую очередь уничтожить все средства доставки атомных снарядов, ибо, пока нет разоружения, моя страна вынуждена создавать собственное атомное оружие... Я делаю осторожные намеки относительно неизбежной встречи «четверки». «Чтобы сразу решить проблемы таких масштабов, недостаточно собраться вместе господам Эйзенхауэру, Макмил-

лану, Хрущеву и мне. Но, может быть, мы сумеем договориться о том, каким путем идти, сколь бы длинными и трудными ни оказались этапы этого пути». Я закончил утверждением, что, «во всяком случае, Франция определила свои намерения и свои надежды».

Овация конгресса, а затем разговоры во время приема после заседания показывают, что моя речь вызвала у слушателей удовлетворение, смешанное с удивлением. Действительно, до этого момента они знали о моих действиях только то, что сообщали, толковали и комментировали органы информации. А последние в массе своей никогда не переставали относиться критически к «макиавеллизму», который они приписывали генералу де Голлю. «Чем вы объясняете это?» — спросил меня Ричард Никсон. Я ответил ему: «Может быть, именно тем, что все, что я говорю и стараюсь сделать после июня 1940 года, имеет максимально ясный и прямой характер. Поскольку большинство профессиональных политиков и представителей прессы не мыслит публичных действий без обманов и отказов, они видят в моей откровенности и прямоте только хитрость».

Безусловно, не был хитростью тот прием, который оказал мне Нью-Йорк, когда несметные толпы загрохотали Бродвеем во время моего проезда под сплошной дождь листовок, рассыпаемых из окон и с крыш, или во время моего выступления перед толпой на площади перед ратушей, или когда я находился на улицах, направляясь на запланированные приемы. Должен сказать, что губернатор Нельсон Рокфеллер и мэр города Роберт Вагнер сделали все, чтобы ничто не сковывало колоссальный энтузиазм колоссального города. Отправившись в сопровождении Дугласа Диллона на другой конец страны, в Сан-Франциско, я опять столкнулся с горячим энтузиазмом. Калифорния опьянена своим процветанием. Я слышу, как об этом говорят губернатор Эдмунд Браун, мэр Джордж Кристофер, председатели многочисленных ассоциаций, принимавших меня. Я констатирую это во время поездки по промышленным районам города и во время прогулки по рейду. Во что превратится это Тихоокеанское побережье Америки в тот день, когда для него откроется гигантский китайский рынок!

Мое путешествие по Соединенным Штатам заканчивается в Новом Орлеане. Здесь восторженная толпа особенно трогает меня, поскольку повсюду возникают воспоминания о французской Луизиане. Прибыв в аэропорт Муазан, проезжая по городу, центр которого сохранился в том виде, каким он был в «королевские времена», принимая по приглашению губернатора Эрла Лонга парад войск на той самой площади, где некогда занима-

лись упражнениями наши войска, присутствуя на богослужении «Хвалим тебя, Господи» в старинном соборе, переполненном плачущими от волнения людьми, слыша многочисленные возгласы по-французски среди приветствий толпы белых и негров у памятника Бьенвиль, плывя по Миссисипи, которая была когда-то замечательной артерией Новой Франции, выслушивая приветственные выступления мэра де Лессепа, епископа-коадьютора и «председателя объединения креольцев», которые оба носят фамилию Безу, и представителя провинции Акадия<sup>18</sup> по фамилии д'Ареско, я чувствую, как величие прошлого охватывает меня, но и возникает убеждение, что наследие этого великого прошлого стало для нас залогом, который может пригодиться для нашего будущего влияния. Если посеянное нами оказалось столь живучим, будем культивировать его через пространство океана! Я возвращаюсь в свою столицу через Гвиану, Мартинику и Гваделупу. Взрыв чувств по случаю моего пребывания в этих трех департаментах лишний раз показывает, с какой страстью люди хотят быть французами, тем более что они находятся на самом краю Нового Света.

По возвращении я констатирую, что всеобщее внимание сконцентрировано на Париже, где должно собраться совещание в верхах. В Лондоне я предупредил Макмиллана, в Вашингтоне Эйзенхауэра и из Кайенны написал Хрущеву, что назначаю первое заседание на 16 мая. Но в тот самый день, когда мое письмо летело в Москву, разыгралась отвратительная комедия, которая сорвала все. 1 мая американский самолет-разведчик был сбит в районе советского полигона пусковых установок для ракет около Аральского моря, а его пилот арестован. Нет никакого сомнения, что со стороны американской разведки это было абсурдное и тем более несвоевременное нарушение советского воздушного пространства. Впрочем, Государственный департамент заявил, — быть может, он сам хотел этому верить? — что речь может идти только о случайной ошибке воздушной навигации. Затем Белый дом сконфуженно заявил, что приняты меры, дабы подобные полеты не повторялись. Но скоро пришлось констатировать, что Кремль решил придать этому инциденту драматические размеры и что тем самым работа совещания была заранее сорвана. Уже 5 мая советский премьер-министр, отвечая на мое приглашительное письмо, выдвигал страшнейшие обвинения в адрес американцев. В публичном выступлении и в ноте, направленной Вашинг-

тону, он обвинял американцев в агрессии, преступном шпионаже и злом умысле. Однако он заверил, что приедет к назначенной мною дате в Париж.

Действительно, 15 мая я принимал его в Елисейском дворце. Но его сопровождали не только Громыко и Виноградов, но и «ракетный маршал» Малиновский. Хрущев, подтвердив свое уважение и доверие ко мне, вручил мне текст заявления, из которого следовало, что он не может принять участия в совещании, если только Эйзенхауэр публично не извинится перед Советским Союзом, не осудит акт агрессии со стороны Соединенных Штатов, не сообщит, как наказаны виновные, и не даст обязательств, что впредь ни один американский шпионский самолет не появится над русской территорией. Было совершенно очевидно, что Советы решили или избавиться от совещания, которого они теперь не хотели, хотя раньше настоятельно требовали.

Я заметил Хрущеву, что дело с самолетом-разведчиком является всего лишь эпизодом холодной войны и гонки вооружений между Советским Союзом и Соединенными Штатами; что именно из-за этой напряженности и имеют место акты шпионажа не только с американской стороны, но также и с русской; что речь идет о том, чтобы выяснить, стремятся ли обе стороны положить конец подобному положению и приступить к разрядке международной напряженности; что именно ради этого было решено созвать совещание в верхах и что случившееся как раз яснее всего свидетельствует о его необходимости. Если по вине советской стороны совещание не состоится, Франция может только сожалеть об этом, особенно потому, что это было всего нужнее двум соперникам, но сделает из этого свои выводы, тем более что не она, а они уже давно настаивали на созыве такого совещания. На это советский премьер-министр, проявляя страшное раздражение, заявил, что оскорблена честь его страны, что он не потерпит обид, что у него имеются все средства раздавить своих противников и что он в состоянии, в частности, в любой момент уничтожить все их базы, где бы они ни находились. «Я знаю, — сказал он, — что Франция не имеет никакого отношения к американским провокациям. Но она является союзницей Соединенных Штатов, и их вооруженные силы расположены на ее территории. Какое несчастье может обрушиться на Францию, хотя мы этого не хотим!» Я резко ответил Хрущеву, что не имеет смысла предсказывать, что произойдет в случае конфликта, что я уже дважды на протяжении моей жизни видел разгром государства, которое, будучи уверенным в своей победе, развязывало конфликт. Я закончил встречу словами: «Я созвал Парижское совещание не для

того, чтобы разговаривать о войне, а чтобы попытаться обеспечить мир. С этой целью первое заседание состоится завтра, здесь».

После полудня я пригласил в Елисейский дворец Эйзенхауэра и Макмиллана, которые уже были предупреждены о советском демарше. Прежде всего это было сделано для того, чтобы выслушать Аденауэра, который тоже прибыл в Париж, настолько беспокоили его возможные уступки Запада в берлинском вопросе. Канцлер действительно опасался, что Хрущев, воспользовавшись тем, что американский президент попал в неудобное положение, сумеет добиться в качестве компенсации изменений в статуте бывшей немецкой столицы. Надо сказать, что англосаксы, и в первую очередь англичане, не проявляли решимости сопротивляться такой сделке. Макмиллан даже высказывал намерение дойти соглашения, по которому Берлин, как и предлагал в свое время Хрущев, возводился бы в ранг «вольного города». Тогда англо-франко-американские силы были бы выведены из Берлина — маскировкой этой операции могло бы стать, например, обращение к Организации Объединенных Наций с просьбой «гарантировать» существование этого города. Естественно, Аденауэр выступал против подобного «решения». Что касается меня, то я тоже был против него по соображениям, которые уже высказал своим собеседникам. Оставить Берлин на произвол судьбы в условиях столь напряженного положения, которое создалось, значило публично заявить об отступлении и выпустить на волю всех демонов кризиса. Только после достижения разрядки в международной обстановке и установления сотрудничества можно будет искать решения германской проблемы. В конце концов все согласилось с этим, и Аденауэр вернулся в Бонн.

Однако президент и премьер-министр никак не могли решить, какую линию поведения им надлежит занять завтра в отношении Хрущева. Эйзенхауэр, весьма расстроенный тем, какой оборот принял ход событий, заявил о своем намерении выступить на совещании «четверки» с примирительной речью в ответ на грубое заявление, зачитанное мне главой советского правительства. Макмиллан, который только что встретился с последним, полагал, что его непреклонность объясняется поворотом, происшедшим в руководящих инстанциях в Москве, и Хрущев, подвергшийся критике за очевидную слабость его политики мирного сосуществования, ухватился за предлог, который ему дал полет американского шпионского самолета, чтобы резко изменить курс. По мнению премьер-министра, надо выиграть время и постараться растянуть дело с ответом на предостережение советского премьер-министра на несколько совещаний вчетвером и

двусторонних встреч. Со своей стороны я изложил ту позицию, которую намеревался занять на пленарном заседании. «Я отказываюсь допустить, — сказал я, — что совещание может вылиться во взаимный обмен оскорблениями между русскими и американцами. Я намерен вести дело единственно достойным способом, который, может быть, окажется полезным. Имеется ли желание приступить к обсуждению важных вопросов, которые должны быть рассмотрены на этой встрече: разоружение, Германия, помощь слаборазвитым странам? Если да, то дискуссия открыта. Если нет, то совещание в настоящее время не имеет смысла и откладывается *син ди*<sup>19</sup>».

16 мая четыре делегации рассаживаются вокруг стола. Я посадил справа от себя англичан, слева — советскую делегацию и напротив — американскую. Рядом со мной Дебре и Кув де Мюрвиль; рядом с Эйзенхауэром — Гертер и Томас Гейтс; рядом с Макмилланом — Селвин Ллойд и Хойяр Миллер; рядом с Хрущевым — Малиновский и Громыко. Сразу после открытия совещания слово берет Хрущев. Он знакомит с заявлением, аналогичным тому, которое прочитал мне накануне и в котором содержатся требования, чтобы Соединенные Штаты публично признали и осудили свою агрессию, принесли извинения и наказали виновных. Без выполнения этих условий он, Хрущев, не примет участия ни в каких других обсуждениях. Он добавляет, что, кроме того, намеченный на 15 июня визит президента Соединенных Штатов в Советский Союз не может состояться. Во время выступления Хрущева маршал Малиновский сопровождает его речь решительными жестами и воинствующей мимикой. В свою очередь Эйзенхауэр зачитывает длинный документ, в котором утверждает, что полет американского самолета над советской территорией никак не является актом агрессии, что это была лишь оборонительная мера и что, во всяком случае, впредь подобного не случится. Макмиллан изливает свое волнение и тревогу, ибо он хочет во что бы то ни стало спасти совещание. Поэтому он предлагает, чтобы всем было дано время поразмыслить, чтобы стороны тщательно изучили два сделанных заявления, чтобы осталась открытой дверь для двусторонних встреч, в частности между американским президентом и главой Советского правительства, чтобы пока не публиковалось содержание заявлений той и другой стороны и чтобы все снова собрались через два или три дня.

---

19

Без назначения даты (*лат.*). — Прим. ред.

Дав всем возможность высказаться, я в свою очередь взял слово. Прежде всего я обратился к Хрущеву и отметил, что поскольку случай с самолетом произошел 1 мая, а совещание было назначено на 16 мая, то на протяжении этих пятнадцати дней следовало бы или достичь двустороннего урегулирования этого инцидента, если бы это считали необходимым, или сообщить, что поездка на подготовленное совещание отменяется. Действительно, весьма досадно, что два других участника — глава государства и глава правительства — должны были напрасно приезжать в Париж и что сам Хрущев приехал сюда лишь для того, чтобы изложить требования, которые могут сорвать работу совещания. «Во всяком случае, мы все четверо собрались здесь, и причина, приведшая нас сюда, — общее стремление добиться разрядки международной напряженности и рассмотреть совместно проблемы, мешающие этому. Почему же не начать работу? Шпионаж, безусловно, является печальной практикой. Но как сделать, чтобы его не было, если обе соперничающие сверхвооруженные державы создают впечатление о готовности нанести удар в любую минуту? Американский самолет пролетел над Россией. В это же самое время советский спутник ежедневно восемнадцать раз пролетает над Францией. Кто знает, не фотографирует ли он ее? Можно ли быть уверенным, что самые разнообразные объекты, летающие в небе, не сбросят внезапно страшные снаряды на территорию любой страны? Единственная возможная гарантия заключается в разрядке международной обстановки, сопровождаемой соответствующими мерами по разоружению. Именно в этом и состоит цель нашего совещания. Итак, я предлагаю начать обсуждение. Поскольку только что были сделаны два заявления относительно инцидента с самолетом, предоставим двум заинтересованным сторонам подумать над этими заявлениями и затем встретиться друг с другом, а на завтра я назначаю заседание, чтобы приступить наконец к рассмотрению вопросов повестки дня. Во всяком случае, необходимо, чтобы зачитанные сегодня утром тексты не были доведены до сведения публики».

Тогда Хрущев дает понять, что, сколь бы ни было велико его желание начать работу совещания, он не будет участвовать в нем до тех пор, пока не получит публичных извинений и необходимых заверений от Эйзенхауэра. Кроме того, он сразу опубликует текст своего заявления. Поскольку на карту поставлены честь и суверенитет Советского Союза, общественное мнение его страны не может допустить, чтобы он, не добившись удовлетворения, говорил о других вещах с западными странами, когда «они все трое являются союзниками по НАТО». И он восклицает: «Какой черт дернул американцев совершить это отвратительное дело?» На это

я замечаю, что «в мире существует много чертей, портящих дела», и закрываю заседание, сказав, что буду поддерживать контакт с делегациями и что новое заседание состоится завтра, если появится возможность приступить к обсуждению вопросов повестки дня.

Все, что произошло затем, было пустой формальностью. 17 мая рано утром председатель Совета Министров СССР устроил импровизированную пресс-конференцию прямо на тротуаре улицы Гренель, перед дверьми советского посольства, и опубликовал свои требования, не дожидаясь следующего дня, когда он подробно изложил их пятистам журналистам. Встреча трех руководителей западных держав в Елисейском дворце, в ходе которой Эйзенхауэр дает понять, что он оскорблен публичными выпадами Хрущева, показывает, что нет никаких иллюзий относительно судьбы совещания. Формальное приглашение, которое я направляю четырем делегациям, созывая их на вторую половину дня, чтобы «проверить, может ли совещание начать свою работу». Отказ Хрущева, который сообщает устно, а затем письменно, что не сможет прийти до тех пор, пока президент Соединенных Штатов не устранил возникшие препятствия. Печальная «песня» Макмиллана, который утверждает, что «видит провал мирной инициативы, предпринимавшейся в течение двух последних лет... а его страна оказывается перед самым тяжелым испытанием за послевоенные годы». Опубликование франко-англо-американского коммюнике, констатировавшего, что участники совещания разъезжаются, так и не получив возможность начать совещание. 18 мая прощальный визит председателя Совета Министров СССР, который валит все на президента Соединенных Штатов, «посредственную личность, игрушку в руках своей разведки, человека, не способного командовать», и, судя по всему, сам озабочен дальнейшим развитием событий. Наконец, единодушная благодарность и похвалы, с которыми обратились ко мне все участники совещания. Эйзенхауэр пишет: «Я увожу из Парижа силу и тепло нашей дружбы, которую я ценю сильнее, чем когда-либо... я испытываю к Вам чувство уважения и восхищения, какое мало кто вызывал у меня». Макмиллан заявляет: «Я благодарю генерала за ту решимость, с которой он председательствовал на заседаниях... три западных руководителя испытали разочарование... но и поняли, что их дружба укрепилась». Хрущев телеграфирует: «Я искренне благодарю Вас за теплый прием и гостеприимство, оказанное мне... Позвольте выразить надежду, что личные контакты, установленные в марте — апреле, и наши беседы в последние дни послужат делу взаимопонимания между Советским Союзом и Францией, плодотворному развитию наших отношений и ук-

реплению мира во всем мире». Аденауэр сообщает: «Я очень рад, что именно генерал де Голль председательствовал на парижских заседаниях! Благодаря твердости его характера и силе его личности Запад избежал серьезного отступления, за которое первой стала бы расплачиваться Германия». Воспринимая добрые чувства, которые соблаговолили выразить мне авторы этих писем, я одновременно ощущаю за их словами — причем у всех — вздох облегчения в связи с тем, что мы вышли без катастрофы из опасного кризиса, и чувство удовлетворения, что после всего случившегося весьма важно уже то, что можно продолжать жить, пусть даже на условиях сохранения статус-кво.

Советская сторона, пустив в ход все средства, чтобы запугать других, заняла на протяжении следующих месяцев умеренную позицию. Вплоть до конца 1960 года Кремль не поднимал больше вопроса о том, чтобы получить от Белого дома удовлетворение, которого он требовал во время Парижского совещания, и положил под сукно свой проект сепаратного договора с Восточной Германией. Хрущев ограничивался нелестными замечаниями по адресу президента Соединенных Штатов и заранее обращался к его преемнику, кто бы им ни стал.

Преемником стал Джон Кеннеди. Избранный, чтобы вести активную политику, но получивший свой мандат лишь минимальным большинством голосов, вставший во главе колоссальной страны, у которой, однако, были серьезные внутренние проблемы; склонный действовать быстро и решительно, но встретивший в этом препятствия со стороны тяжелой машины федеральных властей и служб; вступивший на мировую арену, когда во всем мире распространяются американская мощь и слава, но в то же время все раны гноятся, а на противоположной стороне возвышается враждебный и монолитный блок; нашедший в решении поставить на службу его родине доверие к своей молодости, но встретивший также и сомнения, окружающие всякого новичка, новый президент вопреки множеству препятствий решил служить делу свободы, справедливости и прогресса. Правда, убежденный, что Соединенные Штаты и он сам обязаны исправить ошибки прошлого, он сначала имел склонность вмешиваться там, где при точном расчете этого делать не следовало бы. Но опыт государственного деятеля постепенно стал одерживать верх над импульсивностью идеалиста. У Джона Кеннеди были возможности, и, если бы не преступное убийство, у него было бы время, чтобы оставить свой след в истории.

Едва приступив к исполнению своих обязанностей, осторожно нащупывая пути, он начинает переписываться со мной. В феврале он обращается ко мне с просьбой, чтобы Франция поддержала

предложение его правительства о передаче всей военной, политической и административной власти в Конго (Леопольдвиль) Организации Объединенных Наций, в чем, впрочем, я должен был ему отказать. В марте он предлагает мне поддержать его проект о принудительном включении Лаоса в зону защиты СЕАТО, чего я также принять не мог. В апреле он выразил свою радость в связи с предстоящей поездкой во Францию по моему приглашению. В мае он сообщает, что рассчитывает встретиться с Хрущевым в Вене после визита во Францию. Тем временем он разрешил потерпевшую провал экспедицию кубинских эмигрантов из Флориды на Кубу и взял на себя покровительство ей. 31 мая 1961 года он прибыл в Париж, полный динамизма, окруженный атмосферой живейшего любопытства, представляя со своей блестящей и образованной супругой очаровательную пару. Публика встретила его с самой горячей симпатией. Официальные приемы в столице и в Версальском дворце прошли с блеском. Но главным, очевидно, была серия переговоров между президентом, которого сопровождали Дин Раск и Гэвин, и мной с участием Дебре, Кув де Мюрвиля и Альфана.

Эти переговоры показали, что отношение Соединенных Штатов к Франции решительно изменилось. Уже отошли в далекое прошлое времена, когда Вашингтон — если не считать традиционной дружбы — рассматривал Париж как одного из своих протеже, с которым, как и с другими, следует договариваться лишь в рамках коллективных организаций: НАТО, СЕАТО, ООН, ОЕСР, МВФ и т. д. Теперь американцы считаются с нашей независимостью и имеют дело непосредственно с нами. Однако они по-прежнему не могут себе представить, что их действия перестали быть решающими и что мы можем не присоединиться к ним. В общем, Кеннеди предлагает мне всего лишь принять в каждом случае частичное участие в действиях, которые он намерен предпринять. Все это заставляет меня ответить ему, что Париж, безусловно, весьма расположен к тесному сотрудничеству с Вашингтоном, но то, что делает Франция, она делает по собственному побуждению.

Когда президент вернулся к проблеме Конго, где Генеральный секретарь ООН Даг Хаммаршельд по наущению Америки пытался сам создать новое правительство вместо существовавшего правительства Патриса Лумумбы, я отвергаю какое бы то ни было участие Франции в этой операции. Но главным образом я показываю Кеннеди, насколько различна политика наших стран в отношении Индокитая. Он не скрывает от меня, что Соединенные Штаты готовятся к вмешательству. Они создают военно-воздушные базы в Таиланде благодаря почти полному контролю над

правительством маршала Сарита. Хотя Женевская конференция должна была еще раз подтвердить нейтралитет Лаоса, они посылают в эту страну «военных советников» и устанавливают связи с местными вождями, несмотря на несогласие принца Суванна Фумы и партии «нейтралистов». В Южном Вьетнаме, где Соединенные Штаты подталкивают Нго Динь Дьема к установлению диктатуры и удалению французских советников, начинается формирование экспедиционного корпуса под прикрытием оказания помощи. Джон Кеннеди дает мне понять, что дело возведения в Индокитае плотины сопротивления экспансии Советов будет развиваться. Но вместо того, чтобы, как он ожидал, одобрить его действия, я заявляю ему, что он вступает на плохой путь.

«Для вас, — сказал я ему, — вмешательство в этом районе превратится в бесконечную ловушку. С того момента, как у наций проснулось самосознание, никакая иностранная власть, какие бы средства она ни употребляла, не может рассчитывать на установление своего господства. Вы убедитесь в этом. Ибо даже если вы найдете на месте правителей, которые ради своих интересов согласятся подчиняться вам, то сами народы не согласятся с этим, да они, впрочем, и не обратятся к вам. Идеология, о которой вы говорите, ничего не изменит. Более того, массы увидят в ней ваше стремление к господству. Вот почему чем активнее вы будете вмешиваться там во имя борьбы против коммунизма, тем больше коммунисты будут выглядеть борцами за национальную независимость, тем большую поддержку они получают, и прежде всего их поддержит отчаявшийся народ. Мы, французы, уже испытали это. Вы, американцы, захотели вчера занять наше место в Индокитае. Теперь вы хотите снова разжечь там войну, которую мы закончили. Я предсказываю вам, что вы, шаг за шагом, попадете там в бездонную политическую и военную топь, несмотря на огромные средства и большие потери в людях и технике. То, что вы, мы и другие должны сделать для несчастной Азии, так это не подменять собой существующие там государства, а предоставить им средства выйти из нищеты и унижения, которые там, как и в других местах, являются причиной установления тоталитарных режимов. Я говорю вам это от имени нашего Запада».

Кеннеди внимательно слушает меня. Но в дальнейшем события показали, что я его не убедил. Правда, в отношении Латинской Америки он принял доктрину, которая, по-видимому, близка к моей. Он говорит мне, что его правительство придает большое значение заключению союза под знаком прогресса, в ходе осуществления которого Соединенные Штаты окажут большую помощь развитию других стран Нового Света. Однако, сознавая неудобства, которые представляет эта почти монополия, и пони-

мая, что она может привести к злоупотреблениям и обратной реакции, он настаивает на том, чтобы Европа, и в частности Франция, усилила свое влияние и присутствие в Центральной и Южной Америке. Он даже просит меня сделать так, чтобы Общий рынок послал своих наблюдателей на предстоящую меж-американскую конференцию, которая состоится в Пунта-дель-Эсте. Я поздравляю президента с этой ориентацией, мало соответствующей принципам доктрины Монро, и сообщаю ему о своем намерении действительно расширить уже существующие связи между Францией и заатлантическими латинскими государствами. С другой стороны, я напоминаю Кеннеди, какой позиции придерживается Париж в нынешних спорах о мировой торговле. Мое правительство предлагает официально стабилизировать на достаточно высоком уровне цены на сырье и тропические продукты, экспортируемые многими развивающимися странами, в частности Латинской Америкой, что позволит им приобретать необходимое оборудование, тогда как сейчас эти цены постоянно падают из-за чрезмерной спекуляции. Но в этом вопросе, который слишком сильно затрагивает интересы американских деловых кругов, Джон Кеннеди не склонен менять курс американской политики.

Сильнее всего Кеннеди цепляется за господствующее положение Соединенных Штатов в деле обороны Запада. Он старается изыскать средство сохранить это положение, внешне не противясь французской независимости. По поводу эвентуального применения атомного оружия он заявляет, что Америка скорее прибегнет к нему, нежели допустит, чтобы Западная Европа попала в руки Советов. Но не может ответить на мои конкретные вопросы: в какой момент, по достижении какого рубежа силами вторжения, по каким целям — близким или дальним, тактическим или стратегическим, на территории самой России или за ее пределами — будут сброшены атомные бомбы. «Я не очень удивляюсь этому, — сказал я ему. — Генерал Норстед, верховный командующий союзническими силами, которого я очень уважаю и который относится ко мне с большим доверием, никогда не мог дать ответа на эти вопросы, представляющие важнейший интерес для моей страны». С другой стороны, президент, желая добиться отказа Франции от производства собственных атомных бомб, предлагает передать НАТО подводные лодки, вооруженные ракетами «Пюларис», новыми атомными ракетами дальнего радиуса действия, что, по его мнению, создаст подлинно европейские силы возмездия. Выслушав это, я смог только подтвердить ему волю Франции стать ядерной державой. Для Франции это единственное средство обеспечить такое положение, чтобы никто не

мог попытаться уничтожить ее, не опасаясь погибнуть сам. Что же касается подводных лодок с «Поларисами», то факт передачи НАТО некоторых из них будет всего лишь передачей их от одного американского командования к другому, поскольку вопрос о запуске ракет решается и в том и в другом случае только президентом Соединенных Штатов.

Джон Кеннеди весьма озабочен предстоящей встречей с Никитой Хрущевым. «Отправляясь в Вену, — говорит он мне, — я хочу только оказать ему знаки внимания, установить с ним контакт и обменяться взглядами». Такая осторожность кажется мне мудрой. Я говорю об этом президенту и добавляю: «Поскольку сражений нет, а холодная война обходится дорого, то в будущем возможен мир. Но его можно добиться только путем общей длительной разрядки международной напряженности. Эта разрядка требует равновесия сил. Все, что нарушит это равновесие, в первую очередь в том, что касается Германии, может поставить весь мир под угрозу. Поэтому, когда завтра Хрущев будет заклинать вас изменить статут Берлина, иначе говоря, отдать город ему, держитесь стойко! Это самая лучшая услуга, которую вы сможете оказать всему миру, в том числе и самой России».

Кеннеди покидает Париж. Я имел дело с человеком, который благодаря своему возрасту, своим данным, своему честолюбию подавал большие надежды. Мне казалось, он берет разбег, чтобы взлететь очень высоко, как большая птица, которую манят далекие вершины. Со своей стороны, вернувшись в Вашингтон, он сказал 6 июня в «речи к американскому народу»: «Я нашел в лице генерала де Голля опытного советчика в том, что касается будущего, и большого знатока истории прошлого, в создании которой он сам принимал участие... Я испытываю к нему больше доверия, чем к кому бы то ни было». Мы оценили друг друга и продолжали идти своим путем, каждый неся свой груз и идя навстречу своей судьбе!

Как и можно было предположить, переговоры между Хрущевым и Кеннеди шли вокруг Берлина. Советский проект создания так называемого вольного города опять появился на свет, как некое морское чудовище, выходящее из волн. Американский президент не позволил увлечь себя и не согласился с этим проектом, но он почувствовал, что уверенность его собеседника была показной. Последний заметил это и через несколько дней в двух торжественных речах провозгласил, что Россия наконец-то подпишет сепаратный мирный договор с Восточной Германией и признает ее полный суверенитет над территорией и границами страны. Джон Кеннеди сделал из этого вывод, что предстоит серьезный кризис. Он все время был уверен в этом и каждый месяц

писал мне о необходимости во избежание худшего пойти на переговоры с Советами по германской проблеме. Одновременно он считал необходимым укрепить оборону Европы. В последнем вопросе я соглашался с ним и, что касается нас, систематически укреплял людьми и снаряжением наши части, расположенные на Рейне. Но, что касается остального, я уточнил свою позицию, не совпадающую с позицией Вашингтона и Лондона, в письме президенту Соединенных Штатов от 6 июля и в выступлении перед французским народом 12 июля.

«В случае кризиса, развязанного Советами, — писал я Кеннеди, — только твердая и солидарная позиция, выработанная и своевременно утвержденная Америкой, Англией и Францией, позволит избежать опасных последствий... Переговоры с Россией по германскому вопросу мы сможем начать лишь после длительного периода международной разрядки — а это зависит только от Москвы». Докладывая французам и французам по радио о внутреннем и международном положении нашей страны, я заявляю: «Сейчас на горизонте опять возникла перспектива кризиса. Естественно, зачинщиками являются Советы... Они возобновляют свои претензии на одностороннее решение судьбы Берлина, ставя под угрозу коммуникации бывшей немецкой столицы и положение находящихся там американских, английских и французских войск, если Вашингтон, Лондон и Париж не откажутся от нынешнего статута этого города, чего добивается Москва... Совершенно невероятно, что мы согласимся с этим... Как я уже неоднократно имел случай заявить, в частности в прошлом году, председателю Хрущеву, если Советы действительно хотят, как они об этом пишут, международной разрядки и сосуществования, пусть сделают их возможными, перестав угрожать!.. Когда в мире возникнет атмосфера сотрудничества между государствами и сближения между народами, такие проблемы, как германская, потеряют свою остроту и появится возможность для их объективного рассмотрения заинтересованными странами. Но когда начинают метать громы и молнии за кулисами, обнаруживая намерение распорядиться Берлином, словно у трех великих западных держав нет прав на этот город, а берлинцы не должны располагать собственной судьбой, то тем самым заранее принимают на себя ответственность за серьезные последствия подобных действий».

Аденауэр сообщает мне, что преисполнен радости и доверия в связи с такой решительной поддержкой, оказанной Германией в минуты тревоги. Кеннеди и Макмиллан считают, что не могут пренебречь суждением Франции и, не переставая утверждать в письмах, какой интерес могут представить переговоры с Хрущевым, воздерживаются от того, чтобы приступить к ним. Совет-

ская сторона делает соответствующие выводы и резко меняет свое отношение к Берлину. В августе 1961 года воздвигается стена, которая разделила кварталы города, оккупированные соответственно русскими и западными войсками. Сразу прекратился поток беженцев в Западный Берлин, мешавший нормальной экономической жизни Восточной Германии. Но в то же время сам факт строительства этой стены свидетельствовал о том, что правительство Москвы не рассчитывает отныне на то, чтобы, воспользовавшись испугом американцев, англичан и французов, наложить свою руку на весь город.

Действия Франции, которая не боится открыто быть сама собой, пробудили внимание к ней народов стран «третьего мира». Правда, некоторые из них еще занимают по отношению к нам из-за алжирской драмы позицию осуждения. Вполне естественно, на таких позициях стоят прежде всего мусульмане: арабские страны, магометанские районы Африки за пределами нашего Сообщества, исламское побережье Азии. Но на этих же позициях стоят и некоторые другие «неприсоединившиеся» государства и государства, стремящиеся стать таковыми. Однако для всех этих государств отдаление от нашей страны настолько противоречит их традициям, а их желание видеть во главе современной цивилизации и другие державы, помимо двух соперничающих гигантов, настолько велико, что они относятся благожелательно к новому появлению «франков». Тем более, что наша политика деколонизации постепенно заглушает их упреки по нашему адресу. Поэтому мы видим, как зарождаются или возобновляются симпатии народов к Франции и как ряд правительств демонстрирует желание установить или возобновить активные отношения с нашим правительством. Изменение морального, дипломатического и материального положения Франции вызвало поток визитов, которые все учащались и способствовали превращению нашей столицы в центр мировой политики, активность которого превышала все, что происходило в этом отношении на протяжении ряда поколений.

Помимо официальных визитов двенадцати президентов стран Черной Африки и Мадагаскара, помимо короля Марокко Хасана II и тунисского президента Бургибы, приехавших урегулировать вопросы независимости, недавно полученной обеими странами, в тот период нас посетило множество глав государств и глав правительств стран, не принадлежащих ни к НАТО, ни к Варшавскому Договору. Многие из них, в частности император Эфиопии, президент Перу, президент Аргентины, принц Монако Ренье, король Таиланда, шах Ирана, торжественным характером своего визита хотели публично подчеркнуть свою дружбу с

нами. Поэтому независимо от наших взаимоотношений с союзниками, от контактов со странами Восточной Европы, от связей, которые объединяли нас с нашими бывшими заморскими владениями, стала возникать сеть отношений, а затем и соглашений между нами и другими государствами, что подчеркивало все возрастающее влияние Франции и открывало ей новое широкое поле для экономической и культурной деятельности.

Пандит Неру неоднократно приезжал ко мне. Проведя жизнь, разделенную между восстанием и тюрьмой, он воплощал независимую и собранную воедино Индию. Он превратил гандиевскую мистику терпения и непротivления злу в активную политику прогресса. Это был великий деятель, для которого дело человека и дело индийского народа было единым целым, планы которого беспрестанно опровергались чрезмерным размахом предпринятого дела, но, неутомимый в своей вере и своей энергии, он излагал мне гигантские проблемы существования и национального единства, с которыми сталкивалась его страна, и способы, какими моя страна, не без выгоды для себя в будущем, могла бы способствовать их решению. Франция действительно может оказать серьезную техническую, санитарную, культурную и продовольственную помощь Индии, этому океану нищеты и мечтаний, но также ценностей и добродетелей, стране, являющейся жертвой вечной рутины каст и природных бедствий, но могущей собирать два урожая в год и производить самые разнообразные товары. В ответ Франция нашла бы клиентуру и аудиторию, от которых она была отстранена после окончания экспедиций Лабурдонне, Дюплэ и Лалли-Толландаля. Кроме того, мы, поборники равновесия, были весьма заинтересованы в том, чтобы Индустан утвердился в противовес Китаю. Мы ответили положительно на призыв пандита Неру. Равным образом мы согласились выполнить небольшую просьбу, с которой обратился к нам во время проезда через Париж Мамендра — король Непала, маленькой страны, прижавшейся к склонам Гималаев между индийским и китайским гигантами.

Я принял одного за другим двух глав японского правительства, Нобусуке Киси и Хаято Икеду, а затем Эйсаку Сато — человека, способного возглавить японское правительство, что, впрочем, вскоре и случилось. От имени великой нации, много испытавшей в результате разгрома, но сохранившей свою жизнеспособность, извлекающей выгоду из своего подчиненного положения, но мучительно переживающей американское иго, ограничивающей свои национальные усилия впредь до новой ситуации областью экономики, но проявляющей необычайное трудолюбие и дисциплину, чтобы пробиться в ранг главных держав, эти

умудренные опытом руководители предложили Франции расширить отношения — обмен товарами, идеями и чувствами — с японским народом, который до этого времени оставался для нее почти непонятым. Их просьба была услышана. Франко-японские отношения примут новый размах и характер.

Молодой король Таиланда Вумиполь Адульядеж прибыл в Париж с официальным визитом, стремясь найти там атмосферу доверительных отношений, которые его страна установила и поддерживала с Францией еще со времен Людовика XIV. Суверен признался мне, как тревожит его внешнее давление на королевство в связи с обстановкой в Индокитае. Однако он надеется на возрождение былой тесной дружбы между нашими странами. Я заявил ему, что таковы и наши намерения, если только Таиланд останется хозяином своей судьбы. Со своей стороны осторожный и умный принц Суванна Фума, ставший с некоторыми перерывами премьер-министром Лаоса, страны, в развитии которой решающую роль играют наши школы, наша административная компетентность, наша военная миссия, наши экономические предприятия, периодически делится со мной своими опасениями по поводу того, что близость вьетнамской войны угрожает единству и целостности его страны. На Севере внедряется диктатура банд Патет-Лао, движения, руководимого принцем Суфанувонгом, которое Ханой использует против проникновения американского влияния. В противовес этому на остальной территории в среде чиновников, военных и собственников возникает течение, руководимое принцем Бун Умом, которое относится благожелательно к американскому вмешательству. Наконец, политика нейтралитета — это политика самого Суванна Фумы. Мы поддерживаем премьер-министра как в его стране, так и за ее пределами. Мы рекомендуем ему, что бы ни случилось, придерживаться проводимой им политики, единственной политики, отвечающей требованиям независимости Лаоса и тем решениям, которые были приняты на этот счет в Женеве в международном плане. Мы помогаем ему согласовать позицию его правительства с позицией, которой придерживается ценою огромной энергии и невероятной ловкости Народом Сианук, глава соседней Камбоджи. Фактически вьетнамская трагедия вскоре разыграется на границах с этими странами и охватит и их территорию, но до тех пор, пока я был на посту президента, ни та ни другая не утратили своего суверенитета.

Наше положение на Ближнем Востоке сначала было очень незавидным, ибо алжирский кризис и кризис из-за Суэцкого канала закрыли нам доступ в арабские страны. Естественно, я намеревался восстановить позиции Франции в этом районе, где ранее ее

присутствие было всегда очень активным. Тем более, что к существенной политической и стратегической важности бассейнов рек Нила, Евфрата и Тигра, Красного моря и Персидского залива теперь добавилось первостепенное экономическое значение, связанное с нефтью. Все это заставляет нас вновь появиться в Каире, Дамаске, Аммане, Багдаде, Хартуме в качестве друзей и сотрудников, каковыми мы остались в Бейруте. Пока же в Париж приехали главы трех государств, соседствующих с арабским миром, стремившиеся узнать, что предпримет Франция после своего возвращения на мировую арену.

С негусом Хайле Селассие я беседовал часто. Мы знакомы давно. Во время войны он был душой своего народа, сначала раздавленного, а потом победившего. Теперь он хочет сделать свою страну современной. Он лично играет большую роль в усилиях, которые предпринимает освободившаяся Африка в целях своей организации. Поскольку он правит христианской страной, окружающей мусульманскими государствами, поскольку основная связь страны с внешним миром проходит через французский порт Джибути, поскольку помощь как американцев, так и Советов влечет за собой тяжелое закабаление, император является сторонником увеличения разнообразных форм помощи со стороны Франции. Мы также заинтересованы в том, чтобы поддержать тысячелетнюю Эфиопию, дружественную и разумную страну. Мы заключим с ней весьма обширные соглашения.

Ежегодно я встречаюсь с шахом Ирана. Во время мировой войны я познакомился с ним в Тегеране, когда он, совсем еще молодой суверен, только что унаследовал империю, раздираемую давлением соперничавших иностранных держав и заговорами внутренних фракций. Реза Пехлеви, сохранив национальную целостность и независимость страны, руководил теперь материальным, духовным и социальным преобразованием Персии, государства столь же древнего, как мир. Сколько раз, слушая его речи о проблемах развития Ирана, я восхищался его глубоким знанием положения своей страны! К тому же обширные пространства Ирана, как известно, содержат нефть и значительные запасы руд, поэтому страна располагает большими возможностями для развития промышленности и сельского хозяйства. Известно также, что эта страна, соседствующая с Россией и всегда являвшаяся объектом происков англосаксов, стремится найти поддержку не только у них, но и у других стран. Поэтому шах предоставляет широкие возможности французам в области экономической деятельности, геологоразведочных работ, среднего и высшего образования. Одобрив такую мудрость, Франция поддерживает с Ираном сотрудничество, которое все расширяется.

Все вновь и вновь приезжает Давид Бен Гурион! У меня сразу возникли по отношению к этому смелому борцу чувства большой симпатии и уважения. Его личность символизирует Израиль, которым сейчас он управляет после того, как раньше руководил его созданием и борьбой. Хотя Франция формально не участвовала в создании этого государства, рожденного совместным решением англичан, американцев и Советов, она горячо одобрила его возникновение. Величие дела, состоявшего в том, чтобы собрать еврейский народ и предоставить ему право располагать самим собой на земле, отмеченной его сказочной историей и принадлежавшей ему девятнадцать веков назад, не могло не захватить меня. С человеческой точки зрения, я считал правильным, чтобы этот народ получил свой национальный очаг, и я видел в этом своего рода компенсацию за все те страдания, которые еврейский народ испытывал на протяжении веков, худшими из которых были массовые истребления, предпринятые гитлеровской Германией. Но если существование Израиля казалось мне вполне оправданным, то я полагал, что этой стране надлежит действовать с максимальной осторожностью по отношению к арабам. Ведь именно они — ее соседи, и соседи навсегда. Ведь еврейский народ самодержавно обосновался именно на их землях, нанеся ущерб именно им. Тем самым он нанес им самые чувствительные раны в том, что касается их религии и их национальной гордости. Вот почему, когда Бен Гурион говорит мне о своем проекте собрать четыре или пять миллионов евреев в Израиле, который, учитывая его нынешние пределы, не сможет их всех вместить, и его слова раскрывают мне его намерение расширить границы Израиля, как только для этого подвернется случай, я рекомендую ему не делать этого. «Франция, — сказал я ему, — окажет вам помощь завтра, как она делала это вчера, чтобы сохранить ваше государство, что бы ни случилось. Но она не намерена предоставлять вам средства для завоевания новых территорий. Вам удалось сделать это однажды с помощью силы. Но теперь не преступайте границ! Заставьте умолкнуть гордыню, которая, как сказал Эсхил, «является дочерью счастья, пожирающей своего отца». Вместо того чтобы прислушиваться к голосу тщеславия, которое принесет Востоку страшные потрясения и приведет к тому, что вы постепенно утратите международную симпатию, посвятите себя продолжению ваших удивительных усилий по развитию района, раньше бывшего пустынным, и установлению с вашими соседями отношений, которые долго еще будут вам полезны». Дав Бен Гуриону эти советы, я положил конец противозаконной практике сотрудничества в военном отношении, установившейся между Парижем и Тель-Авивом с момента Суэцкой

экспедиции, практике, по которой израильяне постоянно допускались во французские штабы и специальные службы на любом уровне. Мы перестали также оказывать помощь, первоначально осуществлявшуюся нами, в строительстве завода по переработке урана в плутоний близ Бершебы, завода, откуда в один прекрасный день могли появиться атомные бомбы.

Президент Перу Мануэль Прадо хотел превратить свой официальный визит в свидетельство сердечной привязанности, которую его страна испытывает к Франции и которая, между прочим, побудила ее первой во главе всех стран Южной и Северной Америки признать «Свободную Францию» во время Второй мировой войны. Этот мудрый государственный деятель, которого тревожат внутренние интриги и внешнее давление на его страну, дает мне понять, сколь важна для государств, возникших в свое время из испанских и португальских колоний, организованная поддержка со стороны латинских стран Старого Света, особенно Франции. Я утвердился в мысли о том, что объединенная Европа, при условии, что она будет европейской и включит также иберийцев и лузитанцев, сможет выполнить эту задачу, столь же великую, как и сама земля. На эти же мысли навел меня в свою очередь и президент Артуро Фрондиси, когда он во время торжественного приема в Париже рассказал мне о том, что Аргентине уже удалось осуществить, какие у нее имеются возможности, в чем она нуждается, для того чтобы развить на прочной основе свою экономическую деятельность, а в результате этого и свою политику. Пламя и лава перонизма слишком хорошо объясняются. Поскольку правительство Буэнос-Айреса отвергает американскую опеку, Фрондиси старается найти помощь у Европы, и прежде всего у Франции и Италии. Оказывая Аргентине ту помощь, которую она у нас просит, мы в какой-то мере укрепляем надежды латинского мира.

Как раз в это время — событие новое и весьма важное! Испания дважды официально посылает во Францию своего министра иностранных дел Фернандо Кастиэлья, который в промежутке между этими визитами принимает с достаточной торжественностью Кув де Мюрвиля на Фазаньем острове, на Бидассоа. Действительно, наступил момент вновь придать отношениям между двумя народами их былой блеск и размах. Ибо правительство генерала Франко хочет выйти из изоляции, в которой оно оказалось как по собственной вине, так и по вине других в результате гражданской войны и эпизодов мировой войны. Тем более, что мир, который он установил внутри страны и сохранял за ее пределами, позволяет современной Испании использовать свои ресурсы и способности, а природа вещей требует, чтобы она соединила их

с усилиями соседней Франции, ибо их экономика сходна по характеру и взаимно дополняет друг друга. Со своей стороны я понимаю всю ценность сближения, которое нам предлагает этот во многих отношениях великий народ, столь близко расположенный от нас! Поэтому политические отношения были возобновлены в духе сердечности, и в результате стали развиваться экономические и культурные связи.

У федерального канцлера Австрии Альфонса Горбаха нет особых вопросов, которые он желал бы решить с нами. Но он хочет проверить, не перестала ли Франция твердо стоять на позиции необходимости сохранения независимости его страны после того, как наметилось сближение Франции с Федеративной Республикой Германией. В этом вопросе он получил категорические заверения, которые успокоили его. Ибо если я предпринимал усилия для того, чтобы на смену враждебности галлов и германцев пришла солидарность, то делал это с условием, что никогда больше не будет ни аншлюса для наших зарейнских соседей, ни пересмотра границ, ни захвата Богемии. Договор 1955 года, по которому русские, французы, англичане и американцы признали и гарантировали независимость и нейтралитет Австрии, остается одной из основ по-прежнему хрупкой, но абсолютно необходимой конструкции — европейского равновесия.

По тем же самым соображениям, которые дополняются соображениями традиционной дружбы, мы принимали премьер-министра Греции. Константину Караманлису удастся управлять народом, чья политическая жизнь столь же извилиста и сложна, как берега и рельеф его земли. Сразу после его прихода к власти экономика страны, уровень жизни населения и социальное положение стали улучшаться. Естественно, Караманлис стремится к тому, чтобы Франция приняла более активное участие в этом прогрессе, и обращается к ней с просьбой помочь Греции заключить договор об ассоциации с Общим рынком, договор, который позволит Греции расширить торговый обмен. С другой стороны, премьер-министр королевства, находящегося постоянно в напряженных отношениях со своими соседями, всегда обеспокоенного возможными проектами России относительно Балкан, попавшего в затруднительное положение из-за происков англосаксов, озабоченного положением на Кипре, хотел бы вновь обрести традиционную поддержку Парижа. Он получил полное удовлетворение.

Я принял — не без волнения — Жана Лезажа, ставшего премьер-министром Квебека. Он приехал для обсуждения чисто французских дел. Действительно, речь идет о том, чтобы организовать непосредственную помощь Франции канадской ветви французского народа, утратившей свой суверенитет, но стремя-

щейся, несмотря на то что на американской земле на нее со всех сторон давят элементы иного происхождения, сохранить верность своему языку и своей душе, для чего ей необходимо самой располагать средствами существования и просвещения. Миссия Жана Лезажа — событие беспрецедентное. Она свидетельствует о тревоге французского населения Канады и о надеждах, которые возникли у него в результате возрождения их бывлой родины. Надо отметить, что сам Квебек предпринимает большие усилия по своему спасению. Он создает новые школы, вводит техническое образование, развивает свои университеты в Квебеке, Монреале, Шербруке, создает гигантское энергетическое предприятие «Гидро-Квебек», старается строить национальные, а не иностранные заводы. Правительство Квебека и правительство Парижа непосредственно, без посредников, решают вопрос о первом этапе помощи, которую отныне Франция посвящает канадским французам.

Итак, теперь изо всех уголков земного шара приходят к Франции знаки внимания и к ней обращаются с тревогами. Одновременно на Европейском континенте именно Франция является источником инициативы и дел, которые могут привести к его объединению: франко-германская солидарность, проект объединения шести стран, которое будет чисто европейским, начало сотрудничества с Советской Россией. К тому же, когда дело касается мира, именно к нам приезжают руководители стран Востока и Запада, чтобы изложить свои позиции. Наша независимость, следовательно, отвечает не только требованиям надежды и уважения нашего народа к самому себе, но и тому, чего ждет от нас весь мир. Благодаря этому Франция обретает одновременно большие основания для гордости и берет на себя тяжкие обязательства. Но не в этом ли заключается ее судьба? Для меня это означает огромную привлекательность и тяжкую ответственность. Но разве я нахожусь здесь для чего-либо иного?

## ГЛАВА ГОСУДАРСТВА

Французское государство обретает новые институты. Как я создам их с вершины Государства? В значительной степени это надлежит сделать мне. Ибо причины, которые привели меня на эту вершину, и условия, в которых я нахожусь, не проистекают ни из какого закона. Более того, они не имеют никакого прецедента в истории. При монархии в силу традиционного принципа, принятого всеми, включая и тех, кто бунтовал против нее, право наследования делало короля единственным источником власти даже тогда, когда он передавал права или поручал осуществлять свои полномочия другим. Плебисциты, которые привели к власти каждого из двух наших императоров, давали им пожизненно абсолютную власть, какие бы институты ни существовали наряду с ними. В противоположность этому при III и IV Республиках президент, избравшийся на семь лет и только одним парламентом, обладал правом принимать решения всего лишь о помиловании преступников, приговоренных к смертной казни, хотя частично он был облечен видимостью власти, хотя в отдельных случаях он мог оказывать влияние и хотя все законы и указы принимались и провозглашались от его имени. Но я некогда должен был взять на себя ответственность за оборону, за единство и за судьбу Франции по одному лишь ее повелительному, но молчаливому призыву, без наследственного права, без плебисцита, без выборов. И если сейчас я осуществляю высшие функции власти, то именно потому, что с тех пор я являюсь ее гарантом. В этом заключается факт, который наряду с положениями, записанными в конституции, заставляет считаться с собой всех, в том числе и меня самого. Какое бы толкование ни захотели придать той или иной статье конституции, все равно взоры всех французов обращаются к де Голлю. Именно от него ждут они решения стоящих перед ними проблем. Именно ему они высказывают свое доверие или обращают свои упреки. Дабы убедиться, что французский народ связывает свои надежды, так же как и свои разочарования, именно с его именем, достаточно послушать речи, разговоры, песенки, достаточно прислушаться к крикам и слухам, прочесть то, что пишут в газетах или прокламациях, расклеиваемых на улицах. Со своей стороны я чувствую, что право и обязанность обеспечить

национальные интересы Франции неотделимы от моего собственного существования.

Правда, конституция, принятия которой я добился, определяет назначение и функции различных институтов, но это не противоречит представлению о моих обязанностях, сложившемуся у французского народа и у меня. Тот факт, что президент, как это сформулировано в конституции, является «гарантом национальной независимости, целостности территории, уважения к заключенным договорам и обеспечивает путем своего арбитража нормальную деятельность органов государственной власти и существование государства», служит лишь прекрасным выражением признания решающей роли, которая, по моему мнению и по мнению всех моих сограждан, принадлежит мне. Конечно, существует правительство, которое «определяет политику нации». Но все знают и согласны с тем, что правительство назначается по моему выбору и действует только при условии, если оно пользуется моим доверием. Конечно, существует парламент, одна из двух палат которого имеет право контролировать деятельность министров. Но ни народные массы, ни я не видим в этом ничего, что могло бы хоть в чем-нибудь ограничить мою ответственность, тем более что с юридической точки зрения я располагаю правом распустить в случае надобности оппозиционный парламент, обратиться через его голову к народу путем референдума и в случае опасности для отечества принимать все необходимые, с моей точки зрения, меры. Однако, и именно потому, что мои функции в том виде, как они установились, проистекают из моей же инициативы и из отношения ко мне, которое складывается в национальном сознании, необходимо, чтобы существовало и сохранялось прочное согласие между народом и мной. Ярким выражением этого согласия и были всенародные голосования, проводившиеся для того, чтобы получить ответ на мои обращения. Короче, ничто ни в моем понимании, ни в народных чувствах, ни в конституционных положениях не затрагивало того, что события некогда установили в отношении характера и широты моих полномочий. Следовательно, мне самому надлежит выработать правила и условия, при которых я буду их осуществлять, и это никак не нарушит того, что записано в законодательных документах.

За исключением драматических обстоятельств, внезапно требующих от государства принятия твердых решений, которые я в этих условиях брал непосредственно на себя, моя деятельность состоит прежде всего в том, чтобы определять направление усилий, намечать цели и давать директивы правительству, представляющему собой организм, который занимается разработкой, подготовкой и осуществлением решений. Обычно это происходит на

заседаниях Совета Министров. Раз в неделю, изредка чаще, всегда под моим председательством, происходят заседания Совета Министров. На них присутствуют все министры, а также государственные секретари, ибо может существовать только одна политическая линия правительства и солидарность тех, кто ее осуществляет, неделима. Напротив меня сидит Мишель Дебре. Справа от меня всегда сидит и будет сидеть Андре Мальро. Присутствие рядом со мной моего гениального друга, поборника высоких предназначений, создает у меня впечатление, что тем самым я застрахован от посредственности. То представление обо мне, которое складывается у этого несравненного свидетеля нашего времени, способствует моему самоутверждению. Я знаю, что во время обсуждения серьезного вопроса его мнение, как молния, позволит рассеять мрак. На заседании обсуждаются вопросы повестки дня, которая установлена мной и сообщена заранее участником, и обычно она состоит из вопросов, подготовленных премьер-министром и представленных мне совместно генеральным секретарем при президенте Жоффруа де Курседем и генеральным секретарем правительства Роже Беленом. Эти два крупных чиновника, находящиеся в курсе и в центре всего, присутствуют как молчаливые зрители на заседаниях и записывают принятые решения. Совет Министров поочередно рассматривает, выслушав «сообщения» министров, все вопросы, касающиеся государственных властей, либо путем обсуждения докладов и общих дискуссий, либо путем одобрения подготовленного документа: проекта закона, декрета, коммюнике, либо, в случае необходимости, путем принятия немедленного решения. Каждый имеет право взять слово, которое всегда предоставляется. В наиболее важных случаях я предлагаю всем членам правительства высказать свое мнение. Во всяком случае, премьер-министр всегда сообщает свои соображения и предложения. В заключение я излагаю свою точку зрения и формулирую принимаемое решение. После заседания я лично разрабатываю «перечень принятых решений», и именно я даю указание министру информации, что и в какой форме довести до сведения общественности о состоявшемся заседании правительства. Должен сказать, что не проходит недели без того, чтобы я не принял по крайней мере один раз премьер-министра и не обсудил с ним полностью ход всех дел. Помимо этого, я принимаю его перед каждым заседанием Совета Министров, чтобы уточнить, какие решения должны быть приняты. Вдобавок все члены правительства по очереди являются докладывать мне, что они сделали и что намереваются сделать, и получают мои указания. Наконец, в периоды, когда нет чрезвычайно срочных дел, я созываю узкие совещания министров для

обсуждения важных проблем, на которых присутствуют только заинтересованные министры вместе с главными чиновниками своих министерств. Решения, принимавшиеся мною в ту эпоху, могли быть правильными или неправильными. Но я не думаю, что они когда-нибудь были поверхностными.

Если в области текущих дел по управлению государством не существовало проблем, которыми бы я пренебрегал или откладывал, то, вполне естественно, основные усилия я сосредоточивал все же на вопросах, имевших максимально всеобщее значение. С политической точки зрения первоочередными вопросами были проблемы национального единства: алжирская проблема, проблема отношений ассоциации, которые должны были прийти на смену нашему суверенитету над Французским союзом, положение о частных школах, которое прекратило наконец шестидесятилетнюю войну в области просвещения, меры, необходимые для развития сельского хозяйства, — как те, которые надлежало осуществить нам самим, так и те, что предпринимались в рамках Общего рынка, начало участия трудящихся в деятельности предприятий с помощью различных форм заинтересованности. В области экономики и финансов мне прежде всего приходилось вмешиваться в разработку плана, бюджета, в меры по оздоровлению нашей валюты, ибо от этого зависело все, и к тому же для решения этих вопросов был необходим бесспорный арбитраж, который, вполне естественно, возлагался на меня. Наша внешнеполитическая деятельность требует моего руководства, ибо она состоит в том, что страна берет на себя длительные и жизненно важные обязательства; тем более, что наша конституция делает президента Республики гарантом независимости и устанавливает, что он заключает и ратифицирует договоры, направляет наших послов в качестве своих личных представителей и требует, чтобы иностранные послы были аккредитованы при нем. Само собой разумеется, наконец, что я непосредственно занимаюсь и вопросами обороны, преобразование системы которой происходит по намеченным мною указаниям, причем в мою компетенцию входят моральное состояние и дисциплина, что происходит по вполне очевидным причинам, связанным с моей личностью, а также в силу того, что в соответствии с нашими институтами президент отвечает за «целостность территории», является «руководителем вооруженных сил» и председательствует в «советах и комитетах национальной обороны».

Итак, я поддерживаю постоянные и тесные отношения с моим правительством. Однако моя роль не заключается в том, чтобы осуществлять его функции. Безусловно, выслушав мнение своего правительства, я должен определить общее направление, в кото-

ром оно должно следовать. Но осуществление руководства конкретными делами находится полностью в руках министров, и я никогда не отдал ни одного приказа чиновникам через голову соответствующего министра. Безусловно, решения принимаются на заседаниях правительства под моим председательством. Но каждый участник заседания имеет полную свободу высказаться до конца, и к тому же министрами являются только те, кто хочет быть таковым, и каждый вправе по собственному желанию перестать быть им. Безусловно, если я и звоню иногда Мишелю Дебре или кому-либо из его коллег, то никто из них никогда не может позвать меня к аппарату, поскольку на их звонок ответят и их выслушают мои сотрудники. Но каждый член правительства уверен, что если он передаст мне докладную записку, то она будет мной прочитана и если он попросит встречи, то я приму его. В общем, я держусь на известном расстоянии, но не замыкаюсь в «башне из слоновой кости».

Учитывая важность и широту обязанностей премьер-министра, ясно, что на этом посту может находиться только «мой» человек. Поэтому я сознательно выбрал кандидата, который мог бы долго занимать этот пост, постоянно и весьма тесно сотрудничая со мной. Но поскольку наша с ним повседневная деятельность хоть и не отделена друг от друга стеной, но различна, поскольку у каждой возникающей проблемы имеются политические и административные аспекты и правительство должно представить их мне без прикрас, поскольку было бы желательно, чтобы идеи и деятельность главы государства дополнялись, поддерживались и в отдельных случаях даже компенсировались иной инициативой, способностями и волей, то необходимо, чтобы премьер-министр был крупной фигурой, утвердившей свою личность. Мишель Дебре прекрасно выполняет свои обязанности, участвуя в разработке решений, организуя их подготовку и руководя их проведением в жизнь. Точно так же как давний опыт требует, чтобы на корабле у первого помощника был свой круг обязанностей, отличных от обязанностей капитана, так и в нашей новой Республике исполнительная власть требует разделения между ролью президента, занимающегося главными, постоянными делами, и ролью премьер-министра, на долю которого падает решение текущих проблем. Я, в частности, считаю разумным, чтобы на премьер-министре лежала его доля обязанностей, тяжелых и утомительных, на протяжении определенного периода деятельности государственной власти, после чего необходим его перевод в резерв. Назначая на этот пост Мишеля Дебре, я поделился с ним своими намерениями на этот счет. Когда новые институты — а он был в числе главных архитекторов, создававших их, — дока-

зали свою жизнеспособность, когда возрождение экономики, финансов и валюты страны было обеспечено, когда была достигнута ассоциация между Францией и ее бывшими владениями, когда был решен алжирский вопрос, когда Национальное Собрание, избранное в 1958 году, завершило свою важную законодательную деятельность, которой от него ждали, когда после ликвидации нависших угроз начался период совершенно иной политики, я решил, что наступил момент освободить моего выдающегося премьер-министра от сегодняшних тягот в предвидении будущего. В апреле 1962 года его место занял Жорж Помпиду.

На протяжении долгих сорока месяцев не было случая, чтобы я ощутил недостаток преданности или компетентности Дебре либо почувствовал раскол внутри того правительства, которое назначил по его представлению. Конечно, с течением времени в этом коллективе из 27 человек происходили перемены. Из правительства вышли: Феликс Уфуэ-Буањи, когда Берег Слоновой Кости избрал его своим президентом; Антуан Пинэ — из-за того, что он не захотел сменить пост министра экономики и финансов на пост государственного министра; Макс Флеше, последовавший за ним; Жан Бертун, а за ним и Феликс Шатне — по состоянию здоровья; Андре Булош, который разработал проект закона о частных школах, но предпочел не руководить его проведением в жизнь; Жак Сустель и Бернар Корню-Жантий — из-за алжирских дел; Роже Уде, захотевший, после того как я перевел его на пост министра сельского хозяйства, вновь стать сенатором; Робер Лекур и Анри Рошро, назначенные соответственно председателем Верховного суда и членом Европейской экономической комиссии. Стали министрами: Вильфрид Баумгартнер, который, однако, по личным мотивам вышел из состава правительства до истечения срока его полномочий, Пьер Месмер, Луи Тернуар, Жан Фуайе, Люсьен Пэй, Эдгар Пизани, Робер Булен, Франсуа Миссоф, Жан де Брольи, Кристиан де ла Мален. Но если и происходили эти изменения в составе правительства, то Андре Мальро, Эдмон Мишле, Морис Кув де Мюрвиль, Роже Фрей, Луи Жокс, Пьер Гийома, Жан-Марсель Жанненэ, Робер Бюрон, Поль Бакон, Бернар Шено, Пьер Сюдро, Морис Бокановски, Раймон Трибуле, мадемуазель Нафисса Сид Кара, Жозеф Фонтане, Валери Жискард д'Эстен входили в правительство с первого до последнего дня. Конечно, члены правительства были весьма различными между собой людьми. Если многие министры вышли из разных парламентских групп, то значительная часть их была назначена из числа крупных государственных чиновников. Если все они в равной степени были увлечены осуществлением власти, старательно выполняли свои обязанности, страстно хотели служить делу на-

циональных интересов Франции, то все же различались по умению работать и по своим способностям. Если самый пожилой из их числа приближался к своему семидесятилетию, то самому молодому было тридцать два года. Но, видя, как они справляются с самыми жгучими и запутанными проблемами, которые когда-либо стояли перед государством, и, с другой стороны, как они всегда стеснены в средствах, я считал, что в целом это были самые лучшие министры, каких только имела Франция. Я испытывал по отношению к ним искреннее уважение и дружеские чувства, пока они находились на своих постах. И все они выказывали мне знаки своей привязанности. Я чувствовал, что все они убеждены, что дело обновления, которое они осуществляли по моему призыву, отвечало требованиям истории.

Единство и прочность моего правительства, представлявшие столь резкий контраст с неустойчивостью предыдущих правительств, вызвали раздражение групп давления в национальном и мировом общественном мнении. Но какую пользу извлекла из этого государственная власть! Тем более, что одновременно изменились функции и поведение парламента в результате разделения властей, восстановления стабильности и прекращения состояния хронических конвульсий. Безусловно, многие депутаты с трудом привыкали к ограничениям, введенным новыми правилами, и к тому, что правительство перестало быть игрушкой в их руках. Безусловно, был нанесен удар по планам тех, кто в прежние времена благодаря кризисам рассчитывал стать министром или вернуть себе министерский портфель. Без сомнения, благодаря этому исчез фермент, который способствовал оживлению парламентской жизни и красноречию депутатов, в результате чего парламентские дискуссии утратили свою драматическую притягательность. Тем более, что усложнение состава современного общества, для которого законодательствуют палаты, делает их работу все более и более трудной. Обсуждаемые ими вопросы столь многочисленны и разнообразны, что число выступлений неудержимо растет. Но поскольку продолжительность сессии и число заседаний ограничены, «регламент выступлений» неизбежно сокращается до предела. Вследствие этого, а также и потому, что теперь первое место уделяется техническим соображениям и каждая парламентская группа выступает со своим единым мнением, отныне в парламентских дебатах исчезли взволнованные общие фразы, взлеты мысли и аргументация, с помощью которых великие ораторы прошлого будоражили и очаровывали депутатов. Нечто вроде мрачной механизации царит теперь в парламенте. У меня, всегда благоговевшего перед ораторскими талантами, какими блистали французские трибуны, это исчезно-

вание риторики вызывает чувство грусти. Но я утешаю себя тем, что исчезли потрясения, которые под знаком парламентской «игры, яда, наслаждений» характеризовали III и IV Республики и привели их к гибели.

Приступив к исполнению своих обязанностей, я в своем послании довел до сведения парламента, что необходимы именно такие перемены: «Характер нашей эпохи и опасности, возникшие для государства вследствие того, что оно не распознало эти опасности, привели французский народ к мысли о необходимости коренных изменений парламентского института. Это сделано в новой конституции. Остается практически осуществить большие перемены в деятельности палат и в их отношениях с властью. Сделав это, Национальное Собрание обеспечит в том, что касается его, республиканскому государству эффективность, стабильность и преемственность, чего требует дело возрождения Франции... В этом будет заключаться решительное испытание, перед которым стоит парламент». В дальнейшем я старался сделать так, чтобы не произошло постепенного или частичного забвения осуществленной нами реформы представительных учреждений, суть которой сводилась к тому, что парламент, продолжающий обсуждать и принимать законы и контролировать правительство, перестал бы в то же время быть источником формирования политики и правительства. Вот почему в посланиях, которые я неоднократно направляю палатам, я извещаю их о серьезных начинаниях, которые я предпринимаю по своему усмотрению, минуя их. Вот почему во время формирования правительства Дебре, как и при формировании нового правительства, пришедшего ему на смену, я никогда не консультировался с парламентскими группами, ибо такие консультации означали бы возврат к прошлому, восстановление тех функций, которыми они больше не обладали. Вот почему я включал в состав правительства многих лиц, никогда раньше не являвшихся парламентариями. Вот почему я предложил правительству опротестовать перед Конституционным советом регламент деятельности палат, который они старались установить для себя и который превышал их функции; и действительно, таким путем регламент деятельности палат был изменен. Вот почему за три с половиной года я только четыре раза разрешил премьер-министру поставить в парламенте вопрос о доверии правительству, ибо парламенту достаточно и права на критику правительства. Вот почему в марте 1960 года я не дал согласия на созыв чрезвычайной сессии парламента для обсуждения сельскохозяйственных проблем, хотя созыва этой сессии в явных целях избирательной пропаганды требовало более половины депутатов и сенаторов, но по конституции сессия могла со-

стояться только в том случае, если я подпишу декрет о ее созыве. Вот почему, наконец, считая Жоржа Помпиду вполне компетентным, чтобы в свою очередь стать моим премьер-министром, я назначаю его на этот пост, хотя он не только не был членом парламента, но не был даже близок к нему.

Но, стараясь всемерно не допустить, чтобы этот институт путем обходных маневров вернулся к тем злоупотреблениям, которые скомпрометировали его и грозили разрушить государство, я тем не менее свидетельствовал ему мое уважение и выражал убеждение в его необходимости для нашей страны при условии, что его деятельность не будет выходить за соответствующие рамки. Впрочем, хотя я не считал возможным установить личный контакт с палатами, я был постоянно в курсе всего, что там происходит. Председатель Национального Собрания Жак Шабан-Дельмас часто приходил ко мне побеседовать. Я высоко ценю тонкий и проницательный ум, хорошее знание дел и доброжелательность в отношениях с людьми, которые делали Жака Шабан-Дельмаса образцовым руководителем работ палаты как во время пленарных заседаний, так и в повседневной деятельности комиссий, парламентских групп и отдельных парламентариев. Совсем молодым, одним рывком войдя в число главных руководителей Соппротивления, он остался таким же в политике, и годы не повлияли ни на его страстность, ни на его дееспособность. Но если он кажется человеком, легко устанавливающим контакты, эклектиком в своих идеях, гибким в своих действиях, то с 1940 года Шабан-Дельмас решительно идет за мной и неизменно предан делу национального спасения и обновления. Все то время, что я руководил борьбой, я констатировал, что его ловкость соответствовала его достоинствам и не умаляла его прямоты.

Председатель сената Гастон Моннервиль также излагает мне свою точку зрения на политические вопросы. В то время он еще не стоял на позициях, отдаливших его от меня. Благодаря своим способностям этот антилец хорошо исполняет свои функции. Он страстно увлечен защитой престижа и прерогатив сената, в котором председательствует буквально бесценно. Он непреклонен в своей концепции республиканского режима, которую составил в иные времена. В эпоху Виши и оккупации эта концепция, а также патриотизм толкнули его в ряды Соппротивления. Но в настоящее время окостенелость его взглядов может привести к тому, что он не поймет необходимости эволюции и не сможет судить о ней с должной справедливостью.

Помимо встреч с председателями обеих палат, у меня есть множество других связей с парламентом. Я регулярно принимаю в Елисейском дворце бюро обеих палат, бюро парламентских

групп, бюро парламентских комиссий. Многие депутаты и сенаторы получают у меня личные аудиенции, и в большинстве случаев мне весьма интересны мнения этих людей, отражающих заботы и пожелания своих избирателей. К тому же мой брат Пьер был сенатором от департамента Сена и председателем Муниципального совета Парижа, а мой шурин Жак Вандру — депутат и мэр Кале. Мой визит в каждый департамент неизбежно собирает вокруг меня парламентариев для изучения местных проблем. Не проходит ни одной официальной церемонии или официального приема, где бы не присутствовали представители народа рядом с главою государства. Наконец, я тщательно и в большинстве случаев с удовольствием изучаю ход обсуждения основных вопросов в парламенте, ибо результаты были в общем положительными. Правда, что все то время, пока длилась алжирская драма, партии потихонечку отступали; что правила, установленные новой конституцией, таковы, что теперь трудно вызвать правительственный кризис; что парламент знает, что я сразу же распушу его, едва он проголосует против правительства; что в Национальном Собрании существует группа депутатов численностью более 200 человек, избранных специально для поддержки де Голля и его правительства, и что эта группа, за исключением нескольких раскольников, пересчитать которых хватило бы пальцев обеих рук, оставалась компактной и решительной; что, наконец, премьер-министр, который определяет повестку дня работы палат, организует их сотрудничество с исполнительной властью и принимает участие в обсуждениях, встретил у парламентариев уважение, которого вполне заслуживает этот талантливый человек. Во всяком случае, законодательная деятельность, осуществлявшаяся в этот период, была очень важной.

Не считая бюджетов, которые регулярно обсуждались и всегда вовремя принимались, благодаря чему финансы находились в равновесии и поддерживался порядок в экономической, социальной и административной жизни, парламент путем принятия ряда законов осуществил большой комплекс реформ. Так, например, стали осуществляться программы по оснащению различных областей деятельности нации, в частности основных отраслей промышленности, университетов, лицеев и школ, здравоохранения и больниц, научных исследований, строительства жилищ, спортивной деятельности. Был намечен план преобразования нашего сельского хозяйства и необходимых для этого мероприятий: планирования капиталовложений, организации рынков, социального страхования сельскохозяйственного обучения, водоснабжения. Облегчены условия продвижения трудящихся по социальной лестнице благодаря профессиональной подготовке, переквалифи-

кации, созданию рабочих факультетов университетов, облегчению перехода рабочих в ранг техников и инженеров. На основании доклада комиссии под председательством Пьера-Оливье Лапи, состоявшей из представителей самых различных направлений и тенденций, были урегулированы помощь государства частным школам, контроль за их деятельностью и определены обязанности, налагаемые на эти школы. Была обеспечена охрана исторических памятников, и начаты работы по восстановлению первоначального великолепия самых выдающихся памятников. Парижское население было выделено в особый район и создано его особое управление, благодаря чему все развитие столицы будет идти по единому плану. Начато рациональное развитие заморских департаментов и территорий. Был положен конец чрезмерным привилегиям местных виноделов. Принят план модернизации национальной обороны, основанной отныне на трех элементах: атомные силы, предназначенные для действий на земле, на море и в воздухе; крупные соединения сухопутных, военных морских и военно-воздушных сил, предназначенные для нанесения удара, маневрирования и вторжения; сухопутная, морская и воздушная системы обороны страны.

Те же самые национальные испытания, которые выпали на долю исполнительной и законодательной власти, не оставили в стороне и судебную власть. В момент, когда я снова встал во главе страны, я нашел ее в состоянии полной депрессии. Прежде всего это касалось состояния кадров судебных работников. Несмотря на то, что уровень требований для занятия судейских должностей был понижен, что они стали открыты для лиц женского пола, что адвокаты, присяжные поверенные, преподаватели юриспруденции допускались на них без экзаменов, стало невозможно укомплектовать все должности специалистами и возникла опасность появления слишком большого числа некомпетентных и неспособных чиновников. Происходило это потому, что судейство — призвание почетное и бескорыстное — давало мало материальных преимуществ, в то время как предпринимательство сулило многое. В дополнение к этому моральные потрясения, более чувствительные для этого корпуса, чем для других, уменьшали одновременно и привлекательность этой профессии, и монолитность самого корпуса. Вот к каким результатам привели последовательно клятвы послушания, которых когда-то требовал режим Виши, его давление и давление оккупантов, требовавших осуждения участников Сопrotивления и просто оппозиционеров, наконец, санкций в отношении тех судей, которые противились этому, и последовавшая за всем этим неизбежная чистка после Освобождения. В дальнейшем судейская карьера, требующая не-

зависимости взглядов, испытала прямое вмешательство в ее деятельность политики, поскольку по конституции 1946 года несколько членов Высшего судебного совета назначались Национальным Собранием, иначе говоря, партиями. Наконец, тяжелое положение судебных органов усиливалось вследствие их устаревшей организации — суды были неправильно распределены и слишком многочисленны для населения, все более и более концентрирующегося в городах, — и вследствие нехватки технических и материальных средств, тогда как их миссия становилась все более сложной.

Становилась неизбежной коренная реформа судебных органов. Я осуществил ее 22 декабря 1958 года по предложению Мишеля Дебре, в то время занимавшего пост хранителя печати, с помощью двух ордонансов, имевших силу органических законов, тесно связанных с новой конституцией и касающихся один Устава судебных органов, другой — функций и состава Высшего судебного совета. Чтобы восполнить недостаток судей, унифицировать их подбор, дать им необходимую подготовку, был создан разместившийся в Бордо Центр юридического обучения, который в судебной области стал тем же, чем является Национальная школа администрации для государственных учреждений. Чтобы обеспечить судьям материальное и моральное положение, соответствующее их роли, судебная иерархия была сведена до двух ступеней, что наводило порядок в деле продвижения и ускоряло его, денежное вознаграждение существенно увеличивалось, а Высший судебный совет благодаря нововведениям в отношении его состава и функции полностью освобождался от политического воздействия. Для того чтобы приспособить судебные органы к современной структуре страны, были упразднены суды округов и мировые судьи, учреждены суды высшей инстанции, в которых сконцентрировано рассмотрение всех дел, укреплены апелляционные суды и упрощена сверху донизу процедура судопроизводства.

В Елисейском дворце я председательствовал на заседаниях Высшего судебного совета, деятельностью генерального секретаря которого при мне руководил Пьер Шабран. Здесь я рассматривал и утверждал назначения, перемещения, награждения, предлагавшиеся хранителем печати или Кассационным судом. Здесь же я рассматривал дела преступников, обращавшихся ко мне с просьбой о помиловании. Здесь я выслушивал по каждому общему вопросу или частному делу мнения министра и девяти других членов Совета. Для того чтобы мое мнение не оказывало никакого влияния на их высказывания, я принимал решения только после окончания заседания.

Чтобы иметь возможность следить за осуществлением этой серьезной реформы, я, помимо заседаний Совета, заслушивал доклады о ней министра Эдмона Мишле, человека с ясным умом и добрым сердцем, верного товарища, которого борьба в Сопротивлении, ужасы депортации, раны, полученные в ходе политической борьбы, лишили иллюзий, но не лишили снисходительности. Я заслушиваю Никола Баттестини, первого председателя Кассационного суда, и моего друга Мориса Патена, председателя Уголовной коллегии. Я заслушиваю мнение первых председателей апелляционных судов и генеральных прокуроров, которых периодически принимаю в Париже и с которыми поддерживаю контакты во время поездок по провинциям. И таким образом я могу наблюдать, как работники французских судебных органов превозмогали горечь и сомнения, которые их часто одолевали, но оставались подверженными ударам, наносимым нашей эпохой. Я вижу их почти всех такими, каковы они есть: ведущие скромное существование, достойные и честные в своем поведении, но именно потому находящиеся в некоторой изоляции от общества, ставшего жадным к материальным ценностям и морально потрясенным. Я вижу их, скрупулезных в ведении следствия и беспристрастных во время процессов, но подвергающихся давлению и запугиванию со стороны шумной толпы специалистов по фабрикации общественного мнения, жаждущих обычно скандалов и выступающих за безнаказанность. Короче говоря, я вижу, что они сознательно и порой с увлечением относятся к своим трудным обязанностям, но часто становятся жертвами настроений нашего века, в котором господствуют веяния распушенности и посредственности. Однако усилия по восстановлению положения, предпринятые в этой области, как и в других, начинают приносить свои плоды. Начиная с проведения реформы, постепенно стали улучшаться и положение судей, и деятельность судов, увеличилось число и улучшилась подготовка молодежи, стремящейся к судейской карьере, начала утверждать себя судебная власть, от которой в столь многих отношениях зависят условия жизни людей и устои государства.

В общем и целом я осуществляю свои функции, стремясь руководить исполнительной властью, удерживать законодательную власть в отведенных ей рамках, гарантировать независимость и достоинство судебной власти. Но, помимо этого, я постоянно имею дело с крупными органами, которые дают государству советы, вместо того чтобы ограничиваться соблюдением представительных и формальных отношений с ними. Только что созданный Конституционный совет поддерживает регулярную связь со мной, особенно в лице его председателя Леона Ноэля. Он вкла-

дывает в свои сообщения относительно деятельности наших новых институтов все то, что может предложить огромный политический, дипломатический, административный и юридический опыт, когда он соединен с широтой взглядов и горячими чувствами патриота. В Экономическом и социальном совете представители основных отраслей деятельности рассматривают проекты, касающиеся прогресса и развития экономики, в особенности план. Я прислушиваюсь к рекомендациям таких компетентных людей, как председатель Совета Эмиль Рош, хорошо информированный обо всем, Робер Ботеро и Габриэль Вантежоль из ВКТ — «Форс увриер», Морис Буладу и Жорж Левар из христианских профсоюзов, Пьер Лебрэн из ВКТ, Андре Мальтер и Роже Мийо из профсоюза государственных чиновников, Леон Женжамбр из Союза мелких и средних предприятий, Жозеф Куро и Альбер Женэн из Национального фронта защиты сельского хозяйства, Марсель Дене и Мишель Дебатис из Объединения молодых фермеров, Рене Блондель из Сельскохозяйственной палаты, Жорж Вилье от патроната, Жорж Дебриер из Торговой палаты, и многих других. Я с интересом выслушиваю мнение этих квалифицированных специалистов, и тем более охотно, что во время наших встреч они беседуют в умеренных тонах, что находится в приятном контрасте с язвительностью их публичных выступлений. Однако непримиримые в своих противоположных точках зрения, но понимающие, что государство является арбитром и часто распределителем средств, именно к государству каждый из них обращался со своими требованиями и своими обидами.

Государственный совет представляет сейчас — в большей степени, чем когда-либо ранее, — элиту умов, созревших на ниве юридических и экономических наук, самые молодые из которых вышли из питомника Национальной школы администрации. Многие члены Государственного совета, рассматривая судебные и арбитражные решения, остаются независимо от их возраста верными принципу беспристрастности, в чем и состоит смысл существования Государственного совета и его величие. Многие члены Государственного совета — как работающие непосредственно под моим началом, так и на самостоятельных административных постах или при различных министрах — демонстрируют свои блестящие качества. Однако некоторые из них охотно примыкают к отдельным политическим течениям. К таким относятся, в частности, те, кто пытался, покинув Совет, стать парламентарием или даже министром, но после неудачи на выборах опять вернулся в Совет. В результате налет тенденциозности лежит на отдельных «мнениях» Государственного совета, заседающего в Пале-Рояле по подготовленным правительством проектам зако-

нов и декретов. Работой Совета руководил сначала Рене Кассен, ярый сторонник демократии как во время войны, так и после нее, проповедник Декларации прав человека, а после него — Александр Пароди, заслуживший выдвижения на этот пост благодаря великим делам, которые он свершил для Республики в момент величайшей опасности. Они докладывают мне о работе Совета достаточно ясно и искренне, чтобы я мог определить, что необходимо принять. О положении юридического корпуса, его потребностях, его пожеланиях, о деятельности Кассационного суда, членами которого всегда были выдающиеся юристы, потонувшие, однако, ко времени моего возвращения к власти в накопившихся делах из-за отсутствия средств и необходимых помощников, мне докладывают первый председатель Кассационного суда Баттестини и Генеральный прокурор Бессон. После восстановления равновесия бюджета и наведения порядка в государственных расходах снова стал в почете и вошел в силу Расчетный суд. Когда его первый председатель Роже Леонар и Генеральный прокурор Венсан Буррель докладывают мне о результатах контроля Собрания, то они знают, что эти результаты использую я сам, тем более что, поскольку почти вековое отставание бюджета теперь ликвидировано, они соответствуют бюджету только что закончившегося года.

Генеральный делегат Пьер Пиганьоль и сменивший его Андре Марешаль докладывают мне о непрерывно расширяющихся работах в области научных исследований, о все возрастающих потребностях институтов и лабораторий, о все увеличивающихся просьбах научных работников. Я внимательно слежу за деятельностью Комиссариата по атомной энергии, о работе которого мне докладывают Верховный комиссар Франсис Перрен, генеральный управляющий Пьер Кутюр и начальник управления по военному использованию атомной энергии главный инженер Жак Робер. Последний был вдохновителем и руководителем научно-исследовательских работ по созданию нашего атомного оружия, организатором производства и испытаний этого оружия. О жизни и нуждах армии мне регулярно докладывают начальник Генерального штаба вооруженных сил (этот пост последовательно занимали генералы Эли, Олие и Айере), а также начальники штабов и генеральные инспекторы сухопутных сил, военно-морского флота и авиации. Их доклады служат необходимым дополнением к информации военного министра. Наконец, мне часто приходится иметь дело с генералом Катру, Великим канцлером Ордена почетного легиона. Свою блестящую карьеру он увенчал разработкой нового устава ордена, благодаря которому орден сможет излечиться от своей болезни упадка, и подготовил Акт, учреждающий орден

лиц, награжденных национальным крестом «За заслуги». Что же касается Ордена освобождения, то его примерная жизнь, о которой рассказывают мне канцлеры ордена генерал Энгольд и затем Клод Этье де Буаламбер, служит мне утешением.

В совершенно ином плане, которому я придавал, однако, большое значение, мне неоднократно случалось принимать графа Парижского, визиты которого всегда отличались скромностью, но были полны интереса. С отличающей его широтой и правильностью взглядов наследник наших королей проявляет свою озабоченность вопросами национального единства, социального прогресса и престижа Франции. Именно об этом он говорит со мной и в этом же духе ведет свой «Бюллетень», замечательно излагая в нем свои взгляды. Должен сказать, что каждая встреча с главой Французского дома была мне полезна и ободряла меня.

Чтобы понять непосредственную деятельность людей и возникающие перед ними трудности, я вызывал тех, кто занимал видное положение в государственном аппарате и непосредственно руководил проведением в жизнь политики правительства. Так, я принимал начальников основных управлений министерств, ибо по мере расширения государственной администрации их роль возрастала. Так, я принимал руководителей отдельных государственных учреждений и директоров национализированных предприятий; последние, несомненно, были избавлены от смертельных мук конкуренции, но зато терпели неудобства, связанные с контролем министерства финансов и одновременно с чрезмерными требованиями профсоюзов. Так, я принимал префектов: им ставится в вину все, что происходит в их департаментах, особенно в области экономической и социальной жизни, занимающих теперь первостепенное место, но бесспорно, что их власть признается повсюду и что они действительно являются руководителями жизни на местах. Так, я принимал наших послов: практические, экономические и торговые вопросы также заняли существенное место в их деятельности, и они убедились, что в этой области, как и в других, восстановление политического кредита Франции сыграло большую роль. Так, я принимал ректоров Академии. Они с удовлетворением взирали на то, как вырастали новые университеты, новые коллежи, новые лицеи, новые школы, появлялись новые кадры преподавателей, но они уже предчувствовали потрясения, наступление которых было рано или поздно неизбежным в связи с резким увеличением числа студентов, и их тревожила возможность опасного кризиса во вверенных им учебных заведениях в результате того, что часть педагогического корпуса не перестает наносить удары по авторитету власти, какой бы она ни была, и подрывает свой традиционный

престиж систематическими забастовками, шокирующими учеников. Так, я принимал командующих военными, морскими и воздушными округами; алжирские события ни у кого из них не колебали лояльности, но все они перенесли тяжкие моральные испытания; каждый из них превыше всего ставит задачу восстановления мощи Франции.

В общем, различные части тела французского государства составляют единое целое, достойное и способное руководить нацией. Благодаря организаторским способностям и чувству реальности, которым вдохновлялись некогда строители этого монумента — нашего государства, оно продолжает свое существование со времен Наполеона, несмотря на все испытания и невероятную нестабильность наших режимов и правительств. Безусловно, сейчас необходимо облегчить условия поступления на государственную службу, расширить охватываемые ею области, приспособить различные органы к эволюции, выдвигающей на первый план государственной деятельности экономические, социальные и школьные проблемы, к эволюции, преобразующей Францию из сельскохозяйственной и деревенской страны в страну городскую и промышленную. Но продолжают оставаться пригодными: первоначальный замысел органов государственного аппарата, накопленный ими опыт, представление, которое создала о них нация, охотно фрондирующая против них и осыпающая их насмешками, но отнюдь не стремящаяся уничтожить их. Со своей стороны все органы государственного аппарата ценят своего рода революцию, которая дала Республике главу государства. Чувство определенного удовлетворения царит на совещаниях, на которых их руководители собираются у генерала де Голля как в Елисейском дворце на приемах по случаю Нового года, так и в префектурах департаментов во время моих визитов. Каждый с радостью ощущает, что государственное здание отныне увенчано вершиной, которая скрепляет все его отдельные части.

Но я хочу быть непосредственно и зримо связан не только с чиновниками французского народа, а с самим народом. Необходимо, чтобы французы видели и слышали меня, чтобы я видел и слышал французов. Возможность для этого мне дают телевидение и официальные поездки по стране.

Во время войны я извлек большую пользу из радио. Все, что я смог сказать и распространить с его помощью, безусловно, во многом способствовало восстановлению национального единства страны в борьбе против врага. После моего ухода я мог выступать только на местных собраниях, поскольку доступ к микрофонам радио был мне закрыт. И вот единая система микрофонов и телевизионных камер предоставляется в мое распоряжение как

раз тогда, когда новое изобретение начало свое стремительное развитие. Внезапно я обрел несравненное средство присутствовать сразу повсюду. При условии, однако, что мое появление на экранах телевизоров будет успешным. Не впервые я шел на риск, и это был не единственный риск для меня, но все же это был большой риск.

Если в героические времена Сопrotивления я всегда принуждал себя выступать перед публикой без заметок, то, наоборот, выступая перед микрофонами радио, я обычно читал заранее написанный текст речи. Но теперь телезрители могут видеть де Голля в момент его выступления. Чтобы остаться верным самому себе, мне необходимо было обращаться к телезрителям так, как будто я нахожусь с глазу на глаз с ними, без всяких заметок и без очков. А ведь мои обращения к нации, поскольку они носили характер *экс катеора<sup>20</sup>*, предназначены были для тщательного аналиzирования и толкования, старательно писались мною заранее, и в дальнейшем перед телекамерами я должен был прилагать огромные усилия, чтобы сказать только то, что предварительно подготовлено. Для семидесятилетнего старика, сидящего в одиночестве за столом под безжалостным светом ламп, речь шла о том, чтобы выглядеть достаточно оживленным и в то же время естественным, чтобы привлечь и удержать внимание слушателей, не допуская ни чрезмерной жестикуляции, ни неуместной мимики.

За эти четыре года миллионы и миллионы французов много раз встречались таким образом с генералом де Голлем. Всегда я говорил с ними не столько о них самих, сколько о Франции. Избегая противопоставлять одну часть французов другой, льстить одной фракции в ущерб другим, ублажать те или иные их частные интересы, короче говоря, избегая использовать старые рецепты демагогии, я старался, наоборот, объединить сердца и умы французов вокруг того, что было общим для них, дать всем почувствовать, что они принадлежат к единому целому, вызвать подъем общенациональных усилий. При каждом случае я старался показать, перед какой проблемой все мы в данный момент стоим, указать, каким образом мы можем и должны ее решать, старался подчеркнуть нашу волю и наши возможности добиться успеха. Каждое такое выступление длилось примерно двадцать минут. Этот спектакль происходил по вечерам на всенародной арене, но не было ни гула толпы, ни аплодисментов, и я был лишен возможности узнать, что думает эта огромная и таинст-

венная аудитория. Но затем раздавался оглушительный концерт сомнений, критики и насмешек всех средств информации, клеймящих мое «самодовольство» и заглушающих робкий хор благожелательных голосов. И наоборот, на нацию мои выступления производили впечатление: «Это серьезно!», «Де Голль всегда таков!» и «Ах, все-таки Франция кое-что значит!». Следовательно, желаемый результат был достигнут, ибо народ поднял голову и обратил свои взоры к вершинам.

Однако мои выступления по необходимости были слишком общими, чтобы я мог излагать в них крупные проблемы с достаточной степенью точности. Для этой цели я использовал пресс-конференции, впрочем также транслировавшиеся по радио и телевидению и полный отчет о которых затем публиковался большинством газет. Два раза в год в Елисейский дворец приглашались делегаты от всех французских периодических изданий, представители всех международных агентств, корреспонденты всех иностранных органов печати. Вместе с ними приглашались некоторые специальные чиновники министерств и посольств. Все правительство находилось здесь же, рядом со мной. Около тысячи человек рассаживались в «Праздничном зале», чтобы присутствовать на этой своего рода традиционной церемонии, которой воспоминания о прошлом и любопытство к настоящему придают значение мирового события. Я нахожусь перед своеобразной аудиторией, завладеть вниманием которой труднее всего, ибо она состоит из людей, которые по самой своей профессии уже пресытились человеческими ценностями, внимание которых можно привлечь лишь резкостью мыслей и которые чаще всего — ради броского заголовка, сенсации, ради увеличения тиража — стремятся описывать поражения, а не успехи. Однако это не мешает тому, чтобы сквозь их недоброжелательство, иронию, скептицизм различить жадность до новостей этих информаторов и уважение знатоков. В ответ на интерес, который они ко мне проявляют, я отвечаю таким же интересом. Благодаря этому на пресс-конференции возникает атмосфера неослабного внимания и подчеркивается тот факт, что каждая пресс-конференция носит характер большого события.

К тому же я всегда стараюсь сообщить на таких пресс-конференциях о принятых решениях и одновременно рассмотреть ряд проблем. Темы пресс-конференций, естественно, зависели от обстоятельств. Все то существенное, что я намеревался сказать на каждой из них, было хорошо подготовлено заранее. С другой стороны, мой уполномоченный по связям с прессой еще до пресс-конференции устраивает так, чтобы мне были заданы надлежащие вопросы. Я последовательно отвечаю на них таким об-

разом, чтобы в целом мое выступление представляло собой утверждение определенной политической линии. Совершенно естественно, не упускают случая задать мне лукавые вопросы с тем, чтобы поставить меня в затруднительное положение. Я отделяюсь в случае подобных попыток несколькими шутками, которые вызывают смех у присутствующих. В результате на протяжении полутора часов излагаются намерения и действия Франции в том, что касается ее институтов, экономики, финансов, социальных проблем, деколонизации, Алжира, внешней политики, обороны и т. п., и я уверен, что это делается полнее и искреннее, чем когда-либо ранее. Едва я заканчиваю пресс-конференцию, как присутствующие бросаются к телетайпам, телефонам и в редакции. На следующий день появляются заявления всех, кто выражает определенные тенденции, французское и иностранное радио по-своему толкуют мои слова, публикуются различные статьи, как правило враждебные или по крайней мере полные колкости, но моя пресс-конференция находит свой отклик во всем, что печатается. В дальнейшем органы информации, показавшие своим смятением, что мои заявления «вышли за рамки обычного», успокаивают себя выводом: «Он не сказал ничего нового!»

С помощью радио и телевидения я приближаюсь к нации, но приближаюсь не непосредственно. С другой стороны, официальные церемонии, парады, открытие памятников и предприятий, которым я придаю необходимую торжественность, но на которых появляюсь, строго соблюдая установленные традиции этикета, также не позволяют мне установить прямого контакта с людьми. Для установления между ними и мной живой связи я намереваюсь посетить все департаменты. В первую половину моего семилетнего президентского срока, помимо заморских поездок, я посетил за три с половиной года 67 департаментов метрополии. Я сделал это во время 19 поездок по стране продолжительностью в четыре, пять или шесть дней. В 1959 году я посетил в феврале: Верхнюю Гаронну, Жер, Арьеж, Восточные Пиренеи, Верхние Пиренеи, Нижние Пиренеи; в апреле — Ионну, Ньевр, Аллье, Сону-и-Луару, Кот-д'Ор; в мае — Шер, Эндр, Луаре, Луару-и-Шер, Эндр-и-Луару; в июне — Канталь, Верхнюю Луару, Пюи-де-Дом, Луару; в сентябре — Па-де-Кале и Нор; в ноябре — территорию Бельфор, Верхний Рейн, Нижний Рейн. В 1960 году я посетил в феврале: Тарн, Од, Гар, Эро; в июле — Манш, Орн, Кальвадос, Эр, Приморскую Сену; в сентябре — Финистер, Кот-дю-Нор, Морбиан, Атлантическую Луару, Иль-и-Вилен; в начале октября — Изер, Верхнюю Савойю и Савойю; в конце того же месяца — Верхние Альпы, Нижние Альпы, Приморские Альпы. В 1961 году в апреле — Ланды, Тарн-и-Гаронну, Ло-и-Гаронну,

Дордонь, Жиронду; в конце июня и начале июля — Мез, Вогезы, Мерт-и-Мозель, Мозель; в сентябре — Авейрон, Лозер, Ардеш; в ноябре — Корсику, Вар, Буш-дю-Рон. В первой половине 1962 года я посетил в мае: Ло, Коррез, Крез, Верхнюю Вьенну; в июне — Верхнюю Сону, Юра, Ду.

Я ездил по каждому департаменту с утра до вечера. Всюду я выполнял одинаковую программу. Большой прием в главном городе департамента, включавший: военный парад на центральной площади; последовательные беседы в префектуре с парламентариями, Генеральным советом, мэрами всех коммун, прием делегаций, епископа местной епархии, пастора, раввина, крупных чиновников, высших офицеров; в ратуше — встреча с муниципальным советом, с отдельными деятелями; после этого я выступаю с речью на центральной площади, переполненной народом, в обстановке всеобщего энтузиазма; в промежутке, по воскресеньям, присутствую на службе в соборе; везде я даю большой обед избранныкам народа и деятелям департамента в префектуре, где останавливаюсь на ночь. Аналогичные церемонии в супрефектурах и других населенных пунктах, где всегда я посещаю ратушу, обращаюсь к муниципалитету и выступаю перед жителями. Проезжая через многочисленные города и деревни, мой кортеж всегда останавливается, чтобы мэр в присутствии народа приветствовал генерала де Голля и генерал ответил ему. На всем протяжении пути я посещаю заводы, стройки, шахты, крестьянские хозяйства, университеты, лаборатории, школы, военные учреждения и т. п. Во всех населенных пунктах, крупных или небольших, трогательно разукрашенных, население встречает меня горячо, и визит проходит в радостной обстановке. Множество людей собирается вдоль дорог, по которым я проезжаю, и встречает меня аплодисментами. Всюду, где я выступаю, народ меня горячо приветствует. Каждый раз, как я запеваю «Марсельезу», ее подхватывает могучий хор присутствующих. Когда я смешиваюсь с толпой или хожу пешком по улицам, мне улыбаются, я слышу слова приветия, со всех сторон ко мне тянутся руки. На протяжении 70 дней я увидел 12 миллионов французов, проехал 40 тысяч километров, выступал 600 раз на заседаниях и собраниях, 400 раз выступал на площадях, пожал сотню тысяч рук. Одновременно моя жена без всякой помпы посетила около трехсот больниц, родильных домов, приютов для сирот, домов для престарелых, учреждений для больных или умственно отсталых детей. Только два эпизода нарушили общую атмосферу моих визитов: в Гренобле собралось очень мало людей у префектуры, чтобы выслушать мое выступление; в Марселе мое пребывание совпало с забастовкой докеров, развернувших вдоль пирсов лозунги со своими требованиями. А

в общем вокруг меня в разных концах страны происходила яркая демонстрация национального чувства, которая волновала участников, производила сильное впечатление на наблюдателей и передавалась всюду по телевидению. Наша страна в каждом из своих уголков давала таким образом самой себе трогательное доказательство вновь обретенного единства. Взволнованная страна испытывала чувство бодрости, и это наполняло меня радостью.

Кроме того, во время поездок я собирал обильную жатву впечатлений и практических сведений. На фоне неменяющегося рельефа Франции и постоянства ее населения я вижу, как осуществляется и как может быть улучшено ее преобразование, которое проводится в жизнь с помощью промышленности, играющей основную роль, механизации сельского хозяйства, моторизации средств транспорта, в условиях роста рождаемости и все более широкого охвата населения образованием. Хотя наша страна по сравнению с другими, такими, как Германия, Англия, Бельгия, Нидерланды, в силу своих географических условий — нехватки сырья, невысокой плотности населения — и в силу характера своего населения, одновременно консервативного и все оспаривающего, встречает особенно сильное сопротивление именно в отношении необходимых перемен, хотя эти перемены в различных районах заметно отличаются по размаху и темпам, поскольку наши районы значительно разнообразнее, чем в других странах, все же преобразования происходят повсюду. Куда бы я ни поехал, вспоминая места, связанные с Соппротивлением, всюду префекты, парламентарии, генеральные советники и чиновники говорили со мной только о строительстве, об урбанизации, о создании промышленных зон для расширяющихся городов; о кредитах, рынках, укрупнении земельных хозяйств, водоснабжении, канализации для деревни, переживающей процесс модернизации; о факультетах, школах, лицеях, технических коллежах, которых всегда не хватает и которые всегда недостаточно велики; о расширении дорог, прокладке каналов, строительстве аэродромов, чтобы жизнь была ключом, а процветание наступило скорее. Все, что я слышу и вижу, дает мне возможность ощутить на месте всю серьезность и масштабы национальных потребностей: необходимость оснащения и приведения в порядок территории страны, создания районов и слияния коммун в целях укрупнения слишком небольших для нашего времени административных округов, прямое участие экономических и социальных организаций всех звеньев в разработке планов и в их осуществлении, чем пока занимаются только генеральные или муниципальные советы, рожденные в ходе политических выборов. По возвращении в Париж выводы, которые я делаю из моих путешествий, и наблюдения

сопровождавших меня министров помогают направлять деятельность правительства.

Если исключить официальные поездки по Франции и за ее пределами, совещания в Рамбуйе, пребывание в Коломбэ-ле-дез-Эглиз, на что уходила в общей сложности четвертая часть моего времени, жизнь моя, совершенно естественно, проходит в Елисейском дворце. Предопределение истории поместило меня в этот дворец, несколько старомодное очарование которого и его довольно удобное расположение неподалеку от различных министерств я ценю, но который, с моей точки зрения, представляет и определенные неудобства. Раньше он был расположен на окраине столицы, теперь столица со всех сторон окружила дворец. В результате я словно заперт в нем, став рабом требований безопасности, протокола, уличного движения и народного любопытства, за исключением тех случаев, когда я в сопровождении надежного эскорта направляюсь по освобожденным от обычного движения авеню, посреди рядов горячо приветствующего меня населения, на официальную церемонию, на открытие памятника или на выставку. В здании имеются прекрасные салоны со старинной мебелью, которых едва хватает для неизбежных приемов, но в нем очень мало места для канцелярии президента, развивающей бурную деятельность. Кроме того, с момента, когда здание по завещанию мадам де Помпадур, подарившей его королю, стало государственной собственностью, в нем происходило мало знаменательных событий, оставивших возвышенные воспоминания, если не считать отнюдь не привлекательных — последнего отречения Наполеона I и провозглашения его племянником государственного переворота 2 декабря. По всем этим причинам у меня возникал вопрос, не целесообразнее ли устроить свою резиденцию и канцелярию в другом здании. Но поскольку после 1871 года исчезли такие подходящие для этой цели здания, как замок Тюильри, сожженный Коммуной, и Сен-Клу, разрушенный пруссаками, поскольку Версаль кажется мне чрезмерно большим; поскольку Трианон грозит рухнуть; поскольку Фонтенбло, Рамбуйе и Компьен слишком удалены от Парижа; поскольку в Венсенском замке был самый разгар реставрационных работ, я примирился с тем, что было в моем распоряжении и к тому же соответствовало укоренившимся привычкам парижан и администрации. Итак, новая Республика постарается как можно лучше использовать как репутацию, так и возможности старого Елисейского дворца.

Мы работали в нем методически, независимо от каких бы то ни было волнений. Каждое утро в 9 час. 30 мин. я прихожу в мой кабинет, который я устроил в главной комнате второго этажа,

уже познакомившись с основными новостями и просмотрев газеты. Утренние часы моей работы посвящены чтению докладных записок, касающихся тех или иных внутренних дел, и чтению дипломатических депеш; при необходимости я даю соответствующие указания, которые немедленно передаются тем, кому они адресованы; по средам я председательствую на заседании Совета Министров и еще один или два раза в неделю — на узких совещаниях, чаще всего посвященных Алжиру, экономическим вопросам и внешней политике; периодически я председательствую на заседаниях Высшего совета национальной обороны и Высшего судебного совета; я принимаю премьер-министра, других членов правительства, находящихся проездом в Париже иностранных министров, послов, академиков. После завтрака, независимо от того, присутствуют ли на нем приглашенные или нет, я опять возвращаюсь к бесконечным делам: принимаю крупных чиновников, делегации, отдельных деятелей. Час или два уделяю рассмотрению вопросов предстоящего заседания Совета Министров. Наконец, я выслушиваю доклады моих ближайших помощников: генерального секретаря при президенте Жоффруа де Курселя, начальника кабинета Рене Бруйе, начальника личного штаба президента — этот пост последовательно занимали генерал де Бофор, генерал Олие, генерал Доделье, — генерального секретаря по делам Сообщества, по африканским и малагасийским делам Жака Фоккара. К ним иногда присоединяется кто-нибудь из числа «технических советников» или «советников по отдельным поручениям»: Оливье Гишар, затем Пьер Лефран — по политическим вопросам; Жан-Марк Бегнер, потом Пьер Майяр — по внешней политике; Андре де Латтр, потом Жан-Максим Левек и Жан Мео — по вопросам финансов и экономики; Бернар Трико, потом Жак Буатро — по конституционным и законодательным вопросам; Жан-Жак де Брессон — по Алжиру и по юридическим вопросам; Пьер Лелон и Ги Камю — по народному образованию и научным исследованиям; Жан Шово — по информации; Ксавье де Боленкур — по личной корреспонденции президента. Вот мое «окружение»; оно немногочисленно, но состоит из квалифицированных работников. Выслушав доклады, я принимаю решения, подписываю декреты и письма. В 8 часов вечера я покидаю рабочий стол. Только в редчайших случаях я возвращаюсь к нему до следующего дня. Если исходить из принципа и опыта, то я хорошо знаю, что для того, чтобы руководить событиями согласно моему плану, не следует торопиться.

Естественно, резиденция президента служит местом непрерывных визитов, приглашений и церемоний. Вполне понятно, если речь идет о престиже государства, то я считаю весьма важ-

ным, чтобы в этом отношении все проходило с должной торжественностью, размахом, достоинством и доброжелательностью. Это вполне отвечает пожеланиям хозяйки дома, моей жены. Начальник протокольного отдела Людовик Шансель и сменивший его потом Пьер Сиро хорошо справлялись со своими обязанностями. Мы организовывали приемы довольно часто и старались, чтобы они проходили на должном уровне. За этот период времени, помимо 4 тыс. приглашенных во время приемов в префектурах Франции, 15 тыс. французов и иностранцев садились вместе с нами за стол в Елисейском дворце. Столько же присутствовало на приемах. По какому бы случаю ни назначались приемы и какой бы размах они ни носили, от парадного обеда и торжественного приема в честь главы иностранного государства до интимного завтрака, на который приглашались избранные лица, включая всевозможные завтраки, обеды и приемы в честь правительства, парламента, основных советов, дипломатического корпуса, судебного корпуса, армии, корпуса педагогов, социально-экономических кругов, писателей, работников искусств, науки, спорта и т. п., — эти представительские обязанности лежали тяжелым умственным и физическим бременем на мне как президенте Республики, хотя и давали мне возможность встречаться со многими выдающимися людьми.

Весьма незначительное время, которое остается мне после исполнения моих обязанностей, я провожу с женой в домашней обстановке. Вечером телевидение, иногда кино позволяют нам взглянуть на наших соотечественников, а не наоборот. По воскресеньям к нам приезжают наши дети и внуки, если они находятся в Париже и если мои обязанности позволяют найти для этого время. Мой сын и мой зять, блестяще и в трудных условиях сражавшиеся в рядах Свободных вооруженных сил Франции, продолжают свою офицерскую карьеру, один — в морской авиации, другой — в танковых частях. На протяжении первых четырех лет президентства их отца и тестя первый из них, капитан III ранга, затем капитан II ранга де Голль, окончив Военно-морскую школу, служил на эскадренном миноносце «Дюперре», потом в штабе военно-морских сил, командовал эскадренным миноносцем «Ле Пикар», крейсировавшим вдоль алжирского побережья и перехватывавшим подозрительные суда, а затем был переведен в Генеральный штаб вооруженных сил; второй, полковник Ален де Буассье, командовал 4-м полком конных стрелков Шатоден-дю-Рюммеле в Константиновском округе, потом был начальником военного кабинета генерального делегата Делуврие в Алжире, затем стал начальником штаба инспекции танковых войск, откуда перешел в Центр высших военных исследований и

в Институт национальной обороны. Оба они, равно как наша дочь, наша невестка и их дети, смотрят на Францию так же, как и я. Тех же взглядов придерживаются наши братья и сестры и все наши племянники и племянницы. Я весьма ценю эту семейную гармонию. Всякий раз, когда это было возможно, мы отправлялись в наш дом в Ля Буассери. Туда я приезжаю размышлять. Там и пишу свои речи — это всегда тяжелый труд для меня. Там я читаю некоторые книги, из тех, что мне присылают. Там я восстанавливаю свое спокойствие, любясь окрестностями и бездонным небом.

И как сохранить это спокойствие, когда сказывается усталость, когда я наталкиваюсь на столько препятствий, когда все, что я ни предпринимаю, выглядит столь проблематичным? Мне было совершенно ясно, в частности, что очевидное возрождение Франции только усилит оппозицию всех тех, кто некогда считал себя и кого считали руководителями общественного мнения страны. Все, что мне удалось сделать, не встречает благосклонности ни одной из многочисленных политических партий Франции, ни одной из множества газет, а едва появились проблески конца алжирской драмы, как злопыхательство удвоилось. Франсуа Мориак, чья приверженность Франции, чье понимание истории, чье патриотическое и эстетическое одобрение величия, чье искусство проникновенно понимать и описывать тайные пружины человеческих страстей превратили его в несравненного наблюдателя нашей эпохи, констатировал в своем «Блокноте» 12 марта 1962 года: «Отнюдь не сновидение — невероятная сила этого старого человека, падения которого желают, ждут и готовят, как только мир будет достигнут, все сколько-нибудь значительные силы в политике, от правых до левых... но мы отлично чувствуем, что даже его одиночество придает ему силы против окружающей его бессильной и рычащей своры».

По правде говоря, если враждебная коалиция различных комитетов и писак меня иногда и огорчала, она все же не наносила мне глубоких ран. Я знаю, что бумага терпит все, что микрофоны могут транслировать что угодно. Я знаю, как тянет профессионалов пера к провокационным словам. Я знаю, что новые государственные институты, мое присутствие во главе государства, мой метод ведения дел лишают значения и не дают возможности вмешиваться в дела руководителям старых политических течений, господствовавших при прошлом режиме и тяжело страдающих от того, что перестали господствовать теперь. В частности, я знаю, как дорого им обходится та дистанция, на которой я считаю долгом держать их от себя — не из презрения, а по принципиальным соображениям. Чтобы настроиться миролюбиво по отношению к

ним, когда их злоба не знает меры, я повторяю слова Корнеля, вложенные им в уста Октава:

«Как! Ты хочешь, чтобы тебя щадили, а сам ты ничего не пощадил!»

Но если я мало чувствителен к ударам, наносимым словом и пером по моей особе, то я гораздо более чувствителен к тому, что удары, наносимые мне, означают, что именно моя идея возрождения нации вызывает столько гнева и недовольства среди видных представителей нации. Все происходит так, как будто старые школы, руководившие ранее нацией, какую бы деятельность они ни развивали, какие бы ярлыки ни носили, какой бы идеологии ни придерживались, сделали ставку на упадок страны: то ли из боязни головокружения при необходимости преодолеть пропасти для ликвидации этого упадка, то ли из убеждения, что его нельзя избежать, они по-интеллигентски возвели его в доктрину, в вызов; то ли потому, наконец, что видели в связанных с этим упадком рутине и слабости надежду сохранить и оправдать свое существование. Но тем самым встает чрезвычайно настоятельным образом вопрос, что станет со страной, когда я исчезну и вместе со мною исчезнет то своеобразное явление, которое представляет собой реальный авторитет власти во главе государства, узаконенный событиями и слившийся воедино с верой и надеждой французского народа.

Однако, прежде чем перейти к рассмотрению проблемы «наследования», я должен сказать, что результаты, достигнутые на протяжении первых четырех лет моего правления, кажутся мне ободряющими. Четыре года назад наша страна задыхалась в тисках ужасных политических конвульсий; я хотел заставить ее выбрать такое государство, которое имело бы главу, правительство, равновесие, авторитет. Это сделано! Я хотел помешать стране проливать свою кровь, терять деньги, раздирать единство нации, цепляясь за устаревшее и неоправданное колониальное владычество, я стремился заменить бывшую Империю дружественной и необходимой ассоциацией народов, входивших в ее состав. Мы добились этого! Я хотел избавить страну от безразличия к экономическим вопросам, от финансового дефицита, хронического падения франка, от социального застоя, мешавших прогрессу, который необходим для процветания и могущества Франции. Я хотел, чтобы современная экономика Франции действительно развивалась по плану, чтобы ее бюджет был уравновешен, чтобы ее валюта имела неоспоримо твердый курс, чтобы распахнулась дверь для изменения отношений между ее детьми путем участия всех в деятельности предприятий. Франция достигла этого! Я хотел, чтобы Европа перестала быть полем ненависти и опаснос-

тей, чтобы Рейн и Альпы перестали быть границами политического и экономического раскола, чтобы исчез существующий под предлогом идеологических различий раскол между Востоком и Западом, чтобы Франция и Германия стали добрыми соседями, чтобы возник Общий рынок шести государств и эти государства начали согласовывать свои внешние действия, чтобы возродились естественные симпатии и доверие между французами и славянами. Все это — на правильном пути! Я хотел, чтобы Франция сохранила собственное лицо, не растворяясь в хитрых наднациональных постройках, ибо ей пришлось бы тогда отказаться от своей обороны, своей политики, своей судьбы в пользу атлантической гегемонии и уступить другим районы влияния, сотрудничества и дружбы, принадлежавшие ей некогда в странах «третьего мира»; я хотел, чтобы соседи уважали ее индивидуальность, а она относилась с уважением к ним, чтобы, не отказываясь от союзов, она не допустила установления протектората над собой, чтобы страна приобрела силы возмездия, в первую очередь — ядерное оружие, которое избавило бы ее от опасности агрессии с любой стороны, чтобы Франция вновь появилась в идеях, делах и надеждах мира, в общем — чтобы она вновь обрела свою независимость и свой блеск. Именно это и происходит сейчас!

Франция поднимается по склону. Моя миссия по-прежнему состоит в том, чтобы неуклонно вести ее вверх, тогда как все раздающиеся снизу голоса непрерывно зовут ее обратно вниз. Решив во второй раз слушаться меня, Франция вышла из маразма и только что преодолела этап обновления. Но и теперь, совсем так же, как вчера, я не могу указать ей иной цели, кроме движения к вершинам, другого пути, кроме пути непрерывных усилий.

# УСИЛИЯ

1962...

## ГЛАВА ПЕРВАЯ\*

В благодатном 1962 году обновление Франции шло полным ходом. А незадолго перед этим Франции грозила опасность гражданской войны. Ей грозил крах. Мир уже забывал ее голос. Но вот она выпуталась из беды. Государство смогло преуспеть в этом, ибо в результате глубоких изменений оно в настоящее время обладает верховной властью, узаконенной событиями и опирающейся на доверие народа. Однако настоящее не обеспечивает будущего. Система, прочность которой зависит от присутствия одного человека, неизбежно хрупка.

Поскольку опасность уже не угрожала, многие у нас тотчас же настроились на безмятежную жизнь. Некоторые, в частности, все труднее и труднее мирились с единовластием. Вследствие недостаточной прочности созданной системы все, что кажется достигнутым сегодня, может оказаться сметенным завтра. Тем более, что с течением времени наверняка разразятся бури, либо пришедшие извне, либо возникшие внутри страны, которая еще со времен галлов периодически является театром «внезапных и непредвиденных потрясений», вызывавших удивление еще у Цезаря. Для того чтобы Франция восстановила и сохранила, и не на время, а надолго, свое единство, мощь, свой ранг в мире, без чего она была бы обречена, совершенно необходимо, чтобы режим, который ею правит, оставался постоянным и прочным. Для меня, никогда не прекращавшего думать и действовать исходя из этой национальной необходимости, всегда было ясно, что хорошо организованное в настоящее время государство должно оставаться таковым и в дальнейшем. А для этого необходимо, чтобы оно не

---

\*

Так в авторском оригинале. — *Прим. ред.*

оказалось снова жертвой многочисленных, раздираемых противоречиями и враждебных друг другу партий и группировок, которые столь долго господствовали над ним, принижали и парализовали его.

Прежние монархии добивались преемственности власти ценой в ряде случаев многовековой борьбы с вассалами, но им для этого потребовалось ни больше ни меньше как право наследования, коронование монархов и абсолютизм. Обе империи смогли на какое-то время помешать распаду, но лишь с помощью диктатуры. Затем Республика, хотя она и располагала в основе своей некоторыми теоретическими гарантиями ее силы и прочности, доверилась партиям, чтобы сделаться таким образом навсегда пассивной. Однако ее беспомощность перед лицом общей опасности и тот факт, что я оказался призванным покончить с этой беспомощностью, позволили мне, опираясь на прямую поддержку народа, то есть придерживаясь преимущественно основ демократии, привести в действие институты, созданные для обеспечения будущего. Ведь высшие и постоянные интересы Франции прежде всего находят свое орудие и своего гаранта в лице главы государства. Но как можно было сомневаться, что на это коренное изменение, давшее Республике главу, которого она никогда не имела, обрушатся все феодалы от политики? Каким образом обеспечить этому изменению достаточную надежность, которая позволила бы закрепить его в правовом и практическом отношении на будущее, когда исчезнут драматические обстоятельства и исключительная личность, которые прежде всего вызвали его?

Я уже давно считаю, что единственным средством добиться этого являются выборы народом президента Республики. Последний, если бы он был избран всеми французами, мог бы быть «человеком страны», облеченным тем самым в глазах всего народа и своих сторонников капитальной ответственностью, строго соответствующей той, какую предписывают ему законы. Кроме того, вне всякого сомнения, необходимо, чтобы сам президент желал и был способен выполнять свои функции. Вполне очевидно, что этого закон не может гарантировать, поскольку всегда и в любой области отсутствие способности у руководителя является само по себе непоправимым и не может компенсироваться значимостью и ролью того или иного института. И наоборот, успех возможен только тогда, когда талант находит свое применение, и нет ничего худшего системы, при которой талант становится бессильным.

Правда, в 1946 году в своей речи в Байё, где я говорил о режиме, необходимом Франции, затем в 1958 году, руководя разработ-

кой и обсуждением текста конституции, я не уточнял еще, что глава государства должен избираться всеобщим и прямым голосованием, а придерживался сначала принципа избрания президента широкой избирательной коллегией, которая была бы в национальном масштабе такой же, какая в департаментском масштабе избирала сенаторов. Дело в том, что я считал целесообразным не делать всего сразу. В самом деле, с тех пор как я потребовал у страны вырвать государство из-под влияния партий, решив, что президент, а не парламент будет источником власти и политики, нужно было выждать некоторое время, пока не завершится это коренное изменение. Добавлю, что в то время, дабы не помешать почти единодушному движению к национальному сплочению, я счел целесообразным учесть страстную предубежденность против идеи «плебисцита», существующую во многих кругах общественного мнения со времен Луи-Наполеона. Когда применение новой конституции покажет, что ее высшее звено обладает властью, не являясь диктатурой, будет своевременно предложить народу окончательную реформу. Кроме того, я намеревался взять на себя с самого начала функции главы государства, и, учитывая события истории и нынешние обстоятельства, способ, которым бы я это сделал, был бы лишь формальностью, не имеющей значения для моей роли. Но, принимая во внимание возможные последствия, я решил завершить свой замысел до истечения моего семилетнего срока правления.

Однако инстинкт самосохранения держал партии в напряженном состоянии. Мой замысел, который они предугадывали, явился для них еще одной причиной удалить меня, прежде чем я смог бы его реализовать, или хотя бы ослабить мои позиции настолько, чтобы заставить меня отказаться от него. Поэтому по мере урегулирования алжирской проблемы, по мере подтверждения лояльности армии и ликвидации подрывной деятельности террористов оппозиция усиливалась и объединялась. Казалось, что вот-вот прекратится это относительное выжидание партий, которое они до сих пор соблюдали, что противодействие, предпринимаемое ими по любому поводу, будет теперь расширяться и что их враждебные акции будут нацелены против действий и намерений генерала де Голля. Можно было предвидеть, что все феодалы от политики прекратят свои междоусобицы и составят заговор с целью создания скрытого кризиса. Непрерывные нападки, готовность в любой момент выразить в Национальном Собрании недоверие правительству, а в случае необходимости и тем, кто придет ему на смену, выборы в Национальное Собрание либо в установленное время, либо в результате его роспуска с целью возвраще-

ния в Бурбонский дворец<sup>21</sup> разношерстного, но оппозиционно настроенного большинства, различные враждебные кампании, начатые почти всей прессой и радио, — все это с целью создать для меня серьезные трудности и добиться, чтобы я отказался либо от своих функций, либо от верховных прав, а также с целью развенчать в глазах общественности идею, что во главе государства может быть один человек, и, уж во всяком случае, с целью снова поставить будущих президентов в условия, которые еще недавно делали каждого из президентов «гостем в Елисейском дворце».

Если бы им это удалось, то еще раз все произошло бы так, как будто возрождение государства должно было произойти лишь на время, чтобы вновь прекратиться при исчезновении опасности. И снова случилось бы так, что перед лицом национальной трагедии, главной причиной которой являлась бы несостоятельность режима партий, эти партии симулировали бы свое отречение, призвав для спасения нации демиурга — каковыми были: в 1914 году — Жоффри, в 1917 году — Клемансо, в 1940 году — Петэн, затем — признанная ошибка — де Голль, в 1958 году — снова де Голль — с тем, чтобы вновь вернуться к власти, когда минует опасность, с кучей претензий и требований, пропорциональных степени их дискредитации и унижения. И еще раз, используя безмерную забывчивость избирателей, старую склонность французов разделяться под влиянием разноречивых тенденций, развлекаться политической игрой, как развлекаются борьбой на арене цирка или состязаниями в ярмарочных балаганах, и, наконец, разжигая неприязнь в отношении режима сильной власти, партии восстановили бы свое верховенство и снова повели бы страну к упадку. Разумеется, я полон решимости сорвать их попытку. Но для этого необходимо, чтобы французы признали мою правоту и поддержали меня против всех этих партий.

Французы смогут сделать это и тем самым сразу решить политическую проблему и конституционный вопрос, если проголосуют за мое предложение о том, чтобы глава государства впредь избирался путем всеобщего и прямого голосования. Таким образом французы немедленно развенчают режим партий и утвердят на будущее новые институты. К тому же только от народных масс, и, уж конечно, не от парламента, можно ожидать одобрения подобного мероприятия, поскольку две трети депутатов и девять десятых сенаторов ни за что не согласились бы с ним. Кроме того, основной принцип V Республики и моей собственной доктрины как раз заключается в том, что французский народ должен

---

21

Резиденция Национального Собрания. — Прим. ред.

сам решать то, что является главным в его судьбе. Следовательно, я хочу предложить народу непосредственно и со всей решимостью утвердить это. И я собирался сделать это как можно быстрее, так как все парламентские группы, за исключением группы ЮНР<sup>22</sup>, развернули враждебную кампанию.

С самого начала 1962 года, еще до того, как я сообщил о моем проекте, за меня взялись. Уже применение статьи 16 конституции, на что я решился пойти во время мятежа, поднятого в Алжире четырьмя генералами, вызвало в политических кругах много заведомо ложных тревог и искусственно разжигаемых волнений, говорили даже, будто бы разгром ОАС побудил меня вернуться к обычному порядку. В марте 1962 года, накануне переговоров в Эвиане, комиссия Национального Собрания по вопросам национальной обороны подняла перебранку и весьма шумно выразила свое неодобрение по поводу возвращения в метрополию двух дивизий и военной авиации, отозванных из Африки по моему приказу. Сразу же после референдума о независимости Алжира масштабы нападок расширились и приняли более конкретный характер. 17 апреля правительство Помпиду, которое в силу того, что оно было совсем недавно сформировано, еще ни в чем нельзя было упрекнуть, разве только в том, что оно было назначено мной, получает вотум доверия только от 259 депутатов, тогда как 247 депутатов голосовали против или воздержались. 15 мая 5 министров от партии Народно-республиканское движение вышли из состава правительства, используя в качестве предлога мою пресс-конференцию, где я снова ратовал за объединение Европы путем организации согласия государств и отклонил идею интеграции. Правда, двое из них (Пьер Пфлимлен и Морис Шуман), которые занимали свои посты всего лишь в течение одного месяца и к тому же должны были именно в этот день сделать выбор между своими министерскими портфелями и депутатскими мандатами, могли сделать вид, что удивлены моими высказываниями. Но трое других (Робер Бюрон, Поль Бакон и Жозеф Фонтанэ) тоже ушли, несмотря на то что они все время находились в составе моего правительства и вполне привыкли к сути и форме моих директив, касающихся политики Франции. В самом деле, если 5 министров вдруг ушли от меня, то это потому, что их партия в свою очередь прикнула к враждебной мне коалиции. 22 мая независимые также потребовали, чтобы 4 министра от их партии вышли в отставку, а когда те отказались, объявили об их исключении из партии.

---

22

Союз в защиту новой Республики — партия сторонников де Голля. — *Прим. ред.*

Чтобы сократить масштабы этой борьбы на изнурение, я решил предупредить события и сам перешел в наступление. 9 июня в своей речи по радио я сообщил нации, что «путем всеобщих и прямых выборов мы обеспечим в нужный момент то, чтобы в будущем, независимо от смены лидеров, Республика могла оставаться сильной и постоянной и чтобы в ней царил порядок». Не надо быть прорицателем, чтобы понять, что это означало. Поэтому уже 13 июня 296 депутатов Национального Собрания, считавшие себя «европейцами», в порядке демонстрации, организованной против меня, подписались под декларацией, отвергающей план политического согласия, предложенный мной государствам — членам Общего рынка и только что отклоненный Голландией, Бельгией и Италией, выдвинув в противовес требованием наднационального «решения». Подписавшие декларацию составляли внушительное большинство в Национальном Собрании. Кроме того, 10 депутатов-коммунистов, которые не голосовали за этот документ, также осуждали меня. Едва схлынула эта волна нападков, как поднялась новая. На другой день после окончательного референдума в Алжире я от имени Франции признал независимость этой страны в соответствии с обязательствами, которые были торжественно даны нашей страной. И поскольку с этого момента мандаты парламентариев Алжира утратили свое значение, я упразднил их специальным ордонансом в силу полномочий, официально дарованных мне по закону о референдуме. По этому поводу в Национальном Собрании и сенате сразу же разразилась буря протестов, и хотя эти протесты не имели ни малейшего юридического оправдания, они, однако, свидетельствовали о растущей агрессивности. Не было никакого сомнения в том, что беспощадная битва начнется сразу после того, как я сформулирую основные положения своего проекта.

Внезапно покушение в Пти-Кламаре 22 августа послужило случаем перейти к рукопашной схватке и явилось предупреждением о том, что, по-видимому, терять времени не следует. В самом деле, после покушения, имевшего место в предыдущем году в Пон-сюр-Сен, когда я чуть не был убит, и в предвидении новых попыток, о подготовке которых свидетельствовало все, вопрос о том, что же будет с Францией, если де Голль вдруг не станет, весьма встревожил и взволновал общественное мнение. И мне самому было ясно, что случай может произойти в любой момент. Итак, я счел необходимым ускорить ход событий. 29 августа я известил Совет Министров, что «намерен внести предложение об изменении конституции с целью обеспечения преемственности государства», и эта новость была опубликована. Однако, чтобы не создавать путаницы, я полностью раскрыл свои карты

только после моей очень важной поездки в ФРГ. Но сразу же по завершении этого визита 12 сентября после заседания Совета Министров было опубликовано коммюнике, в котором сообщалось, что «генерал де Голль подтвердил свое намерение предложить стране одобрить путем референдума новый порядок выборов президента Республики, согласно которому президент отныне должен избираться путем прямого и всеобщего голосования».

20 сентября в своем выступлении по радио и телевидению я изложил нации, почему я прошу ее осуществить эту важную реформу и как она сможет это сделать. Я отметил, что «действующие в течение вот уже четырех лет институты ликвидировали в стране хронический беспорядок и беспрерывные кризисы, обеспечив преемственность, стабильность, эффективность и уравновешенность органов власти»; что «никто не сомневается в том, что наша страна быстро оказалась бы сброшенной в пропасть, если бы мы, к несчастью, снова, как прежде, занялись бесплодной и никчемной игрой»; что «краеугольным камнем нашего режима является институт президента Республики, назначаемого разумом и чувством французов, чтобы быть главой государства и руководителем Франции». Напомнив основные функции и прерогативы президента, предусмотренные конституцией, я заявил, что «для эффективного выполнения подобных обязанностей президенту необходимо совершенно недвусмысленное доверие нации». Что касается меня, то, сказал я, «становясь вновь во главе государства в 1958 году, я считал, что сам ход событий уже сделал это необходимым, и именно поэтому я согласился быть избранным во второй раз. Но совсем по-иному встанет вопрос для других, кто, не имея такой же национальной известности, будет занимать после меня пост, который я занимаю в настоящее время... Чтобы быть способными и быть в состоянии нести бремя высшей власти, каким бы тяжким оно ни было, и чтобы наша Республика продолжала оставаться сильной, сплоченной и народной, несмотря на происки демонов раскола, необходимо, чтобы они получали свой мандат непосредственно от всех граждан». И тогда было сформулировано предложение, сделанное мной стране: «Когда истечет семилетний срок моих полномочий или если моя смерть или болезнь наступят до их завершения, президент Республики впредь будет избираться путем всеобщего и прямого голосования». Но каким путем страна должна выразить свое решение? Я отвечаю: «Самым демократичным путем, путем референдума, что просто и ясно предусматривает конституция, глася: “Президент Республики может путем референдума предложить стране любой законопроект (я подчеркиваю, любой законопроект) относительно организации государственной влас-

ти'». Заканчивая свое выступление, я сказал французкам и французам: «Как всегда, я не могу и не хочу предпринимать ничего без вашего участия. Как всегда, я вскоре попрошу вашего содействия. И как всегда, именно вы будете решать».

Но, именно как всегда, сам принцип принятия решения непосредственно народом является одиозным в глазах всех старых политических группировок. К тому же мой возможный успех отодвинул бы на более поздний срок лелеемую ими надежду на мой скорый уход. Но главное заключалось в том, что принятие моего предложения значительно уменьшило бы их шансы на возврат к ошибкам прошлого. В случае же неудачи установления на будущее такого режима, при котором глава государства получал бы свой мандат от всех граждан страны, партии рассчитывали (после моего ухода с поста по той или иной причине) сделать так, чтобы вернуть свое бывшее положение. Их давление и влияние на коллегию нотаблей, избирающую президента, обязательства, которые они сумели бы навязать кандидатам, а затем, когда победивший на выборах занял бы свой пост, своеобразное толкование законов, юридические уловки и увертки, пересмотр парламентским путем некоторых законов и положений — всего этого было бы им достаточно, чтобы снова незаметно прибрать к рукам Республику. Но для этого сначала нужно было победить меня. Вот почему в завязавшейся борьбе ни одна партия, какого бы толка она ни была: левого, центристского, правого и др., не вышла из лагеря оппозиции. В этой ожесточенной битве коалиция не преминула использовать все возможности, которыми она располагала.

Таким образом, как это чаще всего случается в нашей политической борьбе, обсуждаемая проблема не стала сама по себе объектом этой борьбы. Поскольку массе французов идея самим избирать президента Республики казалась вполне естественной и поскольку народ считал нормальным, что глава государства должен быть его руководителем и что де Голль имеет полное право готовить себе преемника, армия сторонников «нет» остерегалась нападать на сам принцип реформы, который в сущности является народным. Коалиция обрушила поток обвинений против юридических условий, в которых я предложил эту реформу и которые для большинства казались весьма туманными. Итак, нам предстояло присутствовать при бешеной кампании, которая, казалось, преследовала цель защиты права, но в действительности была направлена единственно против моей личности и имела целью заставить общественность поверить в обвинения, исходившие из всех политических кругов, поддержанные всеми воинствующими юристами, наперебой повторяемые всеми газетами, в том, что ге-

нерал де 1 олле нарушает конституцию, чтобы установить свою диктатуру. Аргумент, которым потрясала коалиция, заключается в следующем: статья 89 конституции предусматривает возможность пересмотра конституционных законов парламентским путем; нет никакой другой статьи, специально посвященной вопросу пересмотра конституции; следовательно, пересматривать конституционные законы с помощью референдума — значит противоречить закону.

Будучи опытным в таких делах, с которыми мне с давних пор приходилось сталкиваться, я считал, что тем самым коалиция перешла все границы. Ведь, предлагая реформу на прямое голосование народа, я всего только применял конституционное положение, выраженное в самой ясной и простой форме. В самом деле, существует ли что-нибудь более ясное и более точное, чем статья 11, которая предусматривает, что «президент Республики может, по представлению правительства, предложить стране любой законопроект, касающийся организации государственной власти»? Имеется ли что-нибудь другое, что по своей сущности и по определению могло бы более очевидно касаться организации государственной власти, чем конституция, и в особенности ее положение о порядке избрания главы государства? Не соответствовало ли это всегда юридической науке и юридической терминологии до такой степени, что конституция 1875 года, учреждавшая Республику, была озаглавлена: «Закон об организации государственной власти»? Зачем же в этой 11-й статье, в которой столь определенно излагается конституционный порядок, было бы необходимо упоминать о том, что само собой разумеется, а именно: о возможности прибегать к пересмотру? Если в самом крайнем случае, а именно в случае отрицания своего собственного закона, законодательный орган намеревался заменить его другим, то как бы мог он не оговорить этого? Почему же право прибегать к референдуму для изменения конституционного закона противоречило бы процедуре, предусмотренной статьей 89, процедуре, вступающей в силу, когда органы государственной власти сочтут предпочтительнее использовать парламентский путь? Не будет ли целесообразным к тому же, чтобы в столь серьезном деле эти органы в зависимости от обстановки и обстоятельств располагали той или иной возможностью, и разве не в этом кроется смысл статьи 3, где говорится: «Национальный суверенитет принадлежит народу, который осуществляет его через своих представителей и с помощью референдума»? Наконец, и это самое главное, если конституция 1958 года была принята прямым голосованием страны, то во имя чего стране было бы отказано самой внести изменение в то, что она сама сделала?

Я должен сказать, что упорное стремление, проявленное партиями, толковать конституцию таким образом, чтобы отказать народу в праве, которое ему принадлежит, казалось мне тем более произвольным, что я сам являюсь главным инициатором создания новых институтов и что это было действительно уж слишком требовать от меня того, чтобы я изменил самому себе, опровергнув их значение. В частности, если референдум предусмотрен нашим правом, то только потому, что в 1945 году я настоял на его принятии путем всеобщего голосования. И если референдум был использован для введения в действие конституции 1958 года, то только потому, что я заставил угасающую IV Республику сделать это завещание. И если существует статья 11, то именно потому, что, получив законные и недвусмысленные полномочия разработать и представить стране конституцию, я хотел, чтобы она содержала в себе эту статью, с ее порядковым номером, с ее смыслом и значением. Кроме того, при рассмотрении этой части разрабатываемого мною проектом 26 и 30 июня 1958 года в Совете Министров, где присутствовали хранитель печати Мишель Дебре, которому было поручено редактирование, а также государственные министры Ги Молле, Пьер Пфлимен, Луи Жакино, Феликс Уфуэ-Буаньи, я настоял на том, что необходимо предоставить стране во всех сферах, и прежде всего в сфере конституции, полную власть, которую референдум позволяет ей осуществлять. Все отметили, и я признал, что текст статьи 11 даст мне в отношении этого требования полное удовлетворение. Пусть теперь прежние правящие школы бессовестно сговариваются игнорировать принципы, дух, основу конституции, пусть они не желают читать, что там написано, или, прочтя, не хотят соглашаться с тем, что выражено словами; вот кто, если бы в этом была необходимость, убедил бы меня, конечно, не в доброй воле, которой я и не жду с их стороны, а в неистребимой ностальгии, внушаемой им их абсурдным прошлым.

Однако мое выступление 20 сентября, в котором вопрос был изложен с полной ясностью, положило конец авангардным боям и открыло основное сражение. Правда, почти в это же время в сравнительно спокойной обстановке начались частичные выборы в сенат, в результате которых состав сената был обновлен на одну треть. Но несмотря на спокойствие, сопровождавшее эту формальность, все партии заняли сплоченную позицию в ожидании объявленного национального референдума. 23 сентября социалисты сообщили: «Начинается новое и явное нарушение конституции... Избрание президента Республики путем всеобщего и прямого голосования является лишь демагогическим средством заставить народ одобрить путем плебисцита последовательные

посягательства на прерогативы правительства и парламента». 23 сентября коммунисты призвали «к объединению всех республиканцев, чтобы совместными усилиями разгромить общего врага — режим личной власти, который превращается в фактическую диктатуру». 25 сентября Объединенная социалистическая партия заявила о «своей единодушной враждебности к проекту референдума-плебисцита президента Республики». 30 сентября радикалы, собравшись на свой съезд в Виши, бурной овацией встретили зажигательную речь Гастона Моннервиля, который воскликнул: «Я говорю «нет!» попытке плебисцита, которая готовится в настоящее время... Позволить нарушить конституцию — значит позволить все». И председатель сената призвал Национальное Собрание выразить недоверие и добавил: «Это будет прямым, законным и конституционным ответом на то, что я называю должностным преступлением». Еще до 8 и 9 октября (даты, назначенные МРП и независимыми для изложения своих решений) все знали, что они примкнут к оппозиции. Не было ни одной группы, вплоть до Республиканского центра, движения Пужада, алжирских репатриантов, которая не высказалась бы вполне определенно в пользу «нет».

Между тем законопроект, подлежащий представлению стране и разработанный по моим указаниям премьер-министром, был представлен, как обычно, на рассмотрение Государственного совета. Но последний, вместо того чтобы ограничиться предложением о внесении в текст поправок, которые, по его мнению, казались желательными, противозаконно счел себя вправе судить о способе, с помощью которого глава государства — гарант конституции — решил ее применить, и дал неблагоприятное заключение в отношении ссылки на статью 11 и использования референдума. Этот орган, состоящий из чиновников, назначаемых декретами правительства, но отнюдь не избираемых, предназначается для того, чтобы давать исполнительной власти юридические оценки, которые у него испрашиваются, но вовсе не для того, чтобы вмешиваться в политическую область, и тем более в конституционную область. Зная тенденции Совета, на заседаниях которого отсутствовали те из его членов, которые были откомандированы мной или правительством, в то время как там заседали и выступали с громкими речами общеизвестные и открытые сторонники «нет», парламентарии или бывшие министры и будущие кандидаты, я ни в коей мере не был удивлен позицией этого органа. Я также не удивился, узнав, что вопреки всем обязательствам и традициям Совета тайна обсуждения и голосования была нарушена в тот самый момент, когда его заседание закончилось. В самом деле, без малейшей задержки агентства печати опублико-

вали решения Совета, и партии ухватились за это, чтобы поддержать развязанную ими кампанию. Вот почему я ответил вице-председателю Совета Александру Пароди, доставившему мне эти решения, которые я уже прочел в газетах, что я не буду считаться с подобным «мнением», которое к тому же, согласно закону, ни к чему меня не обязывает. На другой день текст моего проекта был принят Советом Министров. Я спросил каждого министра, поддерживает ли он его. Все одобрили его без оговорок, за исключением Пьера Сюдру, который, следовательно, вышел из правительства.

Чтобы с моей стороны все строго соответствовало правилам, 2 октября я обратился к парламенту с посланием, в котором торжественно изложил суть и обоснование принятого мной решения. Отметив, что «институты, которые французский народ получил на протяжении четырех лет после серьезного кризиса и накануне новых опасностей, смогли благодаря стабильности власти и преемственности замысла... разрешить трудные проблемы и преодолеть суровые испытания», я заявил: «Теперь речь идет о том, чтобы закрепить эти институты. Это означает, что в будущем, кто бы ни стоял во главе, государство должно иметь в лице своего главы эффективного гаранта судьбы Франции и судьбы Республики. А такая роль... для того, кто должен ее выполнять, требует прямого и недвусмысленного доверия нации». И в этом важное значение имеет, указал я, представляемый на референдум законопроект, предусматривающий избрание президента Республики путем всеобщих и прямых выборов. «Я считаю, — сказал я, — что не существует лучшего способа внести в закон, одобренный в 1958 году французским народом, изменение, которое является действительно необходимым и касается каждого гражданина». В заключение, намекая на недавние покушения, я сказал: «Нация, которая недавно вдруг оказалась перед тревожной перспективой, получит тем самым возможность придать нашим институтам новую и торжественную гарантию».

Мое послание было выслушано обеими палатами в полном молчании, и сразу же все партии — левые, центристы, правые — объявили мне войну. В Национальном Собрании депутаты, социалисты, радикалы и сочувствующие им члены МРП и независимые, внесли совместно резолюцию недоверия правительству. Хотя коммунисты и не участвовали в постановке этого вопроса, было очевидно, что они будут голосовать за недоверие. Дискуссия, согласно закону, началась два дня спустя. Никто не сомневался в том, что назревает кризис, который должен быть преодолен страной, и что историческая роль де Голля, его политика, его

Республика либо найдут в этом решении свой конец, либо обретут новую силу.

4 октября, не дожидаясь обсуждения и голосования вопроса о доверии, в «Журналь офисьель» были опубликованы декреты, касающиеся референдума: текст моего предложения и обращение к избирателям. В этот же день, до открытия заседания парламента, я обратился по радио и телевидению непосредственно к французенкам и французам. Моя речь была категоричной. Говоря о конституции, я напомнил, что именно народ дал ее себе, что он вызвал ее к жизни «на другой день после кризиса, который чуть не сбросил Францию в пропасть и чуть не погубил Республику». Затем я сравнил очевидные результаты, достигнутые благодаря этой конституции, с несостоятельностью режима партий: «Наша государственная жизнь, которая, как известно, еще недавно представляла собой зрелище сделок, всевозможных комбинаций и кризисов, в настоящее время характеризуется стабильностью и эффективностью. Вместо расстроенной денежной системы, финансового дефицита, угрожающего положения экономики, что еще недавно вселяло в нас чувство постоянного ужаса и унижения, мы находимся сейчас на полном подъеме процветания и социального прогресса на базе прочного положения франка, положительного сальдо в области внешней торговли и уравновешенных бюджетов. Если прежде мы находились в таком положении, когда нам угрожал разрыв нашего национального единства и когда расточались ресурсы нашего военного могущества, когда не была завершена деколонизация, не было покончено с алжирским конфликтом и подрывной деятельностью, угрожавшей государственными переворотами, то теперь установлено сотрудничество между Францией и ее бывшими колониями, к чему в свою очередь стремится Алжир, мы уже можем приступить к реорганизации нашей армии, а страшные заговоры, прежде угрожавшие Республике, теперь уже рассматриваются наряду с такими постыдными акциями, как кража, шантаж и убийство. Наконец, если еще недавно Франция считалась «больным человеком» Европы, то сейчас ее вес и ее влияние признают во всем мире».

Подчеркнув затем, что именно эта благотворная конституция сделала президента Республики действительным «главой государства и руководителем Франции» и что именно этого главного качества «хотели бы лишить ее сторонники осужденного режима», так как в этом случае мы вернулись бы к тому, что было вчера, я заявил: «Для того чтобы быть в состоянии по отношению к себе самому и по отношению к другим выполнять эту миссию, президенту необходимо прямое доверие нации». «Речь идет о том, чтобы отныне это доверие, которое я имею с 1958 года

только лишь в силу исключительной исторической причины», президент получал в результате всеобщих и прямых выборов.

Я не преминул подчеркнуть все драматическое, что было при-  
суще условиям и моменту, когда народу предлагалось одобрить  
мой проект. «С самого начала, — сказал я, — я знал, что должен  
буду до истечения моего семилетнего срока правления предло-  
жить стране, чтобы это делалось так, как я указываю. Но весьма  
серьезные причины заставили меня уже сейчас выступить с этой  
инициативой, ибо я имею на это право и считаю своей обязанно-  
стью это сделать». Затем я напомнил «о покушениях на мою жизнь,  
уже имевших место или готовящихся, которые заставляют меня  
обеспечить, насколько это в моих силах, после себя прочное поло-  
жение Республики». Я нарисовал картину «общего беспокойства,  
порожденного опасностью смуты, которая может внезапно возник-  
нуть во Франции» и которая должна заставить страну засвидетель-  
ствовать путем массового голосования, «что она желает сохранить  
свои институты, что она не хочет, чтобы после де Голля государст-  
во снова сделалось жертвой политических интриг и махинаций, ко-  
торые опять привели бы его к ужасной катастрофе, и на этот раз  
уже непоправимой». Я напомнил также, что мы намереваемся сде-  
лать в области внутренней политики для экономического и соци-  
ального прогресса страны, а вовне — для мира во всем мире и со-  
гласия между Востоком и Западом; «это огромное начинание требу-  
ет, чтобы Франция в будущем располагала средством самой  
избирать тех, кто должен будет поочередно становиться во главе  
государства... отвечать за его судьбу».

Наконец, я поставил перед француженками и французами во-  
прос о доверии к моему «ясному, простому и прямому» проекту,  
судьбу которого они должны будут решить путем референдума:  
«Именно ваши ответы, которые вы дадите 28 октября, скажут  
мне, могу ли я и должен ли я продолжать выполнять свою задачу  
на службе Франции!»

Мое выступление состоялось в 13 часов. Через два часа от-  
крылось заседание Национального Собрания. Позиция партий по  
отношению ко мне была настолько же враждебной, насколько  
моя позиция была твердой по отношению к ним. Поль Рейно и  
Бертран Мотт от независимых, Ги Молле и Франсис Леенар от  
социалистов, Поль Кост-Флоре от МРП, Морис Фор от радика-  
лов, Жан-Поль Давид от других центристов, Вальдек Роше от  
коммунистов — все они поднимались на трибуну, чтобы штур-  
мовать мою позицию. Что бы ни сказали Жорж Помпиду и ораторы,  
разделявшие мое мнение, Люсьен Нейвирт и Мишель Хабиб-  
Делонкль, каждый из них подвергался нападкам. В общем это  
было столкновение двух республик: вчерашней, надежда кото-

рой — возродиться вновь — проявлялась в злопыхательстве ее сторонников, и нынешней, которую воплощаю я и которой стараюсь обеспечить будущее. Но я сделал так, чтобы решение не принималось в этой инстанции, а выражение недоверия, за которое проголосовали 280 из 480 депутатов, не изменило моей решимости одержать победу в другой сфере.

Однако таковы уж привычки и иллюзии политических кругов и органов информации, что если их послушать или прочесть, то можно поверить, что голосование в Национальном Собрании означало мое поражение. Просматривая парижскую прессу, я нашел ее, можно сказать, единодушной в этом вопросе. Так, например, в «Орор» Жюль Ромэн утверждал: «Республика спасена!»; в «Фигаро» Андре Франсуа-Понсэ заявлял: «Истинная демократия — парламентская демократия!»; в «Пари-жур» меня предупреджали об опасности, которая возникнет, если я распушу Национальное Собрание; «Комба» писала, что есть все основания утверждать, что я не смогу обойтись без партий и что из этого мне следует сделать выводы; «Монд» объявила, что, если я не сдамся, возникнет «кризис режима». Я же был преисполнен решимости показать, что в действительности то, что только что совершило Национальное Собрание против меня, будет иметь последствия лишь для него самого. Я умышленно провел весь день 5 октября на учении войск в Мурмелоне, не проявляя никакого интереса к сложившейся обстановке. И только в полдень 6 октября я принял Жоржа Помпиду, прибывшего ко мне, чтобы в соответствии с конституцией вручить мне заявление о своей отставке. Я тотчас же предложил ему и его министрам продолжать выполнять свои функции. Разумеется, я не скрывал своего намерения объявить о роспуске Национального Собрания и, как обязывал меня закон, проконсультировался по этому вопросу с председателями обеих палат; одна из этих встреч — с Жаком Шабан-Дельмасом — носила сердечный характер и длилась полчаса, другая — с Гастоном Моннервилем — заняла две минуты и обошлась даже без рукопожатий. 10 октября были опубликованы мое решение и декрет, назначающий первый тур парламентских выборов на 18 ноября и второй тур на 25 ноября. Так же как и в 1958 году, хотя и совершенно при других обстоятельствах, я призвал страну сначала высказаться по поводу институтов, а затем вскоре же избрать новый парламент.

Кампания, предшествующая референдуму, характеризовалась единством позиции партий, которое они продемонстрировали в парламенте. Правда, некоторые члены этих партий, страстные сторонники «нет», весьма громко кричали — то ли по тактическим соображениям, то ли в силу убежденности, — что они не же-

лают возврата к прошлым ошибкам, и выдвигали предложения, которые внешне казались конструктивными. Так, например, Поль Рейно, который, несмотря на все исторические, политические и личные превратности своей долгой карьеры, никогда не переставал ставить превыше всего трибуну, доминирующую роль Бурбонского дворца, но который, казалось, считал необходимым устранить злоупотребления, выдвигал идею «парламентского правительства». По его мнению, каждый раз после очередного избрания Национального Собрания должно формироваться правительство на основе мажоритарного принципа и это правительство должно продолжать выполнять свои функции до тех пор, пока сами депутаты остаются в парламенте. И если им случится свергнуть правительство, то Национальное Собрание *инсo факто*<sup>23</sup> распускается, а затем назначаются новые выборы. Бывший премьер-министр считал, что этого было бы достаточно для того, чтобы избежать систематических правительственных кризисов, которые скомпрометировали III и IV Республики. Но, несомненно, Поль Рейно имел в виду и то, что тем самым будут упразднены право роспуска и возможность вмешательства президента и что парламент вновь станет таким образом единственным верховным органом власти. Я же думаю, что подобная система, предусматривающая принижение роли главы государства, уничтожила бы средство, способное определить, а при необходимости и заставить соблюдать высшие и постоянные интересы страны. Думать же, что мудрость возьмет верх в Национальном Собрании, когда ему будет грозить перспектива снова предстать перед избирателями в случае, если оно открыто выразит свое недоверие, означало бы недооценивать хитроумные уловки, к которым прибегали бы партийные группировки с целью добиться удаления министров, но без свержения правительства и без роспуска парламента. Ибо разве было бы прочным правительство, созданное из делегатов этих самых группировок и на основе их комбинаций, если бы они считали возможным дезавуировать или отзываться тех из своих членов, которых они назначали в правительство? Только путем развала правительств, а не путем отзыва депутатов, партийные лидеры стали бы отныне устраивать кризисы. И это, конечно, служило бы пищей для интриг различных комитетов. Но в таком случае что стало бы с эффективностью и достоинством власти?

Другие мастера маневрирования, тоже теоретики, например Поль Кост-Флоре и Гастон Деффер, в свою очередь твердили о

---

23

В силу самого этого факта (лат.). — Прим. ред.

желании устранить злоупотребления, характерные для всемогущего парламента, которое еще недавно мозолило всем глаза; но, стремясь прежде всего сделать Национальное Собрание неприкосновенным, они предлагали ввести «президентский» режим по американскому образцу. Они считали, что глава государства, который одновременно являлся бы и главой правительства, мог бы избираться непосредственно народом. При этом Национальное Собрание не должно иметь возможности отстранять президента точно так же, как президент не имеет права распускать Национальное Собрание. Следовательно, исполнительный и законодательный органы власти функционировали бы на протяжении всего срока действия их полномочий, и ни один из них никогда не имел бы возможности принуждать другой. Со своей стороны я убежден, что такая система, о которой, впрочем, известно, что и в США она действует не без трений, противоречила бы политической натуре и характеру французов, которые заставляют их, за исключением случаев драматических ситуаций, лишь с большим трудом подчиняться подлинному правительству, и если только не открыть предохранительные клапаны безопасности, то они вынудят своих представителей подчинить себе это правительство, иначе говоря, уничтожить его.

Соединенные Штаты Америки, с тех пор как они стали независимым государством, пережили на протяжении вот уже более чем столетия всего лишь одну Гражданскую войну, но не пережили ни одной революции, ни одного иностранного вторжения, а следовательно, не испытывали хронических раздоров и противоречий, остающихся в национальном сознании в результате подобных трагедий и делающих власть предметом постоянной предубежденности и постоянной подозрительности со стороны многих категорий населения. В США существуют всего две партии, которые не находятся в оппозиции по отношению друг к другу по таким фундаментальным понятиям, как родина, законы морали, государственное устройство, оборона, свобода, собственность. США — это федерация штатов, каждый из которых, имея свое правительство, своих депутатов, свои муниципалитеты и своих чиновников — и все они избираются, — берет на себя большую часть жгучих вопросов из сферы политики, администрации, юстиции, общественного порядка, экономики, здравоохранения, просвещения и т. д., тогда как федеральное правительство и конгресс занимаются обычно крупными проблемами: международные отношения, гражданские права и обязанности, армия, финансы, налоги и пошлины. В силу этих причин такой режим мог до настоящего времени функционировать на севере Нового Света. Но куда привел бы такой режим Францию, киша-

щую соперничающими кликами, которые заставили бы ее пережить столько драм как в области внутренней, так и внешней политики; Францию, где все в политической, социальной, моральной, религиозной и национальной областях всегда находится под сомнением; Францию, народ которой уже привык разделяться на лагеря с непримиримыми тенденциями; Францию, которая, в силу необходимости сохранения своего единства и извечной угрозы извне, была вынуждена пойти на крайнюю централизацию своей системы управления, ставшей тем самым объектом всевозможной критики? Как можно сомневаться в том, что у нас сам факт существования двух властей, находящихся по отношению друг к другу в теоретически неприступных крепостях, обязательно привел бы к их взаимной непримиримости, то есть парламент отказывался бы утверждать законопроекты и бюджеты, предлагаемые любым непослушным правительством, а последнее выходило бы за рамки законности, то есть, помимо роспуска парламента и получения вотума недоверия правительством, имеется ли нормальный выход из этих конфликтов? Неизбежный результат был бы таким: либо подчинение президента требованиям депутатов, либо переворот. Зачем же тогда говорить о равновесии? Следует добавить, что, учитывая характерные особенности нашей страны, здравый смысл диктует не объединять в одном лице верховную роль главы государства, на которого возлагается ответственность за судьбы страны, то есть за ее отдаленное будущее и преемственность ее политики, и второстепенные обязанности премьер-министра, который в сутолоке повседневных забот всякого рода руководит текущими делами и деятельностью исполнителей.

К тому же поборники парламентского правительства и поборники президентского режима, с возмущением отвергающие принцип народного голосования при изменении конституции, очевидно, не могут не знать, что сенат и палата депутатов никогда не приняли бы ни одно из этих двух предложений. И если тем не менее они размахивают этими предложениями накануне национальных выборов, то только для отвода глаз. Для них, как и для всех других сторонников старого, главное заключалось в том, чтобы провалить мой проект. Именно это стремление и было продемонстрировано 10 октября на совместной пресс-конференции, созванной партийными лидерами организации, получившей название «Картель сторонников “нет”». Под председательством бьющего на эффект Поля Рейно, который за несколько дней перед этим заявил, что президент де Голль «нарушил конституцию и оскорбил парламент», и к которому присоединился Ги Молле, написавший, что «если народ скажет «да», то де Голль

фатально приведет его к гражданской войне», выражали свои согласованные страсти представители независимых, социалистов, МРП, радикалов, демократического согласия, Европейской либеральной партии. В это же время сказала свое «нет» «против голлистской монархии» Объединенная социалистическая партия. Накануне Гастон Моннервиль, который единогласно был переизбран председателем сената, поскольку группа ЮНР от голосования воздержалась, утверждал под бешеные аплодисменты присутствующих, что «конституция попорана», что «народ обманут», а то, что предлагает де Голль, «это не Республика, в лучшем случае — это нечто вроде просвещенного бонапартизма», что «это равнозначно уничтожению демократии», что «борьба будет, по видимому, долгой и суровой, но Республика будет спасена». Со своей стороны Венсан Ориоль, делаясь поборником ошибок, которые он сам первый еще недавно подчеркивал и по поводу которых выражал сожаление, писал: «Референдум является актом абсолютной власти... Под предлогом оказания чести суверенитету народа пытаются окончательно отобрать его у народа в пользу одного человека... Я голосую “нет”». В это же время коммунисты «призывают француенок и французов ответить «нет», чтобы помешать де Голлю преодолеть новый этап на пути к диктатуре, ликвидировать последние признаки демократии... сделать своей политикой политику реакции и войны». Наконец, Национальный совет сопротивления, созданный Жоржем Бидо и Жаком Сустелем и связанный с остатками ОАС, отдал распоряжение голосовать «нет».

Наступление всех партий было поддержано многими профессиональными организациями. Все организации, которые имели какое-то влияние, выразили тот же отказ, и хотя обычно они не вмешивались в политические дебаты, на этот раз они приняли в них участие. Так, например, ВКТ предписывала своим избирателям: «Трудящиеся будут действовать так, чтобы своим недвусмысленным «нет» не давать свободу действий, которую де Голль требует от французов»; отделение «Форс увриер» Парижского района, так же как и его центральный комитет, призывает трудящихся сказать «нет» референдуму; Французская конфедерация христианских трудящихся (ФКХТ), национальный комитет которой подчеркивал свое нежелание влиять на голосование, «подтверждает отрицательную позицию, занятую Советом конфедерации в отношении референдума»; Лига работников просвещения так выразила свое отношение к референдуму: «Чтобы оставаться хозяином своей судьбы и сохранить будущее демократии, народ ответит “нет”»; Национальный профсоюз работников технического образования высказал «единодушное “нет”»;

Национальный профсоюз работников средней школы «призывает преподавателей ответить «нет» на эту акцию ликвидации основных свобод»; Французский университетский союз «призывает всех преподавателей университетов сказать “нет”»; Административная комиссия Национальной федерации профсоюзов земледельцев «осуждает процедуру, навязанную стране, проект, в том виде, в каком он представлен, подлинные цели президента Республики, а также моральное давление, оказываемое властями»; комитет сельскохозяйственной ассоциации «Движение в защиту индивидуальных крестьянских хозяйств и за координацию их деятельности» «просит земледельцев выступить против сельскохозяйственной политики правительства, сказав «нет» на референдуме», и т. д.

Ко всем этим оппозиционным группировкам громогласно присоединился и Государственный совет. 21 октября он возобновил обвинение в связи со статьей 11, которое он предъявил президенту Республики несколько дней тому назад. Собрание юридического отдела Совета фактически наложило запрет, на основании которого был бы попросту «упразднен» Военный трибунал. Последний был учрежден декретом от 1 июня во исполнение законодательных и регламентарных полномочий, предоставленных мне апрельским референдумом по вопросу о независимости Алжира, которые позволяли правительству осуществлять правосудие и быстро выносить обвинительные приговоры преступникам из ОАС. На протяжении вот уже пяти месяцев этот трибунал, выполняя свою работу, провел много процессов и Государственный совет не оспаривал его роли. И вдруг Совет за семь дней до начала референдума выступает против существования трибунала и тем самым ставит под сомнение мои прерогативы. Поводом к этому послужило дело некоего Каная, казначея ОАС, осужденного незадолго перед этим. Совет заявляет, что это дело входит в его компетенцию, ибо, по его мнению, относится «к разряду административных»! Итак, он ухватился за это дело и заявил, что процедура, предусмотренная для функционирования трибунала, «не соответствует основным принципам права», поскольку она не предусматривает кассации, и что, следовательно, мой декрет является «превышением власти». Таким образом, Совет потребовал, чтобы трибунал был распущен, а его приговоры аннулированы.

Уступить подобному требованию, особенно в связи с таким делом, означало бы совершенно очевидно согласиться на нетерпимую узурпацию. И конечно, я счел недействительным это решение Государственного совета, ибо я был главой Государства, которого сама суровая История облекла законными правами и

полномочиями, а народное голосование наделило законодательной властью, причем эти права и власть не являются и не могут быть подсудными органу, не только не имеющему для этого полномочий, но и, напротив, выступающему против того, что является законом, причем было совершенно ясно, что политическое окружение заставляет этот орган превышать свои функции. Да и можно ли считать нарушением «основных принципов права» тот факт, что Кассационный суд не принимал к своему производству некоторых дел, тогда как суверенный народ пожелал, чтобы эти дела решались в исключительном и оперативном порядке, вплоть до того, что мне было дано право учредить законным путем специальный трибунал для рассмотрения этих дел? И разве в условиях военной обстановки или общественной опасности французское правосудие, военное или гражданское, как, впрочем, и правосудие во всех других странах, не было организовано так, чтобы действовать быстро, причем без вмешательства высшей инстанции по каждому случаю? Протестовал ли когда-либо против этого Государственный совет на протяжении 162 лет своего существования? Протестовал ли он также против Верховного военного трибунала, который был предшественником Судебной палаты, приговоры которого также не подлежали кассации? И наконец, не является ли скандальным тот факт, что этот орган, созданный, чтобы помогать государству, «прославился» подобным образом по делу столь явного преступления? Вот почему три дня спустя Совет Министров сурово осудил «характер вмешательства, которое, бесспорно, выходит за пределы административных юридических функций, коими наделен Государственный совет, и по своей сути и по условиям момента, при каких оно было совершено, компрометирует деятельность властей в отношении преступных подрывных действий, число которых еще не сократилось». В это же время принимается решение о необходимости реформы этого органа, превысившего свои полномочия. Однако точка зрения этого ареопага из Пале-Рояля<sup>24</sup>, широко и шумно разрекламированная всеми болтунами от информации, была полностью использована «Картелем сторонников “нет”».

Впрочем, этот картель, разоблачавший «произвол» генерала де Голля и его посягательства на конституцию, которые картель усматривал в проведении референдума, нашел со стороны прессы поддержку, зачастую открытую, иногда скрытую, но в целом решительную. Почти все парижские и провинциальные газеты старались убедить общественное мнение и избирателей в необхо-

димости отклонить мой проект. Они это делали следующим образом: либо открыто призывали голосовать «нет», либо на видных местах публиковали мнения глашатаев политических групп и оппозиционных профсоюзов, либо ссылались на консультации юристов, занимавшихся политической деятельностью и закончивших в понятиях парламентского режима, каким он был, когда они изучали свое право, либо печатали направленные против меня пасквилы, анекдоты и карикатуры.

К такому отношению прессы я сделался с течением времени довольно равнодушным. К тому же я знал, что редакторы и издатели, учитывая вкусы фрондирующей, недоверчивой и требовательной клиентуры нашего времени, *априори* считают критику деятельности властей более удобной и выгодной, чем поддержку трудных и грандиозных государственных мероприятий. Я знал также, что те, чье ремесло заключается в трактовке «современности», имеют личные причины сожалеть о вчерашнем режиме, который намного больше, чем существующий, обеспечивал им связи, продвижение и влияние. Я знал, наконец, что, хотя сам я читаю газеты и слушаю радио и всегда проявляю интерес к талантам, появляющимся в этой области, хотя я, как и всякий деятель, пользуюсь пером и микрофоном, моя сдержанность, ставшая чертой моего характера и правилом моей деятельности, не может удовлетворить профессионалов информации. Но, будучи защищенным от их стрел, я тем не менее был огорчен их чрезмерными выпадами. Например, так было, когда большинство журналистов, выступая по радио и телевидению, присоединились к оппозиции, объявив забастовку за несколько дней до выборов. Они также кричали о несправедливости, избрав для этого в качестве предлога тот факт, что время передачи, отведенное партиям для проведения кампании по референдуму, было недостаточным. Однако журналисты не протестовали, когда на протяжении более 12 лет тогдашние правительства запрещали генералу де Голлю пользоваться французской радиовещательной сетью.

На самом деле уже настала самая пора доказать, что все эти феодалы от политики, профсоюзных дел и журналистики, даже вместе взятые, не выражают волю народа, как и не защищают его коллективные интересы. Чтобы столько людей самых различных судеб и, несомненно, не лишенных достоинств, переживших в прошлом длительный период отвратительной смуты, захотели вдруг вернуться к режиму, зная, что он губителен; чтобы, являясь сегодня свидетелями очевидного обновления страны, они старались сделать что-то такое, что затормозило бы развитие страны и способствовало бы ее упадку; чтобы, видя, слушая и хорошо зная

генерала де Лолля на протяжении четверти века и принимая независимо от своего образа мыслей в тот или иной момент участие в его национальных усилиях и даже — некоторые из них — в деятельности его правительства, они проявляли бы, как только перестали испытывать страх, лишь недоверие и неприязнь, — все это, конечно, вызывает у меня огорчение, но тем не менее усиливает мою решимость. Разум и сердце подсказывают, что успех их коалиции был бы роковым для государства и недостойным Франции.

Вот почему я стал действовать решительно. В своем обращении к стране 18 октября я снова полностью осветил ситуацию. Вернемся мы к прошлому режиму или же обеспечим будущее наших институтов? Но, так же как я это сделал при решении алжирского вопроса, я прямо указал, какие последствия для меня лично будет иметь это голосование. «Если вы скажете «нет», — сказал я французенкам и французам, — как этого хотели бы все прежние партии, чтобы восстановить свой злощастный режим, а также все мятежники, чтобы начать подрывные действия, или если даже большинство ответивших «да» будет незначительным, скромным, ненадежным, то вполне очевидно, что моя миссия сразу же и безвозвратно закончится. Ибо что я мог бы делать после этого без горячей поддержки нации? Но если, на что я надеюсь, на что я уповаю и в чем я уверен, вы еще раз скажете мне «да» и если это «да» будет массовым, тогда моя миссия будет подтверждена! И тогда положение страны будет прочным, будущее Республики обеспечено и горизонт станет ясным! И весь мир обретет твердую уверенность в великом будущем Франции!» 26 октября я повторил народу, что только от него зависит, «закончится ли моя историческая миссия или будет продолжаться».

Несомненно, что в тот момент, когда страна с трудом выходит из перенесенных ею потрясений и обеспокоена недавними покушениями, многим людям обстановка кажется довольно тревожной и перспектива моего ухода может повлиять на их голосование. Но имею ли я право скрывать от моих сограждан то, что касается меня и что, очевидно, является важным элементом в решении, которое они собираются принять? Однако немало представителей оппозиции кричат «о плебисцитном шантаже» и даже доходят до того, что не признают мое право уйти, если мой проект будет отклонен. Конечно, такой взгляд на вещи находит свое объяснение на политическом уровне, где в любой борьбе вопрос состоит в том, чтобы захватить или сохранить место, независимо от того, какая судьба постигнет затем идеи, которые выдвигались. Такой взгляд объясняется с позиции вчерашнего режима,

при котором глава государства независимо от своих убеждений должен был лишь приноравливаться к тому, что ему предлагали на подпись. Он также объясняется опытом прошлого, согласно которому звезда покидает сцену, только будучи задуманной «евнухами сераля». Но в плане национальном — который является именно его планом, — каким образом де Голль мог бы продолжать отвечать за Францию, если бы по вопросу, затрагивающему ее судьбу, французы, опрошенные им настойчивым и торжественным способом, решили ответить ему отрицательно? И если бы в таком случае, что вообще невозможно вообразить, он предпочел остаться, то как смог бы он сохранить честь и власть, он, кто основал новую Республику, обеспечив ей в качестве первоосновы и движущей силы прямое согласие народа и его руководителя?

Наконец, накануне референдума увеличивается число комментариев, авторы которых были заинтересованы как раз в том, чтобы я получил именно такое большинство — «незначительное, скромное, ненадежное», — какое не удовлетворило бы меня. В самом деле, среди видных представителей общественного мнения существуют расчетливые деятели, которые из осторожности еще не желают моего падения, но надеются, что мой возможный успех будет предельно скромным и, таким образом, я окажусь в таком шатком положении, при котором их вмешательство в критический момент оказалось бы опять, как некогда, имеющим влияние. Так, например, хорошо информированный директор «Фигаро» Пьер Бриссон был уверен, как он писал об этом одному видному деятелю, в том, что, «если де Голль уйдет в данный момент, это будет катастрофа», а «то, что было в момент покушения в Клараме, и то, что продолжается, является ужасным», что «сделаны распоряжения о немедленной и общей амнистии, об оправдании убийц, возвращении Бидо и его “подручных”», что «термин “должностное преступление”», употребляемый Монневилем, является «ключевым термином», что «голосовать «нет» в данный момент и в данных условиях — значит голосовать за самое худшее». Но тем не менее он заявил читателям своей газеты, что сам он не будет принимать участия в голосовании и опустит в урну незаполненный бюллетень.

28 октября 1962 года французский народ значительным большинством голосов решил, что президент Республики отныне будет избираться всеобщим и прямым голосованием. Из 28 185 тыс. зарегистрированных избирателей в голосовании приняли участие 21 695 тыс. человек; ответили на поставленный вопрос 21 125 тыс. человек, в том числе «да» 13 151 тыс. (более 62%) и «нет» — 7974 тыс. человек. Считая, что впервые с периода «Объедине-

ния»<sup>25</sup> и в отличие от трех предыдущих референдумов сражение дали мне все партии сразу без оговорок и исключений, я отметил про себя, что процентное соотношение положительных (порядка 60%) и отрицательных (порядка 30%) ответов меня удовлетворило бы. Так и получилось. Следовательно, я должен был продолжать свою деятельность. Однако что касается лагеря моих противников, то сначала показалось, что там, ознакомившись с опубликованными результатами референдума, не хотели верить ни своим глазам, ни своим ушам. Председатель сената открыто обратился в Конституционный совет, предлагая ему объявить недействительным голосование французской нации. Венсан Ориоль, законный член этого совета, как бывший президент Республики, но до этого никогда не присутствовавший на его заседаниях, вдруг появился в совете, чтобы поддержать Гастона Моннервиля. Их требование, естественно, было отклонено. Но тот факт, что такие «демократы» по убеждению и по профессии не поколебались объявить о пренебрежении волей народа, красноречиво свидетельствует о том, куда может завести крайний произвол режима партий.

Однако коалиция, потерпев неудачу, сразу же возложила свои надежды на приближающиеся выборы. Действительно, эти выборы не будут иметь ничего общего с референдумом, где дело решалось сразу же между де Голлем и нацией. Наоборот, здесь дело будет решаться в 482 избирательных округах, в каждом из которых будут учитываться при самых различных условиях личная деятельность кандидатов, устоявшиеся обычаи избирательной клиентуры, позиции видных местных политических деятелей: сенаторов, депутатов, членов департаментских генеральных советов и мэров, чаще всего связанных с партиями, находящихся под влиянием местных газет, почти всегда испытывающих привязанность к обычаям и деятелям прошлого. Наконец, большинство в Национальном Собрании принадлежало оппозиции. И если это большинство увеличится или просто сохранится, тогда де Голль через свое правительство окажется жертвой самых тяжелых парламентских трудностей. Тем более, что по условиям конституции он не сможет, пока не пройдет год, распустить новое Национальное Собрание. Для того чтобы правительство могло существовать, а государственный бюджет выполняться, правительству нужно будет либо отказаться от власти, либо подчиниться парламентским группам или же принять чрезвычайные

---

25

Имеется в виду партия «Объединение французского народа», созданная де Голлем в 1947 г. — *Прим. ред.*

меры, которые при отсутствии национальной угрозы будут казаться неоправданными. В предвидении такой опасной ситуации прежние группировки, жаждущие реванша, всюду прекратили междоусобную борьбу и направили все свои усилия против Ассоциации в защиту новой Республики. Эта Ассоциация, смысл существования которой заключался в поддержке моего дела, была создана под энергичным руководством Андре Мальро и включала, кроме уже объединившихся ЮНР и Демократического союза труда, отдельные группы, отколовшиеся от других партий. Поскольку в начинающейся борьбе речь шла, как и до этого в ходе референдума, о сохранении новых институтов и в особенности полномочий главы государства, я был вынужден на этот раз лично участвовать в предвыборной борьбе. И я это сделал, не нападая ни на кого, в частности даже не упоминая тех, кто осыпал меня лично бранью. Но я проявил достаточную твердость, чтобы покончить с системой, порождавшей нападавших, к которой мои противники наверняка бы вернулись, если бы им удалось свалить меня.

7 ноября я обратился к нации по радио и телевидению и сказал, что «решение, принятое ею 10 дней назад, приобретает самое важное значение для будущего Франции». Кроме того, сказал я, «референдум полностью осветил основной фактор нашего времени, а именно: партии прошлого не представляют нации. Это со всей ужасающей ясностью обнаружилось в 1940 году, когда режим этих партий отрекся от власти в момент катастрофы. Это же снова пришлось констатировать в 1958 году, когда этот режим передал мне власть в стране, находящейся накануне анархии, катастрофы и гражданской войны. И это же только что подтвердилось в 1962 году».

И я напомнил о том, что произошло в последнее время: «Государство находится на подъеме, его казна полна, франк прочен как никогда, деколонизация завершена, с алжирской драмой покончено, в армии снова царит дисциплина, престиж Франции на мировой арене очень высок... мы видим, что все партии прошлого выступают против де Голля... Все они выступали против референдума... Они образовали коалицию, в которую вступили все как одна, чтобы сначала в парламенте отказать правительству в доверии, а затем склонить страну ответить «нет». Но вся эта коалиция недавно была дезавуирована французским народом... Следовательно, было бы смехотворно в наше время олицетворять партии прошлого с Францией и с Республикой».

Затем я указал, что необходимо сделать сейчас: «Ответив «да» без них и вопреки им, нация значительным большинством высказалась за политическое обновление... Совершенно необходимо,

чтобы это большинство закрепились и увеличилось, и прежде всего необходимо, чтобы большинство установилось в парламенте... Ибо если в парламенте завтра снова будут доминировать известные всем группировки, то парламент непременно погрязнет в обструкциях, породит слишком хорошо известное замешательство в органах государственной власти, надеясь рано или поздно погрузить страну в пучину нового национального кризиса... И напротив, какую роль может сыграть парламент, если, отвергая претензии и иллюзии сторонников старого, он захочет, чтобы при его решительной поддержке продолжалось обновление, которое уже ведется в стране на протяжении более четырех лет!»

Наконец, я бросил призыв: «Француженки, французы, 28 октября вы осудили пагубный режим партий... Но 18 и 25 ноября вы будете избирать депутатов. Так постарайтесь сделать так, чтобы эти выборы не противоречили результатам референдума! Несмотря на местные обычаи и отдельные соображения, постарайтесь при голосовании подтвердить выбор, касающийся нашей судьбы, который вы уже сделали, ответив «да» во время референдума!.. Я вас прошу об этом еще раз во имя — единственно, что для меня имеет значение, — блага государства, судьбы Республики и будущего Франции».

Первый тур, состоявшийся 18 ноября, выявил то, что информаторы называют «сильным приливом голлизма». 32% избирателей проголосовали вдруг за кандидатов Союза в защиту новой Республики и 5% — за тех, кто явно примкнул к ним. На предыдущих выборах 1958 года поддерживающая меня объединенная группа получила не более 22% голосов, что уже считалось крупным успехом. Как это обычно бывает при мажоритарной системе, результаты голосования резко определяются во втором туре, тем более что различные партии, проявляющие единодушие, когда надо выступить против, никак не могут договориться, когда надо проголосовать за что-то. 25 ноября Ассоциация получает 43% голосов, что обеспечивает ей триумфальную победу. Из 482 мест в Национальном Собрании Союз в защиту новой Республики получил 233, выиграв 64 места и превратившись таким образом в самую многочисленную группу, какую когда-либо видели в Бурбонском дворце и с которой потом будут постоянно блокироваться, чтобы быть избранными, около 40 других депутатов. К тому же впервые в истории всеобщих выборов представители Парижа — теперь их был 31 депутат — принадлежали все к одной группировке, постоянно поддерживающей генерала де Голля.

7 декабря после избрания бюро и формирования комиссий нового Национального Собрания я в соответствии с процедурой

назначил правительство. Собственно, его состав почти не изменился. Жорж Помпиду по-прежнему остался премьер-министром. Остались и государственные министры: по делам культуры — Андре Мальро, по делам заморских департаментов и территорий — Луи Жакино, по вопросам административных реформ — Луи Жокс, по научным, атомным и космическим проблемам — Гастон Палевский. Заняли должности министров: юстиции — Жан Фуайе, иностранных дел — Морис Кув де Мюрвиль, внутренних дел — Роже Фрэ, вооруженных сил — Пьер Месмер, экономики и финансов — Валери Жискара д'Эстен, по вопросам сотрудничества — Раймон Трибуле, национального просвещения — Кристиан Футше, общественных работ и транспорта — Марк Жаке, промышленности — Морис Бокановски, сельского хозяйства — Эдгар Пизани, труда — Жильбер Грандваль, строительства — Жак Мазюль, по делам бывших фронтовиков — Жан Сентени, почт и телесвязи — Жак Марет, информации — Ален Пейрефит, по делам репатриантов — Франсуа Мисоф. Были назначены два государственных секретаря при премьер-министре: по делам Алжира — Жан де Брольи, по связи с парламентом — Пьер Дюма, а также государственные секретари: по иностранным делам — Мишель Хабиб-Делонкль, по вопросам бюджета — Робер Булэн. Из 26 членов правительства было только три новых: Жаке, Сентени и Хабиб-Делонкль. Из состава правительства вышли: Роже Дюссо, избранный председателем группы ЮНР в Национальном Собрании, и Жорж Горс, назначенный послом Франции в Алжире.

Таким образом, политическая буря, которую напрасно затеяли партии, чтобы помешать упрочению наших институтов и в то же время вырвать у меня власть, нисколько не отразилась на правительстве. Как и прежде, глава государства сам назначил в правительство лиц, чтобы сообща выполнять задачу, которую он наметил. Среди них он выбрал премьера, который был бы его помощником. Он назначал на посты министров в зависимости только от способностей и личных качеств. Ни один из членов правительства не был делегирован какой-либо инстанцией и не подвергался давлению извне. Если отбросить неизбежные и проявляемые в достойной форме человеческие противоречия, то правительственный коллектив, созданный при главе государства и по его назначению, объединенный стремлением сыграть выдающуюся роль в развитии нашей страны, представляет собой сплоченную силу, не имевшую прецедента в анналах прежних Республик. Со своей стороны и парламент показал также, что и он претерпел не только формально, но и фактически весьма большие изменения. Правда, сенат, который пока еще не получил новых экономичес-

ких и социальных функций, а следовательно, и подлинной ответственности, продолжал политику оспаривания, сколь печальную, столь и бесполезную. Но Национальное Собрание, которое одно располагает возможностью повелевать и контролировать правительство, напротив, стало представителем французского общественного мнения, и все говорило за то, что в глубине души и, несмотря на пережитки пагубного прошлого, оно одобряет новый режим. Теперь в Бурбонском дворце имеется довольно компактное, однородное и решительное большинство, способное постоянно поддерживать своим доверием и делать эффективной своей законодательной деятельностью единую и последовательную политику, исключая возможность какого бы то ни было кризиса до истечения срока своих полномочий.

Имело ли когда-либо наше государство такую преемственность, такое прочное положение, причем без нарушения какой-либо из наших свобод? Видел ли когда-либо мир в нашей государственной власти столько уверенности и спокойствия? Можно ли лучше служить Франции, чем привести свой народ к таким чудесным изменениям?

## ГЛАВА II

На пятом году своего существования V Республика покоилась на основах, которые наметил я. И если бы не потрясения, то ничто не мешало бы теперь руководить национальными усилиями. Но то, что Республика должна делать завтра, как и то, что она уже сделала, и даже яростная кампания, которая только что была проведена против меня коалицией ее врагов, подчеркивают особую значимость долга, выпавшего на мою долю. Впрочем, я глубоко сознаю это. Отдавая себе полный отчет в том, насколько политическая власть, как бы она высоко ни ставилась, в сущности является относительной, считая чрезмерной общую тенденцию общественного мнения считать меня виновником всего, что происходит, и получать за это либо немного похвал, либо массу ругательств, смеясь над теми, кто слишком преувеличивает мое мнимое всемогущество, — так, например, некоторые английские газеты титуловали меня «Президент-Солнце», — я знаю, к чему меня обязывают прошлое и настоящее. Я знаю, что только мне надлежит вести корабль. Я знаю, что на этом трудном пути передышки не будет.

Однако, проведя корабль по бурным волнам, я думал, что смогу какое-то время вести его по более спокойному морю. Наша страна, полностью обновив свои политические институты, заменив свою колониальную империю широкой системой сотрудничества государств, ограничив подрывную деятельность военных, ликвидировав чудовищную террористическую деятельность, покончив с алжирской драмой, оздоровив умиравшую экономику, финансы, валютную систему, вновь воспряла духом. И теперь она должна была развивать достигнутые успехи, восстановить свое могущество, обеспечить свою независимость. Для этого необходимо было внутри страны предпринять огромные усилия в области труда, организации, производительности, не допуская, чтобы неизбежные столкновения принимали дурной оборот, как это было недавно. Я хотел, чтобы правительственные органы начали свою деятельность с выполнения именно этих задач. В то же время, используя доверие и престиж, которого мы почти чудом только что достигли, я хотел расширить нашу деятель-

ность в мире, чтобы играть там соответствующую нам роль. Наконец, убежденный в том, что, помимо задач, которые уже были выполнены и которые еще предстояло выполнить, нам нужно было осуществить глубокую человеческую и социальную реформу участия, но, учитывая ее масштабы и существующие условия, надо было дать ей созреть, я тем не менее не переставал ориентировать нацию в этом направлении. В общем задача состояла в том, чтобы Франция, пережившая период отставания и смут, из которых она только недавно вышла ценой опасных потрясений, сумела бы преодолеть и суровый период приспособления, чтобы идти в ногу с современной эпохой.

Однако эта довольно миролюбивая политика, каковой она, по видимому, должна быть, не могла не натолкнуться на подводные рифы. Дело в том, что внутри нации, которая впервые с начала века избавилась от своих тревог и уже не чувствует угрозы вторжения и разрушения, которая не должна больше ни стрелять из своих пушек, ни прибегать к внешнему содействию, ни противостоять какому-либо восстанию, сплоченность, возникающая перед лицом опасности гражданской войны и финансового краха, уступает место мелким конъюнктурным заботам и стремлениям. Это означает, что, если текущие дела уже не поглощают моих усилий столь часто и столь явно, как события четырех последних лет, они тем не менее требуют моей инициативы и моего вмешательства. В самом деле, способность видеть перспективу по-прежнему остается в моей компетенции, и все заставляет меня чувствовать, что в случае серьезного кризиса спасение страны или ее крушение еще раз будет зависеть от меня. В общем надо было добиться, чтобы официальная деятельность делала с каждым днем менее демонстративной роль главы государства, чтобы более явно и открыто, чем прежде, подчеркивалась и освещалась роль правительства в деле разработки, выбора и осуществления многочисленных и самых различных мероприятий, но при этом необходимо, чтобы за мной оставалось принятие решений по важнейшим проблемам.

Жорж Помпиду казался мне способным и достойным вести дела рядом со мной. Убедившись в течение длительного времени в его способностях и его преданности, я хотел теперь, чтобы он в качестве премьер-министра ведал многочисленными и сложными вопросами, которые обязательно встанут в начавшийся новый период. И хотя по уму и образованности он стоял на уровне всех идей, он в силу своей натуры склонен отдавать предпочтение главным образом практической стороне дела. Благоговей перед блистательными действиями, перед риском в замысле и смелостью власти, он тем не менее склонен к осторожности и сдержан-

ным демаршам, но, впрочем, отлично умеет схватывать обстановку и находить выход. И вот этот неофит, недавно приобщившийся к форуму власти, неизвестный широкой общественности до того, как он достиг пятидесятилетнего возраста, оказался вдруг благодаря мне, вовсе не стремясь к этому, в центре политической жизни, облеченный неограниченными полномочиями и привлекая к себе концентрированное внимание органов информации. Но, к своему счастью, он нашел сердечную и мощную поддержку главы государства и министров в правительстве, которые, будучи преданы одному и тому же делу, не скупилась на помощь; он встретил поддержку и в парламенте, где после референдума и выборов образовалось компактное большинство, его поддержали широкие массы народа, готовые одобрить действия де Голля. Таким образом, прикрываемый сверху и поддерживаемый снизу и, кроме того, чувствуя себя уверенным благодаря своей осмотрительности, Помпиду быстро схватывает проблемы, используя в зависимости от случая способность понимать и тенденцию сомневаться, талант освещать и склонность скрывать, желание решать и искусство выжидать, то есть используя все, что составляет разнообразие особенностей его личности. Учитывая как свои собственные, так и присущие ему качества, я назначил Помпиду премьер-министром, с тем чтобы он находился рядом со мной в течение определенного времени, но, поскольку сложились довольно тяжелые обстоятельства, я оставил его на этом посту на самый долгий срок, на какой на протяжении столетия не оставался ни один глава правительства.

Впрочем, относительная передышка, продиктованная создавшейся обстановкой, хотя она и соответствует основным чертам характера премьер-министра, подходит также и народу, который с трудом привыкает к условиям всеобщей промышленной деятельности. По сравнению с индивидуалистским существованием крестьян, ремесленников, торговцев, рантье, которое на протяжении многих веков было уделом наших отцов, современные французы вынуждены не без некоторого огорчения жить в условиях механизации и скученности. На заводах, в мастерских, на верфях, в магазинах работа требует однообразных движений при неизменной обстановке, с одними и теми же товарищами по работе. Ничего непредвиденного не случается в учреждениях, где не меняются ни предметы, ни соседи, где все идет без всякой фантазии, согласно пунктам плана или схем счетно-вычислительной машины. Сельское хозяйство представляет собой использование автоматизированных и механизированных средств для исключительно нормализованного производства; не предусмотрены только капризы погоды. Что касается торговли, то она располагает

типовыми рынками, стандартными магазинами, внушительной рекламой. Каждый из этих элементов представляет собой определенную ячейку в этом индифферентном комплексе. Транспортные средства перемещают серую, безликую массу, и никто не едет и не идет по дорогам или улицам, не будучи включен в общий поток или не будучи управляем сигналами. Даже досуг сейчас носит коллективный и регламентированный характер: пища, рационально распределяемая в столовых; однообразные скандированные приветствия на спортивных стадионах; отпуска в переполненных городках и поселках среди посетителей, туристов, купальщиков и прочих лиц; дневной и ночной отдых, хронометрированный для семей, живущих в однообразных квартирах, где все, прежде чем заснуть, одновременно видят и слышат одни и те же радио- и телепередачи. Здесь речь идет о силе вещей, которая, как мне известно, оказывает давление на наш народ больше, чем на какой-либо другой, вследствие особенностей его характера и прошлой жизни и которая, я это чувствую, вследствие неожиданного накопления раздражений может когда-нибудь бросить его в пучину безрассудного кризиса.

Тем более, что картина его собственного развития увеличивает и разжигает желания. Все слои и категории населения, стремясь как можно скорее повысить свой уровень жизни, но наталкиваясь при этом на грубые привилегии для некоторых, обусловленные капиталистической системой, укрепляются в своих упреках и подозрениях в отношении представителей интересов, более или менее определенных, которые, по их мнению, препятствуют улучшению их жизни. А профсоюзы, лишённые права принимать участие в процедуре обсуждения и принятия решений — причем основные профсоюзные объединения систематически поддерживают коммунистическую оппозицию, — посвящают себя исключительно борьбе за удовлетворение требований. Вот почему, несмотря на несомненное увеличение зарплаты, доступную всем полную занятость, элементарную обеспеченность пособиями по болезни, безработице, при авариях, по старости, беременности, многодетности, несмотря на постоянное улучшение оснащения страны, особенно что касается жилищ, школ, больниц, домов для пенсионеров, домов отдыха и т. д., короче говоря, несмотря на улучшение материального положения французов, на социальных отношениях остается печать недоверия и горечи. Можно сколько угодно говорить о разнообразии и высоком качестве продуктов на всех столах, одежды на всех людях, об увеличении числа бытовых приборов в жилищах, автомобилей на дорогах, антенн на крышах домов, все равно каждый будет более

чувствителен к тому, чего ему недостает, чем ценить то, что у него имеется.

Кроме того, приспособление Франции к условиям современной экономики не может не сопровождаться ударами, которые неизбежно порождают осложнения. Наша деятельность, долгое время ограниченная определенными объектами, местоположением, обычаями, теперь находится под воздействием изменений природы, методов, оснащения, ритма; они оказывают свое влияние на положение и образ жизни многих. Международная конкуренция, которой мы подчинили отмену таможенных тарифов внутри Общего рынка и либерализацию внешней торговли, ставит перед нашей промышленностью проблемы, от которых ее прежде ограждали протекционистские меры. К глобальной эволюции, начавшейся более века тому назад и вынудившей сельских жителей переселяться в города, на фабрики, сейчас добавляется специфическая эволюция, охватившая шахты, заводы, транспорт. Это является причиной возникающих в разное время и в разных местах кризисов, которые обуславливаются непреодолимыми экономическими императивами и больше всего затрагивают заинтересованных лиц. При этом вполне очевидно, что трудящиеся массы не могут избежать тревоги, внушаемой ощущением того, что это огромное изменение может поставить под угрозу профессию, квалификацию и местожительство каждого. Таким образом, в условиях всеобщего прогресса над судьбой каждого человека нависли тучи. Прежняя безмятежность крестьян, уверенных в том, что земля обеспечит им посредственное, но надежное существование, сменилась у детей века глухой тревогой изгнанников.

В общем задача, которую нация должна будет выполнять в течение некоторого времени внутри страны, заключается в том, чтобы продолжать преобразование, от которого зависит ее будущее, и по мере возможности исцелить раны, возникающие в результате этого преобразования. С точки зрения государства это должно быть выполнено отнюдь не ценой подавления свободы и духа предпринимательства, а путем реализации определенного плана. Отсюда для государственной власти вытекает необходимость постоянной и многообразной деятельности на основе законов и использования административных методов. Я буду возглавлять эту деятельность, открыто взяв ее на себя, вдохновляя или поправляя тех, кто должен непосредственно заниматься ею (министров и чиновников), заставляя осуществлять мероприятия, обеспечивающие прогресс или оборону страны, мероприятия, продиктованные будущими интересами страны, но в данный момент противоречащие другим интересам.

Но мой социальный долг остается. Несомненно, смятение душ, вызываемое цивилизацией, в которой доминирующее значение имеет материальная сторона, не может быть рассеяно никаким режимом. Это смятение можно было бы в будущем по крайней мере смягчить путем изменения моральных условий, что сделало бы Человека ответственным, вместо того чтобы быть простым орудием. С другой стороны, чтобы неизбежное неравенство, преобразования, налоги, характерные для современной экономики, воспринимались всеми как правомерные и оправданные, необходима такая организация, где каждый одновременно был бы и участником и работником. Однако я должен признать, что в атмосфере косности, наступающей после драматических ситуаций и ликвидации опасностей, когда усиливаются рутина, эгоизм и сектантство, мирная революция участия, по-видимому, не может принять такого размаха, какой ей необходим. Но в конце концов, мне ведь не сразу же удалось в свое время объединить страну на стороне Сопrotивления, или подвести ее к тому, чтобы она создала достойный ее режим, или же деколонизировать заморские территории и предоставить самоуправление Алжиру. Согласие, которое делает законы плодотворными, зачастую проявляется, как мне известно, только при блеске молнии. Не желая бури, я все же должен был быть готовым извлечь из нее пользу, если бы она вдруг разразилась. В политике, как и в стратегии, в делах или в любви, совершенно необходимо дарование. Здесь необходим также подходящий момент.

Под эгидой государственной власти, ставшей стабильной и сплоченной, страна много и успешно работает. Эта деятельность осуществляется в рамках IV плана, наметившего значительное развитие французского производства. Так, среднегодовой прирост производства в стране, запланированный в размере 5,5%, был превзойден и составил 7,2% в 1962 году, 6,3 — в 1963 году и 7% — в 1964 году, в частности в результате развития промышленности, индекс которой за эти три года соответственно составил 122, 128 и 138 (по сравнению с индексом 1959 года, принятым за 100). Таким образом, в этот период по приросту производства мы вышли на первое место среди крупных индустриальных держав мира (не считая Японии), включая США, ФРГ, Англию и Италию. Никогда еще этого с нами не случалось.

Благодаря такому национальному успеху потребление хозяйственно-бытовой продукции, объемом которой фактически измеряется жизненный уровень, возросло в 1964 году на одну треть по сравнению с 1959 годом. В то же время наша внешняя торговля достигла такого размаха, какого Франция еще не знала. Объем нашего экспорта и импорта увеличился вдвое по сравнению с

объемом, зафиксированным пять лет тому назад. Действительно, всюду в мире на рынках и выставках появились французские товары, но это были уже не предметы роскоши, которые в прежние времена составляли почти весь наш экспорт. Среди самых мощных машин, тяжелых транспортных средств и наиболее сложной аппаратуры уже имелись и наши образцы, зачастую пользовавшиеся успехом. Кроме того, иностранцы стали считать французов вполне способными купить все самое лучшее. Правда, французы работают регулярно и усердно. Продолжительность рабочей недели в «частном секторе» в среднем составляет 46 часов, что не вызывает, можно сказать, никаких забастовок. Впервые во Франции, с тех пор как она стала Францией, имелось всего 24 тыс. безработных в собственном смысле этого слова. Лишь 110 тыс. человек не получили работу по первому требованию. Однако это был период, когда многочисленная молодежь, появившаяся на свет после войны, начала свою трудовую жизнь, когда в результате окончания конфликта в Алжире и сокращения наполовину срока военной службы в гражданский сектор прибыло 300 тыс. призывников, когда в экономику метрополии сразу влилось 400 тыс. трудящихся, репатриированных из Алжира, и когда в страну прибыло 120 тыс. новых иностранных рабочих.

Как и требует будущее нашей страны, возрастающие доходы французов потребляются далеко не полностью. Для надлежащего содержания сооружений, оборудования и станков, *а фортиори*<sup>26</sup> для их обновления (что слишком часто приходится делать нашим предприятиям в условиях конкуренции) необходимы крупные капиталовложения. Планом развития предусмотрено ассигнование на эти цели в течение четырех лет 24% объема валового национального продукта. Однако мы делаем больше капиталовложений в основном благодаря сбережениям, обеспечившим поступление в государственные сберегательные кассы около 6 млрд. франков в 1962 году, 6,5 млрд. в 1963 году и 8,5 млрд. в 1964 году. Кроме того, за счет государственного бюджета, доходная часть которого продолжает увеличиваться по мере национального обогащения, для развития страны выделены (как в виде оказания помощи или различных услуг, так и путем развития инфраструктуры) беспрецедентные суммы, превышающие запланированные ассигнования.

Естественно, что деятельность и даже характерные черты Франции совершали эволюцию в соответствии с этим прогрессом. В течение этих трех лет выдано 14 тыс. разрешений на стро-

ительство предприятий (главным образом в провинциях) площадью свыше 500 кв. м каждое. В результате мероприятий по концентрации сельского хозяйства было ликвидировано около 150 тыс. мелких хозяйств и созданы укрупненные хозяйства на обрабатываемой площади около 2 млн. га. В торговой сети открылось около тысячи магазинов самообслуживания и 207 супермаркетов. Построено около миллиона жилищ для 4 млн. французов, и почти весь объем этого строительства выполнен при участии фондов и государственных кредитов. Электрифицирована тысяча километров железнодорожного пути. Всюду ускорены работы по строительству каналов, портов, аэродромов, телесвязи. Так, начато колоссальное мероприятие, благодаря которому будут соединены Северное и Средиземное моря и сделается судходоходной на всем ее протяжении Рона, которая, кроме того, будет связана с Рейном. Так, по Мозелю между Апашем и Триром уже курсируют (а вскоре будут курсировать между Мецем и Триром) баржи водоизмещением 1350 т, легко связывая таким образом промышленность Лотарингии с районом Рейна. Так, в порту Страсбург сооружается для всей Рейнской области центр по очистке нефти, которая теперь разгружается в Лавера, недалеко от Марселя, а затем по «европейскому» нефтепроводу протяженностью 700 км доставляется по назначению. Так, аэропорт Парижа, включающий аэродромы в Орли и Бурже, а затем еще и аэропорт Руасси, построен и оснащен для обслуживания внутренних и международных линий и не уступает ни одному аэропорту в Европе. Постепенно преодолевая серьезное отставание в области телефонной связи, мы ежегодно включали в сеть 190 тыс. абонентов вместо 110 тыс. в прежние годы. Вступила в строй ультрасовременная станция дальней космической связи в Плэй-мер-Боду. В Пьерлате построен завод по разделению изотопов урана. Электропромышленность Франции построила несколько новых атомных электростанций.

Кроме того, в этот период началось строительство наших автострад. Если еще 5 лет тому назад в этой области почти ничего не было сделано, то в 1964 году уже было сдано в эксплуатацию 480 км автострад и 150 км находилось в процессе строительства согласно плану, принятому в 1959 году. В этой области мы хотим догнать немцев, англичан и итальянцев. Следует отметить, что если они оказались впереди нас, то только потому, что в то время, когда начиналось царство автомобиля, их обычная дорожная сеть была развита очень слабо. Мы, напротив, располагали несравненно лучшей дорожной сетью, которая досталась нам от времен, предшествующих появлению железных дорог, и которая с тех пор попечением Управления дорог и мостов содержалась в

полном порядке. Вот почему, хотя наш автомобильный парк численно равен или превосходит парки наших соседей, мы испытывали менее срочную потребность в строительстве крупных магистралей. Но что касается модернизации этой области, как и других, то приняты соответствующие решения, реализация которых уже началась.

В то время как наша продолжающаяся эволюция способствует общему прогрессу и ускоряет его, она неизбежно влечет за собой сокращение объема и замедление развития в отдельных секторах. Последствием такого положения для этих секторов может быть лишь переключение усилий на другие отрасли. Реконверсия — дело трудное, поскольку она требует, чтобы профессии, оборудование и общая ориентировка сразу были заменены другими. Однако в нашей стране ни люди, ни вещи, естественно, не столь мобильны. Предприятия плохо приспособлены для опасных нововведений. Люди тяжело переносят все, что затрагивает их профессию, жилище, привычки. Особенно это относится к нашей угольной промышленности, объем продукции которой и ее удельный вес среди других источников энергии непрерывно сокращаются. Эта экономическая необходимость вызывает социальные потрясения.

И эти потрясения тем более серьезны, что их никогда нельзя предвидеть. В самом деле, насущные потребности послевоенного периода вынудили нас извлекать из наших шахт максимум возможного. Несмотря на то что их лучшие угольные пласты были уже выбраны, а ассигнования, зачастую чрезмерные, на их эксплуатацию уже реализованы, мы сочли необходимым провести ряд весьма дорогостоящих мероприятий для увеличения добычи угля и обновления оборудования. Дело в том, что уголь был почти единственным источником энергии, которым мы располагали в то время для обеспечения функционирования нашей металлургической промышленности, наших заводов, железных дорог и производства электроэнергии. Таким образом, французская угольная промышленность в лице ее руководителей, инженеров и шахтеров оказалась основной категорией, от которой требовалось непрерывное увеличение усилий. Но условия изменились. Теперь уже везде предлагается нефть, которая применяется повсюду. Многочисленные гидроэлектростанции, построенные за последние 20 лет, производят электроэнергию и заменяют собой тепловые электростанции. Находит свое энергетическое применение природный газ. Появилась атомная энергия, обладающая беспредельными возможностями. К тому же связи, кредиты, торговля, восстановленные с внешним миром, позволяют нам импортировать более высокие по сравнению с нашими сорта

угля, используемого для промышленных и бытовых нужд. Наконец, эксплуатация наших собственных угольных месторождений вследствие истощения их запасов становится все более и более нерентабельной. Нам следовало пойти на ограничение количества добываемого угля, сосредоточив усилия в наиболее благоприятных с точки зрения продуктивности районах и полностью прекратить работу в других местах. Разумеется, это требовало предоставления новой работы тем шахтерам, которые должны были оставить свою работу, и тем из их детей, которые не могли стать шахтерами. Это сокращение добычи и это изменение осуществлялось с 1960 года, когда правительство по докладу министра промышленности Жана-Марселя Жанненэ приняло решение о сокращении в течение 5 лет добычи угля с 59 до 52 млн. т и о предоставлении льгот персоналу, вынужденному в связи с этим изменить свою профессию и местожительство.

Но шахтеры — гордый народ. Эта гордость обусловлена их профессией, суровый и опасный характер которой придает им особое благородство. Эта гордость обусловлена той симпатией, которую по этим же причинам проявляет к ним население. Шахтеры горды еще и в силу своей исключительной роли, которую они играют в стране, поскольку последняя нуждается прежде всего в них. Вот почему, в каком бы опасном положении ни находилась шахта, где они добывают уголь, работая в тяжелых условиях, в темноте, под угрозой, а порой становясь жертвами обвалов, взрыва рудничного газа, силикоза, шахтеры глубоко привязаны к месту работы. Впрочем, этой привязанности способствуют различные льготы, предоставляемые шахтерам в области зарплаты, пенсионного возраста и жилищных условий. По мотивам как морального, так и материального порядка шахтеры рассматривают ограничительные меры не только как ущерб, причиняемый некоторым из них, но и как несправедливость, как ошибки в отношении их профессии. Поэтому в массе своей они были настроены действовать, чтобы заставить власти исправить эти ошибки. Судя по всему, их организации готовились к решительной забастовке.

Начало этому печальному эпизоду было положено в Деказвиле. Создавшиеся там весьма неблагоприятные условия привели к предельному сокращению эксплуатации угольного бассейна и соответственно к интенсивному размещению компенсирующей промышленности. В сентябре 1962 года шахтеры прекратили работу; забастовка длилась более 5 месяцев. Но в тот момент, когда казалось, что этот местный конфликт был на пути к урегулированию, профсоюзы распространили его на всю угольную промышленность, предъявив руководству шахт, а через него и властям

требования о немедленном (и неприемлемом) увеличении заработной платы и об отмене принятых или намеченных ограничений добычи угля. На этот раз инженеры и служащие присоединились к забастовке, что свидетельствовало о том, что она фактически была вызвана тревогой среди работников этой отрасли за свое будущее. Несмотря на то что правительство дало обещание увеличить зарплату с учетом положения в других областях коммунального обслуживания, заставить администрацию шахт рассмотреть совместно с представителями рабочих и служащих судьбу угольной промышленности и возникающие в связи с этим проблемы трудоустройства, профессионального обучения, занятости, выхода на пенсию, профсоюзы тем не менее единогласно решили начать всеобщую забастовку с 1 марта 1963 года.

Зима, весьма суровая в том году, продлилась еще несколько недель. Это вызвало увеличение потребления угля и истощило запасы на приемных площадках шахт. Руководители забастовки считали, что промышленность, транспорт, жилища не могут обойтись без топлива и, чтобы предотвратить катастрофу, власти вскоре будут вынуждены согласиться на их условия. Но они рассчитывали главным образом на то, что таким образом они докажут, что во Франции французский уголь ничем не может быть заменен, и поэтому не соглашались с программой сокращения его добычи. А, по моему мнению, эту программу следовало обязательно выполнить. Конечно, лично меня не могло не огорчить сокращение роли нашей угольной промышленности. Я хорошо знал, сколько трудовых усилий вложили многие поколения шахтеров, чтобы сделать производительной свою отрасль промышленности, и после Освобождения я сам хотел, чтобы она стала национализированной. Как уроженец севера, я питаю к этим людям особое уважение. К тому же мои братья Ксавье и Жак, а также мой зять Альфред Кайо были инженерами на шахтах. Но и здесь я также должен был учитывать лишь общую выгоду для страны. И кроме того, признаюсь, я питал иллюзии в отношении того, что в конечном счете шахтеры не захотят взять на себя ответственность за серьезный ущерб, который они причиняют французскому народу своим отказом снабжать его углем в тот момент, когда он испытывал в нем жизненную потребность. Если бы проблема была поставлена так, разве не были бы они склонны продолжать работу, в то время как развертывались предложенные дискуссии? Администрация шахт давала понять, что если бы власти поступили так, то имелась бы возможность предотвратить забастовку. Вот почему, когда правительство представило на мое решение вопрос о мобилизации персонала, я согласился с ним. И отнюдь не потому, что я верил в возможность заставить рабо-

тать 400 тыс. человек, когда они не соглашались на это. Но я полагал, что вся корпорация шахтеров или часть ее увидит в подписанном мной декрете подтверждение национальных интересов и сочтет себя обязанной подчиниться ему.

Однако из этого ничего не вышло. За исключением коксовых батарей и службы безопасности, все угольные бассейны оказались парализованными. По причинам традиционного сентиментализма, к которому примешивался расчет политической оппозиции, самые различные круги щедро расточали шахтерам свои симпатии, а порой и оказывали помощь. Между тем попытка правительства добиться совместно с бастующими урегулирования с помощью «комитета мудрецов» потерпела неудачу. С каждой неделей кризис разрастался, показывая, что я ошибался в своих надеждах. Поэтому и в противовес тому, на что надеялись шахтеры, Франция обошлась без французского угля. Конечно, промышленность и бытовой сектор испытывали ограничения в топливе, но в терпимых пределах. Кроме того, увеличивая закупки топлива в Америке, Англии, СССР, Польше, расширяя применение нефти, используя гидроэлектростанции для производства электроэнергии, мы ликвидировали наиболее серьезные трудности. Таким образом, вместо того чтобы путем забастовки доказать, что уголь необходим стране, оказалось, что, напротив, страна может существовать с помощью других видов топлива. И сразу же шахтеров охватило сомнение относительно их будущей судьбы, и, таким образом, забастовка закончилась, лишившись той движущей силы, которая ее породила. После 35 дней забастовки работа возобновилась, так сказать, на условиях, которые были предложены с самого ее начала. Затем представители администрации и представители рабочих и служащих шахт совместно обсудили, как это предлагало правительство еще до кризиса, реальное положение, сложившееся в угольной промышленности, выбор шахт, подлежащих закрытию, мероприятия по реконверсии, которые должны сопровождаться сокращением масштабов производства и обслуживающего персонала. В результате этих официозных переговоров «за круглым столом» были сделаны рекомендации, которые затем из года в год учитывались при принятии официальных решений.

Экономическое преобразование страны создавало в разных местах и другие трудности. Либеральный режим не обратил бы на это внимания, оставив раны кровоточить. Тоталитарный режим выжиг бы их каленым железом. Новый режим с помощью дирижизма намеревался найти против них средство. Он действовал либо в ограниченных масштабах, вмешиваясь в местные кризисы, вызванные застоєм некоторых предприятий, например ме-

таллургических заводов в Эннебоне или военных заводов в Шательро, и способствуя в таких случаях ликвидации существующих предприятий и созданию новых заводов, чтобы обеспечить работой уволенных трудящихся. Или же правительство осуществляло крупные мероприятия: так, например, в Сен-Назере и Нанте наши судостроительные верфи должны были быть полностью реорганизованы вследствие иностранной конкуренции, которая в силу участия в ней Японии грозила стать для нас разорительной. Но с нашей стороны было бы абсурдом отказаться от строительства кораблей, ибо мы располагаем квалифицированными рабочими и инженерами в этой отрасли промышленности, наша страна омывается четырьмя морями, морское судоходство продолжает расширяться во всем мире, поскольку повсюду ощущается потребность в судах для перевозки нефти и руды. Кроме того, нужно было, чтобы руководители соответствующих предприятий не отступали перед необходимостью их концентрации и переоснащения и чтобы личный состав соглашался с изменениями, вытекающими из этих мероприятий. В результате инициативы правительства, в чем большую роль сыграли министр общественных работ и транспорта Марк Жаке и помогавший ему генеральный представитель торгового флота Жан Морэн, были созданы соответствующие условия для развития этой первоклассной отрасли французской промышленности. В самом деле, правительство предоставило займы и субсидии, необходимые для переоборудования стапелей и для переселения семей, и, кроме того, разработало программу оснащения верфей и строительства кораблей. Таким образом, Франция продолжала занимать видное место в области кораблестроения.

Устройство репатриантов из Африки представляло собой проблему, беспрецедентную в силу своих масштабов и национального значения. В 1964 году в стране насчитывалось более 1300 тыс. человек, менее чем за три года переселившихся в метрополию, и среди них 980 тыс. — из Алжира. Что касается последних, то можно было предположить, что в силу условий, установленных Эвианскими соглашениями, их возвращение будет не столь массовым и не столь быстрым. Но предписания руководства ОАС, подкрепленные террором, ускорили репатриацию и расширили ее масштабы. Может быть, также отношение «черноногих» к арабам исключало возможность проживания довольно значительно французского меньшинства под юрисдикцией алжирского правительства. Как бы там ни было, приток столь огромного количества французов, оставивших свои жилища, лишенных работы, удрученных своим положением, но возвращение которых значительно усиливало страну в демографическом отношении и в от-

ношении квалифицированной рабочей силы, требовало от меня проведения определенной политики, а не только мероприятий, вызванных обстоятельствами. В связи с этим закон от 26 декабря 1961 года своевременно предписывал проведение комплекса мероприятий национальной солидарности, которые должны были быть реализованы и действительно были реализованы.

Эти мероприятия предусматривали все, что необходимо было сделать для приема, размещения и компенсации убытков французов, возвратившихся на землю своих предков. Поскольку средства, выделенные государством для обеспечения репатриантов, хотя и значительные в целом, могли быть только ограниченными и реализовываться поэтапно, то в первую очередь эти ассигнования выделялись для приема людей, затем для их размещения и трудоустройства. А значительно позднее должна была быть предоставлена большая часть средств для выплаты компенсаций репатриантам, понесшим убытки. В этом деле большой вклад внес своей неутомимой деятельностью министр по делам репатриантов Франсуа Мисоф. Благодаря своевременным и эффективным мерам, предпринятым для обеспечения питанием и размещения массы обездоленных и дезориентированных людей, их прибытие во Францию прошло организованно. Затем был введен в действие целый кодекс положений, касающихся либо устройства каждого репатрианта в соответствии с его профессией, либо избрания им места жительства в соответствии с его желанием, либо социального обеспечения в соответствии с его положением, либо оказания помощи семьям и людям пожилого возраста, либо субсидирования и предоставления займов, позволяющих приобрести или создать промышленные, сельскохозяйственные или торговые предприятия. Кроме того, рядом ордонансов, изданных в силу полномочий, данных мне законом о референдуме, репатриантам было предоставлено 120 тыс. квартир либо в домах, построенных муниципалитетами, либо в домах из сборных конструкций, либо в реквизированных домах. В течение трех лет государство израсходовало на нужды репатриантов из Африки 10 млрд. новых франков, не считая средств, выделенных для этого местными органами и частными лицами. Конечно, эти эффективные меры не могли возместить причиненный ущерб и утешить людей. Но они преследовали определенную цель, которая заключалась в том, чтобы достойно и успешно переместить более миллиона французов на родину.

Правда, устройство этих людей облегчалось в результате общего развития страны. Однако, хотя это развитие во многих отношениях и является синонимом индустриализации, это еще не значило, что французское сельское хозяйство обречалось на упа-

док. Благодаря «Закону об ориентации» 1960 года и «Дополнительному закону» 1962 года выделялись средства на его развитие. Следовало лишь ввести в действие эти законы. Министр Эдгар Пизани проявил здесь все свое умение, ясность ума и смелость. В результате ускорился процесс роста рентабельных и ликвидации нерентабельных хозяйств, укрупнения земельных участков, оснащения сельского хозяйства, отхода от дел старых земледельцев. В июле 1963 года был принят «Закон о лесе», согласно которому государство брало на себя охрану наших лесов, организацию контроля за их вырубкой и обеспечение лесонасаждений. В мае 1964 года был издан декрет, устанавливающий для французских виноградарей определенные правила, направленные на ограничение количества их продукции и повышение ее качества. Наконец, был издан также декрет о реорганизации мясных рынков, где продукцию продавали сами скотоводы, и о создании в связи с этим на местах скотобоев промышленного значения. До принятия всех этих мер министр сельского хозяйства обстоятельно консультировался с соответствующими профессиональными организациями, но встретил с их стороны больше возражений, чем поощрения. К тому же эти организации чаще всего неверно истолковывали сущность активных усилий, которые от имени правительства предпринимались Эдгаром Пизани на заседаниях Совета ЕЭС в Брюсселе, для того чтобы наша сельскохозяйственная продукция была действительно допущена на европейский Общий рынок. И даже когда соглашение по этому вопросу, заключенное 23 декабря 1963 года с нашими партнерами, продемонстрировало победу наших требований, то и это вызвало лишь ропот в Сельскохозяйственном объединении и в Федерации земледельцев. В чем же дело? Не говорит ли это о склонности французов, каждого в своей области, требовать движения вперед, не желая при этом ничего изменять? В то время когда многие руководители предприятий с недоверием относятся к тому, что делается для модернизации промышленности, когда так много преподавателей лишь критикуют реформы в области образования, когда немало офицеров встревожено обновлением армии, как можно было ожидать, что земледельцы одобряют прогресс в области сельского хозяйства?

Эпизодические потрясения, наблюдавшиеся в тот период в угольной промышленности, на судостроительных верфях, потрясения, связанные с проблемой репатриантов, потрясения, вызванные той или иной мерой в области сельского хозяйства, тревогой коммерсантов в связи с появлением больших магазинов, унынием, охватившим клан ремесленников в связи с появлением товаров массового производства, — все это дополнялось потрясения-

ми на предприятиях коммунального обслуживания. И это происходило отнюдь не из-за плохой их оснащенности, которая, не считая необходимости покончить с отставанием телефонной связи, в целом отвечала существующим потребностям, а вследствие хронических волнений среди обслуживающего персонала. Следует сказать, что функционеры — чиновники, техники, служащие, рабочие, обслуживающие государственные учреждения или национальные предприятия, — в ходе экономического преобразования Франции убеждались, что их положение становится уже не столь привилегированным, каким оно было всегда. Сегодня их оклады и зарплата начисляются с такой же точностью, как и вчера. Но их выплата обеспечивалась тогда золотыми монетами, и именно на этой прочной, хотя и скромной, основе зиждилась их жизнь и жизнь их семей. Тем более что в прежнем обществе в виде исключения существовал определенный статут, который гарантировал им работу и продвижение по службе, а пенсия в конце карьеры была успокаивающим фактором. Кроме того, они ценили ту почтительность, которую в силу их положения проявляли к ним их близкие и соседи. И вот эти льготы исчезают. Среди трудящихся «общественного сектора», зарплата которых установлена строгими бюджетными и расчетными ассигнованиями, инфляция вызывает постоянную тревогу, связанную с реальным вздорожанием стоимости жизни, которая с каждым месяцем изменяется, в то время как в частном секторе промышленности по мере ее экспансии повышаются зарплата и оклады. Впрочем, в это время, когда все отрасли хозяйства работают с полной нагрузкой и стремятся обеспечить себя квалифицированными кадрами, уверенность в сохранении своей работы уже не имеет такой притягательной силы. Что касается желанной пенсии, которая прежде являлась достоянием рабочих и служащих коммунального сектора, то теперь социальное обеспечение предоставляет ее всем другим категориям. Это способствует тому, что личный состав коммунальных учреждений и предприятий становится более склонным выдвигать свои требования. И поскольку государственной власти принадлежит право дать или не дать ход этим требованиям, то именно к ней апеллирует или выступает против нее личный состав, которым она руководит или которому поручает руководство. И поэтому в течение всех этих лет активного экономического развития правительство сталкивалось с неоднократными волнениями, сопровождавшимися прекращением работ, среди работников просвещения, железных дорог, электрических и газовых предприятий, почт, телеграфа и радио, больниц, парижского транспорта и др.

Но вполне очевидно, что забастовка на государственном предприятии или в учреждении по своему характеру отличается от забастовки на частном предприятии, поскольку она является посягательством на национальное сообщество как раз со стороны тех, кто в силу избранной ими профессии обязался обеспечить основное условие деятельности и даже существования этого сообщества. Отказываясь вести уроки в школе, прекращая подачу электроэнергии, газа, воды, прерывая работу почты, телефонную и телеграфную связь, бастующие выступают отнюдь не против обогащения того или иного хозяина, а ставят под угрозу общие интересы страны, чтобы оказать давление на власти, которые отвечают за это. Несомненно, именно это является веским аргументом для людей, предъявляющих требования. Но и для правительства это также является решительным доводом не идти на уступки. Тем более, что по сравнению с рядовым предпринимателем, который соглашается на повышение зарплат, сокращая при этом свои доходы, повышая цены, уменьшая численность рабочих на своем предприятии, государство не имеет таких возможностей; оно не может в любой момент ни сократить свои расходы в какой-либо отрасли, не изымая того, что предназначено для другой отрасли, ни увеличить налоги, не нарушая законов, определяющих их размеры, ни повысить тарифы, не повышая в ущерб всем уровень стоимости жизни, ни изменить численность и функции работников, не нарушая их статута, ни пожаловать вследствие существования шкалы что-либо кому-либо, не давая этого всем. Короче говоря, опасаясь нарушить равновесие бюджета и вызвать инфляцию, правительство, как правило, выступает против забастовок в государственном секторе. Эти забастовки становятся актом несправедливости в отношении общества и одновременно выражением требований к правительству. Тем не менее они повторяются. Перебои в работе коммунальных служб и предприятий тяжело сказываются на жизни каждого гражданина, тогда как работники этих служб не подвергаются ни малейшему риску. Более того, в этих забастовках принимают участие основные профсоюзы, в том числе Всеобщая конфедерация труда, которая связана с коммунистической партией и фактически является орудием ее политической и социальной борьбы.

Чтобы предотвратить насколько возможно перебои в работе предприятий и учреждений государственного сектора, а в случае если эти перебои все же возникнут, ограничить их последствия, мое правительство действует двумя способами. Прежде всего оно стремится ввести в повседневную практику согласованность. С этой целью специальные комиссии «Тутэ» и «Грегуар» организуют контакты между заинтересованными предприятиями и адми-

нистрацией для совместного изучения положения на предприятиях государственного сектора и для распределения «фондов зарплаты» между различными категориями трудящихся. С этой же целью генеральный комиссар Пьер Массе официально советуется с профсоюзными организациями в связи с разработкой V плана; план намечает выработку правил, определяющих долю валового национального продукта, которую должна получать каждая из социальных категорий, иначе говоря, он вводит «политику доходов». Но эти шаги на пути к участию предпринимаются наряду с мероприятиями, касающимися реализации права на забастовку. В соответствии с конституцией правительство добилось принятия в парламенте в июле 1963 года закона, который, не отменяя этого права для предприятий коммунального сектора, до некоторой степени ограничивает злоупотребление им. Отныне любое решение профсоюза о прекращении работы должно быть в соответствующей форме доведено до сведения администрации, а выполнение этого решения может начаться не ранее чем через пять дней после уведомления. С другой стороны, такое решение не может последовательно распространяться на различные категории работников предприятий коммунального сектора. Так, были запрещены внезапные забастовки, нарушающие нормальный ритм жизни населения, а также «скользящие» забастовки, которые, затрагивая поочередно только одну группу трудящихся, фактически парализуют работу всего предприятия.

Урегулирование этих трудностей по мере их возникновения в основном входило в компетенцию Жоржа Помпиду и тех из его коллег, которых это касалось. Они занимались этими вопросами с полным знанием дела, без нервозности. В каждом отдельном случае я полагался на них. Но я намечал либо в порядке совета, либо в частном порядке позицию, которую надлежит занять. Я считал, что следует предусмотреть в бюджете увеличение фондов зарплаты для учреждений и служб коммунального сектора в соответствии с ростом объема национального продукта; что необходимо наладить постоянную информацию и консультацию работников коммунального сектора со стороны администрации учреждений, служб и министров, но что властям не следует поддаваться на ультиматум, и именно за этим я бдительно следил. В целом инциденты, происходящие в учреждениях коммунального сектора, носят скорее досадный, нежели пагубный характер. Однако я усматриваю в этом доказательство, как и во многом другом, того, что наша общественная структура немощна и шатка. Если бы в этом была необходимость, я бы окончательно убедился в том, что для излечения этого главного порока следует, чтобы те, кто своим трудом создает богатство нации, непосредственно

участвовали в развитии активности в той отрасли, в которой они трудятся, и тем самым становились бы ответственными за дело. Не имея возможности подготовить реформу в огне войны или революции, я предложу ее народу, как только смогу убедиться, что обстановка будет способствовать этому.

Несомненно, так будет обстоять дело в области национального образования. Но когда? В каких условиях? Пока что все это находится в стадии зарождения. Дело в том, что сама эволюция, которая благодаря промышленному производству обеспечивает людям лучшее материальное положение и которая, несомненно, создаст для них когда-нибудь путем участия лучшие моральные условия, влечет за собой широкое развитие образования французского народа. Введенное когда-то положение об обязательном начальном образовании, а затем положение о бесплатном среднем образовании, дополненное возможностью получить высшее образование благодаря увеличению числа стипендий, — все это создает у девушек и юношей стремление к более обширным знаниям. В мире, где стали доступны все ступени общественной лестницы, стремление к знаниям сочетается с пониманием того, что восхождение по этим ступеням обуславливается наличием знаний. И наоборот, общий прогресс требует от каждой категории общества все более и более многочисленных способностей. Вот почему в школах, коллежах, лицеях, университетах расширяется число учащихся. Тем более, что благодаря росту рождаемости, к счастью выровнявшейся в период после Освобождения, почти удвоилась по сравнению с довоенным периодом численность детей школьного возраста. Однако поскольку государство считается (и с полным основанием) обязанным организовать обучение молодежи, то именно ему и надлежит обеспечить это обучение соответствующими средствами. Кроме того, сейчас уже почти исключены существовавшие у нас раньше различия, касающиеся допуска учеников к разным ступеням обучения, прав учителей, изучаемых предметов, программ, экзаменов, дипломов, хотя свобода обучения продолжает существовать. Правительство и парламент постоянно и в первоочередном порядке занимаются этими важными и сложными проблемами, которые привлекают также серьезное внимание семей и общественности.

Для властей эта задача является тем более трудной, что дело касается области, где сталкиваются не только педагогические, но и идеологические концепции и политика в которой вызывает горячие споры. Эта задача еще более трудна в связи с тем, что только одни проблемы помещений, функционирования, комплектования преподавателей сильно увеличивают расходную часть бюджета страны. Эта задача усложняется еще и тем, что препода-

вательский состав лишен инициативы и не стремится проявлять ее в силу строгой системы централизации, применяемой в высших учебных заведениях со времен Наполеона и Фонтана<sup>27</sup>, и в то же время под влиянием века пронизан духом оспаривания и критики. И наконец, эта задача носит еще и весьма беспокойный характер, ибо организации преподавателей и студентов придерживаются только крайних теорий, предлагают только самые экстремистские решения, продолжают разделяться на марксистские и анархистские течения и сходятся между собой только в желании превратить национальное образование в мощное орудие разрушения современного общества.

Напротив, в силу моих функций и в силу амбиций, которые я вынашиваю в отношении Франции, я считаю национальное образование прежде всего государственной службой, исключительно важной и благородной. По моему мнению, миссия мужчин и женщин, приобщающих молодежь к знаниям, имеет с общечеловеческой точки зрения первостепенное значение. Возможность оказывать огромное влияние на нашу судьбу путем обучения цвета нации является ни с чем не сравнимым национальным долгом. Несомненно, что в том высоком представлении, которое я составил себе о роли учителей, сыграли свою роль воспоминания о моем отце, который всю свою жизнь посвятил обучению ряда поколений учеников, отдавая им все свои знания и свою преданность. К тому же во всех моих выступлениях и произведениях, связанных с моей деятельностью, в какой роли выступал я сам, если не в роли того, кто старался учить? Но мое суждение по этому вопросу, хотя и пронизано идеалами, не может не быть политическим. Поскольку в наше время Франция должна осуществить немало преобразований, чтобы выжить, она как никогда будет зависеть от умонастроения ее детей, по мере того как они должны будут брать на себя заботы о ее существовании, ее роли и ее престиже. Речь, следовательно, идет о том, чтобы, не внушая в тоталитарном порядке то, о чем они должны думать и во что должны верить, мы должны остерегаться обратного, то есть того, чтобы сделать бесплодными их устремления и надежды. Речь идет также о том, чтобы образование, развивая, как и прежде, их интеллект, их способность мыслить, отвечало бы условиям эпохи, которые являются утилитарными, научными и техническими. Короче говоря, речь идет о массовом и народном образовании, основанном на повседневном, но обращенном к новым гори-

---

27

*Луи де Фонтан (1757—1821) — крупный деятель в области французского просвещения в период Первой империи. — Прим. ред.*

зонтам опыте, образовании, которое отныне должна получать наша молодежь.

Для достижения этого сразу были поставлены все вопросы. Вопрос о численности школьников: если в 1958 году их насчитывалось 7 млн. человек, то в 1964 году их было уже более 9 млн., не считая 2 млн. детей, обучающихся в частных школах. Вопрос о численности учителей, количество которых за этот же период возросло с 350 тыс. до 500 тыс. человек. Вопрос о новых классах в школах, коллежах, лицеях (нужно было открыть 100 тыс. классов). Вопрос об университетах, где число студентов увеличилось с 160 тыс. до 350 тыс., а количество преподавателей — с 30 тыс. до 75 тыс. человек, что потребовало строительства 82 высших учебных заведений, расширения многих существующих, оснащения всех их современным оборудованием. Вопрос о финансировании системы национального образования — ассигнования на образование за 6 лет удвоились, а удельный вес в общем государственном бюджете возрос с 11% в 1959 году до 18% в 1964 году. Но доминирующим является вопрос о принципах, которыми надлежало руководствоваться при определении конечных целей и при организации этого колоссального аппарата. Однако в этом последнем вопросе сосуществуют и борются две концепции. Одна из них представляет собой элементарное движение, цель которого — открыть для молодежи всех общественных слоев доступ ко всем ступеням знаний. Другая — предусматривает необходимость постоянного регулярного вмешательства учителей, с тем чтобы наплыв учеников носил организованный и целенаправленный характер. Но именно эту концепцию преподавательский состав в силу своих философских убеждений никоим образом не разделяет.

Вскоре я имел возможность заметить это. 6 марта 1959 года специальным ордонансом я увеличил школьный возраст до 16 лет вместо 14. Конечно, это решение само по себе не вызвало возражения в среде учителей. Но в тексте ордонанса содержалось также предложение положить начало ориентации учащихся, чтобы преподаватели подводили каждого ученика к цели и указывали ему путь, соответствующий его способностям. Однако это мероприятие, которое, по моему мнению, было связано органически с первым, встретило всеобщее неодобрение и так и осталось на бумаге. Вот почему Жан Бертуэн, Андре Булош, Луи Жокс, Люсьен Пэй, Пьер Сюдро оказались в результате стоявших перед ними чрезвычайных трудностей преходящими министрами, стремившимися урегулировать поток учащихся, который бурлил в большинстве учебных заведений. Однако, поскольку в 1963 году были окончательно решены проблемы, касавшиеся ин-

ституты государства, Алжира, экономики, восстановления престижа страны за рубежом, я вплотную занялся политикой в области просвещения. Эта политика планировалась и обсуждалась на многих заседаниях Совета Министров, как в узком, так и в расширенном составе, где рядом со мной всегда находился премьер-министр Жорж Помпиду, сам агреже<sup>28</sup>, и бывший студент Эколь нормаль и министр Кристиан Фуше, который не хотел быть «выбитым из седла», как его предшественники, и оставался на этом посту так долго, как это не удавалось никому на протяжении ста лет.

К этому времени положение вещей в стране было еще таким, что почти для всей массы детей период школьного обучения завершался к 11 годам. В этом возрасте ученика 6-го класса либо определяли в среднюю школу, чтобы затем продолжать обучение в лицее вплоть до сдачи экзаменов (успешных или неудачных) на бакалавра, или же его оставляли в начальной школе вплоть до того, как начиналось практическое обучение ремеслу. И только некоторые после окончания начальной школы получали в технических коллежах основы профессиональной подготовки. Другие, окончив среднюю школу, поступали в специальные лицеи, где они получали как общее, так и техническое образование. Декреты, изданные в том году в дополнение к ордонансу 1959 года, внесли глубокие изменения в систему образования. Было установлено равенство шансов. Уже в 1960 году мы создали «коллежи общего образования», где вплоть до третьего года продолжался полный цикл начального обучения. И вот при старых лицеях уже создаются коллежи «среднего образования», открытые для всех, кто желает в них поступить и кого дирекция сочтет способным. В этих политехнических учебных заведениях учащиеся получают дифференцированное среднее образование в соответствии с их способностями, но на базе одних и тех же программ. После этого в возрасте 16 лет, предельного возраста обязательного школьного обучения, они смогут либо прекратить на этом свое образование, либо продолжать его в средних учебных заведениях, либо поступать в технические коллежи и лицеи. Таким образом, не смешивая начальное и среднее образование, мы снижали барьеры, их разделявшие. Так упразднилось старое предназначение, которое с самого начала устанавливало (за некоторыми исключениями) школьную и в значительной мере социальную судьбу всех детей Франции. Так молодежь получила до-

ступ к образованию, для нее открыты все пути в соответствии со способностями каждого.

Но поток учащихся, который с тех пор стал вливаться в систему среднего образования, следует направлять. Это прежде всего означает, что учащиеся, не подходящие для одного учебного заведения, должны направляться в другое. Это означает также, что среди предметов, включенных в программы образования, где различные науки, языки, технические дисциплины появляются наряду с литературой, выбор надлежит делать в соответствии со способностями. Зачем же нам заставлять изучать то, что не привлекает ученика? Зачем же устраивать идентичное обучение для всех, кто может усвоить эту программу, но способности которых, естественно, различны? Вот почему распределение учащихся становится настоящей необходимостью, а вмешательство в это дело учителей является неотъемлемой обязанностью их профессии.

Если это верно в отношении системы среднего образования, то насколько это тем более верно для высшего образования! Из докладов, представленных мне в 1963 году на заседаниях Совета Министров, явствовало, что свободный доступ в университеты приводит к тому, что в них попадает масса людей, неспособных усвоить учебную программу. Об этом свидетельствует тот факт, что из всей массы студентов дипломы получают только около 30 процентов — это самый низкий процент в мире! Смириться с этим означало бы либо пойти на разбазаривание молодых кадров и вызвать недовольство большого числа молодых людей, либо пойти на смехотворное понижение уровня обучения, экзаменационных требований и выдачу дипломов, не представляющих ценности, короче говоря, пойти на разрушение системы образования. И напротив, эта система может стать эффективной и блестящей при соблюдении двух условий: прежде всего следует сдерживать наплыв студенческой массы, затем расширить преподавание традиционных дисциплин: литературы, естественных наук, права, а также создать на их базе новые, с тем чтобы разнообразить сферу приложения способностей, связать теоретическое обучение с практической деятельностью современного общества, подготовить молодую французскую элиту для различных отраслей хозяйства, работая в которых она будет строить свою жизнь.

Поскольку я сам до предела расширил систему национального образования, то я намерен установить в ней снизу доверху ориентировку и отбор. Однако тут мои предложения и даже мои директивы встретят потом в соответствующих кругах глухое и пассивное сопротивление. Мне еще раз будет показано, что если не снести все с помощью диктатуры или революции, то никакое уч-

реждение нельзя по-настоящему реорганизовать, если его сотрудники не согласятся с этим. Именно так обстояло дело с преподавательским составом в системе национального образования. Дело в том, что преподавательский состав, охотно соглашаясь на «демократизацию», которая отвечает сложившейся у него принципиальной концепции и создает у него впечатление, что его роль возрастает с увеличением количества учащихся; стремясь снять все ограничения, вплоть до готовности облегчить экзамены, в особенности экзамены на степень бакалавра, готовности использовать все средства для того, чтобы увеличить свою численность и стать силой местного значения, он отнюдь не склонен принимать участие в руководстве и брать на себя бремя ответственности. Руководить тем или иным учебным заведением, закрывать *проприо моту*<sup>29</sup> его двери для некоторых лиц, как-то влиять на будущее как учащихся, так и тех, кто остался за дверями учебного заведения, — в этом кроется что-то такое, что противоречит, конечно, не достоинству корпуса преподавателей в целом, но их образу мыслей и привычкам. Многие из преподавателей, обуреваемые сомнениями, плохо воспринимают изменения, если они касаются их или предписываются им властями. Впрочем, именно в этом выражается общая психология этой выдающейся прослойки французской интеллигенции, вытекающая из чрезмерной обособленности, сложившейся на протяжении двух веков, и которая рано или поздно, как мне кажется, охватит общество, если только оно не перестроится под влиянием возобновленной дисциплины.

Вот почему, всячески стараясь использовать в системе национального образования временные меры перед лицом того прилива, который может затопить всю систему, я наметил преобразовать ее таким образом, чтобы все те, кто в той или иной степени будет иметь с ней дело: преподаватели, администрация, студенты, родители и родственники учащихся, принимали бы непосредственное участие в ее функционировании, в руководстве ею, в поддержании порядка, в применении санкций и результатов деятельности системы, ставшей автономной, которая должна либо функционировать, как ей следует, либо закрыть двери учебных заведений и прекратить разбазаривание времени учителей и учащихся, а также государственных средств. Но я хорошо знаю, что и в этой области подобный проект будет иметь шансы на успех только в том случае, если какая-нибудь буря рассеет туман, где заблудились лучшие авторитеты. И в самом деле, в 1968 году

такая буря действительно разразится. И как только она пройдет, не унеся с собой де Голля и его режим, система высшего образования по инициативе способнейшего министра, призванного мной на этот пост, окажется в силу закона реорганизованной сверху донизу на базе, которая до того времени отвергалась.

Та же самая психология, которая тормозила осуществление планов в системе национального образования, задерживала и реформу административной структуры, необходимую для нашей страны. Совершенно ясно, что структура, установленная Революцией<sup>30</sup>, закрепленная в кодексе Наполеона и с тех пор существующая в таком виде, делящая на 90 частей территорию метрополии и распыляющая муниципальную жизнь на 36 тыс. коммун, уже не отвечает требованиям нашего времени. Конечно, существование такой структуры вначале было оправданно. Для Франции XVIII века, состоящей из сельских приходов, с которыми имел дело Конвент, подходило наличие большого числа коммун, каждая из которых имела свои земли, свое местоположение, свои особенности, а также и свои интересы. Кроме того, стремления самых мелких и фактически коллективных предприятий, ограничиваясь поддержанием в порядке дорог, эксплуатацией лесов, строительством плотомойни, не выходили за пределы возможностей коммун. С другой стороны, поскольку Национальное Собрание из политических побуждений упразднило прежние провинции и, руководствуясь соображениями геометрии, пожелало, чтобы все новые административные единицы имели примерно одинаковую площадь, деление страны на департаменты было лишено логики. Это была эпоха, когда новое государство, внезапно возникая на обломках старого, стремилось к тому, чтобы его власть на местах была организована по единому образцу, была централизованной и близкой к населению, когда промышленность еще почти всюду состояла из предприятий ремесленников, когда интерес крестьянина был ограничен горизонтом его поля, когда продукция, продававшаяся на деревенских рынках, доставлялась туда медленно, на небольшие расстояния, на телегах или по рекам. С тех пор было заведено, чтобы орган власти, то есть префектура, размещался в главном городе округа, достаточно большого, чтобы вести день за днем неизменное существование, и достаточно малого, чтобы любой мэр, любой истец, любой ответчик, любой жандарм мог в течение 24 часов добраться до главного города верхом или в экипаже, в зависимости от

---

20

Имеется в виду Великая французская революция 1789—1793 гг. — *Прим. ред.*

обстоятельств. Впоследствии появление крупных заводов, железных дорог, изобретение телеграфа, телефона, автомобиля, все более и более частые перевозки людей, имущества и материалов на дальние расстояния, иначе говоря, относительное сокращение расстояний, как бы сжали размеры департамента. Но традиции живучи. Впрочем, в связи с этим сенат, избираемый коммунами каждого департамента, превратился при парламентском режиме, пришедшем на смену Второй империи, в привилегированную ассамблею, обладающую достаточным политическим влиянием, законодательной властью, консервативным духом, чтобы не допустить изменения порядков, установленных для местных сообществ. Вот почему при образовании V Республики департаменты остались такими же, какими они были созданы тотчас после падения старого режима, то есть слишком мелкими административными единицами для современной жизни, где властвует экономика со всеми ее широкими и планируемыми потребностями в устройстве и оборудовании. Ведь три четверти наших департаментов не располагают необходимыми ресурсами, поскольку большая часть достояния Франции, находившаяся прежде в деревнях, в настоящее время сосредоточена в городах, как и основная ее деятельность и масса ее населения. И только путем упразднения большого числа муниципалитетов мы создали бы в желаемых масштабах основной элемент местной администрации. Но само собой разумеется, что подобное преобразование должно составлять часть крупной реформы, которая, затронув министерства Парижа и все коммуны, расширила бы французские округа в соответствии с требованиями практической жизни и развития. Поскольку оказывается, что прежние провинции сохранили свой этнический состав, несмотря на их официальное упразднение и последующие перемещения населения, стоит лишь возродить их в экономическом плане в форме и под названием регионов, выходящих за рамки департаментов; каждый из этих регионов должен иметь размеры, необходимые для развития определенной деятельности.

А это требует, чтобы глава местной администрации — префект — располагал властью и аппаратом, приспособленным к размерам и предназначению региона; чтобы обсуждение планов, утверждение регионального бюджета, контроль за исполнением входили в функции нового совета, связывающего политических избранников с представителями профессиональных и общественных организаций; и, наконец, это требует, чтобы сенат, являвшийся некогда символом и цитаделью заведенных порядков III Республики и низведенный после ее упразднения до органа, играющего вспомогательную парламентскую роль, объединил бы

теперь в своем составе депутатов от местных коллективов и делегатов от различных отраслей деятельности страны, чтобы первые не томились в Люксембургском дворце<sup>31</sup>, тщетно соблюдая видимость законодательной власти, которой они уже больше не имеют, и чтобы вторые не ограничивали свою деятельность консультативным советом, с которым, естественно, уже мало консультируются. Вот тогда зародилась бы великая экономическая и социальная ассамблея, которая занялась бы разработкой в этой области, ставшей основной, французского законодательства. Тогда в государстве функционировала бы высшая инстанция участия. Тогда административная структура, которую от нас требует современная эпоха, была бы непосредственно связана с реформой положения людей и отношений между ними. Тогда оказались бы реализованными конституционные планы, начертанные в Байё на другой день после Освобождения в свете уроков, полученных на протяжении двух веков истории в предвидении далекого будущего.

Именно в этом и заключалось мое намерение. Когда я обращаюсь к стране, либо по радио и телевидению, либо на пресс-конференциях, либо в выступлениях во время моих поездок по стране, я постоянно подчеркиваю это. Но в ожидании, когда события укажут нам момент достижения цели, будем по крайней мере продвигаться к ней. С 1960 года, согласно декрету, в плане национального оснащения фигурировал 21 «программный регион». В конце 1963 года были приняты необратимые решения. В каждом регионе префект, обеспеченный соответствующим аппаратом чиновников, наделяется действенной властью в отношении префектов департаментов по всем вопросам, касающимся оснащения района и использования этого оснащения. В то же время при префекте региона создается «Комиссия регионального экономического развития», членами которой являются представители «живых сил», связанные с депутатами при подготовке любых экономических мероприятий. Это отнюдь не означает, что региональные, местнические настроения начинают преобладать в этих комиссиях, которые, хотя и находятся еще в эмбриональном состоянии, изучают реальную обстановку и современные стремления наших провинций. Местности, переживающие подъем, но испытывающие затруднения в связи с искусственным дроблением, как, например, Лотарингия, Эльзас, Нор, Па-де-Кале, Рона и Альпы, Верхняя и Нижняя Нормандия, Франш-Конте, имеют в этих комиссиях соответствующего ответственного представителя

---

31

Резиденция сената Франции. — Прим. ред.

для рассмотрения проблем и поддержки проектов, соответствующих их масштабам. Другие местности, такие, как, например, Прованс, Лангедок-Руссильон, Аквитания, Юго-Запад, бассейн Луары, Центральный район, Пикардия, Шампань, которые нуждаются в быстром экономическом развитии, видят в этих комиссиях средство для объединения разрозненных начинаний в стройный ансамбль. Наконец, другие местности, такие, как Бретань, Овернь, Лимузен, департаменты Шаранты и Пуату, Корсика, вследствие своего географического положения длительное время находившиеся в стороне от крупных событий промышленной эры и опасавшиеся своего заката, энергично и решительно ухватились за эти комиссии как условие своего обновления. Тот факт, что гений современной эпохи раздувает это подспудно тлевшее пламя, что он возрождает в наших районах порыв и соперничество, монополию на которые чрезмерная централизация приписывала столице, в этом нет ничего, что не способствовало бы усилиям, равновесию и единству нашей страны.

Впрочем, чрезмерное скопление населения в Париже породило серьезное беспокойство. С административной точки зрения департамент Сена, включающий Париж и его пригороды, является гигантом, который, несмотря на наличие 50 тыс. чиновников и многочисленных служб и учреждений, не охватывает и не обеспечивает жизнь такого колоссального скопления людей. Конечно, сама по себе столица с ее префектом полиции, с ее округами, мэриями, муниципальным советом, с переполняющим ее богатством, с характерным для нее единством внутри ее неоднократно изменявшихся рамок, с помощью, которую государство всегда щедро оказывает ей, сохраняет свое лицо, несмотря на расширение своих границ. Но большинство окружающих ее коммун, поспешно продвигающихся вперед каждая за свой счет и в зависимости от сложившихся обстоятельств, представляют собой лишь беспорядочное наложение недостатков и нужд, к которым следует добавить такие же недостатки и нужды значительного количества местностей в департаментах Сена-и-Уаза, Уаза, Сена-и-Марна, также официально связанных с парижским гигантом. В таком перенаселенном комплексе органы управления не могут ни функционировать удовлетворительно, ни обеспечить коммунальное обслуживание. Но административные трудности, осложняющие повседневную жизнь, становятся совершенно нетерпимыми для экономического развития. Строительство, дорожная сеть, школы, больницы, размещение заводов и строек, поля и леса, спортивные сооружения, транспорт и т. д. — все это требует единых планов и общих правил. Кроме того, все заставляет предвидеть, что этот комплекс, население которого увеличилось за

10 лет на 1,5 млн. человек и в настоящее время насчитывает 10 млн. человек, будет продолжать расти численно и территориально, что бы там ни делалось для возрождения провинций. Однако V Республика не желает, чтобы последующее расширение этого комплекса осуществлялось в условиях неразберихи, как это происходило прежде. На упомянутых заседаниях Совета Министров в Елисейском дворце, где были приняты меры, касающиеся организации регионов, я остановился также на тех мерах, которые полностью решают проблему парижского комплекса.

И те, и другие меры предложил министр внутренних дел Роже Фрэ. И здесь его заслуга тем более велика, что возглавляемое им ведомство не предрасположено к организационным реформам. В самом деле, с каждым столетием корпус префектов приспосабливается к существующим округам, функциям и существующим обязанностям. И не потому, конечно, что он не видит недостатков (и не без оснований!), но его опыт и сноровка приучали его приспосабливаться. И конечно, здесь не обошлось без страха перед нарушением издавна сложившегося равновесия обстановки и местной практики, а также звеньев его собственной иерархии. К тому же перспектива реального преобразования столь обширного, пропитанного рутинной и привыкшего к политическому превосходству конгломерата, каким является Париж, дает волю страстям и эмоциям во всех слоях общества и порождает в партиях, в прессе, в различных кругах бесчисленные споры, дискуссии и противодействие. Однако понимание национальных интересов, присущее Роже Фрэ, которое он показал в боях в период Сопротивления, затем в усилиях, предпринимавшихся «Объединением», и которое вдохновляет его сегодня в качестве члена правительства, настраивает его в пользу реформы. Проекты, которые он выдвинул в отношении столицы и ее окрестностей, встретили помощь и поддержку со стороны двух весьма влиятельных лиц: Раймонда Хаас-Пикара, префекта департамента Сена, толкового советчика по вопросам административной организации, и Поля Делуврие — генерального делегата округа, ревностного сторонника плана, который наметит будущее Большого Парижа в соответствии с будущим современной Франции.

После многочисленных изучений и дискуссий нужно было принимать решение. И я это сделал. По закону, принятому в 1964 году, создается Парижский регион. Он будет иметь своего префекта, ответственного за городское строительство, оснащение, оборудование, коммунальное хозяйство всего этого комплекса. Он будет иметь свои ассамблеи: Административный совет и Экономический и Социальный комитеты, причем первый будет состоять из представителей генеральных советов и мунци-

ципалитетов, второй из делегатов от профессиональных организаций. Регион будет иметь свой бюджет, поступления которого составят частично его собственные налоги, частично займы, а также государственные субсидии. Под этой эгидой появляется семь департаментов: город Париж, Верхняя Сена, Сена-Сен-Дени, Валь-д'Уаз, Валь-де-Марн, Эссонн, Ивелин, благодаря чему социальная защита и обслуживание проникают в широкую массу граждан, бывшую до этого времени компактной и удаленной. Кроме того, составляется «Генеральный план строительства и оснащения Парижского региона», который до конца столетия должен служить основой его развития и прогресса. Если раньше разрастание деятельности и населения осуществлялось концентрически, то теперь расширение будет происходить по естественным и четко разграниченным направлениям: долина Сены по течению в сторону Руана, долина Марны по течению в сторону Мо, долина Уазы в сторону Понтуаза. Вдоль этих направлений будут созданы в строгом и рациональном порядке новые городские центры. Принято и уже реализуется решение о строительстве соответствующей сети коммуникаций для этого колосса: автостроды, бульвары, радиальные пути, тоннели, региональное метро и т. д. Наконец, приняты все меры для того, чтобы обеспечить администрации закупку необходимых земельных участков и не допустить строительных работ, не предусмотренных планом.

Благодаря новой Республике страна преодолевает без особых осложнений испытания, связанные с ее преобразованием, и особенно испытания, причиненные ей угольной промышленностью, судостроительными предприятиями, репатриантами, сельским хозяйством, предприятиями общественного сектора. Именно это в известной мере является оборотной стороной медали, лицевая сторона которой показывает общую положительную эволюцию и полностью восстановленный мир. Власти действуют, не опасаясь потрясений, тогда как в другие времена им пришлось бы пережить ряд бесплодных кризисов. Они также могут приступить, в частности в области просвещения, управления, устройства территории, к проведению реформ, по поводу которых некогда шли бесконечные дискуссии, не приводившие ни к каким практическим решениям, и которые продолжались бы еще и сегодня, если бы не имелось действенной власти. К тому же все это происходит в рамках общего экономического роста, который также обусловливается благоприятной конъюнктурой, но, как это всегда бывает, сопровождается инфляцией. В условиях предыдущего режима инфляция лишней раз причинила бы серьезный ущерб Франции. Однако сейчас ее влияние будет нейтрализоваться ре-

шительными мерами, предпринимаемыми высшей инстанцией государства.

Уже в 1962 году равновесие, установленное три года тому назад, начало колебаться. Это вызывалось тремя главными причинами. Прежде всего чрезмерной привилегией, которой пользуется в мире американская валюта, с тех пор как Первая, а затем Вторая мировые войны не затронули ее, подорвав положение других валют; и только фунт стерлингов сохранил на какое-то время свои позиции. Одновременно весь мировой золотой запас сосредоточился в США. Не имея возможности поступить иначе, западные страны и страны, в той или иной степени связанные с ними, согласились тогда принять международную валютную систему, так называемую систему «золотовалютного стандарта», согласно которому доллар автоматически приравнивался к золоту. И в самом деле это было так, поскольку федеральное правительство США ограничивало эмиссию денежных знаков в зависимости от размеров своего золотого запаса и рассчитывалось со своими кредиторами по их требованию либо валютой, либо драгоценным металлом. Но огромные суммы на поддержание своей мощи, оказание внешней помощи и поддержание престижа, выделенные Вашингтоном после победы, а также просьбы о выделении фондов, поступавшие в США из всех стран, вынужденных вести восстановительные работы или стремившихся к развитию, вызвали в США в 50-х годах начало процесса резкой инфляции. Стремление к гегемонии беспрерывно толкало США к созданию номинальных капиталов, то есть к эмиссии долларов, которыми они ссужали другие страны, выплачивали ими свои долги или оплачивали свои закупки, причем выпуск долларов отнюдь не покрывался резервами реальных ценностей. Кроме того, США пользовались достаточным политическим и экономическим влиянием, чтобы Международный валютный фонд, призванный с времен Бреттон-Вудса<sup>32</sup> следить за равновесием, не потребовал его сохранения и чтобы значительное число государств, имеющих с США положительный платежный баланс, согласилось на погашение сальдо билетами и бонами Федерального банка, а не золотом. В самой Франции избыток долларов, которые США, пользуясь «золотовалютным стандартом», ввозили либо для приобретения доли в предприятиях некоторых отраслей нашей промышленности, либо для открытия в наших банках кредитов, предназначенных

*Бреттон-Вудс* — город в США, где в 1944 году состоялась международная валютно-финансовая конференция, на которой была принята система «золотовалютного стандарта», установившая господствующее положение доллара путем приравнивания его к золоту. — *Прим. ред.*

для закупки оборудования, оказывал давление на нашу денежную систему. Поскольку эти иностранные вложения свободно конвертировались на месте во франки, фактически имело место искусственное увеличение нашей денежной массы.

Другой причиной беспокойства явился фактический дефицит, образовавшийся в нашем бюджете. По правде говоря, доклад Комиссии Рюэфа<sup>33</sup> и вытекающий из него строгий план допускают появление некоторого «тупика», который считался нормальным в предвидении увеличения ресурсов государства и который с каждым годом покрывался краткосрочными и среднесрочными кредитами. Кроме того, в течение примерно трех лет обычные доходы были столь значительными, что «тупик» не достигал пределов, допускаемых бюджетом. Но в 1962 году эта тенденция нарушилась в результате крупных расходов для оказания помощи репатриантам из Африки. Помимо этого, превышение в частном секторе уровня заработной платы, установленного IV планом, вынудило государство волей-неволей сделать то же самое на предприятиях общественного сектора. Даже на государственных заводах Рено, к удивлению министра промышленности, было решено увеличить на одну неделю оплачиваемый отпуск рабочих и служащих, что, подобно инфекционной болезни, распространилось на другие отрасли промышленности и привело к общему сокращению рабочего времени при сохранении уровня заработной платы. Наконец, в программах оснащения, принятых для национального образования, исследовательских работ, строительства жилищ, вооружений, здравоохранения и т. д., как будто какой-то таинственный подстрекатель ускорял процесс принятия решений администрацией и проведение соответствующих работ подрядчиками, и вместе с тем пропорционально ускорялись темпы финансирования по сравнению с предусмотренными ранее. Множество маленьких ручейков, вытекая из слабых источников дефицита, образовали в конечном счете целую реку. И конечно, министерство на улице Риволи<sup>34</sup> без всякого труда вышло из положения за счет массового выпуска бонов казначейства. Но это означало приближение опасной напряженности.

---

33

*Жак Рюэфф* — известный французский экономист, возглавивший в 1958 году (после возвращения де Голля к власти) специальную комиссию, созданную для разработки крупных валютно-финансовых реформ с целью стабилизации франка и подготовки страны к вступлению в Общий рынок. — *Прим. ред.*

34

Министерство экономики и финансов. — *Прим. ред.*

Помимо всего этого, психология, которая непосредственно связана с современным ростом и которая могла бы однажды нарушить его, подобно тому как оптимизм здоровых людей порой приводит их к злоупотреблению своим здоровьем, вызывает в экономике зуд инфляции. Чем лучше идут дела, тем больше все кажется легкодостижимым и каждый рассчитывает на будущее больше, чем нужно. Что касается предприятий, то они не колеблясь прибегали к крупным кредитам, проявляя чрезмерную щедрость в области заработной платы и окладов, допуская даже расходы на роскошь. Среди профсоюзов усилилась тенденция требовать увеличения заработной платы, причем этот вопрос почти не обсуждался, однако заслугу положительных решений профсоюзы припишут себе. Администрация смягчила строгости, касающиеся вознаграждения, производства работ и рынков. Среди населения большим успехом пользовалась система покупок в кредит. Коротче говоря, какой-то своего рода всеобщий импульс невидимо способствовал превышению расходов над доходами. Отсюда чрезмерное увеличение платежных средств по сравнению с тем, что производилось, постоянное повышение цен, скрытое ухудшение торгового баланса.

Летом 1963 года, когда валовой национальный продукт за год возрос на 5,8%, общая денежная масса (банкноты, бонны казначейства, банковские вклады, почтовые переводы) увеличилась со 123 до 142 млрд. франков, уровень заработной платы повысился примерно на 10%, а индекс цен поднялся на 6%, объем экспорта возрос на 11,5%, а импорт на 23%. Если бы продолжалось это нарушение экономического равновесия, то франк вскоре оказался бы под угрозой.

Впрочем, я должен признать, что вопрос о неизменности стоимости франка волновал немногих. В частности, в кругах, занимающихся деятельностью в национальном масштабе, конечно, при случае высказывают уважение к принципам, но охотно используют выгоды, связанные с появлением инфляции. Промышленность ценит ритм своей деятельности, пусть даже несколько болезненный. Профсоюзы видят в росте цен причину для повышения заработной платы, сколь бы неприятной ни была «спираль». И даже государственное казначейство на какой-то момент чувствует облегчение в отношении размеров своей задолженности. Но эйфория, вызванная применением инфляции, этого наркотика, только временно скрывает эрозию организма, то есть ущерб, причиненный нашей валютной системе. А ведь по прочности этой системы в мире судят о состоянии и эффективности экономики страны, от чего в свою очередь зависят состояние и эффективность ее политики. Внутри страны эта прочность является суще-

ственным условием соблюдения честности в деловых связях, умеренности в желаниях, устойчивости судебных, общественного и морального порядка. Эта прочность является для государства, на монетах которого изображается король, император или республика, свидетельством его способности, правомерности власти, которую оно осуществляет, и доверия, которое оно требует, аргументом, необходимым государству для того, чтобы требовать от нации усилий, заставить пойти на жертвы и пресечь злоупотребления. В данном случае я, как это было раньше и будет впредь, всегда полон решимости сохранить тот курс франка, какой я установил, когда взял на себя миссию возродить Францию.

Необходимые для этого средства были известны. Оставалось лишь применить их. Весной 1963 года я призвал к этому правительство. Затем, в августе того же года, констатируя, что решимость ослабевает, я приказал форсировать ход событий. Несомненно, что Жорж Помпиду казался менее, чем я, убежденным в первостепенном значении стабильности франка как с точки зрения национальной, так и международной и был озабочен главным образом тем, чтобы ничто не сорвало процесс начавшегося роста. Конечно, Валери Жискар д'Эстен, молодой министр экономики и финансов, который осуждает инфляцию во имя принципов Инспекции<sup>35</sup> и на которого в первую очередь падает ответственность за выполнение решений, оказался не очень-то рад тому, что его задача обеспечения общих интересов требует суровости в отношении частных интересов. Однако и тот и другой безоговорочно выполняли мои решения, считая их своими. 12 сентября 1963 года «План стабилизации», составленный во время наших встреч с участием высокопоставленных представителей заинтересованных сторон, был принят в Совете Министров и сразу же начал выполняться. Бюджетная экономия, сокращение кредитов, замораживание цен — таково было главное поле деятельности правительства, где развернулись таланты премьер-министра и главного казначея. Кроме того, Французскому банку было дано указание потребовать от американцев, чтобы они постепенно погасили свою задолженность нам по платежному балансу на 80% золотом.

В конце года после нескольких скачков был достигнут определенный результат. В самом деле, увеличение денежной массы сократилось с 20 до 13 млрд. франков. Уровень оптовых цен

---

35

Имеется в виду Финансовая инспекция — орган, подчиненный министру экономики и финансов и осуществляющий функции контроля за соблюдением финансовой дисциплины во всех государственных ведомствах, учреждениях и предприятиях. — *Прим. ред.*

вновь стал таким, каким он был 12 месяцев назад. Уровень розничных цен поднялся всего лишь на 2,5%. Торговый баланс снова стал активным. Несмотря на мрачные прогнозы целой капеллы Кассандр, экономический рост, чуть замедлившийся в ходе выполнения упомянутого плана, возобновился с прежней силой. Что касается слабых симптомов безработицы, появлявшихся в разных местах, то они вскоре исчезли. Помимо этого, начал функционировать «Национальный фонд занятости», созданный по закону 1963 года. Итак, во второй раз новая Республика привела в порядок свою экономику, отнюдь не прерывая при этом своего марша к процветанию. Правда, мало голосов раздается в пользу признания общей выгоды проведенной операции, и в то же время многие выражают упреки и жалобы, порожденные частичными и скоротечными забастовками. Но как мог я не знать, что все, что благотворно для нации, не проходит без упреков со стороны общественности и без потерь на выборах?

## ПРИЛОЖЕНИЕ

Ниже приводится письмо генерала де Голля от 30 мая 1970 года, адресованное Пьер-Луи Блану, которому автор поручил подобрать документы, необходимые для подготовки к изданию «Мемуаров надежд», две первые главы которых были полностью подготовлены и составляют содержание настоящей части.

В письме содержится план этой книги. Позднее автор уточнит, что в последней главе он собирался напомнить о великих деятелях, вошедших в историю Франции.

*Генерал де Голль*

*30 мая 1970 года*

*Мой дорогой друг!*

*Для «Усилий» я планирую написать семь глав.*

*Две главы будут «политическими» и посвящены главным образом: одна — референдуму, проведенному в октябре 1962 года (формирование правительства Помпиду, вотум недоверия, роспуск<sup>36</sup>, сам референдум, выборы<sup>37</sup>, другая — переизбранию<sup>38</sup> в декабре 1965 года (генеральное наступление партий и т. д.).*

*Две главы будут посвящены экономическим и социальным вопросам. Я хочу описать в них: трудности (например, забастовку шахтеров в 1963 году; стабилизацию; сельскохозяйственные дела и т. д.) и успехи (развитие — с привлечением цифровых данных — промышленности, сельского хозяйства, торговли, школьного обучения, ведущих отраслей промышленности, связи и т. д.).*

*В двух главах будут освещены иностранные дела: драматические события (кубинский кризис, противодействие вступлению Англии в Общий рынок, убийство Кеннеди, Вьетнам, выборы в Англии, уход Аденауэра и др.), акции (франко-германское согла-*

---

36

Национального Собрания. — Прим. ред.

37

В Национальное Собрание. — Прим. ред.

38

Речь идет о вторичном избрании генерала де Голля президентом Франции. — Прим. ред.

*шение, жесткость нашей позиции в Брюсселе<sup>39</sup>, наше отдаление от НАТО, наша позиция в валютном вопросе, наше признание Пекина и др.), визиты (мои зарубежные поездки, визиты во Францию иностранных деятелей, которых я принимал).*

*Одна глава будет носить «философский» характер, где я изложу мою оценку положения Франции, Европы и обстановки во всем мире.*

*Вышеизложенное будет служить вам ориентировкой при подборе документов.*

*Будьте уверены, мой дорогой Блан, в моей искренней дружбе.*

*Ш. де Голль*

## СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ . . . . .	5
<i>ОБНОВЛЕНИЕ. 1958—1962</i> . . . . .	9
ИНСТИТУТЫ ФРАНЦУЗСКОГО ГОСУДАРСТВА . . . . .	9
ЗАМОРСКИЕ ТЕРРИТОРИИ . . . . .	39
АЛЖИР . . . . .	80
ЭКОНОМИКА . . . . .	122
ЕВРОПА . . . . .	151
МИРОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ . . . . .	183
ГЛАВА ГОСУДАРСТВА . . . . .	245
<i>УСИЛИЯ. 1962</i> . . . . .	273
ГЛАВА ПЕРВАЯ . . . . .	273
ГЛАВА II . . . . .	302
Приложение . . . . .	337

**Шарль де Голль**  
**МЕМУАРЫ НАДЕЖД**

Технический редактор: *В.В. Ничипорук*  
Корректоры: *В.В. Евтюхина, О.Е. Косова*

ИБ № 20252

ЛР № 060775 от 07.03.97

Подписано в печать 28.04.2000. Формат 60х90/16.  
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.  
Усл. печ. л. 21,25. Уч.-изд. л. 20,45. Тираж 1000 экз.  
Заказ № 38. Изд. № 49862

ОАО Издательская группа «Прогресс»  
119847, Москва, Зубовский бульвар, 17

ОАО Издательская группа «Прогресс»  
Отпечатано в цехе оперативной полиграфии  
119847, Москва, Зубовский бульвар, 17

Шарль де Голль МЕМУАРЫ НАДЕЖД



ISBN 5-01-004679-2



9 785010 046798